

ISSN 2308-877X

ученые записки

**Забайкальского
государственного
университета**

2013/4(51)

серия
Философия, культурология,
социология, социальная работа

Учёные записки

Забайкальского государственного
университета

Серия
Философия, культурология, социология,
социальная работа
2013/4 (51)

Научный журнал

Основан в 1957 г.

Выходит шесть раз в год

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Забайкальский
государственный университет»

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77–54257 от 24.05.2013

Журнал входит

в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней
доктора и кандидата наук

Авторы несут полную ответственность
за подбор и изложение фактов, содержащихся
в статьях; высказываемые ими взгляды
могут не отражать точку зрения редакции

Перепечатка материалов журнала
допускается только по согласованию
с редакцией

Рукописи, присланные в журнал,
не возвращаются

Адрес редакции:

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35–24–79,
факс: 8 (3022) 26–73–17
E-mail: gumvector@zabspu.ru

Сайт журнала в Интернете

<http://www.uchzap.ru>

Подписной индекс журнала
в ОАО «Роспечать» **33190**

Электронная версия журнала размещена на
платформе Российской универсальной научной
электронной библиотеки – www.elibraru.ru

© Забайкальский государственный
университет, 2013

Редакционный совет:

П. С. Атаманчук, д-р пед. наук, проф., акад. АН ВО Украины, Каменец-Подольский национальный университет им. Ивана Огиенка (Каменец-Подольский, Украина); *Б. В. Базаров*, д-р ист. наук, проф., член-кор. Российской академии наук, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, председатель президиума Бурятского научного центра СО РАН (Улан-Удэ, Россия); *Андре Буржо*, д-р социал. наук, акад., Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция); *В. П. Горлачёв*, д-р пед. наук, проф., Забайкальский государственный университет (Чита, Россия); *Б. Жадамба*, акад., Монгольский государственный университет образования (Улан-Батор, Монголия); *В. К. Зубарева*, д-р филол. наук, проф., Пенсильванский университет (Филадельфия, США); *В. А. Ильин*, д-р физ.-мат. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); *М. В. Константинов*, д-р ист. наук, проф., Забайкальский государственный университет (Чита, Россия); *Кэйдзи Идэ*, заместитель главы миссии, министр Посольства Японии в Российской Федерации (Япония); *Масами Изухо*, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония); *В. В. Мазалов*, д-р физ.-мат. наук, проф., Институт прикладных математических исследований Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Россия); *Г. Ц. Пюрбеев*, д-р филол. наук, проф., академик РАЕН, Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия); *Ли Чуаньсюн*, проф. (Харбин, КНР); *Чжен Шулу*, д-р филол. наук, проф. (Харбин, КНР); *В. Д. Шадриков*, д-р психол. наук, проф., акад. Российской академии образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Редакционная коллегия серии:

М. Б. Лига (выпускающий редактор), д-р социол. наук, проф. (Чита, Россия);
Е. В. Артюшенкова, канд. социол. наук, доц. (Чита, Россия);
М. И. Гомбоева, д-р культурологии, проф. (Чита, Россия);
Л. Г. Гусякова, д-р социол. наук, проф. (Горно-Алтайск, Россия);
Е. Ю. Захарова, д-р филос. наук, доц. (Чита, Россия);
С. З. Кимова, канд. пед. наук, доц. (Чита, Россия);
Д. В. Сергеев, канд. культурологии, доц. (Чита, Россия)

Главный редактор объединённой редакции

И. В. Ерофеева,
д-р филол. наук, доц., e-mail: irina-jour@yandex.ru

Ответственный секретарь объединённой редакции

Е. В. Седина,
канд. культурологии, e-mail: elvsed@mail.ru

Uchenye zapiski

of Transbaikal State University

Series

Philosophy, Cultural Studies, Sociology,
Social Work

2013/ 4(51)

Scientific Journal

Founded in 1957

Bimonthly

Founder

FSBEI HPE "Transbaikal State University"

The journal is registered

by the Federal Supervision Service in the Field of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС77-54257 of 24.05.2013

The journal

is in the list of the leading refereed scientific and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them do not necessarily reflect the views of the editorial board

Reproduction of any materials from the journal is allowed only in coordination with the editorial board

The manuscripts submitted to the journal are not returned

Address:

672007, Chita, 129 Babushkin St.

Phone: 8 (3022) 35-24-79,

Fax: 8 (3022) 26-73-17.

E-mail: gumvector@zabspu.ru

Journal web site

<http://www.uchzap.ru>

Subscription index

of the journal
in OAO "Rospechat" 33190

The electronic version of the journal is placed on the platform of the Russian Universal Scientific Electronic Library: www.elibraru.ru

© Transbaikal State University, 2013

Editorial Board:

P. S. Atamanchuk, Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Academy of Sciences and Higher Education of Ukraine, Ivan OgienkoKamenets-Podolsky National University (Kamenets-Podolsky, Ukraine); *B. V. Bazarov*, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of the Buryat Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia); *Andre Bourget*, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France); *V. P. Gorlachev*, Doctor of Pedagogy, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia); *B. Zhadambaa*, Academician, Mongolian State University of Education (Ulan Bator, Mongolia); *V. K. Zubareva*, Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA); *V. A. Il'in*, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); *M. V. Konstantinov*, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia); *Keiji Ide*, Deputy Head of Mission, Minister of the Embassy of Japan in the Russian Federation (Japan); *Masami Izuho*, Associate Professor, Tokyo Capital University (Tokyo, Japan); *V. V. Mazalov*, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Institute of Applied Mathematical Research, Karelian Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia); *G. Ts. Pyurbeev*, Doctor of Philology, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); *Li Chuangxiang*, Professor (Harbin, People's Republic of China); *Zhen Shupu*, Doctor of Philology, Professor (Harbin, People's Republic of China); *V. D. Shadrikov*, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia); *T. F. Kuznetsova*, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the International Academy of Sciences (IAS, Innsbruck, Austria), Academician of the International Academy of Pedagogic Education Sciences, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

Series Editorial Committee:

Managing editor *M. B. Liga* (Chita, Russia); *E. V. Artyushenkova*, Candidate of Sociology, Associate Professor (Chita, Russia); *M. I. Gomboeva*, Doctor of Culturology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia); *L. G. Guslyakova*, Doctor of Sociology, Professor, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia); *E. Yu. Zakharova*, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia); *S. Z. Kimova*, Candidate of Pedagogics, Associate Professor (Chita, Russia); *D. V. Sergeev*, Candidate of Culturology, Associate Professor (Chita, Russia)

Editor-in-chief of the Unified Editorial Board

I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor,
e-mail: irina-jour@yandex.ru

Executive Secretary of the Unified Editorial Board

E. B. Sedina, Candidate of Culturology, e-mail: elvsed@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ	7
<i>Бакланов П. Я., Романов М. Т.</i> Стратегия развития Приморского региона: от прошлого к будущему	7
<i>Дугарова Д. Ц.</i> Управление ресурсами знаний в образовательном кластере повышения квалификации профессорско-преподавательского состава	24
<i>Дугарова Д. Ц., Пурбуев Н. П.</i> Модели сетевой распределённой системы повышения квалификации экспертов сферы образования (зарубежный опыт)	31
<i>Григорьев С. И.</i> Виталистская социология быдлоизации – основа научного обеспечения преодоления кризисного развития современного российского общества	39
<i>Жаназарова З. Ж.</i> Положение беспризорников в современном обществе: социологический портрет	46
<i>Зарубин В. Г., Начкин А. И.</i> Эффективный контракт научно-педагогических работников: нормативное и ценностное измерение	50
<i>Крылатов С. А.</i> Культура здорового образа жизни	56
<i>Кузьмин А. И.</i> Социально-экономические факторы рождаемости в свете концепции демографического перехода	62
<i>Ованесян С. С., Ломако В. Е., Черхарова Н. И.</i> Применение мотивационного подхода к оценке экономического потенциала Забайкальского края	70
<i>Мартьянов Д. С.</i> Виртуальные идеологии и кризис идеологий в информационном обществе	77
<i>Мартьянова Н. А.</i> Социологические модели концептуализации феномена профессии	84
<i>Михайлова А. И.</i> Осмысление феномена одиночества как социального явления	90
<i>Нифантова Р. В.</i> Репродуктивные технологии в решении проблем бесплодия как социальные инновации в системе здравоохранения	96
<i>Нурбекова Ж. А.</i> Теоретические предпосылки социологического анализа женского предпринимательства	101
<i>Юдина Т. Н.</i> Региональная социальная сплочённость как показатель качества жизни россиян: социологическое измерение	107
ФИЛОСОФИЯ	117
<i>Захарова Е. Ю.</i> Теория экологически ориентированного антропоцентризма	117
<i>Лукьянова Н. А.</i> Символический капитал власти в технологиях конструирования национальной идентичности	122
<i>Мацына А. И.</i> Классификация концепций метафизики смерти	128
<i>Морозова В. С.</i> Потенциал региональных культур Забайкальского края РФ и Северо-Восточного региона КНР как ресурс соразвития приграничных территорий	135
<i>Риккер Ю. О.</i> Основные подходы к исследованию понятия «гендерная идентичность» в истории науки	142
<i>Хоу Линь, Стремитская А. А.</i> Даосизм как фактор гармонизации современного китайского общества	148
<i>Ярцев Р. А.</i> Научное исследование: «суд разума» или «эволюционный отбор»?	153
СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА	159
<i>Дамбаева Б. Б., Кимова С. З.</i> Взаимодействие семьи и образовательного учреждения как механизм обеспечения социальной безопасности детей в современных социокультурных условиях	159

<i>Гусяткова Л. Г.</i> Виталисткая модель социальной работы как основа интеграции лиц с ограниченными возможностями в общество	165
<i>Лига М. Б.</i> Социальная безопасность и качество жизни: концептуальный анализ	170
<i>Щеткина И. А.</i> Качество жизни как показатель социального развития региона	178
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	184
<i>Гомбоева М. И., Замошникова Н. Н., Го Синь.</i> Культурное наследие и социокультурные факторы, влияющие на процесс модернизации профессионального образования Китая . . .	184
<i>Гомбоева М. И., Замошникова Н. Н.</i> Методики измерения эффективности научно-исследовательской деятельности в вузе и их функциональная определённость в системе обеспечения внутренних гарантий качества	195
<i>Николаева Л. Ю.</i> Художественный феномен пластики Даши Намдакова	203
<i>Ван Пин.</i> Влияние русской художественной школы на развитие китайской традиции живописи маслом	207
<i>Го Синь.</i> Социокультурные факторы, определяющие статус профессионального образования в Китае	215
<i>Жанаев А. Т.</i> Особенности концептуальной структуры бурятского этнического сознания: субстанциональность и релятивизм как характеристики культуры	222
<i>Иванова Ю. В., Яковлева Н. Ф.</i> Традиционная живопись в современной культуре Китая . . .	228
<i>Ляшенко Е. С.</i> Соотношение глобального и национального в российском веб-дизайне	238
<i>Сергеев Д. В.</i> Социокультурный контекст исследований социальной безопасности современной России: дискурс-анализ работ современных российских исследователей	246
<i>Багаев Ю. Д., Бекишева А. В., Кузьмина М. Ю., Ляшенко Е. С.</i> Современная художественная культура России: новизна визуализации	252
<i>Новиков А. Н., Сундуева Д. Б., Бернюкевич Т. В., Гомбоева М. И.</i> Ассимиляционные процессы и стратегии позиционирования культурной идентичности субэтнических групп Байкальского региона в условиях трансграничья	259

CONTENTS

SOCIOLOGY	7
<i>Baklanov P. Ya., Romanov M. T.</i> Development Strategy of Primorsky Region: from the Past to the Future	7
<i>Dugarova D. Ts.</i> Knowledge Resource Control in the Educational Cluster of the Teaching Staff Advanced Training	24
<i>Dugarova D. Ts., Purbuyev N. P.</i> Models of Network Distributed Career Development System of Experts in the Sphere of Education (International Practices).	31
<i>Grigor'ev S. I.</i> Vitalist Sociology of Bydloizatsiya as the Basis of Scientific Support for Overcoming the Crisis in Contemporary Russian Society	39
<i>Zhanazarova Z. Zh.</i> The Situation with Homeless Children in Contemporary Society: a Sociological Portrait.	46
<i>Zarubin V. G., Natkin A. I.</i> Effective Contract of Scientific and Pedagogical Staff: Normative and Value Dimension	50
<i>Krylatov S. A.</i> Culture of Healthy Lifestyle	56
<i>Kuz'min A. I.</i> Socio-Economic Factors of Fertility in Light of the Concept of Demographic Transition	62
<i>Ovanesyanyan S. S., Lomako V. E., Cherkharova N. I.</i> The Use of Motivational Approach in Assessment of the Economic Potential of Zabaikalsky Krai	70
<i>Mart'yanov D. S.</i> Virtual Ideologies and Crisis of Ideologies in Information Society	77
<i>Mart'yanova N. A.</i> Sociological Models of Profession Phenomenon Conceptualization	84
<i>Mikhailova A. I.</i> Comprehension of Loneliness Phenomenon as a Social Phenomenon.	90
<i>Nifantova R. V.</i> Reproductive Technologies in Solution of Infertility Problems as Social Innovations in Health Care System	96
<i>Nurbekova Zh. A.</i> Theoretical Prerequisites of the Sociological Analysis of Women's Entrepreneurship	101
<i>Yudina T. N.</i> Regional Social Cohesion as an Indicator of Quality of Life in Russia: a Sociological Dimension	107
PHILOSOPHY	117
<i>Zakharova E. Yu.</i> Theory of Ecologically Focused Anthropocentrism	117
<i>Luk'yanova N. A.</i> Symbolic Capital of Power in Technologies of Constructing National Identity	122
<i>Matsyna A. I.</i> Classification of the Death Metaphysics Concepts	128
<i>Morozova V. S.</i> Regional Cultures Potential of Zabaikalsky Krai (Russia) and Dongbei (China) as a Resource for Border Areas Co-development	135
<i>Rikker Yu. O.</i> The Main Approaches to the Study of the Concept of 'Gender Identity' in Science History	142
<i>Hou Lin, Stremitskaya A. A.</i> Taoism as a Harmonization Factor of Contemporary Chinese society	148
<i>Yartsev R. A.</i> Scientific Research: "the Court of Reason" or "Evolutionary Selection"?	153
SOCIAL WORK	159
<i>Dambayeva B. B., Kimova S. Z.</i> Interaction between Family and Educational Institution as a Mechanism to Ensure Social Security of Children in Contemporary Sociocultural Conditions	159

Guslyakova L. G. Vitalist Model of Social Work as a Basis for Integration of Persons with Disabilities into Society	165
Liga M. B. Social Security and Quality of Life: Conceptual Analysis.	170
Shchetkina I. A. Quality of Life as Indicator of Social Development of the Region	178

CULTURAL STUDIES 184

Gomboeva M. I., Zamoshnikova N. N., Guo Sin Cultural Heritage and Socio-Cultural Factors of the Problem of Vocational Education Modernization in China	184
Gomboeva M. I., Zamoshnikova N. N. Techniques of Measurement of Research Activity Efficiency in Higher Education Institution and their Functional Definiteness in System of Internal Quality Assurance Providing	195
Nikolaeva L. Yu. The Artistic Phenomenon of Dashi Namdakov's Plastic Art.	203
Wang Ping. Influence of the Russian Art School on Development of the Chinese Tradition of Oil Painting	207
Guo Xin The Socio-Cultural Factors Defining the Status of Vocational Education in China	215
Zhanaev A. T. Some Features of the Buryat Traditional Conceptual Cosmology: Substantiality and Relativism as Characteristics of Culture.	222
Ivanova Yu. V., Yakovleva N. F. Traditional Chinese Painting in Modern Culture of China	228
Lyashenko E. S. Ratio of Global and National Characteristics in Russian Web Design	238
Sergeev D. V. Sociocultural Context of Researches of Social Safety in Modern Russia: Discourse Analysis of Modern Russian Researchers' Works	246
Bagauv Yu. D., Bekisheva A. V., Kuz'mina M. Yu., Lyashenko E. S. Modern Russian Art Culture: Novelty of Visualization	252
Novikov A. N., Sundueva D. B., Bernyukevich T. V., Gomboeva M. I. Assimilation Processes and Positioning Strategies of Cultural Identity of Subethnic Groups of the Baikal Region in Transborderland Conditions.	260

СОЦИОЛОГИЯ SOCIOLOGY

УДК 332.146.2:502.7

ББК У04

Петр Яковлевич Бакланов

*доктор географических наук, профессор, академик Российской академии наук,
директор, Тихоокеанский институт географии
Дальневосточного отделения Российской академии наук
(Владивосток, Россия), e-mail: geogr@tig.dvo.ru*

Матвей Тихонович Романов

*доктор географических наук, заведующий лабораторией,
Тихоокеанский институт географии
Дальневосточного отделения Российской академии наук
(Владивосток, Россия), e-mail: romanov@tig.dvo.ru*

Стратегия развития Приморского региона: от прошлого к будущему¹

На основе анализа долговременных факторов развития и ретроспективного анализа стратегий развития региона в предыдущие исторические периоды даётся авторское представление о «Стратегии развития Приморского края до 2050 г.». Обосновывается, что в сложных геополитических условиях Приморскому краю как стратегически важному региону вновь нужны масштабные преобразования и ускоренные темпы развития, аналогичные, например, периоду индустриализации, нужна амбициозная долговременная стратегия «Тихоокеанская Россия–2050». Новая парадигма развития Приморского края в рамках стратегии «Тихоокеанская Россия–2050» и сегодня может быть связана с очередной технической, технологической модернизацией, как в период индустриализации, и опережающим развитием экономических центров в контактных зонах, а также широкое использование её значительных природно-ресурсных возможностей. При этом, техническая, технологическая модернизация на современном этапе должна быть связана с широким внедрением в практику инновационных технологий. Одним из основных «движителей» регионального развития, наряду с геополитическими и ресурсными предпосылками, на новом этапе должен стать «человеческий фактор» и связанные с ним «высокие технологии».

Ключевые слова: Приморский регион, факторы развития, стратегия развития, модернизация, инновационные технологии.

Petr Yakovlevich Baklanov

*Doctor of Geography, Professor, Academician, Russian Academy of Sciences,
Director of the Pacific Institute of Geography,
Far East Branch, Russian Academy of Sciences
(Vladivostok, Russia), e-mail: geogr@tig.dvo.ru*

Matvey Tikhonovich Romanov

*Doctor of Geography, Head of Laboratory,
Pacific Institute of Geography,
Far East Branch, Russian Academy of Sciences
(Vladivostok, Russia), e-mail: mavr@tig.dvo.ru*

Development Strategy of Primorsky Region: from the Past to the Future

Based on the analysis of long-term factors for development and on retrospective analysis of the strategies for the region's development in previous historical periods, the authors share their vision on the Development Strategy of Primorsky krai until 2050. It is substantiated that under complex geo-

¹ Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН №31.

litical conditions, Primorsky krai as a strategically meaningful region requires large-scale transformations and accelerated pace of development again, similar to the period of industrialization as an example. It needs an ambitious long-term strategy that can be titled like “Pacific Russia–2050”. A new paradigm of Primorsky krai development in the framework of the “Pacific Russia–2050” strategy nowadays may be associated with additional technical and technological modernization as it was in the period of industrialization, and with advancing development of economic centers in the contact zones coupled with intensive use of its considerable natural resource opportunities. At the same time, technical and technological modernization at the present stage should be tied with overall implementation of innovative technologies. The “human factor” and “high technologies” related to it, along with favorable geo-political and resource preconditions, should become the main “drivers” for the regional development at the new stage.

Keywords: Primorsky Region, development factors, development strategy, modernization, innovative technologies.

При разработке долгосрочной стратегии развития любого региона важным является учёт принципиальных особенностей, относящихся к данному региону и времени и выступающих долгосрочными факторами развития. В их числе:

- специфические географические особенности, в т. ч. географическое положение;
- особенности геополитического положения;
- особенности политико-экономических условий в стране и мире в данный период времени.

В числе таких принципиальных особенностей Приморского края, фактически являющихся объективными факторами его долгосрочного развития (или его конкурентными преимуществами и недостатками), следует отметить следующие:

- край соседствует с крупнейшими и крупными странами мира, с которыми возможны как активные противостояния, так и активное экономическое, научно-техническое, гуманитарное и пр. сотрудничество;
- это приокеанический (приморский) регион, выходящий протяжённой береговой линией к побережью;
- регион со значительным ресурсным потенциалом (земель, недр, лесов, вод суши и морей);
- новый регион, история российского хозяйственного освоения которого насчитывает лишь 150 лет;
- значительная дифференцированность природно-климатических условий и, обусловленная в значительной мере этим, неоднородность, полярность в уровне развитости территориально-хозяйственных структур.

В связи с изменениями политико-экономической ситуации в этом регионе мира и в

стране в ходе исторического развития «весомость» этих принципиальных особенностей неизбежно менялась. Поэтому правомерно допустить, что соответственно менялась и их значимость как факторов долгосрочного развития. Ретроспективный анализ развития Приморского края показывает, что в силу изменявшейся политико-экономической обстановки в стране и мире в предыдущие периоды и стоящих перед страной в соответствующий период политических и экономических задач, уровня экономического и технического развития, а также, естественно, в силу субъективных факторов, стратегии неоднократно менялись. Однако в основе всех предыдущих стратегий рассматриваемого региона лежали эти вышеупомянутые долговременные факторы развития, прежде всего, его уникальное геополитическое и приокеаническое положение.

Стратегия развития Приморского региона в досоветский период.

В развитии территорий, называемых в настоящее время Приморским краем, в досоветский период в целом адекватно выделяется несколько этапов – в связи с быстро и агрессивно меняющейся геополитической ситуацией в этом регионе мира [3]. Однако, обобщая весь досоветский период, можно сказать, что в течение всего этого периода позиция российского государства в отношении рассматриваемого Приморского региона в целом оставалась неизменной – это укрепление геополитического положения России в Азиатско-Тихоокеанском регионе в весьма сложных условиях на основе настойчивого наращивания здесь военного, экономического и демографического потенциалов. Менялись лишь, как отмечает В. Г. Шведов, территориальные императивы, вслед за меняющимися геополитическими

отношениями с сопредельными и другими, имеющими здесь геополитические интересы, странами [3].

В целом стратегию развития территорий в пределах нынешнего Приморского края в этот период можно рассматривать как стратегию экономического и демографического решения актуальной геополитической задачи улучшения позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе мира на основе целенаправленного формирования здесь многофункциональной территории. Данная стратегия предусматривала создание

здесь региона-форпоста России на Тихом океане и обеспечивающих эти функции структур, прежде всего: базы военно-морского флота, продовольственного, топливно-энергетического, судостроительного комплексов, транспортных коммуникаций. Здесь в этот период шло активное сельскохозяйственное освоение, формирование сети городских поселений как опорных промышленных центров. Как видно из рис. 1, именно на этот период приходится наиболее длинные и высокие «волны» в образовании новых населённых пунктов на территории Приморского края.

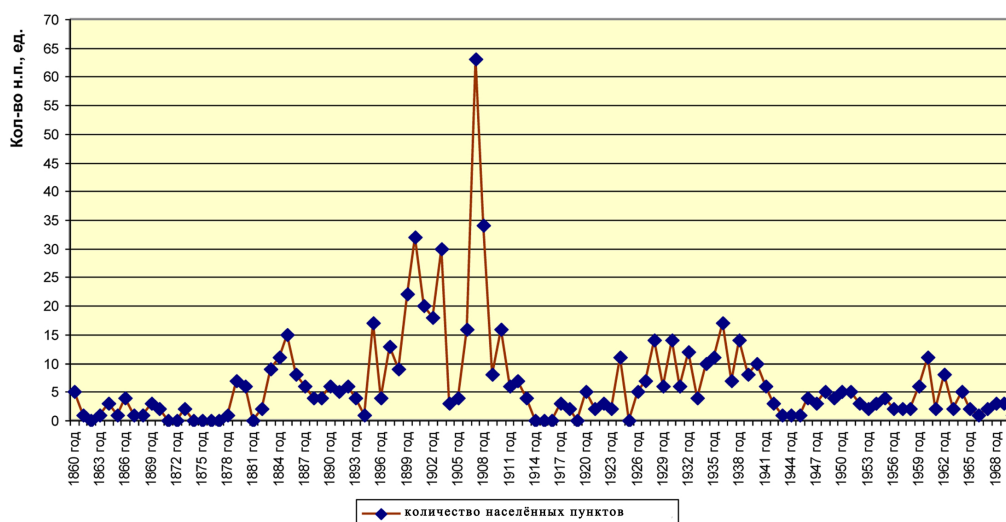

Рис. 1. Образование новых населённых пунктов в Приморском крае с начала его русского заселения по настоящее время (составлено М. Т. Романовым и Н. В. Бучневой) [12]

Стратегия развития Приморского края в советский период. Несмотря на различия в политическом устройстве страны в досоветский и советский периоды, позиция государства в вопросах развития Приморского края во многом оставалась неизменной – регион оставался форпостом России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и развитие хозяйства и населения здесь напрямую было связано с выполнением этой основной функции. Поэтому можно отметить, что в предыдущий советский период активное хозяйственное освоение и заселение Приморского края, настойчивое наращивание его экономического и демографического потенциала, поддержание экономической активности на территории, по сути, рассматривались как государственная стратегия в целях обеспечения национальной безопасности.

В этих целях, как отмечается авторами «Стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2025 года» (Фонд «Центр стратегических разработок «Северо-

Запад»», г. Санкт-Петербург), государством применялись следующие весьма эффективные механизмы, направленные на поддержание активного развития Приморского региона [15]:

- механизмы компенсации удалённости края от центральных регионов страны (тарифное регулирование, поясные ценовые коэффициенты);
- механизм государственных централизованных инвестиций;
- механизм формирования миграционно-го притока на территорию.

Следует отметить, что в советский период (как и в предыдущий ему царский) предпринимались значительные усилия по форсированному освоению и заселению Приморского края, как и в целом Сибири и Дальнего Востока [5; 14; 15].

Наибольшие успехи были достигнуты в период первых пятилеток и во время войны, отчасти благодаря эвакуации производства на Восток. Это наглядно видно по показателю

роста населения. Так, с 1926 по 1959 гг. население Западной Сибири выросло в 1,5 раза, Восточной Сибири – в 2 раза, а Дальнего Востока – даже в 3 раза (рис. 2), тогда как население Российской Федерации в целом за это время прибавилось чуть больше, чем на четверть (27 %) [5]. В последующем рост населения в Сибири замедлился, стал неустойчивым. За 1959–1989 гг. население Западной Сибири увеличилось на 1/3, Восточной – на 42 %, по

сравнению с 25 % по России в целом. Только Дальний Восток продолжал быстро и довольно равномерно наращивать демографический потенциал, увеличив своё население за 1960–1980-е гг. на 64 %. В Приморском крае население за эти годы (с 1959 по 1989 гг.) также выросло на 64 %. По данным переписи населения 1989 г. Приморский край стал самым многолюдным регионом российского Дальнего Востока с населением 2 млн 258 тыс. чел. [5].

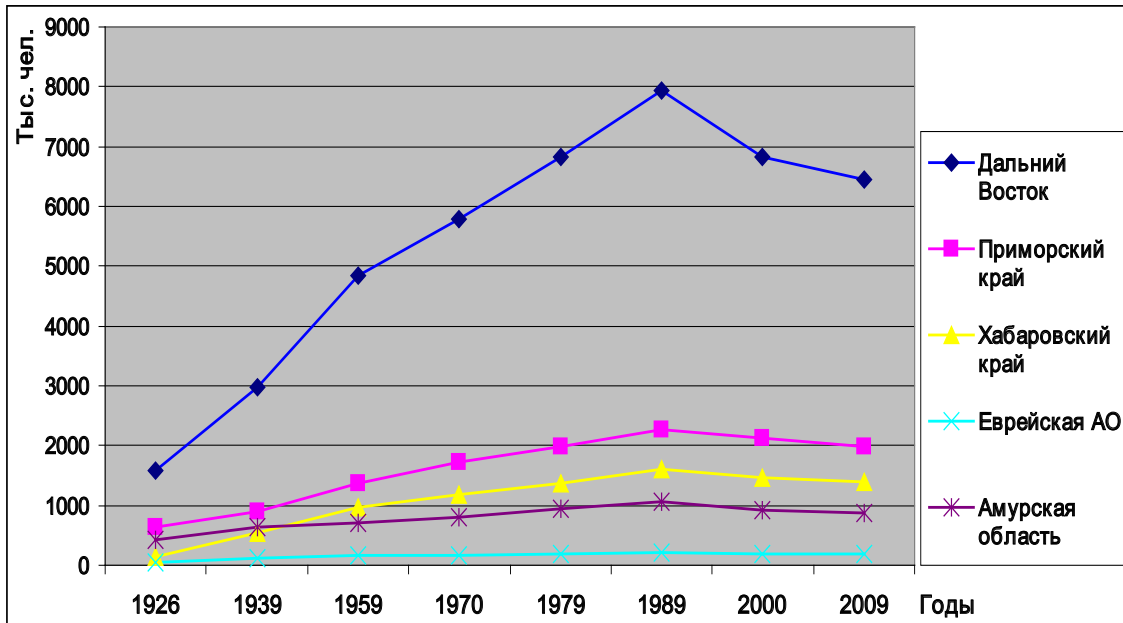

Рис. 2. Динамика численности населения в южных регионах российского Дальнего Востока в 1926–2009 гг. [5]

Стратегия развития Приморского края 1990-х – начала 2000-х гг. Стратегию развития Приморского края в этот период, когда страна фактически жила под ложным лозунгом «Рынок регулирует всё», по-сути, можно рассматривать как стратегию «самовывживания» в условиях глубокого политико-экономического кризиса в стране. Для новых регионов востока России, в силу краткости исторического периода развития не успевших создать необходимую материальную базу, такие условия развития оказались особенно затруднительными. Отказ государства в начале 1990-х гг. от активной региональной политики, в т. ч. и от поддержки развития стратегически важного Приморского края, от проведения активной инвестиционной политики здесь, как и в целом на Дальнем Востоке, привёл к тяжёлым последствиям, что выразилось:

– в сворачивании многих видов деятельности (в наиболее сложном положении оказа-

лись высокотехнологичные секторы, судоремонт и судостроение, авиастроение, приборостроение);

– в прекращении действия особых механизмов поддержки экономической активности в регионе (цены, тарифы, инвестиции);

– в миграционном оттоке населения (численность населения Приморского края сократилась на 14 %, ~ на 350 тыс. чел.);

– в регионе за 1990–2005 гг. не было реализовано ни одного значимого в масштабах страны проекта.

Глубокий и затяжной экономический кризис в Приморском крае совпал с динамичным развитием соседних стран СВА, прежде всего Китая. Это существенно усилило негативные для России изменения геополитической ситуации в этом регионе мира, серьёзно ослабило национальную безопасность [3; 9; 12].

В экономическом аспекте синхронизация двух противоположных процессов (прекраще-

ние активного государственного вмешательства в развитие региона в условиях глубокого политико-экономического кризиса в стране и динамичное развитие стран АТР) преопределила:

- разворачивание процесса интеграции Приморского края, как и в целом российского Дальнего Востока в экономику АТР;

- развитие новых рыночно ориентированных секторов экономики, прежде всего, транспортных услуг, торговли и, собственно, – смену экономической специализации;

- появление возможности формирования новых секторов экономики (переработки сырья, туристической деятельности, фермерства на селе и т. д.), преимущественно, в сфере малого и среднего бизнеса;

- свёртывание многих крупных производств как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, прежде всего, высокотехнологичных производств (судостроения, авиастроения, приборостроения).

В *социальном аспекте* синхронизация двух противоположных процессов привела к нестабильности в социуме: росту безработицы, снижению уровня жизни населения, значительному его оттоку в западные регионы страны или за рубеж.

Стратегия развития Приморского края до 2025 г. Значительное ухудшение геополитического, экономического и социального положения Приморского края, как и большинства других территорий страны, в результате отказа государства в начале 1990-х гг. от активной региональной политики обусловило необходимость ухода от такого подхода и разработки более адекватной стратегии развития рассматриваемого региона.

Утверждённая в 2010 г. «Стратегия социально-экономического развития Приморского края до 2025 г.» (основной разработчик: Фонд «Центр стратегических разработок “Северо-Запад”», г. Санкт-Петербург) предполагает более активную позицию государства в вопросах развития стратегически важного региона страны [15]. С определённым уровнем допущения можно сказать, что в основу концептуального подхода к развитию Приморского края разработчиками «Стратегии–2025» заложена идея его формирования как контактно-транзитной зоны, как российского центра сотрудничества со странами АТР. Ими (разработчиками «Стратегии–2025») были рассмотрены два сценария развития:

1. *Инерционный сценарий – развитие транспортно-логистической специализации;*

2. *Целевой сценарий – «новая индустриализация».*

Как риски инерционного сценария развития разработчики «Стратегии–2025» рассматривают:

- неустойчивость конъюнктуры внешних рынков;

- позицию России на ключевых сырьевых рынках АТР как заменяемого поставщика;

- высокую степень зависимости от темпов развития сырьевых регионов РФ;

- высокие политические риски (особенно в части увеличения китайского транзита);

- нестабильную тарифную политику РФ;

- реализацию конкурентных транспортных проектов;

- низкий уровень контейнеризации грузов в России;

- низкий уровень технологического развития базового (в данном случае, транспортно-логистического) сектора и высокую стоимость услуг;

- кадровый дефицит;

- низкий уровень развития городской среды;

- усиление территориальных диспропорций.

Несомненно, с этим следует согласиться. Кроме того, инерционный сценарий развития, даже при достаточно высоком уровне развитости транспортно-логистического кластера, не обеспечит «весомое» присутствие России в АТР – для этого, помимо успешного выполнения транспортно-транзитных функций, необходимо иметь и собственный весомый производственный потенциал, свои масштабные и конкурентоспособные объёмы товаров на рынках стран этого региона мира [1; 2; 9; 12; 14].

Реализация целевого сценария «Стратегии–2025», по мнению его разработчиков, предполагает:

- динамичное развитие базового (транспортно-логистического) сектора экономики;

- активное развитие сектора перерабатывающих производств;

- активную позицию региональных властей и других игроков в отношении развития региона;

- перенос перерабатывающих производств на побережье или в места, которые обеспечивают близость к рынкам потребления;

– формирование и реализацию государственной политики в отношении ряда секторов, направленной на увеличение переработки сырья (например, в лесопромышленном, нефте-газовых комплексах);

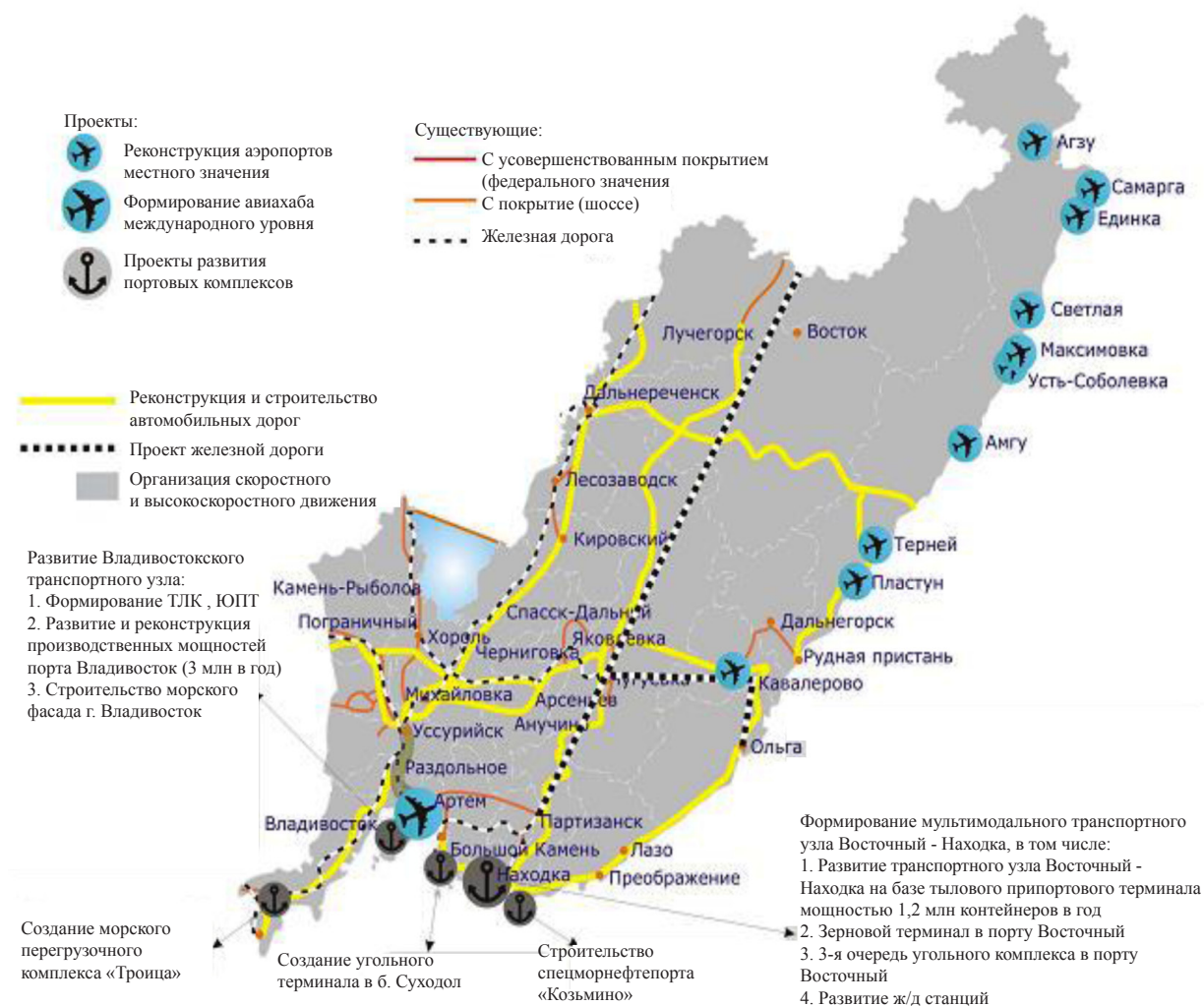
– поиск крупных инвесторов и способов сокращения издержек.

Как долгосрочные приоритеты в развитии Приморского края в «Стратегии–2025 г.» определены:

1. Развитие транспортно-логистического кластера как базового сектора экономики (рис. 3).

2. Морехозяйственные виды деятельности (кластеры, структуры), в т. ч.:

- рыбодобыча и переработка;
- аквакультура и биотехнологии;
- судостроение (в основном для рыбного хозяйства) и судоремонт;
- развитие портового хозяйства (рис. 4).

Порты	Грузооборот портов (программа максимум)					Грузооборот портов (программа минимум)				
	2006	2010	2015	2020	2025	2006	2010	2015	2020	2025
Восточный	20,5	50	70	85	95	20,5	25,4	66,4	70	70
Находка	13,5	16	18,6	20	20	13,5	16	17,6	20	20
Козьмино	0	10	20	20	20	0	10	20	20	20
Владивостокский ТУ	6,5	13,6	19	23	25	6,5	13,5	15	15	15
Большекаменский ТУ	0	8	10	10	12	0	8	8	8	8
Южный ТУ	2,1	5	30	50	70	2,1	5	7	10	15
Северный ТУ	1,5	2,5	4	6	10	1,5	2,5	4	4	4
Всего	44,1	105,1	171,6	214	252	44,1	80,4	138	147	152

Рис. 3. Стратегия развития Приморского края до 2025 года. Модернизация транспортной системы [Администрация Приморского края. Фонд ЦСР «Северо-Запад»]

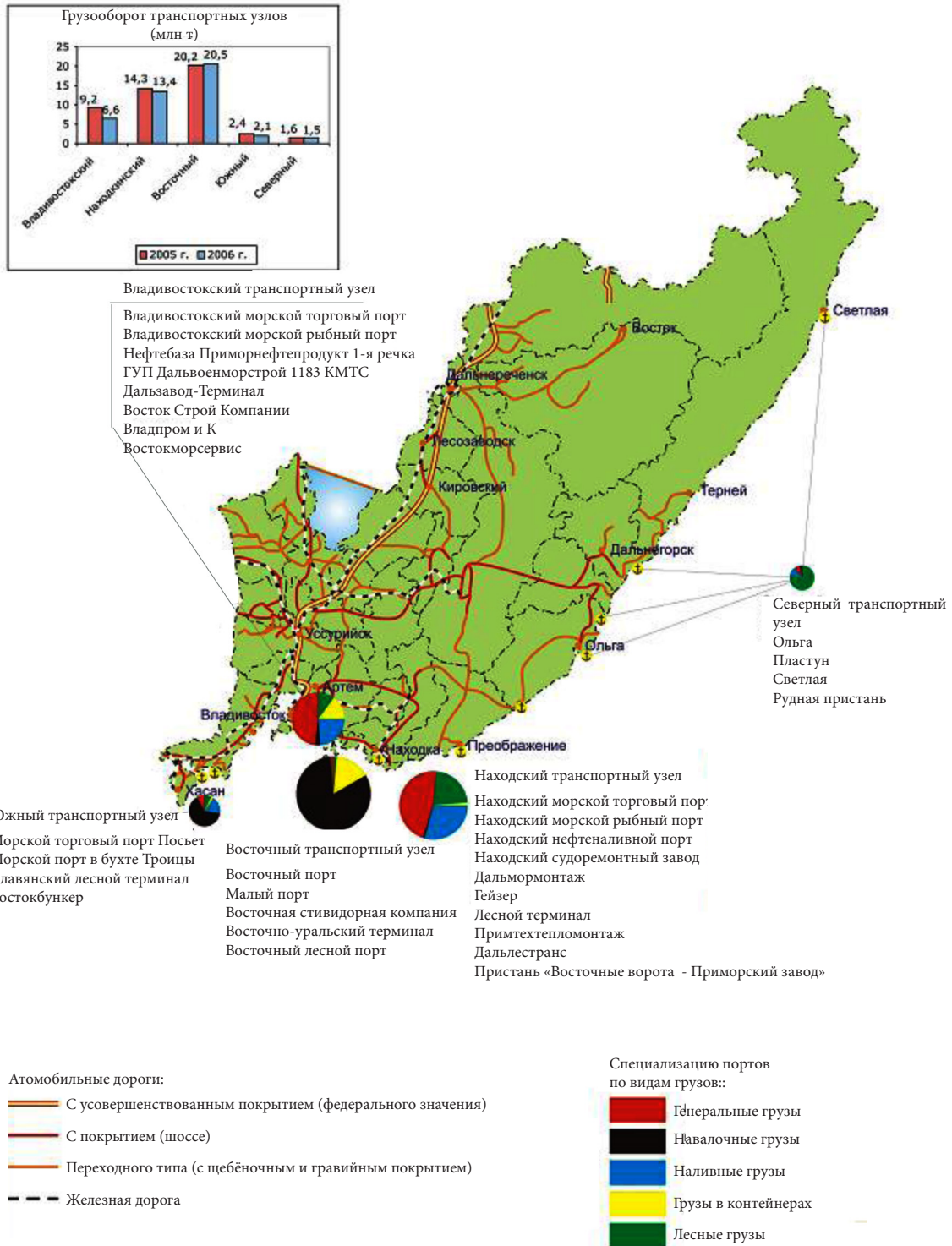

Рис. 4. Стратегия развития Приморского края до 2025 г. Портовая система Приморского края [Администрация Приморского края. Фонд ЦСР «Северо-Запад»]

3. Лесохозяйственные виды деятельности:
 – добыча, в т. ч. низкосортной древесины;
 – глубокая переработка, в т. ч. низкосортной древесины;
 – широкое лесовосстановление.

4. Нефтегазохимические производства:
 – эксплуатация нефтегазопроводов;
 – нефтепереработка, в т. ч. нефтехимия;
 – газопереработка, в т. ч. газохимия
 (рис. 5).

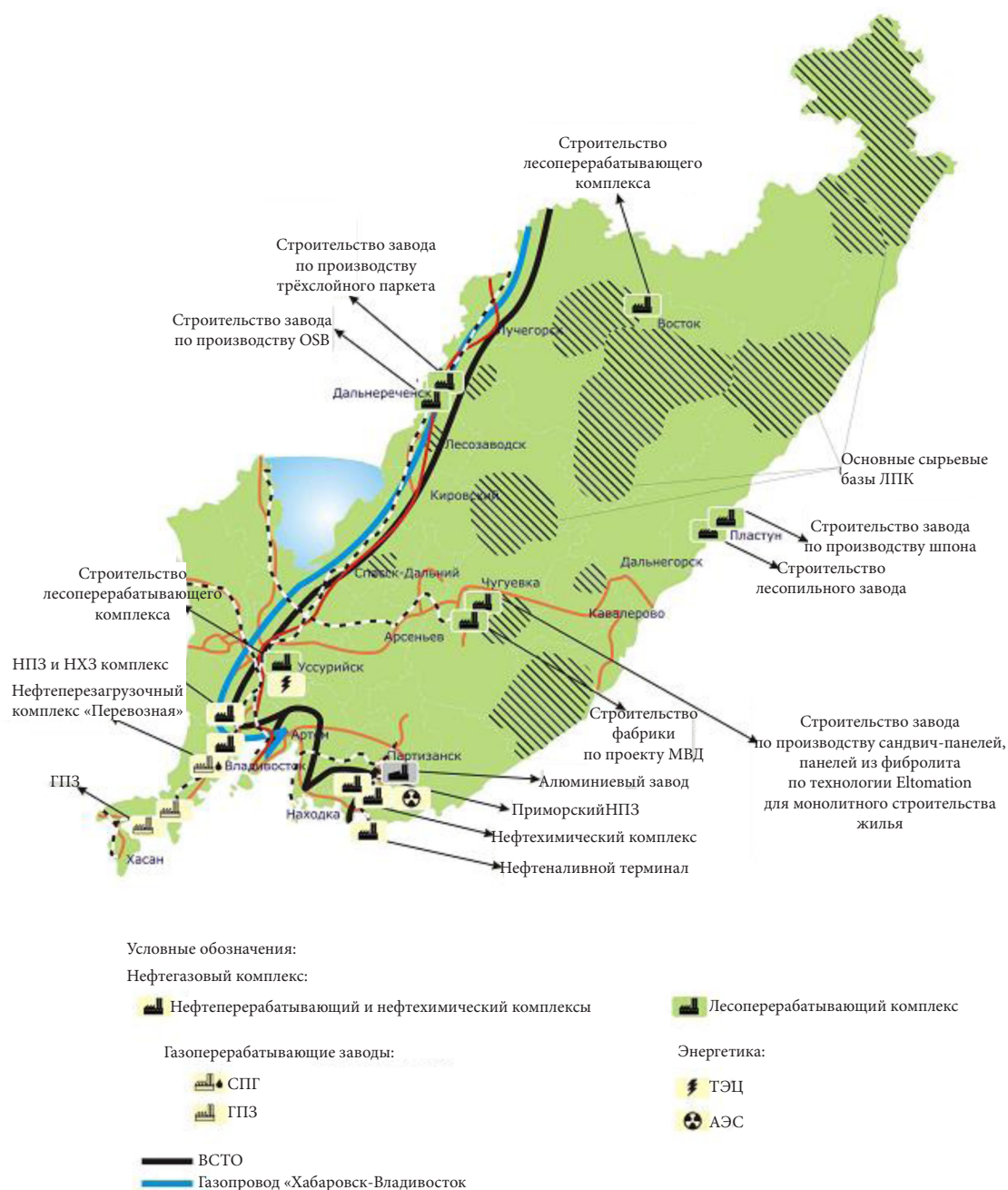

Рис. 5. Стратегия развития Приморского края до 2025 г. Проекты перерабатывающих комплексов Приморского края [Администрация Приморского края, Фонд ЦСП «Северо-Запад»]

5. Горнодобывающие производства (в т. ч. редкоземельные металлы):

- добыча, обогащение;
- получение чистых металлов.

6. Машиностроение:

- авиастроение, в т. ч. лёгкие самолёты, гидропланы, вертолёты (для частных нужд);
- судостроение и судоремонт, строительство морских платформ для добычи нефти и газа на шельфах, подводных аппаратов.

7. Научно-образовательные центры и филиалы (Владивосток, Уссурийск, Находка, Артём).

8. Туризм (в т. ч. морской, экологический, с посещением новых национальных парков, морского заповедника);

- туристско-рекреационная деятельность на о. Русский.

9. Производство продовольствия (в т. ч. специализирующих производств риса, сои, молочных продуктов, озёрной и прудовой рыбы и др.).

Планом мероприятий по реализации «Стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2025 г.» предусматривается также развитие энергетической, инженерной, природоохранной инфраструктуры. Важной компонентой экономики края должно стать строительство и индустрия строительных материалов. Предполагается дальнейшее формирование Владивостокской и Находкинской городских агломераций как основных экономических центров приморского региона и повышение устойчивости системы расселения края.

Заявленные в целевом сценарии «Стратегии–2025» концепция *новой индустриализации* и формирования соответствующих направлений развития хозяйственных структур (транспортно-логистического кластера, морехозяйственных видов деятельности, серьёзных промышленных производств, в т. ч. и новых, например, нефте-, газохимических), проведения более внятной демографической политики и стимулирования миграционного притока свидетельствуют о намерении более активного присутствия России в АТР и, в определённой мере, – о преемственности проводившейся здесь в предыдущие «царский» и «советский» периоды политики формирования здесь региона-форпоста.

Целевой сценарий «новая индустриализация» для Приморского края – *нового* по историческим меркам региона, где процессы формирования хозяйственных структур, также как и сети населённых мест, транспортного каркаса территории, далеко ещё не завершены, – в целом представляется оправданным. Оправданным в новых международных политико-экономических условиях является и нацеленность целевого сценария «Стратегии–2025» на формирование Приморского края как российского центра международного сотрудничества в АТР и создание здесь соответствующих структур (развитого транспортно-логистического кластера, нефте- и газопроводов, перерабатывающих предприятий и др.) с ориентацией на активизацию внешнеэкономических и прочих связей в азиатско-тихоокеанском направлении.

Однако во временных рамках до 2025 года, т. е. за короткие 12–13 лет, процессы «новой индустриализации» и формирования транспортного каркаса территории края, сети населённых мест не могут быть завершены. Требуется также уточнение «территориальной привязки» ряда проектируемых объектов с

учётом их класса вредности, природно-климатических и др. географических особенностей территории. За эти годы не удастся создать и достаточно весомый собственный экономический, демографический потенциалы для обеспечения «весомого» присутствия России в АТР. Это следует реализовывать уже в рамках стратегии «Тихоокеанская Россия–2050».

Стратегия развития Приморского края до 2050 г. В результате глубокого политико-экономического кризиса в 1990-е гг. и замедленного развития в 2000-е, на фоне динамичного развития стран АТР, к началу XXI в. Россия вновь оказалась в весьма сложном геополитическом положении [3; 9; 12]. Из соседних стран особенно успешным в предыдущий период (с 1980 по настоящее время) было экономическое развитие Китая, который сегодня по ВВП и военному бюджету устойчиво занимает второе место в мире, а по численности населения – первое (табл. 1). В итоге, сегодня странами-соседями России I порядка здесь являются крупнейшие страны мира: США, Китай, Япония (рис. 6).

Таблица 1

Основные геополитические показатели стран, 2012 г.

Страны	ВВП, млрд долл США, по ППС*	Военный бюджет на 2013 г., млрд долл. США ¹ **	Численность населения, оценка на июль 2012 г. ^{***}	Территория, тыс. кв. км. ^{****}
США	15 685	731,900	314	9 629
Китай	12 406	114,200	1 343	9 597
Япония	4 628	56,908 (2012 г.)	127	378
Россия	2 513	71,200	138 ²	17 098

*по данным Международного валютного фонда (МВФ) [16];

**по данным Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI) и Википедии [17];

***по данным Американского Бюро Переписи (Factbook) [18];

****по данным Госкомстата РФ [11].

¹США является лидером крупнейшего и самого активного военно-политического блока НАТО, в который сегодня входят 28 государств и военный бюджет которого на 2013 г. составляет около 850 млрд долл \$ [17]. Кроме того, у США заключены двусторонние военно-политические соглашения с Японией и Республикой Корея – соседями I и II порядков российского Дальнего Востока. В целом военный бюджет этой группы стран на 2013 г. составляет 940 млрд долл \$, или около 54 % от мирового значения (для сравнения, военный бюджет России от мирового значения достигает лишь 4).

² По данным Госкомстата РФ, численность населения в России в 2012 г. составляла 143,37 млн чел. [11].

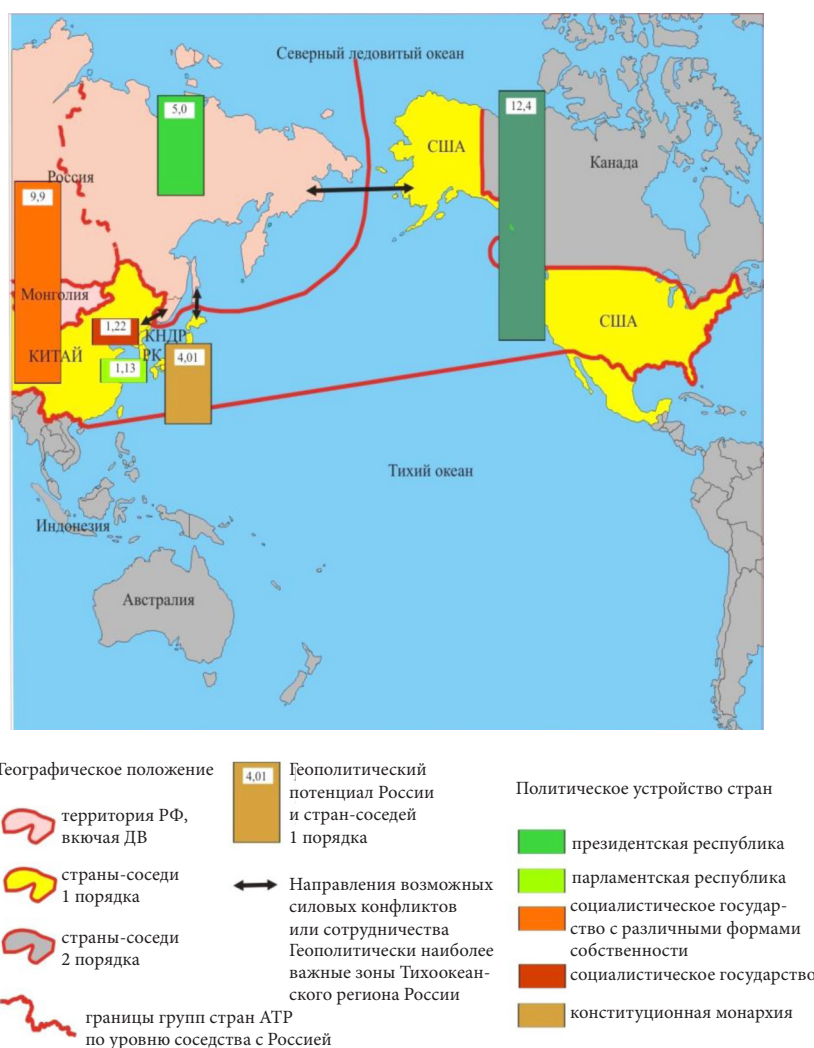

Рис. 6. Геополитическое положение российского Дальнего Востока в АТР

Сегодня именно эти три державы – и на глобальном уровне, и на макрорегиональном, – оказывают основное воздействие на интересы России в области безопасности и международных отношений. Нынешнее настойчивое наращивание военной мощи в этих странах, складывающаяся геостратегическая ситуация, долгая история территориальных споров с Россией не могут не вызывать озабоченности относительно уже 10-летней перспективы.

От отношений с этой «тройкой» стран во многом зависит не только будущее Приморского края, Тихоокеанской России, но и всей страны. В любом случае, для России сотрудничество с этой «тройкой» стран, как и со всеми сопредельными странами, выгодно и желательно как с экономической, так и с политической точки зрения. Однако полагаться только на это было бы недальновидно – ключ к безопасности России на Дальнем Востоке лежит, прежде всего, в ускоренном развитии собственного экономического

и демографического потенциалов и поддержании разумного оборонительного потенциала, в поддержании добрососедских взаимовыгодных отношений со всеми сопредельными странами, а также – в незамедлительном прекращении происходящего вот уже два десятилетия экономического и демографического «ухода» России из стратегически важной и ресурсонасыщенной части собственной территории.

Нынешнее положение делает наш регион весьма уязвимым для внешнего влияния. Поэтому настойчиво и в ускоренном варианте следует укреплять геополитическое положение здесь, наращивать геополитический потенциал, особенно, его наиболее слабые звенья – экономическую и демографическую составляющие [2; 3; 9; 12; 13; 14]. То, что ускоренное развитие как в Приморском крае, так и во всей стране, возможно, подтверждается небывало высокими темпами развития в период индустриализации (в 1926–1940 гг.), ни одна страна мира пока не достигла [12].

В этих условиях Дальнему Востоку России, в т. ч. и Приморскому краю как стратегически важному региону, вновь нужны масштабные преобразования и ускоренные темпы развития, аналогичные периоду индустриализации, нужно развитие реальной экономики, а не «мыльных пузырей», как это было в 1990-е гг., и как ратуют сегодня некоторые «оригинально мыслящие специалисты», нужна амбициозная долговременная стратегия «Тихоокеанская Россия–2050».

Новая парадигма развития Приморского края в рамках Стратегии «Тихоокеанская Россия–2050» и сегодня может быть связана с очередной технической, технологической модернизацией страны, как в период индустриализации (при широком использовании её значительных природно-ресурсных возможностей) и обеспечением внутренней (межрегиональной) симметрии на основе ускоренного развития отсталых районов. При этом, техническая, технологическая модернизация на современном этапе должна быть связана с широким внедрением в практику инновационных технологий, в т. ч. и нанотехнологий.

Соглашаясь с настоятельной необходимостью для России и её регионов в нынешнем геополитическом положении технических, технологических «прорывов» во многих сферах экономики, отметим, что наряду с этим для восточных (как известно, наиболее ресурсообеспеченных и одновременно наименее освоенных и заселённых) регионов сохраняется необходимость продолжения индустриализации¹ и, следовательно, – развития сети городских поселений как крупных промышленных центров.

Поэтому на современном этапе (с учётом требований времени и специфических особенностей Тихоокеанской России в нынешнем её состоянии) *модернизация должна приоритетно обеспечиваться по двум направлениям одновременно: 1) масштабное внедрение в сферы экономики инновационных технологий и развитие постиндустриальных структур, пре-*

¹Многие специалисты [1; 4; 6; 9; 10; 12; 13; 14; 15] отмечают, что России сегодня нужна «новая Индустриализация» – по причине затянувшегося кризиса в стране в результате неудачных реформ в конце прошлого столетия и её технического, технологического отставания в силу этого от мировых лидеров. Однако, наряду с такой особенностью, следует ещё признать, что индустриальный цикл развития здесь попросту ещё не завершён – как в целом в России, так и, тем более, в «новых» её регионах – прежде всего, на Дальнем Востоке и в Сибири.

имущественно, в более освоенных и заселённых регионах; 2) дальнейшая индустриализация, заселение слабоосвоенных, но перспективных в новых условиях регионах и развитие в их пределах сети городских поселений как крупных экономических центров, в т. ч. на основе их значительных ресурсных потенциалов.

В связи с *новой индустриализацией* Тихоокеанской России следует отметить, что ещё В. И. Ленин писал, что «наличие возможности у России уйти на новые территории (на восточные окраины) на первых порах замедляло процесс развития капитализма вглубь, но такое замедление равносильно подготовке ещё большего и более широкого роста его в ближайшем будущем» [7, с. 514; 8].

Это «ближайшее будущее», на наш взгляд, для России наступило уже в 1930-е гг. Как отмечал Н. Н. Колосовский, значительный природно-ресурсный потенциал восточных регионов страны позволил ускорить темпы развития СССР в предвоенные годы, выигрывая время. Он подчёркивал, «исторический факт – во Второй мировой войне СССР победил, опираясь на восточные оборонные базы на Урале и в Сибири» [8, с. 260].

Поэтому и сегодня потенциал восточных регионов при эффективном управлении процессами их развития может позволить выиграть время и выравнять геополитический потенциал России с потенциалами мировых лидеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Наряду с эффективным использованием природно-ресурсных возможностей в современной парадигме развития Тихоокеанской России большее внимание следует уделять людским ресурсам², их количеству и качеству, оптимальному размещению по регионам в соответствии с решаемыми там экономическими и геополитическими задачами, возможностями территорий.

В связи с этим дальнейшее развитие сети городских поселений в восточных регионах, как центров средоточия основных производительных сил и промышленных, транспортных, торговых, культурных, административно-политических функций, вновь становится весьма актуальной задачей страны.

На первоначальном этапе заселения и хозяйственного освоения Дальневосточных

²Как убедительно свидетельствует опыт Китая 1979–2012 гг. или Европы, людские ресурсы, их количество и качество действительно являются основной производительной силой, а не только политической декларацией.

территорий основными «движителями», или основными факторами развития этого региона являлись геополитические интересы России в АТР и растущие потребности в новых крупных источниках природных ресурсов. Ретроспективный анализ факторов развития Приморского края по прошествии 150 лет позволяет отметить, что их значимость с учётом географических, геополитических особенностей рассматриваемого региона изначально была определена правильно. Эти факторы развития были определяющими на первоначальном этапе заселения региона русскими, они оставались определяющими в советский период, важнейшими они остаются и сегодня. Однако сегодня, с учётом достигнутого уровня развития восточных регионов и происходящей в целом в мире переоценки значимости факторов развития, должны быть сделаны и иные акценты в этом вопросе.

Теперь, на наш взгляд, одним из основных «движителей» регионального развития, наряду с геополитическими и ресурсными предпосылками, должен стать «человеческий фактор» и связанные с ним «высокие технологии». Это предполагает ускоренное наращивание демографического и интеллектуального потенциалов региона, активное развитие сети городских поселений здесь, как «командных высот» в экономике, науке, технике, технологиях.

То есть, на современном этапе развития Приморского края и других приграничных дальневосточных регионов «во главе угла» должно быть наращивание человеческого и технического потенциалов, их количественных и качественных показателей. Это должно происходить на основе конкурентных преимуществ этих территорий, прежде всего, значительного природно-ресурсного потенциала, выгод экономико-географического положения относительно огромного и быстрорастущего рынка АТР, приокеанического положения и др.

В основе такого подхода развития восточных регионов, прежде всего Тихоокеанской России, должен лежать ускоренный рост покупательной способности этих территорий за счёт, во-первых, кардинального увеличения численности населения, во-вторых, – радикального повышения уровня его жизни. Это возможно здесь на основе приоритетного формирования высокодоходных предприятий с высоким уровнем оплаты труда, в т. ч. и на широко востребованных на мировом рынке природных ресурсах.

Население при этом должно рассматриваться как многозначный фактор: и как основная производительная сила, и как основной фактор технического, технологического прогресса, и как потребитель (как фактор востребованности) производимой в регионе продукции, и как геополитический фактор демографического контроля над собственной территорией. Такая многозначность, многофункциональность населения в вопросах регионального развития тем более делает его одним из определяющих факторов.

Схема дальнейшего пространственного развития сети городских поселений Приморского края как экономических центров в рамках такой парадигмы развития восточных регионов на новом этапе в основном будет «задаваться» следующими факторами:

1. Геополитическим фактором, обуславливающим приоритетное развитие «контактных зон», в которых возможны как активное сотрудничество (экономическое, гуманитарное и пр.), так и столь же активное военно-политическое противостояние).

2. Наличием и местоположением на территориях крупных источников широко востребованных на внутреннем и мировом рынках природных ресурсов, в т. ч. топливно-энергетических, металла, древесины, биоресурсов моря и др.

3. «Человеческим» фактором, его количеством и качеством, его требованиями к условиям проживания (природным, социальным, экономическим) и соответствием количества и качества населения решаемым на территориях экономическим и геополитическим задачам.

4. Выгодностью экономико-географического и транспортно-географического положения рассматриваемого региона относительно крупнейших экономик мира (США, Китая, Японии) и весьма динамичных экономик других стран АТР.

5. Географическим положением относительно морей Тихого океана, рассматриваемых одновременно и как источник морских биоресурсов, и как пространство, обеспечивающее широкие транспортные возможности и одновременно – выполняющее функции естественных рубежей страны.

Основным лимитирующим фактором в формировании направлений пространственного развития восточных регионов являются неблагоприятные на отдельных территориях при-

родно-климатические условия, по сути, определяющие территориальные «рамки» зоны активного заселения.

Пространственное развитие в зонах активного заселения «новых» регионов возможно на основе двух подходов (концепций), которые условно назовём *эволюционным* и *эволюционно-революционным*.

Эволюционная концепция развития сетей городских поселений реализуется в результате естественного расширения ареалов преимущественного развития и укрупнения форм урбанизированного расселения, перерастания урбанизации из городского или линейно-узлового масштаба в районный (ареальный). Такой вариант во многом является инерционным и не может оперативно обеспечить демографический и экономический контроль над обширными неосвоенными пространствами востока России в сложных экономических, геополитических условиях начала XXI в.

Эволюционно-революционная концепция пространственного активно управляемого развития сетей городских поселений в «новых» регионах предусматривает целесообразное в сложившихся геополитических условиях оперативное освоение территорий и скачкообразный переход рассматриваемых структур в новое количество и качество в рамках естественного хода событий. Данный подход может одновременно заключаться: 1) в инновационном развитии, технической, технологической модернизации сложившихся зон концентрированного расселения, 2) формировании новых хозяйственно-поселенческих осей, пронизывающих неосвоенные и слабоосвоенные пространства по наиболее перспективным в новых условиях географическим направлениям и 3) последующем постепенном заселении, освоении пространства между «тыловыми зонами» и новыми хозяйственно-поселенческими осями.

На наш взгляд, развитие сетей городских поселений в Приморском крае и в других приграничных регионах востока России в новых условиях должно осуществляться по 2-й, эволюционно-революционной концепции. В соответствии с таким подходом в сложившихся условиях в регионе должны формироваться три основных направления пространственного развития сетей городских поселений [12]:

1. Восточное направление, обеспечивающее более широкий выход России к «контактным» приморским зонам – к морям Тихого океана и странам АТР.

2. Южное – обеспечивающее опережающее развитие «контактных» приграничных территорий и широкий выход на огромное экономическое пространство сопредельного Китая и Корейского полуострова.

3. Северное – обеспечивающее более активный выход на неосвоенные и слабоосвоенные пространства региона, к новым месторождениям ресурсов, пока не вовлечённым в хозяйственный оборот.

Эти основные направления территориального развития сети городских поселений, на наш взгляд, на первоначальных этапах должны реализовываться в виде новых хозяйственно-поселенческих осей, но даже их формирование может значительно изменить территориальную структуру городских поселений Приморского края и других регионов слабоосвоенной и слабозаселённой Тихоокеанской России. При формировании новых хозяйственно-поселенческих осей и сегодня, как и в предыдущие периоды, следует учитывать уникальность геополитического положения Приморского края, которое не только обуславливает необходимость ускоренного развития его экономического и демографического потенциалов в целях обеспечения национальной безопасности, но и задаёт основные векторы развития и возможного военно-политического противостояния в этом регионе мира.

В связи с этим следует также отметить, что на современном этапе, наряду с эволюционно-революционной концепцией развития сетей городских поселений, на обширных пространствах Тихоокеанской России весьма важна и *концепция формирования региональной многоуровневой системы полюсов роста*. Для «нового» региона, каковым является Дальневосточный регион (ДВР), где иерархия городских поселений ещё далеко не в полной мере сложилась, необходимо формирование трёхуровневой системы «полюсов роста»: макрорегионального (дальневосточного), регионального (краевого) и укрупнённого районного уровней. Следует также отметить, что, учитывая большую отдалённость ДВР от центральных районов страны, полюс роста регионального уровня здесь оправдано формировать как «глобальный город» со значительным эффектом привлекательности – по аналогии с Лос-Анджелесом или Сан-Франциско на тихоокеанском побережье США. В противном случае, центробежные потоки населения из Дальневосточного региона сегодня остановить будет невозможно.

В целом для предстоящего этапа развития Тихоокеанской России, её заселения, урбанизации могут быть характерны следующие градостроительные процессы:

- дальнейшее наращивание потенциалов сложившихся ареалов урбанизированного расселения;

- укрупнение ряда перспективных городов, формирование нескольких агломераций, «полюсов роста» на различных территориальных уровнях: на макрорегиональном, краевом и укрупнённом районном;

- расширение сложившихся ареалов централизованного расселения;

- формирование новых групповых сетей, систем населённых мест вдоль новых хозяйственно-поселенческих осей линейно-узлового типа.

При формировании «Стратегии–2050» следует также учитывать, что сегодняшний бизнес преимущественно ориентируется на инвестирование производств и прочих хозяйственных секторов, которые «обещают» быструю и большую отдачу вложенных средств. Поэтому государство должно активно участвовать в развитии слабоосвоенных территорий, где получение экономического эффекта «отложено» во времени, но которые впоследствии могут дать ещё больший эффект, чем «староосвоенные» (с учётом, например, их уникального экономико-географического (ЭГП) и геополитического (ГПП) положения или высокого уровня ресурсообеспеченности). В этих условиях инвестирование крупных проектов, прежде всего, инфраструктурных, должно строиться на принципах частно-государственного партнёрства.

Высокая дифференцированность рассматриваемого географического пространства по уровню освоённости, ресурсообеспеченности обуславливает, что процесс развития здесь может включать в себя как дальнейшее развитие (усложнение, модернизацию) сложившихся территориально-хозяйственных структур, так и формирование новых структурных звеньев, особенно в неосвоенных или слабоосвоенных районах.

С учётом такого концептуального подхода «Стратегия развития Приморского края» в рамках стратегии «Тихоокеанская Россия–2050» должна базироваться на следующих принципах:

- обеспечения национальной безопасности;
- активного участия государства в развитии стратегически важного региона;

- принципе частно-государственного партнёрства в инвестировании крупных стратегически важных проектов;

- экономической, социальной и экологической эффективности проектов;

- принципе ускоренного развития собственного конкурентоспособного производственно-научно-технического потенциала для обеспечения весомого присутствия России в АТР.

Важным инструментом территориального развития в слабоосвоенных регионах должно стать развитие сети дорог (железных, автомобильных), портов, терминалов с различной специализацией и нефте-, газопроводов, энергосетей – с их переходами через государственную границу. Сеть дорог и других коммуникаций в Приморском крае и в целом на Дальнем Востоке должна обеспечивать более активный выход России к морю, к сопредельным странам и к ресурсным районам (преимущественно, на север и северо-восток) (рис. 7).

Наряду с формированием сети дорог, во многом задающих направление территориального развития, необходимо взаимосвязанно с этим развивать и опорную сеть экономических центров – на пересечениях транспортных артерий и в «контактных зонах». Эти населённые пункты на пересечениях транспортных артерий широтного и меридионального направлений, как потенциальные экономические центры, имеют значительные перспективы в силу выгод транспортно-географического положения, и в будущем должны выступить полюсами роста для соответствующих муниципальных районов. В силу этого опорная сеть экономических центров в совокупности с транспортной сетью должна стать каркасом всей территориально-хозяйственной системы региона.

С учётом сохраняющихся географических, геополитических особенностей Приморского края, реализация «Стратегии–2050», на наш взгляд, должна одновременно предполагать динамичное развитие структур, обеспечивающих как интеграционные функции, так и оборонные. В связи с этим и в рамках «Стратегии–2050» должно сохраняться приоритетное развитие видов хозяйственной деятельности, определённых как долгосрочные приоритеты ещё в «Стратегии–2025» и даже в предыдущие периоды:

1. Транспортно-логистического кластера и других интеграционных инфраструктур.

2. Крупных специализирующих производств с учётом географического, геополитического положения региона и его ресурсных возможностей: морехозяйственных, нефте-,

газоперерабатывающих и нефте-, газохимических, лесохозяйственных, горнодобывающих и горнохимических, машиностроительных (судостроения, авиастроения, приборостроения, автомобилестроения), с продукцией которых регион должен активно выходить как на внутренний, так и международный рынок.

3. Науки, технологий, образования.

4. Туристско-рекреационной деятельности.

5. Агропромышленных структур. Формирование опорной сети экономических центров возможно с использованием идеи территориальных комплексов (кластеров).

В пределах края из сложившихся экономических центров наиболее перспективными представляются следующие (с их соответствующими территориальными звеньями) [10]:

– Владивостокский – транспортно-логистическая деятельность, судостроение, автомобилестроение, приборостроение, производство медтехники, рыбообработка, биохимия (производ-

ство медицинских препаратов и пищевых добавок из морского сырья и дикоросов Уссурийской тайги), туристско-рекреационная деятельность.

– Находкинский – машиностроение (судостроение и судоремонт), транспортно-логистическая, туристско-рекреационная деятельность, нефтепереработка, нефтехимическое производство, рыбообработка, деревообработка.

– Большекаменский – масштабное судостроение и судоремонт, в т. ч. и для ВПК, рыбообработывающая промышленность.

– Арсеньевский – машиностроение (авиационное производство, выпуск приборов и оборудования, ракетных комплексов).

– Тернейский – лесозаготовка и деревообработка, туристско-рекреационная деятельность.

– Чугуевский – лесозаготовка и деревообработка, туристско-рекреационная деятельность.

– Дальнегорский – металлургическое, горнохимическое производства, лесозаготовка и деревообработка.

Наименования районов:

1. Бикинский
2. Тернейский
3. Красноармейский
4. Дальнереченский
5. Лесозаводский
6. Приханкайский
7. Спасский
8. Арсеньевский
9. Чугуевский
10. Дальнегорский
11. Уссурийский
12. Хасанский
13. Владивостокский
14. Шкотовский
15. ЗАТО (Б. Камень, Фокино)
16. Находкинский
17. Ольгинский

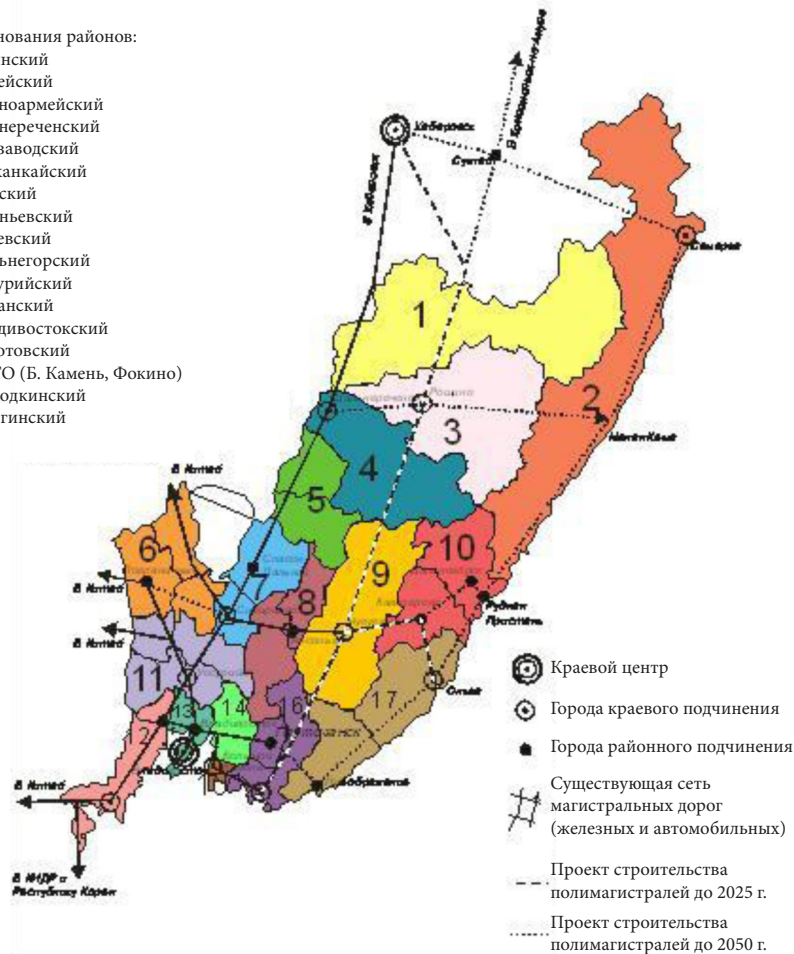

Рис. 7. Приморский край. Вариант II экономического районирования на низовом уровне и развития сети магистральных дорог

– Хасанский – транспортно-логистическая, машиностроительная, туристско-рекреационная и рыбохозяйственная деятельность.

– Пограничный – транспортно-логистическая деятельность, в кооперации с приграничными китайскими компаниями возможно машиностроение.

– Уссурийский – машиностроение, транспортно-логистическая деятельность, пищевые, биохимические производства на базе сельскохозяйственного сырья и дикоросов тайги.

– Лучегорский – топливно-энергетическое производство, металлургия (производство готовых металлов и сплавов из местных полуфабрикатов цветных металлов).

– Дальнереченский – лесопереработка полного цикла, транспортно-логистическая деятельность.

– Лесозаводский – лесопереработка полного цикла, транспортно-логистическая, а также туристско-рекреационная деятельность, развитие курортного хозяйства.

– Спасский – стройиндустрия, транспортно-логистическая деятельность, машиностроение.

– Ольгинский – рыбохозяйственная, транспортно-логистическая, туристско-рекреационная деятельность, курортное и лесное хозяйство.

Проектируемые новые производства машиностроительного, нефте-газового, морехозяйственного, фармакологического и других кластеров, призванные обеспечить реализацию «новой индустриализации» Приморского края, могут размещаться как в вышеперечисленных экономических центрах, так и в других, имеющих выгодное транспортно-географическое положение.

Наиболее перспективные высокотехнологичные экономические центры с высокой инновационной активностью и в дальнейшем преимущественно будут развиваться в южной части края, на основе достигнутого здесь научного, производственного, кадрового и пр. потенциала, диверсификации межотраслевых связей или выгод транспортно-географического положения.

Список литературы

1. Азиатская часть России: моделирование экономического развития в контексте опыта истории / В. А. Ламин [и др.]. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 464 с.
2. Бакланов П. Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. М.: Наука, 2007. 239 с.
3. Бакланов П. Я., Романов М. Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.
4. Бакланов П. Я., Мошков А. В., Романов М. Т. Территориальные структуры хозяйства и экономические районы в долгосрочном развитии российского Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. 2011. № 2. С. 18–28.
5. Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993 г. М.: Госкомстат России, 1994. 419 с.
6. Ишаев В. И. Модернизация экономики обеспечит развитие региона // Дальневосточный капитал. 2011. № 9 (133). С. 12–13.
7. Колосовский Н. Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Вопросы географии. 1947. № 6. С. 133–168.
8. Колосовский Н. Н. Избранные труды. Смоленск: Ойкумена, 2006. 336 с.
9. Меламед И. И. Стратегия развития Дальнего Востока России. М.: Современная экономика и право, 2008. 464 с.
10. Мошков А. В. Структурные изменения в региональных территориально-отраслевых системах промышленности Российского Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2008. 268 с.
11. Население субъектов Российской Федерации. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 14.04.2013).
12. Романов М. Т. Территориальная организация хозяйства слабоосвоенных регионов России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 318 с.
13. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / П. А. Минакир [и др.]. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
14. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р.
15. Стратегия социально-экономического развития Приморского края до 2025 года. Утверждена законом приморского края от 20 октября 2008 г. № 324-кз.
16. Список стран по ВВП (ППС). URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 14.04.2013).
17. Список стран по военным расходам. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>; SIPRI: <http://sipri.org/> (дата обращения: 14.04.2013).
18. Численность населения стран мира (данные Американского Бюро Переписи (Factbook). URL: <http://mostinfo.su/29-chislennosti-naseleniya-stran-mira-v-2012-godu.html> (дата обращения: 14.04.2013).

References

1. Aziatskaja chast' Rossii: modelirovanie jekonomicheskogo razvitija v kontekste opyta istorii / V. A. Lamin [i dr.]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2012. 464 s.
2. Baklanov P. Ja. Territorial'nye struktury hozjajstva v regional'nom upravlenii. M.: Nauka, 2007. 239 s.
3. Baklanov P. Ja., Romanov M. T. Jekonomiko-geograficheskoe i geopoliticheskoe polozhenie Tihookeanskoy Rossii. Vladivostok: Dal'nauka, 2009. 168 s.
4. Baklanov P. Ja., Moshkov A. V., Romanov M. T. Territorial'nye struktury hozjajstva i jekonomicheskie rajony v dolgosrochnom razvitii rossijskogo Dal'nego Vostoka // Vestnik DVO RAN. 2011. № 2. S. 18–28.
5. Demograficheskij ezhegodnik Rossijskoj Federacii. 1993 g. M.: Goskomstat Rossii, 1994. 419 s.
6. Ishaev V. I. Modernizacija jekonomiki obespechit razvitie regiona // Dal'nevostochnyj kapital. 2011. № 9 (133). S. 12–13.
7. Kolosovskij N. N. Proizvodstvenno-territorial'noe sochetanie (kompleks) v sovetskoj jekonomicheskoy geografii // Voprosy geografii. 1947. № 6. S. 133–168.
8. Kolosovskij N. N. Izbrannye trudy. Smolensk: Ojkumena, 2006. 336 s.
9. Melamed I. I. Strategija razvitija Dal'nego Vostoka Rossii. M.: Sovremennaja jekonomika i pravo, 2008. 464 s.
10. Moshkov A. V. Strukturnye izmenenija v regional'nyh territorial'no-otraslevyh sistemah promyslennosti Rossijskogo Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Dal'nauka, 2008. 268 s.
11. Naselenie sub#ektov Rossijskoj Federacii. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (data obrashhenija: 14.04.2013).
12. Romanov M. T. Territorial'naja organizacija hozjajstva slaboosvoennyh regionov Rossii. Vladivostok: Dal'nauka, 2009. 318 s.
13. Sintez nauchno-tehnicheskikh i jekonomicheskikh prognozov: Tihookeanskaja Rossija – 2050 / P. A. Minakir [i dr.]. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 912 s.
14. Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona na period do 2025 g. Utverzhdena rasporyzheniem Pravitel'stva RF ot 28 dekabrya 2009 g. № 2094-r.
15. Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija Primorskogo kraja do 2025 goda. Utverzhdena zakonom primorskogo kraja ot 20 oktjabrya 2008 g. № 324-kz.
16. Spisok stran po VVP (PPS). URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (data obrashhenija: 14.04.2013).
17. Spisok stran po voennym rashodam. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>; SIPRI: <http://sipri.org/> (data obrashhenija: 14.04.2013).
18. Chislennost' naselenija stran mira (dannye Amerikanskogo Bjuro Perepisi (Factbook). URL: <http://mostinfo.su/29-chislennosti-naseleniya-stran-mira-v-2012-godu.html> (data obrashhenija: 14.04.2013).

Статья поступила в редакцию 20 апреля 2013 г.

Дулма Цырендашиевна Дугарова
доктор педагогических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: dugarova_dc@mail.ru

Управление ресурсами знаний в образовательном кластере повышения квалификации профессорско-преподавательского состава¹

Новые факторы и стратегия развития профессионального образования связаны с внедрением новых федеральных государственных образовательных стандартов. В статье раскрываются направления изменений, проблемы и перспективы формирования гарантий качества реализации образовательных программ высшего профессионального образования. Изменение целей, организации, содержания и условий образовательного процесса определяет новые теоретические подходы по управлению ресурсами знаний. Введение механизмов государственно-общественного управления профессиональным образованием в данной статье рассматривается через специальные механизмы управления ресурсами знаний, управления образовательными кластерами и сетями в системе дополнительного профессионального образования. Новая кадровая политика определяет адресную поддержку профессионального роста, обмен кадрами с реальными секторами науки и производства в образовательных кластерах; в перспективе – государственно-частное партнёрство, многоучредительство в системе дополнительного профессионального образования. Инновационная концепция проектирования сетевых образовательных программ, новых форм сетевого взаимодействия в научной, проектной и образовательной деятельности определяет в описанном проекте полифункциональную модель модернизации профессионального педагогического образования.

Ключевые слова: академическая мобильность, образовательный кластер, управление ресурсами знаний, сетевое взаимодействие, полифункциональные ресурсы знаний.

Dulma Tsirendashievna Dugarova
Doctor of Pedagogy, Professor,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: dugarova_dc@mail.ru

Knowledge Resource Control in the Educational Cluster of the Teaching Staff Advanced Training

New factors and the strategy of the professional development are concerned with the implementation of new federal state educational standards. Directions of changes, problems and perspectives of quality guarantee formation of higher vocational educational programmes implementation is revealed in the article. Change of goals, organization, content and conditions of the educational process defines new theoretical approaches of knowledge resource control. Mechanisms establishment of the state public administration with the professional development is examined with the help of special mechanisms of knowledge resource control, educational clusters control and networks in the system of continuing professional education. A new human resources policy defines a targeted support of the professional growth, human resource exchange in the sphere of science and work or development in educational clusters. Public private partnership is in perspective as well as multiestablishment in the system of continuing professional education. Innovation conception of the planning of network education programs, new forms of network interactions in the scientific, project and educational activity in the described project defines a polyfunctional model of the professional training modernization.

Keywords: academic mobility, educational cluster, knowledge resource control, network interaction, polyfunctional knowledge resources.

¹Статья выполнена в рамках Государственного задания вузу на выполнение НИР № 6.4759.2011 по теме: «Модернизация профессионально-педагогического образования».

В условиях дефицита ресурсов одним из приоритетных направлений, способствующих повышению рейтинговых показателей университета, является развитие сетевого взаимодействия образовательных учреждений и академической мобильности. Образование призвано выступить первым звеном инновационной цепочки «образование – исследования – венчурные проекты – массовое освоение инноваций» [1; 2; 3].

ФГОС ВПО третьего поколения призван расширить возможность и гибкость в формировании различных образовательных траекторий с установкой на пригодность к трудоустройству в соответствии с конкретными рыночными запросами [5]. Следует отметить, что в современном обществе складывается новый взгляд на академическую мобильность преподавателя. Не менее важным становится повышение академической мобильности, в том числе и в формате сетевого взаимодействия при повышении квалификации преподавателей и учителей.

Практика европейского высшего образования по сетевому взаимодействию показывает перспективность создания при университетах «кластеров знаний». Например, в Финляндии (провинция Оулу) на основе стратегии партнёрства с крупнейшей инновационно-технологической компанией «Nokia» создан новый университет. В результате сформировался перспективный и быстро развивающийся кластер знаний, способствующий академической мобильности ведущих профессоров различных университетов Финляндии.

В российской системе высшего образования на формирование академической мобильности влияет несколько факторов, сдерживающих развитие данного процесса, в силу слабого развития сетевого взаимодействия вузов:

1. Не разработаны механизмы развития регулирующих органов, одновременно являющихся заказчиками и потребителями сетевых образовательных услуг.

2. Реализация федеральных государственных образовательных стандартов в открытом образовательном пространстве не приобрела характер социальной нормы (не реализуется нелинейная организация образовательного процесса, отсутствует внешняя система оценивания достижений студентов, слабо развита мотивация к формированию индивидуальных образовательных программ).

3. Не сформулированы принципы взаимовыгодного стратегического партнёрства вузов и формирования образовательных кластеров.

4. Не сформирована регламентирующая база сетевой формы реализации образовательных программ (не указывается статус обучающихся в организации, виды, уровень и направленность образовательных программ).

5. Не определены условия и порядок осуществления образовательной деятельности по образовательной программе, реализуемой посредством сетевой формы.

6. Не разработана технологическая база в реализации сетевых форм внедрения образовательных программ.

7. Не создана новая система подготовки и переподготовки научно-педагогических кадров для работы в формате сетевого взаимодействия.

Эффективность сетевого взаимодействия зависит от внедрения таких технологий, как модульность образовательных программ и кластеризация образовательной среды.

В федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) модульность рассматривается как целенаправленная характеристика конструирования образовательных программ и образовательной среды, направленная на формирование конкретных компетенций. К тому же, она:

- базируется на деятельностном подходе, ориентированном на индивидуализацию обучения;

- предусматривает вариативность содержания обучения и адаптацию к индивидуальным особенностям и запросам обучаемого;

- предполагает чёткое и методически оправданное структурирование содержания обучения;

- предполагает создание всех элементов методической поддержки;

- направлена на оптимизацию учебного процесса и ориентирована на взаимосвязь управления познавательной деятельностью студента с возможностями его самодиагностики и саморефлексии;

- направлена на интенсификацию процесса обучения (достижение наилучшего результата с наименьшей затратой сил, времени и средств).

Реализация образовательных модулей, прежде всего, требует создания распределённой системы ресурсов, формирующих образовательную среду (кадровых, информационных, технологических, научно-методических и др.). Усвоение знаний, умений, навыков и освоение

компетенций как результатов обучения предусматривает использование технологий формирования и реализации образовательных модулей в созданной распределённой системе поддерживающих материальных, кадровых, финансовых программно-методических ресурсов.

Кластеризация выступает как организационная форма различных видов деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ. Она предусматривает создание полифункционального образовательного ресурса, обладающего такими свойствами, как широкомасштабность и гибкость. Приобретая именно эти свойства, ресурс становится необходимым инструментом для реализации образовательных программ в формате сетевого взаимодействия.

Анализ опыта деятельности вузов по повышению академической мобильности студентов и преподавателей показывает, что в настоящее время вузы рассматривают для этого стратегические партнёрства и кластеры как разные проекты, несмотря на то, что цели этих проектов очень близки. Анализ уровня развития стратегических партнёрств с участием вузов показывает, что такие партнёрства представляют собой двухсторонние договоры между вузами, между вузом и учреждением Российской академия наук (РАН), между вузом и крупной компанией по профилю вуза и т. д. Кластер же, в свою очередь, – это совокупность организаций, которые взаимодействуют для решения задачи по нейтрализации общих угроз развитию организации.

Повышение академической мобильности профессорско-преподавательского состава в Забайкальском государственном гуманитарно-педагогическом университете обусловило разработку программы формирования образовательного кластера по повышению квалификации научно-педагогических кадров университета.

Целью данного проекта являлось проектирование и внедрение новой модели повышения квалификации профессорско-преподавательский состав (ППС) высшей школы, предполагающей создание инновационной образовательной среды, инновационного инструментария поддержки образовательного процесса, инновационных технологий сопровождения образовательного процесса.

Формирование потенциального сетевого сообщества потребовало организации и проведения таких форм, как:

– выездные семинары: Федеральный институт развития образования (ФИРО) – стажировочная площадка «Разработка и экспертиза

основных образовательных программ»; Институт содержания образования Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) – «Оценка уровня квалификации педагогических работников»;

– консалтинговая поддержка университетов-партнёров: Российский государственный социальный университет (РГСУ) – «Экспертиза системы менеджмента качества вуза»; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (РГПУ) – «Современные технологии реализации программ высшего профессионального образования на основе ФГОС нового поколения»;

– вебинары: Российская академия образования (РАО) – «Исследовательские аспекты построения общероссийской системы оценки качества образования: задачи в зоне ближайшего развития».

Не менее важным и продуктивным направлением стала разработка и апробация единого инструментария проектирования модульных образовательных программ на базе кластер-технологий, единой ресурсной базы, модели единого контента ресурса научно-методического сопровождения образовательного процесса и научной деятельности, через создание Директората дополнительных профессиональных образовательных и магистерских программ.

Применительно к нашим условиям модернизации профессионально-педагогического образования оптимальной стала кластерная модель повышения квалификации ППС. Идеологическим центром модели, а именно системообразующим элементом кластера, являются структурные подразделения вуза (в нашем случае – Институт управления развитием образования).

Для поддержки научно-методической и академической мобильности ППС в образовательном кластере повышения квалификации разработаны образовательные программы курсов повышения квалификации как модели полифункционального образовательного ресурса, выступающие образовательной платформой данных курсов, в то же время, раскрывающие новые знаковые инновационные проекты и инициативы в сфере модернизации профессионального образования. В ходе разработки и апробации образовательной платформы определялась концептуальная база, в основе которой лежит новое понимание

управления знаниями, способов их представления, анализа и ранжирования в новом формате; функций управления качеством профессионального образования, формирования культуры качества вуза; особенностей языка представления знаний, новых способов унификации и гармонизации профессиональных знаний; новых подходов к организации и поддержке образовательных программ на основе принципиально новых для формирования знаний кластер-технологий.

Разработанная модель полифункционального ресурса каждой образовательной программы дополнительного профессионального образования по повышению академической мобильности ППС имеет широкий диапазон применения и может быть использована в ходе повышения квалификации ППС вуза для внедрения и реализации нелинейных модульных образовательных программ ФГОС третьего поколения, а также при реализации дополнительных послевузовских образовательных программ (в аспирантуре, докторантуре) и научно-методических проектов, направленных на поддержку инновационного образовательного процесса. Специфика реализации данной модели образовательного ресурса заключается и в том, что она эффективна для развития сетевого взаимодействия. Именно инновационная концепция проектирования сетевых образовательных программ, новых форм сетевого взаимодействия в научной, проектной и образовательной деятельности определяет востребованность разработанных программ дополнительного профессионального образования ППС по модернизации профессионально-педагогического образования.

В структуру разработанной полифункциональной платформы включены следующие типы образовательных ресурсов:

- информационно-справочный, обеспечивающий возможность доступа к актуальной, дополнительной и фоновой информации;
- организационный, обеспечивающий поддержку и сопровождение всех видов деятельности участников сетевой образовательной программы;
- методический, обеспечивающий обучение видам деятельности всех участников сетевой образовательной программы;
- аналитический, обеспечивающий обучение диагностике продуктов образовательной и научной деятельности.

Учитывая широкий спектр функционального назначения образовательного ресурса, выделяются такие составляющие, как информационно-справочные ресурсы, имеющие статус ядерных («ядро»), формируемых и поддерживаемых модераторами и администраторами и обеспеченных средствами поддержки ведения ресурсов и доступа к ним, и периферийных («спутников»), формируемых и поддерживаемых отдельными пользователями (преподавателями, студентами и др.).

Ядерные информационные ресурсы, предоставляемые для общего пользования без ограничений, выставлены на сайте университета. К ним могут обращаться все пользователи, которым потребовалась определённая информация для решения профессиональных задач. К периферийным ресурсам, имеющимся у модераторов и администраторов, могут обращаться в заявительной форме. Так, например, образовательная платформа «Методика оценки уровня квалификации педагогических работников» имеется на сайте университета с 2010 г. Спутниками этой образовательной платформы могут выступать разработанные новые программы повышения квалификации работников для муниципальных и государственных учреждений, для программ бакалавриата и магистратуры и т. д.

В ходе разработки и реализации модели полифункционального ресурса была предпринята попытка создать укрупнённый ресурс не столько по объёму информации, сколько по содержанию и функциональным характеристикам. Само структурирование ресурса имеет принципиальную новизну, обусловленную задачами инновационной образовательной среды.

Для создания спутников могут использоваться шаблоны таких ресурсов, которые позволяют в значительной степени снизить затратность на определение содержания и поддержку образовательных программ. Кроме того, использование шаблонов делает возможной некую унификацию как структуры, так и технологий спутников. Спутники по своей сути динамичны и мобильны. Они могут и должны создаваться по мере необходимости в зависимости от конкретных образовательных целей. Все спутники имеют общую функцию кластер-менеджера [5]. Долговременными являются так называемые комби-спутники – содержащие информацию как организационного, так и методического характера, т. е. совмещающие в себе функции кластер-информатора и кластер-

монитора. Такие спутники могут существовать в сети автономно и быть включены в состав полифункционального ресурса по мере развития сетевого сообщества, например, ресурсы по курсам «Проектирование системы менеджмента качества вуза». Кратковременными являются моноспутники с функциональной направленностью кластер-менеджера определённого вида деятельности или события, например, ресурсы по курсам «Современные образовательные технологии в педагогическом образовании».

Для комфортного использования разработанной модели была создана метабаза для работы с информационными ресурсами, курсы повышения квалификации по информационным технологиям, куда были включены правила работы в сетевом сообществе, глоссарий, база данных модераторов, закрытая база данных администраторов, база личных данных участников. В ходе апробации полифункциональной платформы была выявлена необходимость дополнительной систематизации и структурирования информации. Таким образом, разработанная модель полифункциональных ресурсов включает несколько направлений управления знаниями в образовательном кластере: метазнаний – кластер-информатор, процедурных знаний – кластер-менеджер, диагностики знаний – кластер-монитор. Функции выделенных направлений рассматриваются с трёх точек зрения: функциональной, навигационной, методической.

Характер разработанного конкретного ресурса задаётся уровнем модуляризации образовательной программы. При модуляризации образовательной программы мы опирались на следующую типологию модулей: базовые, поддерживающие, специализированные, переносимые, диагностические [4].

Развитие сетевого взаимодействия в образовательном кластере было поддержано грантовой деятельностью в форме научно-исследовательской работы. По заданию Федерального агентства по образованию в 2009 г. и Министерства образования и науки РФ в 2010–2011 гг. выполнялись следующие прикладные исследования:

– проект № 3.2.1/11297 «Разработка требований и программы подготовки экспертов международного уровня в сфере дистанционных образовательных технологий» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы»;

– проект № 3.2.3/12044 «Разработка модели информационного диагностического ком-

плекса детской одарённости, обеспечивающего анализ направленности и глубины особенностей школьника» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы»;

– проект № 3.2.3/12101 «Разработка модели непрерывного дистанционного повышения квалификации педагогов на основе распределённой системы ресурсных центров и образовательных учреждений» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы»;

– проект № 3.3.1/13609 «Разработка структуры экономического механизма государственно-частного финансирования деятельности автономного учреждения довузовского профессионального образования (НПО, СПО)» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы»;

– проект № 6877 «Теоретические основы и перспективы использования информационных систем в управлении высшим учебным заведением» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы»;

– проект № 12143 «Разработка методов и форм деятельности советов, ассоциации и объединений в области дистанционного образования» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы»;

– проект № 12142 «Разработка предложений по организации венчурного финансирования инновационных проектов в учреждениях образования» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы»;

– проект № 11127 «Разработка методологии и учебно-методического обеспечения подготовки кадров для организации инновационного развития образовательного учреждения» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы»;

– проект № 11126 «Разработка методики построения каталога информационных образовательных ресурсов по дисциплинам на примере групп специальностей 220000 *Автоматика и управление* и 230000 *Информатика и вычислительная техника* среднего профессионального образования» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы».

Научно-методическое взаимодействие в сетевом сообществе образовательного кластера позволяет по-новому реализовывать образовательные программы дополнительного профессионального образования. Речь идёт о формировании кадрового ресурса по конкретной образовательной программе. Так, например, партнёры по сетевому взаимодействию провели мастер-классы, семинары, тренинги: «Экспертиза и проектирование региональной дорожной карты по внедрению современных финансово-экономических механизмов в сфере общего образования Забайкальского края» (ИПОП «Эврика»); «Кадровая модернизация системы образования Забайкальского края» (ИПОП «Эврика»); «Система менеджмента качества вуза: практика внедрения и сертификации» (РГСУ); «Система менеджмента качества: практика разработки и внедрения в соответствии с требованиями ИСО 9001:2000» (РГСУ); «Современные технологии реализации программ высшего профессионального образования на основе ФГОС нового поколения» (РГПУ); «Актуальные вопросы модернизации российского профессионального образования» (ФИРО); «Оценка уровня квалификации педагогических работников» (ВШЭ); «Новые требования к выбору образовательных технологий и оценки результатов обучения в вузе» (ФИРО); «Подготовка ППС к экспертизе педагогических работников систем НПО, СПО» (ВШЭ).

До сих пор актуальными являются основные положения, предложенные Международной комиссией ЮНЕСКО по образованию для XXI в. в докладе 1995 г. «Образование: сокрытое сокровище» (Основа типологии модулей предложена в проекте «Tuning»).

1. Решающим элементом обновления образования будет разработка рациональной стратегии реформ на основе широкого диалога, повышения ответственности, привлечения к этой работе всех, кто в ней заинтересован.

2. В наступающем столетии будут преобладать глобальные процессы, порождающие устойчивые противоречия, которые нужно будет преодолевать между глобальным и локальным [1], всеобщим и индивидуальным, традициями и современностью, перспективными и ближайшими задачами, конкуренцией и равенством возможностей, неограниченным расширением знаний и ограниченными возможностями человека усваивать их, противоречия между духовным и материальным.

Теоретические основы управления знаниями в образовательном кластере высшего обра-

зования определяются развитием концепции социального управления в последней четверти XX века:

- формирующееся информационное общество, постиндустриальные общественные отношения предопределили представления о новом типе «работников знания» (1959–1985);

- зарождение новых научных подходов к концепции управления знаниями, разработанных в Европе (Карл Свейби, Швеция), Америке (Карл Виич) и Японии (Икуждио Нонака), (1986–1995);

- систематический процесс идентификации, использования и передачи знаний в условиях актуализирующихся технологий социального управления знаниями составляют основу непрерывного дополнительного образования научно-педагогических кадров для повышения академической мобильности студентов и преподавателей;

- основа информационной образовательной среды требует создания специализированной системы управления знаниями в новых организационных формах (кластерах) совместного использования научного, интеллектуального потенциала в целях модернизации профессионального педагогического образования.

Модель создания и реализации полифункционального ресурса знаний (образовательная платформа курсов повышения квалификации) определяет новый ситуационный подход к управлению знаниями в дополнительном профессиональном образовании в высшей школе.

В ситуации свободного доступа к любым информационным каналам и формам образования академическое сообщество лишается своего прежнего права эксклюзивного контроля над источниками знания и путями к нему ведущими, именно поэтому меняется структура преподавательской профессии, меняется характер академической карьеры, требования к его академической мобильности: преподаватель должен освоить роль тьютора, быть академическим консультантом, онлайн-консультантом, разработчиком материалов, размещаемых в сетевых ресурсах, и т. п.

Основное конструктивное положение ситуационного подхода к управлению знаниями – проектирование совокупности внешних воздействий (образовательных кластеров), в которой люди, совместно работающие в организациях и группах, могут достичь поставленных целей.

Список литературы

1. Воронченко Т. В., Костина И. И. Современный университет в условиях трансграничья: восточный и западный векторы международного сотрудничества // Международный журнал прикладных и исследований. 2012. № 8. С. 99–100.
2. Российское образование – 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях: к IX Междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и глобализация», Москва, 1–3 апреля 2008 г. / под ред. Я. Кузьминова, И. Фрумина. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 39.
3. Лига М. Б. Образование как фактор модификации и трансформации социальной структуры, ценностей современного общества // Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2012. № 4. С. 108–115.
4. Рудакова Д. Т. Развитие образовательного сетевого сообщества. URL: http://www.relarn.ru/conf/conf2003/section4/4_38.html (дата обращения: 06.06.2012).
5. Смирнов С. А. Этапы и динамика подготовки специалистов «нового типа» в системе профессионального образования // Сборник трудов Международной научно-практической конференции «Информационные технологии в образовании, науке и производстве» МНТК-2008. Серпухов, 2008. С. 118–119.
6. Усольцева Р. С. Активизация деятельности студенческого научного общества с использованием информационно-коммуникационных технологий // Информационные технологии для Новой школы: материалы конф. СПб.: ГОУ ДПО ЦПКС СПб «Региональный центр оценки качества образования и информационных технологий», 2011. С. 134–136. С. 136.;
7. Johnson W., Lustick D., & Kim M. J. (2011). Teacher professional learning as the growth of social capital. In *Current Issues in Education*, 14(3). Retrieved October 19, 2011. URL: from <http://cie.asu.edu/ojs/index.php/cieatasu/article/view/781> (дата обращения: 06.06.2012).
8. Rhodes C. & Beneicke S. (2003). Professional Development Support for Poorly Performing Teachers: challenges and opportunities for school managers in addressing teacher learning needs, *Journal of In-service Education*, 2009. P. 123–140.
9. UNESCO-IFLA: Information Literacy Resources. URL: www.infolitglobal.info/ (дата обращения: 21.12.2011).

References

1. Voronchenko T. V., Kostina I. I. Sovremennyj universitet v uslovijah transgranich'ja: vostochnyj i zapadnyj vektory mezhdunarodnogo sotrudnichestva // *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i issledovanij*. 2012. № 8. S. 99–100.
2. Rossijskoe obrazovanie – 2020: model' obrazovanija dlja jekonomiki, osnovannoj na znaniyah: k IX Mezhdunar. nauch. konf. «Modernizacija jekonomiki i globalizacija», Moskva, 1–3 aprelja 2008 g. / pod red. Ja. Kuz'minova, I. Frumina. M.: Izd. dom GU VShJe, 2008. S. 39.
3. Liga M. B. Obrazovanie kak faktor modifikacii i transformacii social'noj struktury, cennostej sovremennogo obshhestva // *Uchjonye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo*. 2012. № 4. S. 108–115.
4. Rudakova D. T. Razvitie obrazovatel'nogo setevogo soobshhestva. URL: http://www.relarn.ru/conf/conf2003/section4/4_38.html (data obrashhenija: 06.06.2012).
5. Smirnov S. A. Jetapy i dinamika podgotovki specialistov «novogo tipa» v sisteme professional'nogo obrazovanija // *Sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Informacionnye tehnologii v obrazovanii, nauke i proizvodstve» MNTK-2008*. Serpuhov, 2008. S. 118–119.
6. Usol'ceva R. S. Aktivizacija dejatel'nosti studencheskogo nauchnogo obshhestva s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tehnologij // *Informacionnye tehnologii dlja Novoj shkoly: materialy konf. SPb.: GOU DPO CPKS SPb «Regional'nyj centr ocenki kachestva obrazovanija i informacionnyh tehnologij»*, 2011. S. 134–136. S. 136.;
7. Johnson W., Lustick D., & Kim M. J. (2011). Teacher professional learning as the growth of social capital. In *Current Issues in Education*, 14(3). Retrieved October 19, 2011. URL: from <http://cie.asu.edu/ojs/index.php/cieatasu/article/view/781> (data obrashhenija: 06.06.2012).
8. Rhodes C. & Beneicke S. (2003). Professional Development Support for Poorly Performing Teachers: challenges and opportunities for school managers in addressing teacher learning needs, *Journal of In-service Education*, 2009. R. 123–140.
9. UNESCO-IFLA: Information Literacy Resources. URL: www.infolitglobal.info/ (data obrashhenija: 21.12.2011).

Статья поступила в редакцию 10 мая 2013 г.

Дулма Цырендашиевна Дугарова
доктор педагогических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: dugarova_dc@mail.ru
Нима Пурбуевич Пурбуев
доцент, член Союза художников РФ,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: dugarova_dc@mail.ru

Модели сетевой распределённой системы повышения квалификации экспертов сферы образования (зарубежный опыт)¹

В статье описаны актуальные модели повышения квалификации экспертов педагогического сообщества, применяемые в университетском сообществе на основе сетевого взаимодействия: модель дипломирования (the award-bearing model) в сфере образования; модель недостаточности (the deficit model), нацеленная на исправление недостатков в деятельности отдельного эксперта; каскадная модель (the cascade model); модель стандартов компетентности (standard-based model) демонстрирует ценность отдельных навыков, определённых в национальных стандартах, неразрывно связанных с практиками достижения соответствия (когерентности) стандартов; модель наставничества, актуализирующая ценность межличностных отношений между двумя экспертами; модель, названная зарубежными исследователями как «the community of practice model», это обучение в рамках сообщества на основе практики; модель проблемно ориентированного экспериментального исследования (the action research model) как форма повышения квалификации академической составляющей компетенции эксперта; модель преобразований (the transformative model), детерминированная системными и глубокими изменениями педагогической системы; модель социального капитала подразумевает, что любое качественное преподавание обязательно включает в себя взаимодействие и обсуждение с коллегами, акцентирует внимание на то, что в рамках достаточной протяжённой карьеры эксперта такое взаимодействие становится интенционально значимым для изменяющегося коллектива.

Показано, что в течение всей своей профессиональной жизни эксперты, используя моделирующий потенциал приведённых выше инструментов повышения квалификации, совершенствуются, формируют свой собственный уникальный набор знаний и практик, который можно определить как персональное практическое знание.

В ситуации становления экспертного сообщества России описанные практики повышения квалификации в качестве самостоятельных или интегрированных в другие модели повышения квалификации будут содействовать обогащению национальной системы.

Ключевые слова: сфера образования, система повышения квалификации, сетевая модель, зарубежный опыт, национальная модель образования.

Dulma Tsirendashievna Dugarova
Doctor of Pedagogy, Professor,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: dugarova_dc@mail.ru
Nyma Purbuevich Purbuev
Associate Professor,
Member of the Union of Artists of the Russian Federation,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: dugarova_dc@mail.ru

Models of Network Distributed Career Development System of Experts in the Sphere of Education (International Practices)

Actual models of advanced training of pedagogical or training community experts are described in the article. These models are applied at the university community on the basis of networking cooperation: the award-bearing model is applied in the sphere of education; the deficit model is

¹Статья выполнена в рамках Государственного задания вузу на выполнение НИР № 6.4759.2011 по теме: «Модернизация профессионально-педагогического образования».

intended for the correction of some weak points or mistakes in an expert's activity; the cascade model; the standard-based model demonstrates value of some definite skills which are defined in national standards and inseparably connected with practices of coherence standards achievement; the guidance or coaching model actualizing the value of interpersonal relationships between the two experts; the model which is called by the foreign researches as "the community of practice model" which is training within the framework of the community on the basis of practice; the action research model as the kind of advanced training of academic component of an expert's competence; the transformative model determined by system and deep changes in training system; the social capital model means that any qualitative education or training without doubt includes interaction and discussion with colleagues and points up the fact that in the course of a rather long expert's career such an interaction becomes intentionally meaningful for the changing staff.

It is revealed that experts using the modeling potential of the above mentioned advanced training instruments during all their lives improve themselves and form their own unique set of knowledge and practices which can be defined as personal practical knowledge.

In the case of the establishment or formation of Russian expert community all described practices of the advanced training as independent or integrated into other models of advanced training will make contribution into enrichment of the national system.

Keywords: sphere of education, career development system, network model, international practices or foreign experience, national model of education.

В последнее время на Западе развивается интенсивная дискуссия относительно того, могут ли университеты выступать в качестве основы системы повышения квалификации. Они обладают всеми внешними признаками валидности, которая рассматривается потребителями и как знак обеспечения качества, и как процедура контроля оценивающей или финансирующей институцией для реализации программ обучения экспертов сферы образования, завершающейся выдачей диплома. Однако в европейских университетах (в частности, в Шотландии) прошла дискуссия о полноте валидности данного функционала для университетов. Основные сомнения были связаны с тем, что университеты в своей практике проведения повышения квалификации ориентировались не на нужды сообщества и экспертного сообщества в частности, а на имеющиеся у них программы и курсы и, более того, их интерес ограничивался выдачей дипломов повышения квалификации ради конкурентных соображений [2]. Данную практику повышения квалификации педагогического сообщества, которая широкомасштабно представлена в современных университетах России [1], исследователи данного вопроса назвали моделью дипломирования (the award-bearing model).

В результате реализации данной модели в сфере дополнительного профессионального образования возникло противопоставление содержания терминов «профессиональный» (как ориентированный на практику образовательной деятельности) и «академический» (как противоположный «практическому»). В целом,

категорическое требование «соответствовать практическим потребностям эксперта» является в настоящее время доминирующим в западном профессиональном экспертном сообществе. При этом, как бывает при дисбалансе подходов, программы повышения квалификации в некоторых странах стали страдать от собственного антиинтеллектуализма и во многом утратили свои академические свойства.

Повышение квалификации эксперта может быть проведено как ответ на недостатки в его деятельности, обычно в рамках процедур управления эффективностью персонала. Само понятие «управление эффективностью кадров», по мнению ряда авторов [3], вызывает споры среди экспертной общественности и часто критикуется как государственное вмешательство в образовательный процесс с утилитарной целью повышения эффективности и контролируемости расходования бюджетных средств. Тем не менее, теория и практика управления эффективностью персонала предполагает, что кто-то возьмёт на себя ответственность за оценку эффективности деятельности эксперта и управление её изменениями. Обычно в таких случаях возникает вопрос, что именно ожидается от эксперта и на чём мнении строятся подобные модели компетентности.

Исследователи подчёркивают, что, отрицая индивидуальной ответственности эксперта за результаты его деятельности, нельзя не учитывать, что эффективность деятельности учебного заведения часто зависит от его руководства, ответственного за деятельность коллектива в следующих трёх направлениях:

- создание общего осознания смысла проведения мероприятий в учебном заведении;
- развитие и использование общей базы знаний;
- развитие чувства взаимозависимости и коллективной ответственности за качество.

Рассматриваемая модель недостаточности (the deficit model) также подвергается критике за то, что она нацелена на исправление недостатков в деятельности отдельного эксперта, в то время как недостаточная эффективность иногда связана не только с характеристиками отдельного индивида, но и с организационной и управленческой практикой. Рассматриваемая модель взаимодействия экспертов является дополняющей к модели стандартов, или компетентности.

Следующая модель основана на практико-ориентированной методике формирования компетентности и предполагает прохождение участниками «тренингов мероприятий» с последующим каскадным распространением информации, знаний среди коллег. Эта модель взаимодействия экспертов, называемая каскадной, часто используется в ситуациях, когда ресурсы ограничены (the cascade model).

В исследовательской литературе к недостаткам рассматриваемой модели относят качество коллективных действий в контексте их аксиологических и коннотационных оснований. В университетском сообществе мало внимания уделяется рассмотрению коллективно значимых целей развития персонала, принципам его участия в реализации миссии, совместной работы и взаимодействию, в которые были вовлечены эксперты на предыдущем уровне каскада, поскольку всё внимание передающего информацию нацелено на возможно более адекватную передачу полученных навыков. Отмечается также, что каскадная модель чаще всего нацелена на передачу умений и навыков, иногда – на передачу знаний, но очень редко – на трансляцию ценностей. По существу, каскадная модель отражает техницистские взгляды на экспертную деятельность, когда умения и знания обладают приоритетом над вниманием к намерениям и ценностям [4]. Каскадная модель, по существу, нивелирует разницу в контекстах образовательной деятельности, актуализируя знание как таковое в качестве единственно важного компонента.

Следующая модель сетевой распределённой системы повышения квалификации

экспертов демонстрирует ценность отдельных навыков, определённых в национальных стандартах. Она называется моделью стандартов компетентности. Эта модель компетентности (the standard-based model) неразрывно связана с централизованным построением системы образования, где все усилия направлены на достижение соответствия (когерентности) стандартов. Часто подобные модели реализуют в рамках идеологии обеспечения качества обучения. Модель стандартов компетентности эффективна с относительно узкой точки зрения на преподавание и обучение, в которой стандартизация возможностей является более ценной, потребности эксперта могут быть инициаторами в идентификации и удовлетворении их собственных потребностей.

Модель стандартов компетентности недооценивает экспертную деятельность как сложную, контекстно-зависимую от политической и морального окружения. Этот «научный» базис, на котором основаны стандарты, ограничивает возможности для альтернативных форм взаимодействия. Он также фундаментально привязан к бихевиористской концепции обучения, сконцентрированной на компетентности отдельных экспертов, и логически занижает значение коллегиального взаимодействия.

В основе данной модели лежат навязанные извне формы отчётности и контроля, обозначающие недостаточное доверие к экспертам с точки зрения их возможности самостоятельно и критически исследовать самих себя с профессиональной точки зрения. Более того, такой подход с неизбежностью ведёт к снижению ответственности экспертов за их собственное профессиональное формирование и будет «вращивать» в этой среде иждивенческие настроения и нацеленность исключительно на решения централизованного руководства в смысле содержания и траектории их профессионального развития.

Нельзя не упомянуть и то, что в данной модели зачастую снижается внимание к наиболее существенным, ценностно значимым вопросам деятельности педагога, таким как цели педагогической деятельности с точки зрения актуальных потребностей общества, вопросы моральной ответственности экспертного корпуса.

Будучи применимой с точки зрения стандартизации, унификации и измеримости формируемых дискриптов профессиональных компетенций эксперта, а также для целей уста-

новления «общего языка» для межпрофессиональной коммуникации, рассмотренная модель имеет свои недостатки, она существенно ограничивает возможности применения других, альтернативных концепций педагогической деятельности: коучинг, наставничество.

Наставничество охватывает различные практики взаимодействия экспертов, которые основываются на определённых философских предположениях. Основной и главной является важность межличностных отношений между двумя экспертами, типа обучение «один-на-один». И коучинг, и собственно наставничество основаны на этом типе взаимодействия, хотя коучинг больше ориентирован на формирование определённых умений, необходимых командной работе по реализации проектов коллектива, а собственно наставничество больше развивается в целях обеспечения преемственности деловых стратегий и ценностей корпоративной культуры: консультирования и «профессиональной дружбы». Модель наставничества (the coaching/mentoring model) предполагает, что одна из сторон является менее опытной, нежели чем другая.

Наставничество может быть коллегиальным, но чаще всего является иерархическим по типу отношений. Ключевым для наставничества является понимание того, что профессиональная подготовка проходит в рамках контекста учебного заведения и может развиваться посредством активного обучающего диалога между коллегами.

Наставничество может коренным образом различаться по своей содержательности и профессиональной значимости для становления педагога – эксперта и экспертного коллектива. В ситуации новичок/опытный эксперт наставничество предполагает профессиональную инициацию, т. е. введение в профессию, сопровождаемую передачей соответствующих навыков и знаний с освоением контекста. В случаях, когда участники наставничества приблизительно равны в смысле личного профессионального опыта, оно приобретает характер такого взаимодействия, в рамках которого происходит обсуждение возможностей, ценностей и ожиданий в менее иерархическом контексте общения.

В исследовательской литературе по данному вопросу [5] отмечается, что независимо от своего типа и целей роль наставничества в повышении квалификации эффективна, тре-

бует от участников высокоразвитых навыков межличностного общения, и при этом недостаточно востребована в современном университетском дополнительном профессиональном образовании. Технология наставничества редко встречается в описании квалификационных требований к педагогическим кадрам.

В сильных коллективах с устойчивыми традициями продвижения корпоративной миссии практикуется ещё одна модель повышения квалификации экспертов в рамках конкретного сообщества практиков. Данная модель основана на трёх главных процессах [6]:

- развивающихся формах взаимного участия;
- понимании и уточнении вклада участников в развитие сообщества;
- развитии участниками способов, тематики, стилей и дискурсов существования в сообществе.

Эта модель названа зарубежными исследователями «the community of practice model», т. е. обучение в рамках сообщества практики.

Основным для модели сообщества практики является понимание того, что обучение в рамках сообщества практики возникает как непосредственный результат существования этого сообщества и его внутренних взаимодействий, но не как результат запланированного заранее события или эпизода.

Более того, уверенность участников в существовании сообщества является основополагающим для эффективной вовлечённости каждого в деятельность сообщества. В зависимости от роли, выполняемой индивидуальным участником как членом подгруппы, обучение в рамках сообщества может быть или активным, или пассивным, когда коллективная мудрость доминирующих участников структурирует сообщество и распределяет роли между его участниками.

Фундаментальным для успешности взаимодействия в рамках модели сообщества практиков является вопрос власти. Необходимо, чтобы сообщество смогло создать собственное понимание целей своего существования и его устройства, тем самым позволив участникам получить определённый уровень контроля над осмыслением квалификации и его освоением. Для взаимодействия экспертов как профессионального диалога, это требование не может быть реализовано формальными процедурами или методами классического иерархического

менеджмента. Реализация совместного проекта в рамках сообщества определяет возможность отношений взаимного контроля участников, тем самым развивая более трансформативные методы и практики, нежели чем упомянутые выше управленческие техники.

Развитие взаимодействия в модели сообществ практики показывает, что, несмотря на то, что иногда эти сообщества превращаются в пространство постоянного доминирования определённого дискурса конкретных участников, в большинстве случаев модель сообщества практики имеет значительный потенциал как мощный инструмент развития и трансформации, когда сумма знаний и опыта отдельных индивидов значительно обогащается посредством коллективных усилий.

Более продвинутой системой повышения квалификации экспертов и формирования развивающей среды экспертного сообщества выступает сетевая распределённая система повышения квалификации экспертов. Эффективной в сетевой распределённой системе повышения квалификации экспертов представляется модель проблемно ориентированного экспериментального исследования (the action research model) как форма повышения квалификации академической составляющей компетенции эксперта. Рассматриваемая модель взаимодействия экспертов раскрывается как изучение социальной ситуации, вовлекающее участников в роли исследователей с целью улучшения качества действия внутри этой социальной ситуации [7]. Другими словами, модель проблемно ориентированного экспериментального исследования есть процесс осмысления некоторой общей проблемы и совместный поиск её решения. Исследователи отмечают, что эта модель взаимодействия экспертов оказывает существенное влияние на функционирование сообществ в процессе взаимодействия и является во многих случаях одним из основных типов деятельности [8]. По-существу, именно аудиторская, аналитико-прогностическая функция эксперта наиболее востребована в современных системах обеспечения гарантий качества. Последние мероприятия вуза по добровольному прохождению общественно-профессиональной аккредитации основных образовательных программ по социологии, дизайну и сервису продемонстрировали максимальную эффективность экспертной оценки состояния и прогнозов развития стратегии ОПОП.

Не случайно, аналитики считают, что рассматриваемая модель предлагает альтернативу пассивной роли эксперта в традиционных моделях профессиональной деятельности [9]. Участники сообщества экспертов, будучи вовлечены в процесс осмысления и последующего решения проблемы, становятся субъектами процессов взаимодействия экспертов, в отличие от традиционной модели, когда они выступают объектами реализации тех или иных концепций и методик, сгенерированных в специализированных академических центрах. Таким образом, сообщества экспертов ограждают себя от засилья нерелевантных, с их точки зрения, направлений для взаимодействия.

Одновременно с указанными эффектами принципиально важным является наличие непрямого, но конструктивно значимого для коллектива результата. Это то, что при реализации данной модели происходит перераспределение баланса «власти» и контроля управления над содержанием и формами взаимодействия в сторону большей автономии и увеличения прав сообщества рядовых участников экспертного сообщества. Именно осмысление себя в качестве объекта процессов взаимодействия является неотъемлемой характеристикой сообщества как саморазвивающегося феномена, действующего не по программе или плану, а имеющего внутреннюю мотивацию для существования и развития.

Процессы реальных модернизаций, социально-экономические вызовы учительских коллективов 2000-х гг. в России сформировали некоторые практики повышения квалификаций, обладающие максимальной напряжённостью изменений компетентностной парадигмы как на уровне коллективов, так и на уровне личностных изменений. Эти практики повышения квалификаций названы моделью преобразований.

Модель преобразований (the transformative model) соединяет в себе свойства нескольких моделей взаимодействия профессионалов в сфере образования, рассмотренных выше [4]. Основной характеристикой модели преобразований является комбинация практик и условий, предполагающих поддержку программы или плана преобразований профессиональной деятельности участников. Таким образом, модель преобразований не является отдельной моделью как таковой, но представляет собой набор различных условий, необходимых для трансформационной, преобразующей деятельности.

Для того, чтобы очертить специфику рассматриваемой модели, необходимо рассмотреть социальный контекст развития коллектива, который актуализирует данную модель повышения квалификации экспертов. Модель преобразований является противоположностью модели повышения квалификации через выполнение учебного плана, поскольку для коллективного осмысления проблем не всегда необходимо получение нового формального знания как набора информации.

Разумеется, оптимальной является необходимость сохранения баланса между знаниево-компетентностной ориентацией взаимодействия экспертов и акцентом на потребности эксперта в изменении реального контекста конкретного образовательного учреждения [4].

Вместе с этим необходимо отметить, что рассматриваемая модель в некотором смысле является оппозицией и модели «сообществ практики», поскольку не всегда потребности сообщества нацелены на решение именно практической задачи: иногда сообщество организуется на основе интереса к решению чисто теоретических вопросов с привлечением экспертов из университетской среды.

В этих случаях исследователи отмечают значительное усиление рефлексии и саморефлексии деятельности сообщества и её чрезвычайно активный характер в данном направлении, когда абсолютное большинство участников занимают активную позицию в рамках сообщества (что не характерно для «нормального» сообщества практики, где обычно доминирует небольшая группа индивидов). В связи с этим исследователи подчёркивают, что ключевой характеристикой модели преобразований является эффективная интеграция различных моделей, рассмотренных выше, включая вопрос распределения власти (управления сообществом).

Итак, по существу, в течение всей своей профессиональной жизни эксперты формируют свой собственный уникальный набор знаний и практик, который можно определить как персональное практическое знание. В большинстве случаев эксперты производят только незначительные и постепенные изменения своих основных принципов и убеждений по мере того, как более старые заменяются новыми. Новые идеи должны быть опробованы и осмыслены, прежде чем они будут внедрены в сознание эксперта [10]. В этом случае модель

преобразований плавно трансформируется в модель накопления квалификаций и называется моделью социального капитала (the social capital model).

Таким образом, будучи рассмотренной с точки зрения социальной активности, она может считаться как усиление профессионального педагогического сообщества. «Рефлексивная практика» включает в себя самообследование, «самопроблематизацию», «автодискуссию» и завершается обычно обсуждением с коллегами. Взаимодействие является существенной характеристикой «рефлексивной практики» по двум причинам. Во-первых, сотрудничество в группе с необходимостью вынуждает перенести внутренний процесс рефлексии в текст, т. е. эксплицирует личностные усилия эксперта в определённый дискурс. Во-вторых, сотрудничество даёт эксперту шанс осмысления новых идей и вовлекает его в осмысление его деятельности с разных точек зрения.

Модель социального капитала подразумевает, что любое качественное преподавание обязательно включает в себя взаимодействие и обсуждение с коллегами, акцентирует внимание на то, что в рамках достаточной протяжённой карьеры эксперта такое взаимодействие становится интенциональным. Однако широта и глубина саморефлексии во многих случаях ограничена, в данном случае стенами учебного класса, и не будет простирается за пределы полученных ранее знаний. Совершенствование деятельности эксперта в учебном заведении является социально контекстным процессом и одновременно с этим – коллективно-когнитивным, эпистемологическим. Анализируя понятие «капитал», можно заметить, что оно по определению включает в себя возможность использования или (и) получения (или обмена) на каких-либо других условиях необходимых активов. С другой стороны, определение «социальный» придаёт новое измерение понятию «капитал»: первоначально воспринимаемое как обычно принадлежащий конкретному индивиду, капитал становится социальным, когда его использование (в том числе получение новых активов) невозможно без задействования Другого в рамках сообществ. Более того, ряд зарубежных исследователей отмечает, что именно по наличию и характеристикам социального капитала можно и нужно проводить определение социальных групп, т. е. социальный капитал является системо- (и сете-) образующим фактором.

Выявляя содержание понятия «социальный капитал» профессиональных компетенций эксперта, можно определить устойчивость и мощность профессионального экспертного сообщества в сфере образования. Возможность совместного использования не только делает ресурсы более доступными для эксперта, но и мультиплицирует ценность этих ресурсов для экспертов. Таким образом, качественная деятельность эксперта не только требует различного типа интеллектуальных и материальных ресурсов, но и обеспечения полноты «жизненного цикла» практики взаимодействия с педагогическим сообществом. Одним из ключевых условий здорового жизненного цикла профессиональных компетенций эксперта является наличие социального капитала, который может

служить и средой, порождающей авторефлексивные практики педагогического сообщества, и интеллектуальным источником нахождения решения проблем, выявленных в ходе процесса «рефлексивной практики», и мощным основанием мотивационных изменений.

Модели повышения квалификации экспертов в университетском сообществе рассмотрены в статье. Таким образом, модель социального капитала наиболее интегративна, применительно к экспертам она интегрирует подход к взаимодействию как индивидуальной деятельности по получению новой информации и навыков, так и модель преобразования сообщества практики с её акцентом на коллективное взаимодействие экспертов и экспертируемых.

Список литературы

1. Гомбоева М. И. Концептуальные и институциональные основы модернизации системы управления непрерывным дополнительным профессиональным образованием как ресурс социального развития региона // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 5. С. 32–42.
2. Kennedy A. Models of Continuing Professional Development: a framework for analysis. *Journal of In-service Education*, Volume 31. 2005. № 2.
3. Rhodes C. & Beneicke S. Professional Development Support for Poorly Performing Teachers: challenges and opportunities for school managers in addressing teacher learning needs, *Journal of In-service Education*. 2003. P. 123–140.
4. Liu W., Carr R. & Strobel J. Extending teacher professional development through an online learning community: A case study. In *Journal of Educational Technology Development and Exchange*. 2009. № 2(1). P. 99–112.
5. Liu W., Carr R. & Strobel J. Extending teacher professional development through an online learning community: A case study. In *Journal of Educational Technology Development and Exchange*. 2009. № 2(1). P. 99–112.
6. Wenger E. *Communities of practice: Learning, Meaning and Identity*. Cambridge University Press, 1998.
7. Looi C. K., Lim W. Y. & Chen W. L. Communities of practice for continuing professional development in the Twenty-first Century. In Voogt, J., & Knezek, G. (Eds.), *International Handbook of Information Technology in Primary and Secondary Education*. New York: Springer, 2008. P. 489–502.
8. Weiner G. Professional Development, Teacher Education, Action research and Social Justice: a recent initiative in North Sweden, paper presented at the Annual Conference, In-service and Professional Development Association, Birmingham. 1–3 November 2002.
9. Burbank M. D. & Kauchak D. An Alternative Model for Professional Development: investigations into effective collaboration. In *Teaching and Teacher Education*. 2003. № 19. P. 499–514.
10. Johnson W., Lustick D. & Kim M. J. Teacher professional learning as the growth of social capital. In *Current Issues in Education*. 2011. № 14(3). Retrieved October 19, 2011, from <http://cie.asu.edu/ojs/index.php/cieatasu/article/view/781>.

References

1. Gomboeva M. I. Konceptual'nye i institucional'nye osnovy modernizacii sistemy upravlenija nepreryvnym dopolnitel'nym professional'nym obrazovaniem kak resurs social'nogo razvitiya regiona // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 5. S. 32–42.
2. Kennedy A. Models of Continuing Professional Development: a framework for analysis. *Journal of In-service Education*, Volume 31. 2005. № 2.

3. Rhodes C. & Beneicke S. Professional Development Support for Poorly Performing Teachers: challenges and opportunities for school managers in addressing teacher learning needs, *Journal of In-service Education*. 2003. P. 123–140.
4. Liu W., Carr R. & Strobel J. Extending teacher professional development through an online learning community: A case study. In *Journal of Educational Technology Development and Exchange*. 2009. № 2(1). P. 99–112.
5. Liu W., Carr R. & Strobel J. Extending teacher professional development through an online learning community: A case study. In *Journal of Educational Technology Development and Exchange*. 2009. № 2(1). P. 99–112.
6. Wenger E. *Communities of practice: Learning, Meaning and Identity*. Cambridge University Press, 1998.
7. Looi C. K., Lim W. Y. & Chen W. L. Communities of practice for continuing professional development in the Twenty-first Century. In Voogt, J., & Knezek, G. (EDS.), *International Handbook of Information Technology in Primary and Secondary Education*. New York: Springer, 2008. P. 489–502.
8. Weiner G. Professional Development, Teacher Education, Action research and Social Justice: a recent initiative in North Sweden, paper presented at the Annual Conference, In-service and Professional Development Association, Birmingham. 1–3 November 2002.
9. Burbank M. D. & Kauchak D. An Alternative Model for Professional Development: investigations into effective collaboration. In *Teaching and Teacher Education*. 2003. № 19. R. 499–514.
10. Johnson W., Lustick D. & Kim M. J. Teacher professional learning as the growth of social capital. In *Current Issues in Education*. 2011. № 14(3). Retrieved October 19, 2011, from <http://cie.asu.edu/ojs/index.php/cieatasu/article/view/781>.

Статья поступила в редакцию 15 мая 2013 г.

Святослав Иванович Григорьев
доктор социологических наук, профессор,
член-корреспондент РАО, декан,
факультет социального управления,
Горно-Алтайский государственный университет
(Горно-Алтайск, Россия), e-mail: guslyakova@mail.ru

Виталистская социология быдлоизации – основа научного обеспечения преодоления кризисного развития современного российского общества¹

В настоящей публикации представлены основные выводы виталистской социологии о развитии такого явления социальной жизни и массового сознания населения современной России, как «быдлоизация» значительной его части. В социологическом витализме это представляется как развитие специальной среднеуровневой социологической теории, отражающей социально значимую тенденцию эволюции современного российского общества, имеющую аналоги в современном мировом социальном и духовно-культурном развитии. Методологической основой анализа рассматриваемой в статье проблемы выступает культурвиталистская модель социологии жизненных сил человека и общества, её базовый исследовательский метод как принцип соответствия жизненных сил и жизненного пространства бытия людей в определённых социально-исторических, социокультурных условиях. На этой основе получены результаты оценки особенностей быдлоизации населения СССР и современной России, обозначена их взаимосвязанность, ряд общих оснований, связанных с разрушением преемственного социокультурного развития населения Российской Федерации, вульгарным революционаризмом и экономоцентризмом. Представленные выводы могут быть использованы учреждениями социальной сферы и производства, а также управления и образовательно-просветительской деятельности.

Ключевые слова: социальная культура, обыденное сознание, социокультурная дифференциация общества, быдлоизация образа жизни населения, быдлоизация массового сознания населения, социология быдлоизации, быдлоизация личности, социальное здоровье, социальные болезни, социальные девиации, социальная эффективность, социальное партнёрство, непрерывное образование.

Svyatoslav Ivanovich Grigor'ev
Doctor of Sociology, Professor,
Corresponding Member, Russian Academy of Education,
Gorno-Altai State University,
Faculty of Social Management Dean
(Gorno-Altai, Russia), e-mail: guslyakova@mail.ru

Vitalist Sociology of Bydloizatsiya as the Basis of Scientific Support for Overcoming the Crisis in Contemporary Russian Society

This article presents the main results of a vitalist sociological research regarding the spread of 'bydloizatsiya', a current phenomenon in the mass consciousness and social life of Russia. The selected approach represents the development of a special midrange sociological theory, reflecting a socially important trend in the evolution of Russian society and having analogies in social, spiritual and cultural processes in the modern world. The basic research methodology is a cultural-vitalist model of sociology of vitality of man and society which proposes the research principle of correspondence between vital forces and people's living space in certain socio-historical and socio-cultural conditions. This model infers the estimates of the peculiarities of population bydloizatsiya both in the USSR and in modern Russia, the interconnection of these processes and their common features related to the disruption of the successive social and cultural life in the Russian Federation, vulgar revolutionism and economocentrism. The findings may be useful for social institutions, spheres of production, management and education.

Keywords: social culture, everyday consciousness, socio-cultural differentiation, bydloizatsiya of people's lifestyle, bydloizatsiya of mass consciousness, sociology of bydloizatsiya, bydloizatsiya of personality, social health, social diseases, social deviations, social efficiency, social partnership, continuing education.

¹Статья выполнена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» по теме «Качество жизни как основа обеспечения социальной безопасности России в XXI веке».

Социология жизненных сил человека и общества особенно значимой стала в современной России, где в 1990-е гг. произошла вновь смена типа общественного развития, возврат к традиционному потребительскому стихийно-эксплуататорскому обществу. Это не могло не оказать серьёзного влияния на качество общественного и личностного развития, безопасность жизни людей, преемственность их социокультурного развития.

Особая *актуальность* означенной проблематики в развитии населения, современного общества в России, её аналогов в других странах с учётом специфики их современной социокультурной и общественно-исторической эволюции в главном определяется следующими причинами:

– во-первых, тем, что усложнение, рост разнообразия основ социальной дифференциации, увеличения её масштабов и в социальной практике, в характере доминирующих форм жизнедеятельности, образе жизни, и в массовом, обыденном сознании, а также в научном, элитном осмыслении данной проблематики создали к рубежу XX–XXI вв. во многом принципиально иную ситуацию;

– во-вторых, констатируем и тот факт, что данная проблематика актуализирована ростом значимости массового понимания – непонимания (знания – незнания) тех глобальных и локальных рисков для жизни людей, что масштабно возросли и распространились в мире, в каждой отдельной стране во второй половине XX в. Это стало в начале нового XXI столетия ключевой проблематикой, о чём свидетельствует не только массовость лесных пожаров, но и масштабы техногенного загрязнения, информационного духовно-нравственного, психологического разложения людей, пользующихся Интернетом, участвующих в сетевых коммуникациях;

– в-третьих, что также очень важно отметить, ещё и тем, что осмысление этих новых явлений социального и социокультурного, духовно-нравственного, семейно-бытового развития было масштабно изменено случившейся в последней трети XX в. глобальной информационно-коммуникационной революцией, обусловившей во многом новое сочетание глобального, национального и регионального, а также социально-исторического, социогенетического и актуально- сетевого, повседневно-прагматического;

– в-четвёртых, нельзя не сказать и о том, что возникшее в последней трети XX в. новое сочетание основных сфер общественного сознания (мифологии, религии, идеологии, морали, искусства, науки, философии, обыденного сознания людей) и взаимодействия в новой социально-исторической и информационной среде породило иные формы воспроизводства и использования не только научно-образовательных, управленческих политико-идеологических практик, но и эволюции массового, обыденного сознания, его использования политическими и финансово-экономическими элитами, корпоративными центрами управления, общественными организациями «третьего сектора»;

– в-пятых, отмеченные новые явления и процессы не могли не усложнить развитие современного социологического знания, не повысить его внимание к проблематике формирования и сохранения жизненных сил человека и общества за счёт оптимизации развития социальной культуры. Не случайно культурвитализм в развитии виталистской социологии и в близких ей социологических парадигмах оказался по существу к началу XXI в. в центре внимания конструктивно работающих элит современного социологического сообщества. При этом показательно и то, что в качестве главных противников, оппонентов ему выступают сторонники постмодернизма, кто готов похоронить сегодня не только социологию, но и другие социальные и гуманитарные науки, а также и человечество в целом ...

Означенная проблематика в России масштабно обострена ещё и тем, что страна в результате вульгарно-либерально-рыночных реформ 1990-х гг. оказалась отброшенной в своё и мировое социально-историческое прошлое, в эпоху первоначального капиталистического накопления, «дикого рынка», в социальную ситуацию зависимости от лидеров стран «золотого миллиарда», представляющих интересы мировых элит – сторонников традиционного потребительского стихийно-эксплуататорского общества, обречённого на трансформацию в XXI столетии в общество цивилизации управляемой социоприродной эволюции, ноосферный социализм, основанный на единении Разума и Духовности, социальной эффективности развития общества, государства и человека, производственных корпораций и общественных организаций «третьего сектора», гражданского общества.

Социология быдлоизации как специальная среднеуровневая теория социологического витализма, в соответствии с современным определением его объекта, предмета и базового исследовательского метода, а также основных, ключевых понятий [4; 5; 19–21], изучает процессы и явления быдлоизации¹ образа жизни человека и общества, населения определённой страны и мирового человеческого сообщества в целом, его жизненных сил и жизненного пространства бытия, массового, обыденного сознания и социокультурного развития людей. В отечественной и зарубежной социологии данные явления и процессы наиболее часто рассматриваются в социологии массового сознания [6; 8; 13; 15; 17; 26], которое характеризуется обычно как «усреднённое сознание», не включающее в себя достижения, выводы, взгляды творчески мыслящих индивидов, их сообществ. В этой связи оно представляется чаще как «отражение “массовыми общностями” различных сторон социальной реальности», как сознание толпы, охлократических сообществ. При этом «охлократия» представляется традиционно как власть толпы или тех социально-политических сил, которые ориентируются на неё, выдвигая, как правило, иррациональные, неосуществимые или упрощённые, обыденные требования и лозунги [16].

Всё это обычно связывается с развитостью и аномалиями развития *социальной культуры* человека и общества, распространением *социальных рисков*, проблематикой рисков в целом [1; 3; 12; 14; 30]. Данная тематика породила во второй половине XX в. целый ряд новых направлений развития социологии, социологических парадигм, которые, как и виталистская социология, отражают не только рост актуальных рисков для жизни людей, но и преемственность их осмысления, начиная с древности [1; 3; 12; 14; 18; 28; 30].

Так, в общественной мысли, в философском знании Античности и Средневековья, например, риски рассматривались как опасности и случайности, ниспосланные Богом, нечто неопределённое, имеющее сакральное происхождение. В России мы видим это в древнерусской

¹Быдло – понятие обыденного сознания в современном русском языке, отражающее развитие обыденных форм поведения, массового сознания, характерных для толпы, характеризующихся снижением уровня социальной культуры населения, человека и общества. В западной социологии XX в. наиболее полно раскрыто при анализе процессов и явлений «охлократии», в современных российских публикациях, представляющих это направление исследований [6–9].

литературе, в её светских и религиозных произведениях, в летописях. Позднее это наблюдается и в основных социологических парадигмах, в произведениях их выдающихся представителей, основателей. У М. Вебера понятие «риск» получает широкое и основательное осмысление в условиях становления капитализма и используется, как правило, в трёх смыслах: а) для обозначения случайности в мореходстве; б) для рассмотрения коммерческих проектов, связанных с опасностями их реализации, финансовой, экономической неэффективности; в) для оценки опасностей в связи с распространением слухов [17].

В творчестве Ф. Найта риск исследуется и рассматривается в контексте определения типа неопределённости, что может привести к неблагоприятным последствиям, которые можно измерить с помощью математических и статистических методов, что в условиях информатизации, информационно-коммуникационной революции (точнее – революций) второй половины XX в. приобрело огромное распространение, а также значительное разнообразие и массовую стандартизацию [14, с. 7–8].

Характеризуемое развитие событий не могло не породить ряд прямо противоположных тенденций. Так, например, такие известные социологи, как У. Бек, Н. Луман, М. Дуглас и другие последовательно проводят в последней трети XX в. обоснования того, что далеко не все риски (политические, экологические, медико-биологические, технологические и др.) можно представить, выразить с помощью математического инструментария. Они обосновали целесообразность культурного измерения, сохранения экспертных оценок. В данном плане понимание рисков было ещё более дифференцировано: у Н. Лумана это «то, что может произойти в будущем, зависящее от решения, которое следует принять в настоящем». По методологии М. Фуко, как известно, риск характеризуется как «определённый дискурс, основу которого составляют идеи неопределённости в связи с возможностью перехода к гавернментальности как новому типу управления, предполагающему сетевые формы безопасности и саморефлексию акторов». У М. Дугласа риск – это социально, культурно и политически сконструированный смысл внешнего мира, включающий представления об опасности и неопределённости: риск – «не вещь, а способ мышления». Согласно выводам У. Бека, риск – это

системное производство явных и латентных опасностей для человечества, обусловленное процессом «рефлексивного модерна», особенно – высокой индустриализации и функциональной дифференциации. Это «ненамеренные последствия как результат ненамеренных изменений в институтах». При этом риск, полагает У. Бек, культурно воспринимается и определяется как риск и (общественное) определение риска, что он является одним и тем же, это гибрид, созданный человеком. Новые типы рисков являются одновременно глоболокальными, сочетающими реальность и её восприятие, определение, конструирование... [1; 12].

В концепции Э. Гидденса риск – это «рукотворная неопределённость как результат человеческой интервенции в условия социальной жизни, а также в природу, политическими последствиями которой стало то, что либеральная демократия «не отвечает требованиям рефлексивной гражданственности в глобализирующемся мире». В свою очередь, Я. Кулпит характеризует риск как «нечто выбираемое и нечто навязанное», что активизирует сознание и в то же время угрожает ему, делает его рефлексивным [3, с. 14].

Один из известных у нас в стране и за рубежом российских социологов С. А. Кравченко связывает риски с возникновением неопределённости, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности: как вероятности наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных акторов (индивидуальных или коллективных), а также вероятности обретения выгод и благ, что субъективно воспринимается акторами в контексте определённых ценностных координат, на основании чего осуществляется выбор альтернативы действия. В инвайронментальной социологии О. Н. Яницкого социология риска связывается по преимуществу с социоэкологией, что органично сочетается с разработками сторонников «движения зелёных» [1; 3; 12; 14; 18; 28; 30].

Виталистская социология, интегрируя означенные подходы к изучению рисков, формирует целостную концепцию анализа качества жизни человека и общества [11], их безопасности и социальной культуры, а также аномалий бытия, социального, психического и физического здоровья, что так или иначе связано с эволюцией жизненных сил человека и общества, пространства их бытия, характера социальной дифференциации и культурного уровня разных групп населения. В этой связи

особое значение имеют, с одной стороны, исследования динамики и масштабов социального положения и роли, уровня и качества жизни различных групп населения [7; 10; 22–24], а с другой – те, что посвящены анализу проблем развития массового сознания населения, манипуляций с ним [2; 9; 27]. Это формирует две основные группы факторов и условий, которые выделяет виталистская социология в анализе процессов и явлений эволюции быдлоизации человека и общества: во-первых, те из них, что связаны с эволюцией *социального положения и роли, активности и субъектности* различных социальных групп населения, их представителей. При этом учитываются детерминанты природного и культурного характера, субъектного и пространственно-бытийного. Во-вторых, речь идёт о механизмах управления массовым, обыденным сознанием, эволюцией интеллекта и ценностных ориентаций, смыслов жизни и представлений населения о справедливости.

В основе определения *критериев «быдлоизации» человека и общества* в социологическом витализме с учётом характера его объекта и предмета мы видим *основные смысложизненные ориентации людей*, отдельных лиц и их социальных групп, обладающих специфическим мировоззрением и образом жизни, социальным положением и ролью в обществе. Главным фактором и условием *«быдлоизации»* жизни человека в этой связи рассматривается его *отторжение от социально значимых форм и смыслов жизни*, эгоизация в контексте приоритетов потребительства, эконоцентризма и вульгарно-рыночного прагматизма. Преодоление «быдлоизации» в этой связи ориентируется на формирование таких ценностей и смыслов жизни человека, которые связаны с приоритетами служения людям, семье, государству и обществу, развитию своей социальной культуры, основ справедливости, защиты жизни, её социокультурной безопасности. При этом ставятся задачи плодотворного участия каждого человека во всех основных сферах развития общества: в экономике, в политике, социально-бытовом и духовно-культурном развитии, в совершенствовании социально-экологического пространства. На этом фоне обеспечивается выход из сферы доминирующих приоритетов потребительства и гедонизма, эконоцентризма и вульгарно-рыночного прагматизма, преодоления идеологем традиционного потребительского стихийно-эксплуататорского общества.

Стратегически социологический витализм ориентирует человека на его развитие как *субъекта всей системы общественных отношений*, всех основных сфер жизни общества. И это при всём том, что *развитость этой субъектности* может и должна быть по целому ряду объективных причин природного и социокультурного характера у каждого человека чаще различной (и по масштабам, и по приоритетам, и по формам выражения).

Такая постановка проблемы и видение процессов «быдлоизации» человека и общества позволяют видеть, констатировать и профилировать не только *эгоистический* уклон в развитии этих процессов, но и *вульгарно-социально-массовый*. Вульгарно-социализированные человек, сообщества людей в этой связи являют собой ещё одно направление «быдлоизации», порождаемое грубо-административным обобществлением бытия людей, развитием их сотрудничества.

Основным условием предупреждения и преодоления означенных направлений «быдлоизации» социологический витализм видит в поиске оптимального сочетания личного и общественного в жизни человека, в развитии социума, различных народов и государств. При этом национальные культуры, социокультурный потенциал этих народов и государств, их жизненное пространство, ресурсы жизнеобеспечения определяют специфику поисков и пропорций таких сочетаний с учётом процессов глобализации, унификации, стандартизации социальной жизни. Анализ данной проблематики в современном российском обществе с позиций социологического витализма ориентирует нас в этой связи видеть и ещё один очень важный аспект проблемы – оценку влияния на развитие жизненных сил современного человека и общества, сочетание в нём революционного и эволюционного, инновационного, трансформационного и социально-исторического, социогенетического. Актуально стоит вопрос о сохранении преемственного, *органичного социокультурного развития* общества и человека как основы профилактики их «быдлоизации», деградации, аномального развития, обострения проблем социального здоровья.

История России в XX в. убедительно показала, что чрезмерная увлечённость революционаризмом, а также инновациями, модернизацией «любой ценой» создаёт угрозу для

жизни наций, народов, государств, отдельных людей, их сообществ. На этом фоне проявляют себя обе из означенных выше тенденций «быдлоизации» населения, когда оно становится жертвой манипуляций массовым обыденным сознанием: и вульгарная эгоизация, и административно-силовая социализация, идеологемы вульгарно-рыночного прагматизма и административного социализма, объединённые потребительством, основанным, в одном случае, на приоритетах прибыли, рынка и предпринимательства, частной собственности, а в другом – государственного патернализма и доминирующего обобществления.

Обыденное сознание населения СССР – России в XX в. испытало влияние и социальных, объективных, и технологически манипуляционных факторов и условий, формировавших опережающими темпами и масштабами оба указанных направления «быдлоизации» населения, что не могло не создать их противоречивого сочетания к началу XXI в. Возникла новая ситуация взаимодействия, сочетания идеологем, формирующих быдлоизированное общество и человека парадоксального типа, сочетающего тенденции эгоистической и коллективистской быдлоизации. Опасность и разрушительный характер такой быдлоизации в полной мере ещё не получили достоверной оценки ни в науке, ни в политическом и социальном, а также экономическом и эколого-демографическом управлении. Между тем, оно оказывает серьёзное влияние на массовость распространения физических, психических и социальных болезней, суицида, пассивности и агрессивности отдельных слоёв быдлоизированного населения современной России.

Экспертиза сложившейся ситуации и расчёты основных показателей «быдлоизации» населения на основе принятия им идеологем, представляющих основы односторонних капиталистических и социалистических ориентаций, их противоречивых сочетаний со всей определённой требуют новых подходов к осмыслению происходящего и прогнозированию будущего. Социологический витализм даёт возможность это делать. Но это следующий шаг в нашем исследовании, требующий специального рассмотрения, с последующим анализом качества и уровня жизни людей, человека и общества, безопасности их жизни, основных направлений социального прогресса, его эволюции в XXI в.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс – традиция, 2000.
2. Буравой М. Комментарий: за глобальную социологию низших слоёв // Социс. 2009. № 4.
3. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. № 5.
4. Григорьев С. И. Основы виталистской социологии XXI века. М.: Гардарики, 2007.
5. Григорьев С. И., Дёмина Л. Д., Растов Ю. Е. Жизненные силы человека. Барнаул, 1995.
6. Грушин Б. А. Массовое сознание. М., 1987.
7. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодёжи. М.: Мысль, 2007.
8. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / ред. В. Э. Шляпентох, В. Н. Шубкин, В. А. Ядов. М., 1999.
9. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо-пресс, 2002.
10. Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме: монография. М., 2009.
11. Лига М. Б. Качество жизни как основа обеспечения социальной безопасности. М.: Гардарики, 2006.
12. Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. № 5.
13. Михайлов Ф. Т. Общественное сознание и самосознание индивида. М.: Наука, 1990.
14. Найт Ф. Понятия риска и неопределённости // Thesis. 1994. № 5.
15. Осипов Г. В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М.: Норма, 2007.
16. Охлократия // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. II. М.: Мысль, 2003.
17. Охлократия: словарь новейшей социологической лексики / авт.-сост. С. А. Кравченко. М.: МГИМО – Университет, 2011.
18. Риск в социальном измерении / ред. А. Мозговая. М., 2001.
19. Словарь виталистской социологии / ред.-сост. С. И. Григорьев. М.: Гардарики, 2006.
20. Социология жизненных сил человека и общества: от метафоры к концепции / под ред. С. И. Григорьева, Л. Д. Дёминой. М.: Магистр-Пресс, 2000.
21. Социологический витализм: накопление методологического потенциала и технологических возможностей: материалы II Всерос. социол. конгресса / под ред. С. И. Григорьева. М.: Барнаул: Изд. РНИЦ, 2003.
22. Социальное положение и роль русских в современной России: материалы всерос. экспертного опроса / под ред. С. И. Григорьева. М.: Изд-во РГСУ, 2011.
23. Социальная эффективность реформ в России XX–XXI веков / ред. С. И. Григорьев. М.: Изд-во РГСУ, 2010.
24. Социальная квалиметрия, оценка качества и стандартизация социальных услуг: учеб. пособие / С. И. Григорьев, Л. Г. Гуслякова, Г. В. Говорухина [и др.]. М.: Алгоритм, 2011.
25. Ткач В. Х. Охлократия. Между Хутором и Майданом. М., 2008.
26. Тощенко Ж. Т. Общественное сознание и перестройка. М., 1990.
27. Тощенко Ж. Т., Романовский Н. В. Публичная или профессиональная публичная социология? // Социс. 2009. № 4.
28. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.
29. Цуладзе А. М. Политические манипуляции или покорение толпы. М., 1999.
30. Яницкий О. Н. Социология риска. М.: ZVS, 2003.

References

1. Bek U. Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M.: Progress – tradicija, 2000.
2. Buravoj M. Kommentarij: za global'nuju sociologiju nizshih slojov // Socis. 2009. № 4.
3. Giddens Je. Sud'ba, risk i bezopasnost' // Thesis. 1994. № 5.
4. Grigor'ev S. I. Osnovy vitalistskoj sociologii XXI veka. M.: Gardariki, 2007.
5. Grigor'ev S. I., Djomina L. D., Rastov Ju. E. Zhiznennye sily cheloveka. Barnaul, 1995.
6. Grushin B. A. Massovoe soznanie. M., 1987.
7. Zubok Ju. A. Fenomen riska v sociologii. Opyt issledovaniya molodjozhi. M.: Mysl', 2007.
8. Katastroficheskoe soznanie v sovremennom mire v konce HH veka (po materialam mezhdunarodnyh issledovanij) / red. V. Je. Shljapentoh, V. N. Shubkin, V. A. Jadov. M., 1999.
9. Kara-Murza S. G. Manipuljacija soznaniem. M.: Jeksmo-press, 2002.
10. Kravchenko S. A. Riski v nelinejnom globokal'nom sociume: monografija. M., 2009.
11. Liga M. B. Kachestvo zhizni kak osnova obespechenija social'noj bezopasnosti. M.: Gardariki, 2006.

12. Luman N. Ponjatje riska // Thesis. 1994. № 5.
13. Mihajlov F. T. Obshhestvennoe soznanie i samosoznanie individa. M.: Nauka, 1990.
14. Najt F. Ponjatija riska i neopredeljonnosti // Thesis. 1994. № 5.
15. Osipov G. V. Sociologija i obshhestvo. Sociologicheskij analiz rossijskoj smuty. M.: Norma, 2007.
16. Ohlokratija // Sociologicheskaja jenciklopedija: v 2 t. T. II. M.: Mysl', 2003.
17. Ohlokratija: slovar' novejshej sociologicheskoi leksiki / avt.-sost. S. A. Kravchenko. M.: MGIMO – Universitet, 2011.
18. Risk v social'nom izmerenii / red. A. Mozgovaja. M., 2001.
19. Slovar' vitalistskoj sociologii / red.-sost. S. I. Grigor'ev. M.: Gardariki, 2006.
20. Sociologija zhiznennyh sil cheloveka i obshhestva: ot metafory k koncepcii / pod red. S. I. Grigor'eva, L. D. Djominoj. M.: Magistr-Press, 2000.
21. Sociologicheskij vitalizm: nakoplenie metodologicheskogo potenciala i tehnologicheskikh vozmozhnostej: materialy II Vseros. sociol. kongressa / pod red. S. I. Grigor'eva. M.; Barnaul: Izd. RNC, 2003.
22. Social'noe polozhenie i rol' russkih v sovremennoj Rossii: materialy vseros. jekspertnogo oprosa / pod red. S. I. Grigor'eva. M.: Izd-vo RGSU, 2011.
23. Social'naja jeffektivnost' reform v Rossii XX–XXI vekov / red. S. I. Grigor'ev. M.: Izd-vo RGSU, 2010.
24. Social'naja kvalimetrija, ocenka kachestva i standartizacija social'nyh uslug: ucheb. posobie / S. I. Grigor'ev, L. G. Gusljakova, G. V. Govoruhina [i dr.]. M.: Algoritm, 2011.
25. Tkach V. H. Ohlokratija. Mezhdututorom i Majdanom. M., 2008.
26. Toshhenko Zh. T. Obshhestvennoe soznanie i perestrojka. M., 1990.
27. Toshhenko Zh. T., Romanovskij N. V. Publichnaja ili professional'naja publichnaja sociologija? // Socis. 2009. № 4.
28. Fuko M. Arheologija znanija. Kiev, 1996.
29. Culadze A. M. Politicheskie manipuljacii ili pokorenie tolpy. M., 1999.
30. Janickij O. N. Sociologija riska. M.: ZVS, 2003.

Статья поступила в редакцию 19 марта 2013 г.

Зауре Жолдасбековна Жаназарова
доктор социологических наук, профессор,
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
(Алматы, Казахстан), e-mail: janaranur@yahoo.com

Положение беспризорников в современном обществе: социологический портрет

Одной из черт современной действительности стало появление детей, лишённых семьи. В данной статье рассматривается категория детей, которые временно или постоянно лишены своего семейного окружения, не имеют правового статуса «сирота» или «ребёнок». Особое внимание уделяется анализу факторов и условий возникновения феномена «уличные дети». К числу этих факторов автор относит наличие криминальной обстановки, семейное положение, объективную ситуацию, психологию возраста, молодёжную субкультуру, информационный фактор. Выделяются социальные группы уличных детей. Отмечается, что наличие такой социальной группы, как уличные дети, свидетельствует о социальном неблагополучии общества. Дается характеристика уличной социальной работе с детьми улицы, целью которой является установление отношений, основанных на доверии, при этом важно, чтобы дети имели возможность принимать активное участие в обсуждении важных вопросов, касающихся изменения их жизни. Характеризуются методы уличной социальной работы.

Ключевые слова: уличные дети, факторы риска, сирота, беспризорник, зона риска, уличная социальная работа.

Zaure Zholdasbekovna Zhanazarova
Doctor of Sociology, Professor,
Al-Farabi Kazakh National University
(Almaty, Kazakhstan), e-mail: janaranur@yahoo.com

The Situation with Homeless Children in Contemporary Society: a Sociological Portrait

One of the features of contemporary reality is the emergence of children deprived of their family. This paper deals with the category of children who are temporarily or permanently devoid of their family environment and don't have the legal status of "orphan" or "child". The author analyzes the factors and conditions of the emergence of the street children phenomenon. These factors are: existence of crime situation, marital status, objective situation, psychology of children, youth subculture and information factor. The author examines social groups of street children and suggests that presence of such groups is a sign of adverse society. Social work with street children aimed at establishment of the trust relationship is described. It is important that children are actively involved in the discussion of important issues related to changes in their lives. Methods of street social work are characterized.

Keywords: street children, risk factors, orphan, homeless child, risk zone, street social work.

Беспризорные, безнадзорные, уличные дети – это синонимы названия одной и той же категории детей, для которых улица стала домом. В отношении уличных детей, временно или постоянно лишённых своего семейного окружения, не имеющих правового статуса «сирота» или «ребёнок», оставшихся без родительского попечения, грубо нарушены основные права ребёнка. Группой неправительственных организаций (НПО) было дано следующее определение: беспризорник, или уличный ребёнок, – это любой несовершеннолетний, для

которого любые нежилые помещения, используемые как укрытия, стали обычным местопребыванием [1].

Феномен уличных детей является симптомом чрезвычайного социального неблагополучия общества. Социальные и экономические изменения в годы реформ ввергли многие казахские семьи в бедность. Такие дети, как правило, являются выходцами из социальных низов.

Существует три категории беспризорников:

– постоянно проживающие на улице (дети, которые живут на улице более одного месяца);

– периодически живущие на улице дети. Жизнь этих детей на улице не ограничивается периодом от нескольких дней до нескольких недель. Например, дети, входящие в эту категорию, оказываются на улице во время очередных запоев родителей-алкоголиков;

– ночующие дома, но свои основные потребности удовлетворяющие на улице. Это в основной массе дети, давно оставившие школу, состоящие на учёте в милиции или в комиссии по делам несовершеннолетних.

В качестве *факторов*, приводящих к феномену *уличных детей*, чаще всего рассматриваются следующие: криминальный, семейный, информационный, объективная ситуация, психология возраста, молодёжная субкультура.

Анализ таких факторов и условий их возникновения предполагает рассмотрение понятия «*факторы риска*». Под факторами риска следует понимать причину, движущую силу возникновения риска, определяющую его характер и основные черты. В свою очередь, совокупность факторов риска образует своеобразную *зону риска*, которая, в зависимости от конкретных социально-экономических предпосылок, состояния социальной системы и её отдельных элементов, имеет способность расширяться, что соответствует, как правило, кризисному периоду развития социума в эпоху коренных трансформаций. Ключевыми терминами для изучения природы социального риска являются: неопределённость, вероятность, противоречивость, альтернативность [2].

Понятие «беспризорность» определяет положение самого несовершеннолетнего, его своеобразный социальный статус, который он обретает по собственному желанию или в силу стечения обстоятельств.

По классификации ЮНИСЕФ (United Nations Children's Fund, Международный чрезвычайный детский фонд ООН), категории беспризорных детей условно разделяют на:

1) сохранившие определённые связи с семьёй;

2) собственно «уличные», т. е. совершенно одинокие дети.

Отличительными признаками такого социального статуса являются:

– полное прекращение всякой связи с семьёй, родителями, родственниками;

– обитание в местах, не предназначенных для человеческого проживания;

– добывание средств к жизни способами, не признанными в обществе;

– подчинение собственным неписанным законам, продиктованным признаваемым среди беспризорников авторитетом.

Изучение современной детской беспризорности позволило обнаружить и другие её особенности. Если в прежние годы она увеличивалась преимущественно за счёт осиротевших детей, лишившихся семьи, родителей не по собственной воле, то теперь уход, бегство из семьи объясняются тяжёлыми условиями существования ребёнка.

Среди уличных детей различают следующие социальные группы:

– ребёнок, находящийся в кризисе (социальном, педагогическом, психологическом т. д.);

– ребёнок-инвалид или больной;

– ребёнок, нарушивший закон;

– ребёнок из семьи беженцев, переселенцев;

– ребёнок-наркоман, алкоголик, токсикоман;

– ребёнок-сирота;

– ребёнок, эксплуатируемый взрослыми (физическая, материальная, моральная эксплуатация).

В каждой из этих групп уличных детей свой механизм создания условий для социализации и обеспечения прав ребёнка в семье, в обществе, в государстве [3]. Острую тревогу вызывает то обстоятельство, что среди беспризорных детей нередко встречаются воспитанники государственных интернатных образовательных учреждений.

Отдельное место среди обстоятельств, способствующих бегству ребёнка на улицу, занимают психические заболевания, выражающиеся в нарушении душевного равновесия, страхе перед школьными учителями, утрате познавательных и волевых психических процессов. Наиболее распространёнными психическими нарушениями у детей является задержка психического развития различной степени тяжести. Убежав из семьи, дети теряют последнее, что имели, и начинают резко отставать в своём умственном и психическом развитии, поэтому они чаще своих сверстников совершают противоправные поступки. В воспитании улица доминирует над семьёй и

школой, резко нарушается социализация детей. Уличные дети утверждаются в обществе через силу. Педагогическое невежество с виду «нормальной» семьи или частые конфликтные ситуации в семье группы риска выталкивают ребёнка на улицу. Уличные дети, хотя и обижены на всех и на всё, отличаются завидной жестокостью, социальной приспособленностью, подозрительностью, недоверчивостью, неподчинением взрослым, вороватостью. Все аномалии поведения уличных детей связаны с интеллектуальной недостаточностью, снижением индекса образованности.

Статистические данные свидетельствуют о том, что наибольшая доля десоциализированных детей – это выходцы из низших, материально необеспеченных слоёв населения. К их числу необходимо отнести многодетные, неполные семьи, а также те семьи, в которых есть хотя бы один безработный родитель или родитель, страдающий алкоголизмом [4].

Беспризорных детей чаще всего можно встретить в оживлённых местах, на рынках, привокзальных площадях, около ночных клубов, где легче достать еду и заработать деньги. Средства к существованию зарабатываются попрошайничеством, выносом мусора из ларьков, воровством, проституцией и т. д. Их труд опасен, тяжёл и продолжителен. Нередко дети отдают заработанное лидерам преступных группировок или родителям-девиантам (алкоголикам, наркоманам, туеядцам), либо же «заработок» отбирают у них силой.

Многие уличные дети употребляют разнообразные токсические вещества, чтобы помочь себе справиться с жизненными трудностями. Вдыхание паров токсического клея или различных растворителей, ставших своеобразным атрибутом уличной жизни, приводит к притуплению чувства голода, отчаяния, усталости. Дети могут утратить ощущение реальности и переживать галлюцинаторный опыт.

Коммуникативные навыки беспризорных характеризуются бедным словарным запасом и обилием ненормативной лексики. Речь несвязная и состоит из коротких фраз. Иногда встречаются дети с достаточно высоким интеллектуальным уровнем и развитой речью.

Чаще всего уличные дети стремятся объединиться в группы по форме заработка или месту проживания. Обладая высокой степенью свободы, группировки беспризорников часто

достаточно аморфны: не имеют чёткой структуры, явных лидеров. Внутри группы отношения между детьми носят иерархический характер. Если возникает угроза извне, они быстро объединяются. По наблюдению уличных социальных служб, группы беспризорников достаточно автономны, замкнуты, часто не знают о существовании подобных групп по соседству. Они легко распадаются и меняют места своего обитания, численность групп непостоянна. Основным критерием поиска жилья для уличных детей является наличие отопления. Поэтому места их обитания – теплотрассы, канализационные люки, подвалы, чердаки, вокзалы, брошенные машины, парадные домов, притоны алкоголиков.

В мировой практике универсальным инструментом работы с беспризорными детьми стала работа уличной социальной службы. Её целями являются улучшение положения и здоровья уличных детей и их постепенный возврат к нормальной жизни. Главное в уличной работе – установление отношений, основанных на доверии, при этом важно, чтобы дети имели возможность принимать активное участие в обсуждении важных вопросов, касающихся изменения их жизни. К основным методам уличной социальной работы относятся наблюдение, интервьюирование, визуальная диагностика, тестирование, психологическая поддержка и т. д.

Детство – важный этап в жизни человека, этап подготовки к полноценной жизни и деятельности, в котором маленькие граждане особенно нуждаются в поддержке и заботе общества. Обеспечить эту поддержку – важнейшая задача государства, которая в Казахстане постепенно реализуется.

В 2007 г. в нашей стране принята четырёхлетняя Государственная программа «Дети Казахстана», которая позволяет обеспечить адресность мероприятий по охране прав и защите интересов всех категорий детей, гарантировать исполнение положений Конвенции ООН о правах ребёнка.

В Казахстане проживает около 5 млн детей, т. е. треть населения. Из них 420 тыс. детей с ограниченными возможностями в развитии. Свыше 50 тыс. – детей-сирот и оставшихся без попечения родителей. Печальную статистику дополняют безнадзорные и беспризорные дети, дети из неблагополучных семей, с девиантным поведением, злоупотребляющие

алкоголь и наркотики. Всё это как никогда актуализирует проблему профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, по которой Правительством утверждён специальный План действий на ближайшие годы. Во многом благодаря мероприятиям, предусмотренным подобными планами, наметилась тенденция снижения количества несовершеннолетних

правонарушителей и преступников. Сократилось число несовершеннолетних, состоящих на учёте в органах внутренних дел. Уменьшилось количество случаев суицида среди несовершеннолетних. В данном контексте радует, что в последние годы наблюдается активизация деятельности детских и молодёжных организаций в стране.

Список литературы

1. Ребёнок на улице: метод. пособие. СПб., 2002. С. 76.
2. Самыгин С. И. Социальная безопасность: учеб. пособие. М.: Дашков и К, 2012.
3. Канаян В. А., Орёл В. И., Середа В. М. Дети улиц. СПб., 2002.
4. Гоголева А. В. Беспризорность. Социально-психологические и педагогические аспекты. М., 2004. С. 164.

References

1. Rebjonok na ulice: metod. posobie. SPb., 2002. S. 76.
2. Samygin S. I. Social'naja bezopasnost': ucheb. posobie. M.: Dashkov i K, 2012.
3. Kanajan V. A., Orjol V. I., Sereda V. M. Deti ulic. SPb., 2002.
4. Gogoleva A. V. Besprizornost'. Social'no-psihologicheskie i pedagogicheskie aspekty. M., 2004. S. 164.

Статья поступила в редакцию 19 апреля 2013 г.

Валерий Григорьевич Зарубин

*доктор социологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена*

(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: vg_zarubin@mail.ru

Александр Иванович Начкин

*кандидат социологических наук, доцент,
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена*

(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: vg_zarubin@mail.ru

Эффективный контракт научно-педагогических работников: нормативное и ценностное измерение

В данной статье раскрываются нормативная и ценностная составляющие эффективно-го контракта с научно-педагогическими работниками университета. Нормативное понимание эффективного контракта предполагает вознаграждение. Вознаграждение обеспечивает реализацию профессиональной компетенции, научную самореализацию и свободу выбора преподавателя. Эффективный контракт – это спланированное рациональное решение преподавателя и администрации. Преподаватель стремится заключить сделку. Для этого он использует индивидуальные ресурсы. Эффективный контракт – это соглашение, которое является ответом на риски внешней среды. В контрактах фиксируются ожидаемые результаты работы, стоимость осуществления контракта и способы разрешения возможных споров при оценке работы. Эффективный контракт – это механизм оплаты труда, ориентированный на результат, который включает показатели в области научной, преподавательской и экспертной деятельности. Корпоративная сплочённость – это ценностное измерение эффективного контракта. Она включает ряд показателей. Первый показатель – совпадение целей и задач развития университета, сформулированных администрацией, с социальными ожиданиями преподавателей. Второй – согласие в области составных элементов эффективного контракта. Третий – понимание необходимости формирования кадрового резерва. Четвёртый – понимание необходимости контракта для молодых преподавателей. В статье обосновано, что введение эффективного контракта приведёт к институциональным изменениям в университете и формированию конкуренции в среде преподавателей.

Ключевые слова: университет, преподаватель, эффективный контракт, норма, ценность, научная деятельность, преподавательская деятельность, экспертная деятельность.

Valeriy Grigor'evich Zarubin

Doctor of Sociology, Professor,

Herzen State Pedagogical University of Russia

(St. Petersburg, Russia), e-mail: vg_zarubin@mail.ru

Aleksandr Ivanovich Natkin

Candidate of Sociology, Associate Professor,

Herzen State Pedagogical University of Russia

(St. Petersburg, Russia), e-mail: vg_zarubin@mail.ru

Effective Contract of Scientific and Pedagogical Staff: Normative and Value Dimension

In this article normative and value component of an effective contract with research and teaching staff of the university is revealed. Normative understanding of the effective contract suggests remuneration. Remuneration provides implementation of professional competence, scientific self-realization and teacher's freedom of choice. The effective contract is rational solution planned by the teacher and the administration. The teacher strives to make a deal. For this purpose he uses individual resources. The effective contract is an agreement that is a response to the risks of the environment. Performance expectations, the cost of the contract and the way of resolving potential disputes in the evaluation work are recorded in the contracts. The effective contract is the result oriented mechanism

of payment for labor. It includes indicators in the field of research, teaching and expert activities. Corporate cohesion is the effective contract value dimension. Corporate cohesion includes a number of indicators. The first indicator is the convergence of goals and objectives of the university, which are formulated with the social expectations of teachers by administration. The second one is the consent of constituent elements of the effective contract. The third indicator is understanding the need to form a personnel reserve. The fourth indicator is understanding the need of contract for young teachers. The article substantiates that introduction of the effective contract will lead to institutional change in the university and the formation of competition among teachers.

Keywords: university, teacher, effective contract, norm, value, scientific activity, teaching activity, expert activity.

Российская высшая школа на пороге перемен. В период с 2012 по 2018 гг. в отраслях социальной сферы намечены качественные изменения, направленные на повышение эффективности образования и науки. Особое внимание в «дорожной карте» преобразований уделяется развитию кадрового потенциала высшего образования. Одним из нововведений является разработка и внедрение механизмов эффективного контракта с научно-педагогическими работниками образовательных организаций высшего образования [4]. Разработчики дорожной карты убеждены, что переход на эффективный контракт приведёт к повышению качества высшего образования, созданию новых финансово-экономических механизмов, обеспечивающих конкуренцию среди профессорско-преподавательского состава и повысит уровень трудовой мотивации научных и научно-педагогических кадров.

Что представляет собой эффективный контракт, который заключается между университетом и преподавателем? Данный вопрос является предметом дискуссий среди социологов, исследующих проблемы совершенствования деятельности высшей школы.

Прежде всего, обратимся к нормативной составляющей эффективного контракта.

По мнению Я. Кузьмина, эффективный контракт предполагает, что в роли ассистента, старшего преподавателя, доцента или профессора оказывается такой специалист, который обладает достаточными знаниями, квалификацией, опытом и профессиональной компетенцией для общения со студенческой и аспирантской аудиторией. Кроме этого, такой специалист «имеет набор предпочтений, включающий исследовательскую работу, общение с коллегами и студентами, ведение занятий и консультирование студентов, а также высоко ценит свободное время и возможность самостоятельно принимать решения об организа-

ции своей работы» [2, с. 17–18; 3, с. 405–418]. Я. Кузьминов вводит термин – «академическое вознаграждение». Академическое вознаграждение – это удовлетворение, которое получает вузовский преподаватель от процесса реализации педагогических новаций, от результатов научного творчества и от количества свободного времени.

По мнению Дж. Л. Бесса, эффективный контракт – это либо спланированное решение, либо разновидность социального обмена между университетом и преподавателем [1, с. 60–61].

В первом случае эффективный контракт – это рациональное решение преподавателя. Преподаватель в соответствии с конкретными мотивами, ожиданиями и интересами стремится заключить сделку. Для этого он использует индивидуальные ресурсы. Ресурсы могут быть как материальными (знания, уровень компетентности, профессиональный опыт), так и символическими (авторитет, престиж, известность). В результате сделка представляет собой соотношение между вкладом преподавателя и вознаграждением со стороны работодателя. Вознаграждение включает выплаты, социальный пакет, удовлетворение от работы, одобрение руководства и коллег, обеспечение безопасности, статус во властной и профессиональной иерархии, карьерный потенциал. Сделка способствует тому, что возникают взаимные обязательства между преподавателем и администрацией. В то же время эффективный контракт, имеющий вид сделки, крайне нестабилен, особенно из-за того, что он заключается в рыночном контексте и в условиях структурных изменений высшего профессионального образования.

Во втором случае эффективный контракт рассматривается в логике теории социального обмена. Контракт – это соглашение, которое является ответом на неопределённости и риски, которые существуют во внешней среде. В

ответ на неопределённость, которую испытывает университет на внешнем рынке, вводятся контракты с преподавателями. В них прописываются ожидаемые результаты работы, стоимость осуществления контракта и способы разрешения возможных споров при оценке работы. «Контракты, – отмечает Дж. Л. Бесс, – могут быть кратко-, средне- и долгосрочными, и каждый из них имеет свои особенности для работников и организаций» [1, с. 61]. Краткосрочные контракты защищают университеты от резких колебаний на рынке образовательных услуг. Эти контракты ограничивают обязательства университета перед преподавателем. Они результативны, когда происходит сокращение образовательных услуг, и университет не может поддерживать неизменную численность работников. Контракты средней длительности защищают преподавателя от сокращения. В то же время работодатель не обязан продлевать среднесрочный контракт с преподавателем, руководствуясь экономическими мотивами. Долгосрочные контракты – это условия для воспроизводства иерархии и властных отношений в университете.

И. Прахов трактует эффективный контракт в логике экономической социологии, акцентируя внимание на механизме оплаты труда преподавателя, ориентированного на конкретный результат [5, с. 307]. При таком подходе возникают, как минимум, два вопроса. Первый – какие индикаторы (показатели) можно назвать адекватными для использования оценки труда преподавателя? Второй – действительно ли каждый вид деятельности положительно влияет на заработную плату?

Обратимся к оценке параметров деятельности преподавателя в университете.

Исследовательская деятельность. Её можно оценить по количеству публикаций, их качеству, а также по количеству цитат и ссылок на работы конкретного автора. Такая деятельность легко поддаётся не только количественной, но и качественной оценке. Вопрос лишь в том, какие индикаторы наиболее точно отражают исследовательские способности преподавателя (публикации в каких журналах стоит принимать во внимание, следует ли учитывать публицистические издания, написанные учебные пособия и монографии).

Преподавательская деятельность. Её внешняя оценка затруднена. Мало, кто за пределами университета – работодатели или науч-

ная общественность – осведомлён о педагогических способностях того или иного преподавателя. Затруднена и внутренняя оценка: руководство университета, деканы факультетов или заведующие кафедрами могут сказать о том, кто из профессоров является ярким лектором, умелым методистом, а кто нет. Но эти суждения будут, скорее, субъективным мнением конкретного администратора.

Экспертная деятельность. Определённые аспекты экспертной деятельности могут быть оценены как внутри университета (экспертная деятельность по внутриуниверситетским конкурсам и грантам), так и на внешнем рынке образовательных услуг (участие в работе диссертационных советов, участие в работе экспертных сообществ).

Теперь вернёмся к вопросу оценки конкретных видов деятельности преподавателя. На основании каких показателей можно формировать материальное вознаграждение преподавателя? В качестве индикаторов исследовательской деятельности можно выделить: количество опубликованных монографий и учебных пособий, когда преподаватель является либо автором, либо научным редактором; количество опубликованных научных статей в отечественных изданиях; количество опубликованных научных статей в наиболее престижных международных журналах; защита диссертаций; количество цитат или ссылок на работы конкретного автора в других изданиях; наличие исследовательских проектов и грантов с внешним финансированием.

В качестве индикаторов преподавательской деятельности можно выделить: наличие наград за успехи в преподавании; количество методических публикаций и разработок; уровень образовательных программ (бакалавриат, магистратура, аспирантура); количество баллов по результатам анкетирования студентов.

В качестве индикаторов экспертной деятельности можно выделить: участие в работе диссертационных советов, участие в работе экспертных советов разных уровней, участие в работе экспертных сообществ.

При разработке показателей следует иметь в виду, что невозможно создать универсальную шкалу материального вознаграждения. Результаты деятельности профессора и ассистента всегда будут различаться. Работа молодого преподавателя сопряжена с необходимостью приобретения опыта в области пре-

подавания и экспертной деятельности, а также с подготовкой квалификационных работ для защиты учёных степеней (кандидата и доктора наук) и получения учёных званий (доцента и профессора). Поэтому следует разрабатывать два типа эффективных контрактов. Один тип – для опытных доцентов и профессоров. Другой – опережающий контракт, для соискателей учёных степеней и званий.

Таким образом, нормативная составляющая эффективного контракта включает следующие компоненты. Прежде всего, это комплекс финансовых, материальных и социальных гарантий, обеспечивающих устойчивое развитие университета в ситуации повышенной конкуренции на рынке образовательных услуг, а также условие для реализации профессиональной компетенции, творческой самореализации и свободы выбора преподавателя. Это наличие оптимальной модели взаимодействия между университетом и преподавателем, ориентированной на рациональный выбор или достижение консенсуса в виде взаимного соглашения сторон. Эта система показателей является измерителем труда преподавателя.

Другая составляющая эффективного контракта носит ценностный характер. Это уровень корпоративной сплочённости университетского сообщества в ситуации социальных изменений.

Методика экспертного опроса позволяет выявить уровень корпоративной сплочённости в отношении перехода университета на эффективный контракт.

В Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена в марте 2013 года был проведён экспертный социологический опрос по теме «Развитие кадрового потенциала и системы аттестации кадров с целью повышения эффективности деятельности университета и его рейтинговых показателей». В опросе принимали участие члены учёного совета университета. Среди них: 3 проректора, 23 декана факультетов и директоров институтов, 3 руководителя подразделений, 14 заведующих кафедрами, 2 профессора, 3 доцента и 8 студентов. Всего 56 экспертов, что составляет 67 % от числа всех членов учёного совета университета.

Первый показатель корпоративной сплочённости – совпадение политики в области развития кадрового потенциала, которую проводит администрация университета, и социальных ожиданий преподавателей в отношении

контрактов, регулирующих трудовую деятельность. Этот показатель находит своё подтверждение в ходе сравнения одной из ключевых задач, сформулированной в «Программе развития Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена на 2011–2015 гг.», и результатов социологического исследования.

Приоритетной задачей является создание корпоративной среды, стимулирующей инновационную активность и рост творческой инициативы, личностной и профессиональной самореализации сотрудников и обучающихся [6]. В свою очередь, ответы экспертов на вопрос: «Чем определяется кадровый потенциал РГПУ им. А. И. Герцена?» – распределились следующим образом.

Первая позиция: «Коллектив преподавателей и сотрудников университета находится в оптимальном возрасте, коллектив состоит из специалистов в своей области».

Вторая позиция: «Кадровый потенциал университета будет высоким при условии сохранения ведущих кафедр и подразделений».

Третья позиция: «Условием сохранения высокого кадрового потенциала университета является сочетание научной деятельности и практического опыта».

По мнению экспертов, основными направлениями развития кадрового потенциала в университете на ближайшую перспективу являются:

- в области кадровой политики: омоложение профессорско-преподавательского состава, преемственность подготовки профессорско-преподавательского состава по схеме: студент–аспирант–преподаватель; привлечение ведущих специалистов профильных предприятий и учреждений с опытом и стажем работы; внутривузовский обмен опытом в области организации педагогической и научной деятельности;

- в области материального стимулирования: приемлемая заработная плата, активные формы морального и материального поощрения, оценка персонала по открытым и стабильным критериям.

Второй показатель корпоративной сплочённости – согласие в отношении составных элементов эффективного контракта внутри экспертного сообщества.

По мнению экспертов, основными при определении надбавки к окладу профессорско-

преподавательского состава являются следующие показатели: количество публикаций в ведущих российских и зарубежных научных изданиях (88 % от числа опрошенных), грантовая деятельность (56 %), оценка преподавателя студентами (54 %), международный (Web of Science, Scopus) и российский (РИНЦ) индекс научного цитирования (52 %), высокое место в конкурсе профессиональных достижений (46 %).

Эксперты называли дополнительные показатели, которые могут являться основанием при определении надбавки к окладу. К ним относятся: участие в общественной и воспитательной работе (9 упоминаний), учебная деятельность, разработка новых лекционно-практических курсов (7 упоминаний), научно-исследовательская работа со студентами, руководство аспирантами (7 упоминаний), подготовка монографий, учебных пособий, учебно-методических комплексов (6 упоминаний), участие в разработке целевых программ (4 упоминания), презентационная активность (2 упоминания).

Третий показатель – понимание необходимости формирования кадрового резерва на различных уровнях управления университетом. На вопрос о целесообразности формирования кадрового резерва ответы экспертов распределились следующим образом: на уровне ректората утвердительно ответили 58 % опрошенных, на уровне деканата – 76 и на уровне кафедры – 82 % опрошенных.

Четвёртый показатель корпоративной сплочённости – понимание необходимости опережающего контракта для молодых преподавателей и научных сотрудников.

По мнению экспертов, основными способами стимулирования, которые обеспечат закрепление молодых преподавателей и научных сотрудников в университете, являются: премия за конкретный результат (80 % опрошенных), надбавка к окладу (72 %), социальный пакет (70 %), формы морального поощрения (48 %), организация конкурсов профессиональных достижений (32 %), информация о личных достижениях в вузовских СМИ (24 %).

Результаты социологического исследования выявили, что корпоративная сплочённость – это результат воздействия исторических традиций, управленческих решений и социальных ожиданий, удерживающих преподавателей в университетском сообществе. Когда университетское сообщество отличается сплочённостью, все его члены ориентированы на реализацию миссии университета, его стратегических целей и задач. Каждый участник сообщества активно поддерживает остальных преподавателей и студентов, поощряя их преданность университету. Университетское сообщество как целое способствует воспроизводству коллективных источников духовного и материального развития университета.

Таким образом, внедрение эффективного контракта приведёт к институциональным изменениям в сфере высшего образования. Произойдёт дифференциация среди организаций высшего профессионального образования. Основными чертами университетского сообщества будут мобильность и конкуренция.

Список литературы

1. Бесс Дж. Л. Контракты, бюрократия и мотивация преподавателей: возможные эффекты отсутствия постоянного найма // Контракты в академическом мире / сост. и науч. ред. М. М. Юдкевич. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
2. Кузьминов Я. Академическое сообщество и академические контракты: вызовы и ответы последнего времени // Контракты в академическом мире / сост. и науч. ред. М. М. Юдкевич. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
3. Кузьминов Я. Академическое сообщество и академические контракты: вызовы и ответы последнего времени // Как платят профессорам? Глобальное сравнение вознаграждений и контрактов / под ред. Ф. Альтбаха, Л. Райсберг, М. Юдкевич. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
4. План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки». Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 2620-р. URL: <http://правительство.рф/media/2012/12/31/54270/file/2620.doc> (дата обращения: 04.04.2013).
5. Прахов И. Академические контракты и заработная плата профессора: преподавать, исследовать, управлять? // Контракты в академическом мире / сост. и науч. ред. М. М. Юдкевич. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
6. Программа развития Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена на 2011–2015 гг. URL: <http://www.herzen.spb.ru/main/management/us/1294913082/> (дата обращения: 04.04.2013).

References

1. Bess Dzh. L. Kontrakty, bjurokratija i motivacija prepodavatelej: vozmozhnye jeffekty otsutstvija postojannogo najma // Kontrakty v akademicheskom mire / sost. i nauch. red. M. M. Judkevich. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2011.
2. Kuz'minov Ja. Akademicheskoe soobshhestvo i akademicheskie kontrakty: vyzovy i otvety poslednego vremeni // Kontrakty v akademicheskom mire / sost. i nauch. red. M. M. Judkevich. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2011.
3. Kuz'minov Ja. Akademicheskoe soobshhestvo i akademicheskie kontrakty: vyzovy i otvety poslednego vremeni // Kak platjat professoram? Global'noe sravnenie voznazhdenij i kontraktov / pod red. F. Al'tbaha, L. Rajsberg, M. Judkevich. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2012.
4. Plan meroprijatij («dorozhnaja karta») «Izmenenija v otrasljah social'noj sfery, napravlennye na povyshenie jeffektivnosti obrazovanija i nauki». Rasporzazhenie Pravitel'stva RF ot ot 30 dekabnja 2012 g. № 2620-r. URL: <http://pravitel'stvo.rf/media/2012/12/31/54270/file/2620.doc> (data obrashhenija: 04.04.2013).
5. Prahov I. Akademicheskie kontrakty i zarabotnaja plata professora: prepodavat', issledovat', upravljat'? // Kontrakty v akademicheskom mire / sost. i nauch. red. M. M. Judkevich. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2011.
6. Programma razvitija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena na 2011–2015 gg. URL: <http://www.herzen.spb.ru/main/management/us/1294913082/> (data obrashhenija: 04.04.2013).

Статья поступила в редакцию 29 апреля 2013 г.

Сергей Александрович Крылатов
аспирант кафедры педагогики,
Забайкальский государственный университет
(Россия, Чита), e-mail: 86sergei_s@mail.ru

Культура здорового образа жизни¹

Процессы, происходящие в современном мире, актуализируют проблему формирования культуры здорового образа жизни. С одной стороны, исследование данной проблематики продиктовано демографическими процессами, ростом экологических, социальных рисков, вызванных самим человеком и направленных против него, его здоровья. С другой стороны, решающим фактором социально-экономического развития сегодня становится человеческий ресурс, именно от него зависит будущее цивилизации, страны, государства, людей. Развитие человеческого капитала детерминировано такими факторами, как образование и здоровье. В статье даётся определение образа жизни, здоровья, здорового образа жизни, культуры здорового образа жизни, выделяются её индикаторы, структура, в которой выделены ресурсы здоровья, потенциал здоровья, рента здоровья. Обосновывается идея о том, что важным источником экономического развития в современном обществе становится здравоохранение, которое до этого считалось только отраслью потребляющей и непроизводительной.

Ключевые слова: образ жизни, здоровье, здоровый образ жизни, культура здорового образа жизни, ресурсы здоровья, потенциал здоровья, рента здоровья.

Sergey Aleksandrovich Krylatov
Postgraduate Student, Department of Pedagogy,
Transbaikal State University
(Russia, Chita), e-mail: 86sergei_s@mail.ru

Culture of Healthy Lifestyle

The processes taking place in the modern world actualize the problem of creating a culture of healthy living. On the one hand, the study of this problem is dictated by demographic processes, the growth of the environmental, social risks caused by man, and against him, his health. On the other hand, the decisive factor for socio-economic development today is the human resource. It is this resource that the future of civilization, country, state, and people depends on. Development of human capital is determined by such factors as education and health. The article defines lifestyle, health, healthy lifestyle. The study presents the indicators of a culture of healthy lifestyle and its structure which includes resources of health, health potential, health rent. The author substantiates the idea that health care is an important source of economic development in today's society, which has been earlier considered only as a consuming and unproductive branch.

Keywords: lifestyle, health, healthy lifestyle, culture of healthy lifestyle, health resources, health potential, health rent.

В конце XX – начале XXI вв. решающим фактором общественного развития становится человеческий капитал. Теория человеческого капитала была разработана в 50–60-е гг. XX в. учёными Чикагского университета (Т. Шульц, Г. Беккер). Заслуга её выдвижения принадлежит известному американскому экономисту, лауреату Нобелевской премии Т. Шульцу, а базовая теоретическая модель была разработана

в книге Г. Беккера (также лауреата Нобелевской премии) «Человеческий капитал: теоретический и экономический анализ, главным образом в области образования» (первое издание 1964 г.). Согласно данной теории развитие общества в новом тысячелетии будет детерминировано не наличием природных ископаемых, а инвестициями в человека, его образование, здоровье.

¹Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, № 6.3634.2011.

Одной из сфер инвестирования в человеческий капитал является система здравоохранения, а состояние здоровья выступает как «базовый потенциал», позволяющий человеку функционировать. От состояния этого потенциала зависит жизнедеятельность конкретного человека, степень реализации его потребностей, мера его участия в жизни социума. Инвестирование в здоровье особенно важно в современных условиях, когда в обществе доминирующими стали тенденции старения и депопуляции населения, а человеческий ресурс становится самым дефицитным. Демографические процессы, происходящие в современном мире, затронули как развитые, так и развивающиеся страны. В развивающихся странах – это резкий рост народонаселения, ведущий к ухудшению окружающей среды, здоровья. В развитых странах – это сокращение численности населения, которое имеет серьёзные социально-экономические последствия. Количество пенсионеров в скором будущем будет превышать количество работающих. Кто будет содержать стариков, кто будет рожать детей, кто будет служить в армии? Актуальным и важным становится сохранение здоровья работающих людей. Понимая значимость и важность инвестирования в здоровье населения, промышленно развитые страны расходуют на здравоохранение в два раза больше, чем на военные цели.

Все эти процессы обозначили необходимость формирования культуры здорового образа жизни как одного из условий сохранения и укрепления здоровья населения, особенно молодёжи. В современном российском обществе актуализируются вопросы формирования культуры здорового образа жизни молодёжи, что обусловлено её социальным положением. С одной стороны молодёжь – это будущее страны, её стратегический ресурс, от грамотного, продуманного использования которого зависит достижение высокого уровня социально-экономического развития государства, достойного качества жизни населения. Согласно позиции К. Манхейма, молодёжь – это один из скрытых ресурсов общества, и от того, как государство сможет использовать этот ресурс, зависит его будущее. К. Манхейм считал, что молодёжь – это «оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам». В то

же время, молодёжь является, пожалуй, самой уязвимой социальной группой в силу своих возрастных особенностей, социально-психологических черт, отсутствия профессиональных навыков, опыта реализации своих внутренних ресурсов. На современном этапе развития российского общества сложилась новая модель социализации молодёжи – модель опоры на собственные силы. Основными элементами такой модели стали: ориентация на материальные ценности, преобладание префигуративной культуры (ориентация на будущее, отрицание традиций и идеалов предыдущих поколений), индивидуализация ценностей.

Ведущая роль в решении задач, стоящих перед российским государством, в изменении его отношения к самой молодёжи, в преодолении негативных тенденций в её среде принадлежит студенческой молодёжи как носителю интеллектуального капитала, оказывающему непосредственное влияние на социальное положение личности, уровень её материального достатка, качество жизни, возможности социальной мобильности, а также перспективы развития страны. Интеллектуальный капитал, воплощённый в знаниях, интеллекте, творческих способностях, становится решающим фактором развития информационного общества, или «общества знания». В связи с этим в образовательном пространстве современного вуза важным становится формирование культуры здорового образа жизни как одного из условий, обеспечивающих экономическое и социальное благополучие молодых людей и государства. Здоровый образ жизни является фактором, обеспечивающим последующее профессиональное развитие студента как высококачественного специалиста.

В Оттавской Хартии, принятой в 1986 г., под эгидой Всемирной организации здравоохранения подчёркивается, что реализация ресурсов здоровья невозможна без обеспечения людей условиями, информацией и возможностями для ведения здорового образа жизни. Оттавская Хартия установила следующие приоритеты в формировании здорового образа жизни:

- способствовать достижению равенства в состоянии здоровья различных групп населения;
- препятствовать употреблению людьми вредных продуктов, ведению нездорового образа жизни, загрязнению окружающей среды и т. д.;

– побуждать население заботиться о своём здоровье через финансовые и прочие меры;

– переориентировать ресурсы и услуги системы здравоохранения на пропаганду здорового образа жизни, осуществлять пропаганду через различные источники информации, в том числе и через самих людей;

– признать сбережение и улучшение здоровья населения основной инвестицией.

Вопросы формирования здорового образа жизни нашли отражение в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года», «Концепции развития здравоохранения Российской Федерации до 2020 года», Законе «Об образовании в Российской Федерации» и других правительственных документах.

Нам представляется, что для того, чтобы раскрыть особенности здорового образа жизни, дать его определение, следует исходить из характеристик образа жизни и здоровья как родовых понятий. Логическая операция, типичная для подобных явлений. Однако в данном случае она осложняется рядом взаимосвязанных факторов. Первый из них состоит в том, что отсутствует общепринятое определение образа жизни и здоровья. Второй – в том, что само их понимание нуждается в обращении к фактам из различных сфер жизнедеятельности общества, условиям и факторам, его обеспечивающим.

Проблемы образа жизни получили свою разработку в конце XX – начале XXI вв. в трудах философов, социологов, психологов, педагогов (Е. М. Белов, А. П. Бутенко, М. Вебер, Ю. М. Резник, Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко и др.). Однако, несмотря на определённые результаты, полученные при исследовании проблем образа жизни, следует отметить, что до сих пор отсутствует целостный подход к его определению и выявлению основных характеристик. Нам представляется, что это можно объяснить следующими причинами. Во-первых, неоднозначностью самого понятия «образ жизни» (об образе жизни говорят применительно и к обществу, и к отдельному индивиду). Во-вторых, тем, что до сих пор исследование проблем образа жизни ведётся представителями разных наук (психологами, экономистами, социологами, демографами, медиками и др.) с разных методологических позиций.

Однако, несмотря на то, что в настоящее время среди учёных нет единого мнения отно-

сительно понятия «образ жизни», при анализе различных точек зрения нетрудно заметить, что сегодня сложилось несколько направлений исследования данного понятия. Так, в частности, ряд исследователей обращает внимание на важность концептуализации данного понятия, что позволит, на их взгляд, выявить основные позитивные и негативные тенденции в развитии современного социума и человека как отражение различных социальных связей и отношений во всех сферах жизнедеятельности. Однако анализ различных подходов к определению понятия «образ жизни» даёт основание для вывода, согласно которому в научной литературе до сих пор отсутствует общепринятое определение понятие «образ жизни», а многие существующие определения весьма противоречивы и абстрактны. Так, например, В. И. Толстых определяет образ жизни как «устоявшиеся, типичные для исторически конкретных социальных отношений формы индивидуальной и групповой жизнедеятельности людей, которые характеризуют особенности их общения, поведения и склада мышления в сферах труда, общественно-политической деятельности, быта и досуга» [7, с. 25]. На наш взгляд, в данном определении раскрывается не содержание образа жизни, а факторы, его детерминирующие. В научной литературе существует точка зрения, согласно которой образ жизни есть единство форм деятельности и условий этой деятельности [6, с. 10–11]. Определение весьма абстрактное, не отражающее сущности образа жизни, его функций в жизнедеятельности индивидуума и общества. Кроме того, в рамках данного определения человек как субъект деятельности становится пассивным, отрицается его активная творческая роль. Иногда образ жизни рассматривают как характеристику экономических, социальных, политических и культурных факторов, определяющих положение человека в обществе. Образ жизни и условия жизнедеятельности предлагает различать А. П. Бутенко: «Образ жизни, – отмечает он, – тем и отличается от условий жизнедеятельности, что это сама конкретная жизнедеятельность людей. Анализ предпосылок образа жизни, условий жизни ещё не является анализом самого образа жизни, хотя он и весьма важен, так как условия жизни детерминируют содержание образа жизни» [1, с. 34]. Интересный подход к определению образа жизни предлагает

И. В. Романова. По её мнению, образ жизни можно определить «как систему наиболее существенных, типичных характеристик способа жизнедеятельности, активности людей в единстве их количественных и качественных сторон, являющихся отражением уровня развития общества» [5, с. 18].

Другая группа отечественных исследователей (И. В. Бестужев-Лада, Г. Е. Глезерман, В. И. Митрохин, А. С. Ревайкин, Я. В. Рейзман, В. И. Толстых и др.) обращается к анализу структурных компонентов образа жизни, их соотношению. Во-первых, среди компонентов образа жизни учёными выделяются такие, как «качество жизни», «уровень жизни», «уклад жизни» и «стиль жизни» [3]. Отдельные авторы рассматривают эти понятия, как не имеющие самостоятельного статуса. Во-вторых, ряд авторов трактует качество жизни как условия, обеспечивающие определённый образ жизни.

В отличие от отечественных исследователей, большинство из которых отождествляет образ жизни с формами, типами и условиями жизнедеятельности индивида, социальной группы, общества в целом, зарубежные авторы рассматривают образ жизни в контексте культуры как более фундаментальном понятии. С их точки зрения, не формы жизнедеятельности выступают детерминантами образа жизни, а типы культуры.

Нам представляется, что образ жизни – это отношение личности к условиям, предпосылкам, созданным обществом для своего развития и обеспечивающим жизнедеятельность людей, их использование индивидом для удовлетворения своих потребностей.

Обобщая существующие определения понятия «здоровье» в различных областях научного знания, М. Б. Лига и А. И. Щеткина выделяют следующие общие позиции: нормальное функционирование всего организма; процесс динамического равновесия организма и окружающей его социальной и биологической среды; реализация человеком своих социальных функций; умение организма реагировать на изменения среды и приспосабливаться к ним; отсутствие болезни; полное физическое, духовное, умственное и социальное благополучие [4, с. 151].

В статье мы принимаем определение здоровья как «биологического, психического, социального и духовного функционирования

организма, характеризующегося отсутствием болезненных изменений, позволяющего человеку удовлетворять свои потребности и реализовывать возможности в определённой среде посредством приспособительных и адаптационных механизмов, заложенных в организме» [4, с. 153].

Факторы, детерминирующие здоровье личности, можно подразделить на объективные и субъективные. К числу объективных факторов следует отнести географическую среду, уровень социально-экономического развития, экологическую обстановку, демографические процессы, политику государства по отношению к здоровью населения, парадигму деятельности системы здравоохранения (здравоцентристская или болезнecентристская). Субъективные – это факторы поведенческие, которые не только определяют состояние здоровья, но и являются наряду с объективными условиями основной культуры здорового образа жизни (самооценка здоровья, самореализации, место здоровья в системе жизненных ценностей, наличие вредных привычек, влияние стрессогенных факторов, физическая и социальная активность).

В последние годы проблемы здорового образа жизни получили всестороннее освещение в трудах отечественных учёных (В. В. Букреев, В. Н. Волков, Е. В. Воронин, Г. А. Мамитова, Т. Ю. Никифорова, Т. Ф. Орехова, Г. А. Поляничкина, Т. П. Романенко, Т. Е. Сергиенко, А. П. Тужилина, Е. Г. Федосимова, Л. И. Халилова, Н. В. Червина, О. А. Якушина и др.).

Здоровый образ жизни – это одна из форм образа жизни, условие, способствующее удовлетворению потребности личности в различных сферах жизнедеятельности. Здоровый образ жизни – это отношение личности к условиям, предпосылкам, созданным обществом для сохранения здоровья, как главной ценности и основного ресурса развития любой страны, их использование индивидом для формирования поведения, целью которого является достижение достойного качества жизни, единства физиологических, психических и профессиональных функций. Ключевыми элементами здорового образа жизни являются ресурсы здоровья, рента здоровья, потенциал здоровья [2, с. 199].

Ресурсы здоровья – это возможности, предоставляемые государством каждой личности для сохранения и укрепления своего здо-

ровья. Однако реализация этих возможностей зависит от самой личности, её жизненной позиции, творческого, образовательного потенциала, качества жизни. В настоящее время существуют две модели поведения в отношении личности к своему здоровью. Модель опоры на свои внутренние ресурсы, позволяющие активно использовать возможности, данные государством, на благо своего здоровья. Субъектом этой модели является личность с активной жизненной позицией. Модель смирения со сложившейся ситуацией, которая исходит из принципа: «государство обязано заботиться о здоровье населения, человек как потребитель медицинских услуг находится под защитой государства, оно несёт ответственность за здоровье своих граждан» [4, с. 141].

Рента (от лат. *reddita* – «возвращённая») – доход, получаемый государством, личностью от вложений в здоровье. Инвестиции в здоровье – это расходы, увеличивающие профессиональные характеристики личности. Вложения в здоровье личности осуществляются с тем расчётом, что эти затраты будут в скором будущем компенсированы возросшим потоком доходов, улучшением качества жизни, как отдельного индивида, так и общества в целом. Целью инвестиций в человеческий капитал является формирование интеллектуальных способностей человека.

Примером инвестиций в здоровье могут служить приоритетные национальные проекты (ПНП) «Здоровье», «Образование», «Доступное и комфортное жильё». Среди направлений ПНП «Здоровье» особо следует выделить: повышение доступности и качества медицинской помощи; укрепление первичного звена здравоохранения, создание условий для оказания эффективной направленности здравоохранения; развитие профилактической направленности здравоохранения; удовлетворение потребности населения в высокотехнологической медицинской помощи; снижение смертности населения Российской Федерации от управляемых причин; сохранение трудового потенциала страны. Реализация проекта «Образование» осуществлялась по таким направлениям, как: 1) поддержка и развитие лучших образцов отечественного образования; 2) создание национальных университетов и бизнес-школ мирового уровня; 3) внедрение современных образовательных технологий; 4) повышение уровня воспитательной рабо-

ты в школе; 5) развитие системы профессиональной подготовки в армии; 6) модернизация региональных систем образования. Большая роль в сохранении человеческого капитала и его развитии отводилась ПНП «Доступное и комфортное жильё – гражданам России». В рамках проекта предусматривалось решение задач повышения доступности жилья, увеличения объёмов ипотечного жилищного кредитования, увеличения объёмов жилищного строительства и модернизации объектов коммунальной инфраструктуры, выполнения государственных обязательств по предоставлению жилья категориям граждан, установленным федеральным законодательством.

Потенциал здоровья – способность человека к самостоятельному решению проблем здоровья, достижению его максимального уровня с учётом: 1) психосоматических характеристик; 2) условий и образа жизни [2, с. 199]. Нам представляется, что потенциал здоровья можно трактовать как условие, способствующее удовлетворению потребностей личности в различных сферах жизнедеятельности.

Определение культуры здорового образа жизни концептуализировано нами в рамках философской концепции, где культура есть образ жизнедеятельности общества, способ деятельности, система социальных механизмов, выполняющих функции регуляции, сохранения, воспроизведения и развития человека и общества.

Культура здорового образа жизни – это способ жизнедеятельности, система социальных механизмов, формирующих мотивацию личности к сохранению и укреплению здоровья, которая зависит от типа господствующей культуры, природного и социального окружения, модели социальной политики государства, традиций. Основными показателями уровня сформированности культуры здорового образа жизни являются: физическая функциональность, эмоциональная функциональность, психологическая функциональность, социальная функциональность, социальная функциональность в определённой сфере профессиональной деятельности.

В связи с этим значимым становится разработка и реализация программ формирования культуры здорового образа жизни, что позволит:

– обеспечить системный, целостный подход к решению данной проблемы;

- определить приоритетные направления социально-физкультурной работы;
- снизить негативные последствия табакокурения, наркомании, алкоголизма путём создания различных культурных, спортивных организаций;
- выявить механизмы влияния социальных условий на формирование индивидуальной стратегии сохранения здоровья;
- прогнозировать уровень здоровья отдельной личности.

Список литературы

1. Бутенко А. П. Образ жизни: проблемы и суждения. М.: Политиздат, 1978. 34 с.
2. Кашин В. И. Экономика здоровья как инструмент управления качеством жизни. Повышение качества жизни – важнейшая проблема Российской Федерации // сб. науч. докл. и ст. по материалам III Междунар. конф. «Качество жизни: содружество науки, власти, бизнеса и общества» // А. С. Тюриков [и др.]. Ч. 2. М.: Муниципальный мир, 2006. 305 с.
3. Лига М. Б. Качество жизни как основа обеспечения социальной безопасности. М.: Гардарики, 2006.
4. Лига М. Б., Щеткина И. А. Качество жизни: организационно-управленческий аспект. Новосибирск: Наука, 2011. 227 с.
5. Романова И. В. Образ жизни одиноких женщин посттрудового периода жизнедеятельности в современных условиях (на материалах Забайкальского края и Республики Бурятия): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Улан-Удэ, 2012. 41 с.
6. Социалистический образ жизни / Л. И. Абалкин, В. Г. Алексеева, С. С. Вишневецкий [и др.]. М.: Политиздат, 1984. 232 с.
7. Толстых В. И. Образ жизни: понятие, реальность, проблемы. М.: Политиздат, 1975. 184 с.

References

1. Butenko A. P. Obraz zhizni: problemy i suzhenija. M.: Politizdat, 1978. 34 s.
2. Kashin V. I. Jekonomika zdorov'ja kak instrument upravlenija kachestvom zhizni. Povyshenie kachestva zhizni – vazhnejshaja problema Rossijskoj Federacii // sb. nauch. dokl. i st. po materialam III Mezhdunar. konf. «Kachestvo zhizni: sodruzhestvo nauki, vlasti, biznesa i obshhestva» // A. S. Tjurikov [i dr.]. Ch. 2. M.: Municipal'nyj mir, 2006. 305 s.
3. Liga M. B. Kachestvo zhizni kak osnova obespechenija social'noj bezopasnosti. M.: Gardariki, 2006.
4. Liga M. B., Shhetkina I. A. Kachestvo zhizni: organizacionno-upravlencheskij aspekt. Novosibirsk: Nauka, 2011. 227 s.
5. Romanova I. V. Obraz zhizni odinokih zhenshhin posttrudovogo perioda zhiznedejatel'nosti v sovremennyh uslovijah (na materialah Zabajkal'skogo kraja i Respubliki Burjatija): avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk. Ulan-Udje, 2012. 41 s.
6. Socialisticheskij obraz zhizni / L. I. Abalkin, V. G. Alekseeva, S. S. Vishnevskij [i dr.]. M.: Politizdat, 1984. 232 s.
7. Tolstyh V. I. Obraz zhizni: ponjatje, real'nost', problemy. M.: Politizdat, 1975. 184 s.

Статья поступила в редакцию 23 апреля 2013 г.

Александр Иванович Кузьмин

доктор социологических наук, профессор,

ведущий научный сотрудник,

Уральское отделение Российской академии наук,

Институт экономики

(Екатеринбург, Россия), e-mail: kuz53@list.ru

Социально-экономические факторы рождаемости в свете концепции демографического перехода¹

Статья посвящена анализу социально-экономических факторов рождаемости в регионах России. Концептуальной основой работы выступает гипотеза второго и третьего демографического перехода. Автор пытается применить модель демографической транзисии к объяснению причин сложившейся демографической ситуации в Забайкальском крае. Используя схему второго демографического перехода, автор приходит к выводу о необходимости рассматривать динамику уровня рождаемости и смертности в Забайкалье в границах четвертой и пятой фазы длительной эволюции демографических процессов Забайкальского края в рамках второго демографического перехода. Предложенная гипотеза не исключает учёта влияния конкретных факторов уровня жизни и занятости населения на имеющийся уровень рождаемости в семье и на меняющуюся структуру причин смертности населения. В статье приводятся примеры результатов исследования сохранившейся на территориях Сибири мотивации на многолетний образ жизни в различных этнических группах населения.

Ключевые слова: население, демографическая транзисия, замещение поколений, условия жизни, фактор, рождаемость, смертность, демографическое поведение, менталитет, ценность, установка, семья, мотивация репродуктивного поведения, прогноз.

Aleksandr Ivanovich Kuz'min

Doctor of Sociology, Professor,

Leading Researcher,

Institute of Economics,

Ural Branch, Russian Academy of Sciences

(Ekaterinburg, Russia), e-mail: kuz53@list.ru

Socio-Economic Factors of Fertility in Light of the Concept of Demographic Transition

This article analyzes the socio-economic factors of fertility in the regions of Russia. The conceptual basis of the study is a hypothesis of the second and the third demographic transition. The author tries to apply the model of demographic transitions to explain the reasons of current demographic situation in Zabaikalsky krai. Using the model of the second demographic transition, the author comes to the conclusion that one should consider the dynamics of fertility and mortality in Zabaikalye within the fourth and the fifth phases of long evolution of demographic processes in Zabaikalsky krai within the scope of the second demographic transition. The proposed hypothesis does not exclude taking into account the impact of specific factors, quality of life and employment for the current level of fertility in the family and the changing structure of the causes of death. The article gives examples of theresearch results in Siberia showing that different ethnic groups are motivated to have many children.

Keywords: population, demographic transition, replacement of generations, living conditions, factor, fertility, mortality, demographic behavior, mentality, value, attitude, family, reproductive behavior motivation, outlook.

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы УрО РАН «Энтропийно-вероятностный подход к описанию риска, деградации и устойчивого развития сетей критичных инфраструктур». Проект № 12-М-127-2049.

Публикация подготовлена при поддержке Гранта РГНФ № 13-33-01028 «Социокультурные факторы и мотивы маятниковой миграции в приграничных районах России».

Исторически термину демографического перехода предшествовал термин демографической революции, который понимался как радикальный исторический период относительно быстрых необратимых изменений, происходящих в структуре воспроизводства и замещения поколения (А. Ландри и Леон Рабинович). В настоящее время большинство исследователей склонны трактовать модернизацию демографических процессов как модели демографического перехода (термин, введённый Франком Нотештейном). В парадигме советских демографов по проблеме демографической революции в СССР и России много писал в своё время А. Г. Вишневский, полагаясь на существование некоего механизма гомеостаза в системе регуляторов процесса замещения поколений [3, с. 14–19, с. 218–219]. В конце XX в. Ван де Каа и Рон Лестах вводят в научный оборот понятие «второго демографического перехода» [8, р. 5–10]. Следует признать, что на макроуровне теория демографического перехода слабо учитывает аксиологические аспекты регуляции демографического поведения и придаёт чрезмерное значение институциональным и неинституциональным интерпретациям эволюционных, циклических и кризисных сдвигов социально-экономического характера. На микроуровне тема социально-экономических факторов воспроизводства населения России интерпретируется с позиции влияния факторов (условий) экономической жизнедеятельности на аффективную, когнитивную и мотивационную стороны репродуктивных, самосохранительных, брачных и миграционных установок личности или малой социальной группы (обычно семьи). При этом демографическое поведение интерпретируется как система действий и отношений, опосредующих наступление того или иного демографического события (обычно тривиального) в период всего существования индивида (мужчины или женщины) или на протяжении жизнедеятельности целого поколения [2, с. 16].

Схему демографического перехода от неконтролируемых обществом высоких уровней рождаемости и смертности к планируемой семье и завершённому эпидемиологическому переходу можно изобразить в виде эластичных кривых, в динамике анатомически напоминающих «мышцу расслабленного бицепса» руки (рис. 1).

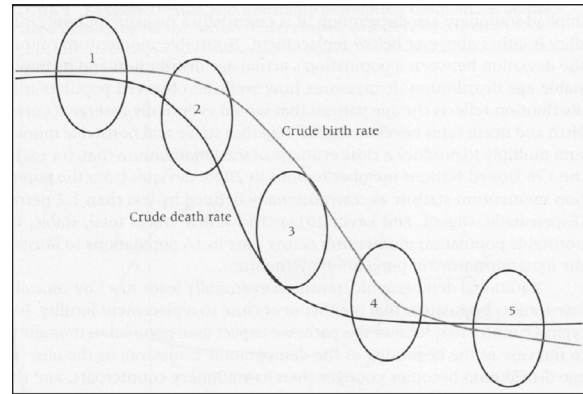

Рис. 1. Пять стадий моделируемого демографического перехода (транзиции – по интерпретации Лауры Блю и Томаса Эспеншейда [4])

*Crude birth rate – Общий коэффициент рождаемости, ‰

**Crude death rate – Общий коэффициент смертности, ‰

1 – претранзиционная стадия;

2 – ранняя транзиционная стадия;

3 – средняя транзиционная стадия (максимальные показатели естественного прироста);

4 – поздняя транзиционная стадия;

5 – собственно второй демографический переход (транзиция)

Наиболее молодые по возрастной структуре и агрессивному поведению смертности сообщества располагаются на первой и второй фазе демографического перехода. В процессе демоперехода происходит кардинальное изменение ценности детей для родителей. Изменяется мотивационная и когнитивная сторона репродуктивной установки. Американский психолог польского происхождения Исаак Айзен (Ajzen) продвигает этот аргумент об установке в контексте теории запланированного поведения (Ajzen 1985, 1991). И. Айзен разработал концепцию мотивированного действия, позже получившую название «теории запланированного поведения» [7]. Теория запланированного поведения исходит из того, что поведение предсказуемо и контролируется волей, которая достаточно широко используется для предсказания поведения в различных ситуациях. Так же, как у идеологов социологии рождаемости (А. И. Антонов и др. [1]) в теории «запланированного поведения», поведение человека определено личными факторами (отношение к поведению), социальным влиянием и давлением (субъек-

тивные нормы) и индивидуальным ощущением возможности реализовать установки и репродуктивные планы. Отличие от сторонников теории убывания потребности в детях в концепции того же И. Айзена заключается в признании ведущей роли «ограничительно-го» фактора рождаемости.

В условиях третьего демографического перехода (на рис. 1 см. 5-ю фазу) на воспроизводство населения и его демографическое поведение активно влияют процессы активизации внешней и внутренней трудовой, транзитной и интеллектуальной миграции. Такая интерпретация демографических процессов вызывает ожесточённые споры у специалистов. Фактически специалисты констатируют в настоящее время некий кризис парадигмы демографического перехода и необходимости вернуться к институциональным и кластерным моделям в демографии. Многие исследователи, указывая на наличие в России мощного фактора «экономики мигрантов», говорят уже о «четвёртом» демографическом переходе, который сформирует в стране новую этно-демографическую полиэтническую

общность в форме своеобразного «микснаселения». Историческим примером сильного влияния миграции на региональную модель демографического перехода демонстрируют территории «большого Урала». На Урале в основном демографический переход произошёл действительно в революционные сроки – с 1926–1928 гг. по 1979–1989 гг., когда невероятно высокие суммарные коэффициенты рождаемости в рабочей и крестьянской среде (7,2–6,8 детей в среднем на женщину за всю её жизнь) были заменены тревожными показателями 1,8–1,9. К настоящему периоду уровни воспроизводства населения в регионах России практически выровнялись и сблизились, региональная специфика проявляет себя ещё очень заметно благодаря этническому и религиозному фактору, особенно на сельских территориях.

Статистика общей рождаемости и смертности подтверждает, что демопереход в Забайкалье в условиях своей четвёртой и пятой фазы («русский крест») практически полностью идентичен картине, которая наблюдается на Урале.

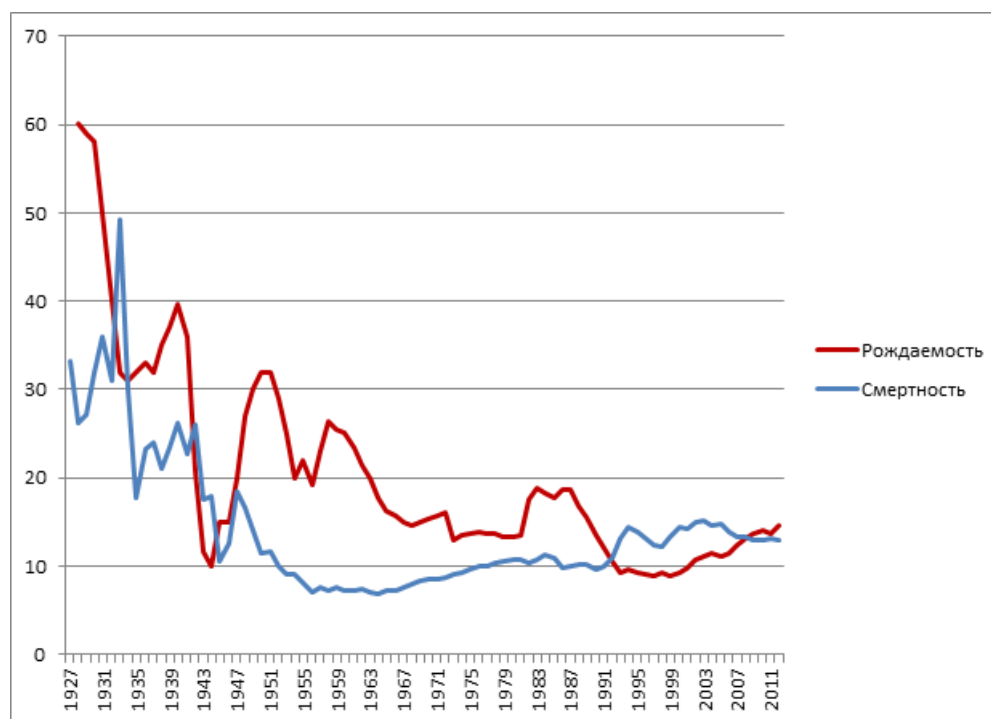

Рис. 2. Динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности на Урале за 1927–2011 гг. [4, с. 34–35; 154–172]

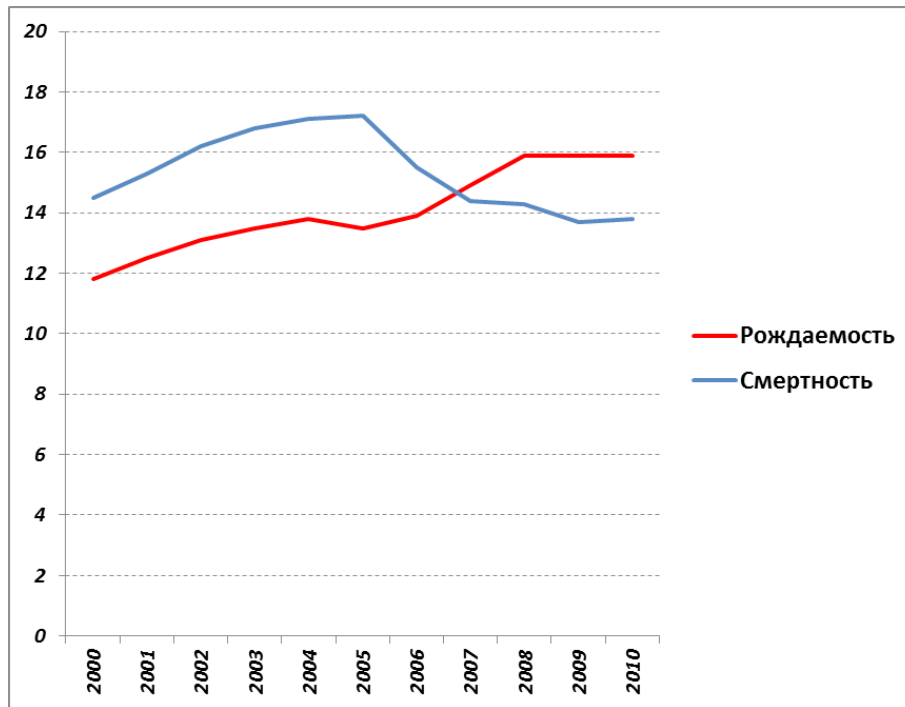

Рис. 3. Забайкальская динамика общей рождаемости и смертности после Миллениума

Судя по демографической статистике, кумулятивная рождаемость в большом кластере Российских регионов, где воспроизводство населения оценивается в пределах от 0,7 до 0,8 единицы, демографическая ситуация квалифицируется нами как плохая. К группе регионов с неудовлетворительной величиной режима замещения поколений относятся соседи Забайкальского края – Амурская область (R-нетто = 0,737), Еврейская автономная область (0,734), Хабаровский и Приморский край

(0,711 и 0,702). В результате демографического перехода в подавляющем числе российских регионов установились показатели суммарной рождаемости в пределах двухдетных норм образа жизни семьи. Проведённые расчёты величины брутто-коэффициентов по территориям Забайкалья подтверждает тревожное положение с уровнем воспроизводства населения и замещения материнских поколений дочерними, сложившееся в Забайкалье в первое десятилетие нового столетия.

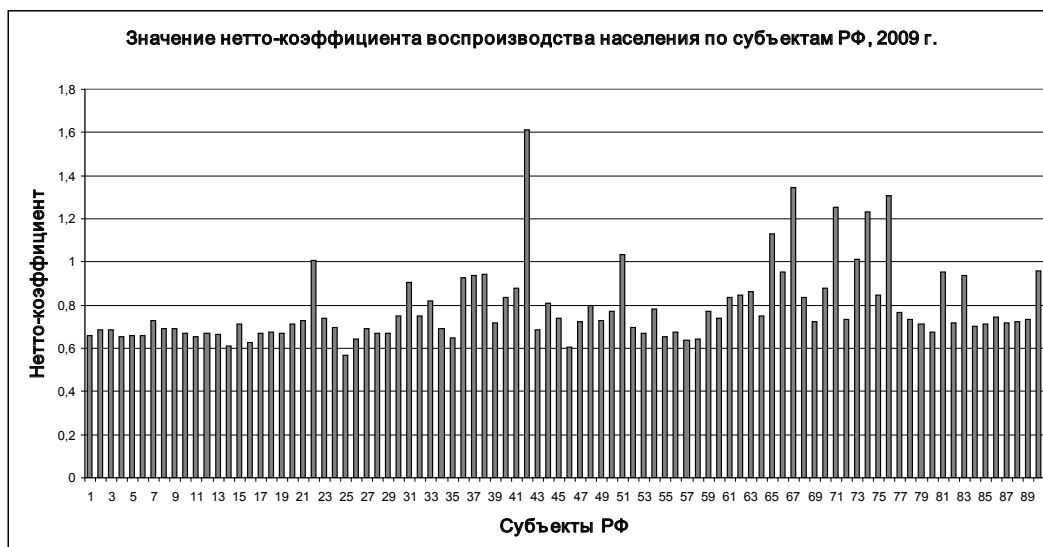

Рис. 4. Уровень воспроизводства населения в регионах России*

* Субъекты Федерации расположены согласно перечню Росстата РФ, Забайкалье занимает 70 позицию – и находится ниже уровня простого замещения поколений

К регионам с неудовлетворительным состоянием дел нужно отнести субъекты Российской Федерации, расположенные по убыванию

величины нетто-коэффициента воспроизводства населения в интервале от 0,9 до 0,8 долей единицы (табл. 1).

Таблица 1

Регионы России, имеющие «слегка суженный» режим замещения поколений в 2009–2010 гг.

Регионы России	Суммарный коэффициент рождаемости			Нетто-коэффициент воспроизводства населения, в долях единицы		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Забайкальский край	1,842	1,776	1,994	0,881	0,849	0,954
Республика Северная Осетия-Алания	1,842	1,785	1,941	0,881	0,854	0,928
Ямало-Ненецкий авт. округ	1,799	1,628	2,827	0,860	0,779	1,352
Ханты-Мансийский авт. округ-Югра	1,773	1,752	2,009	0,848	0,838	0,961
Иркутская область	1,768	1,611	2,421	0,846	0,770	1,158
Республика Хакасия	1,752	1,572	2,199	0,838	0,752	1,052
Тюменская область	1,751	1,654	2,165	0,837	0,791	1,035
Карачаево-Черкесская Республика	1,749	1,525	1,942	0,836	0,729	0,929
Астраханская область	1,71	1,638	1,847	0,818	0,783	0,883
Республика Башкортостан	1,692	1,522	2,006	0,809	0,728	0,959
Удмуртская Республика	1,672	1,471	2,197	0,800	0,703	1,051

Основная причина исторического перехода к малодетности в регионах России заключается в угасании социально-экономических ценностей деторождения. Дети как источник экономических ценностей и благ для родителей в условиях современной урбанизированной культуры утратили своё значение. Экономическая ценность деторождения имеет смысл в аграрных и труднодоступных ареалах расселения россиян. Получить непосредственные данные о существовании многодетности в настоящее время в России эмпирически достаточно трудно. Но они у нас есть. Так, в программу социологического обследования алтайской семьи в районе р. Катунь, проведённого под руководством Т. И. Светловой (НРО «Полярэкс») в 1989 г., по нашей инициативе были включены индикаторы репродуктивной мотивации. В ходе обследования опрошено 359 мужчин и 662 женщины. Наиболее высокие уровни ожидаемого числа детей характерны для национальных сёл и традиционных ареалов расселения алтайцев (283–275 детей в расчёте на 100 семей), тогда как в урбанизированных зонах и смешанных по национальному составу сёлах ожидаемое число заведомо меньше уровня простого замещения поколений и составляет 237–222 ребёнка в расчёте на 100 семей. Был

выявлен баланс экономических и чувственных ценностей детей в многодетной семье. Так, в алтайском периферийном селе Каспа в семьях с тремя детьми и более на мотив помощи детей по дому и хозяйству сослалось 47,6 % опрошенных, на продолжение рода и фамилии (социальный мотив) – 59,5 %, на значение материальной помощи от детей в старости – 16,7 %. В то же время, на желание иметь малыша указало всего 4,8 %, а вот на «любовь к детям» – 52,3 % и на потребность в общении с детьми – половина опрошенных.

Мотивация сельской рождаемости изучалась нами на примере Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) на протяжении последних 20 лет. В 2008–2009 гг. было предпринято изучение репродуктивного и самосохранительного поведения сельского населения на примере ХМАО-Югры, которое вновь показало повышенный вес социально-экономических мотивов деторождения в сельских семьях. Проведённое в 2008–2009 гг. выборочное обследование 963 респондентов в Ханты-Мансийском районе ХМАО включало индикаторы репродуктивного и самосохранительного поведения. В целом, среднее желаемое число детей у обследованных женщин составило 2,72, тогда как у мужчин – 3,16. Мужчи-

ны ориентированы на большее число детей с точки зрения потребности в детях в сельских районах. Вообще, социально-психологическая мотивация преобладала во всех поселениях ХМРН, но не в мотивах «любви и ласки», а в получении эмоционально-чувственного удовлетворения от общения с малышом (34–25 % к итогу по поселениям). Заметно выделялась на этом фоне ценность «помощь детей родителям в старости» в таких поселениях, как Цынгалы (19,4 %), Кышик (18,2 %), Луговское (11,5 % к итогу) и желание «продолжить род и фамилию (Нялинское – 26,7 %). В селе Луговское, в по-

сёлках Красноленинский, Цынгалы на данный мотив сослался каждый десятый. *Столь высоких значений в городской среде данные мотивы, как правило, не достигают.*

Результаты проведённого корреляционно-регрессионного анализа (методом множественной корреляции) связей социально-экономических переменных с суммарным коэффициентом рождаемости по регионам (субъектам РФ) в целом выявили следующую иерархию переменных суммарной рождаемости (иерархия построена в порядке убывания положительных и нарастания отрицательных значений переменных, табл. 2).

Таблица 2

Влияние территориальной дифференциации социально-экономических факторов уровня жизни и занятости на суммарную рождаемость в России

<i>Ведущие социально-экономические факторы, влияющие на суммарную рождаемость в России</i>	<i>Показатели</i>	<i>Величина коэффициента корреляции (ковариации) (R)</i>	
		<i>Россия</i>	<i>Забайкальский край</i>
Ожидание улучшения социально-экономической ситуации	(X ₁₃) – индекс ожидаемых изменений экономической ситуации в России через год (ИОЭК), % *	0,775	-0,530
Инвестиционная активность	(X ₁) – инвестиции в основной капитал на душу населения региона, рублей в год	0,212	0,195
Доступность здравоохранения	(X ₂) – обеспеченность услугами здравоохранения, человек	0,198	-0,278
Уровень доходов населения	(X ₃) – среднедушевые денежные доходы (до 1998 г. – в тыс. р.), рубль – значение показателя за год	0,161	0,366
Гендерный аспект оплаты труда	(X ₄) – средняя заработная плата по полу женщины, мужчины, рубли	0,077 0,056	0,370 -0,065
Социальная стратификация общества	(X ₅) – коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	-0,005	0,239
Экономическая активность населения	(X ₆) – уровень экономической активности (женщин), % занятых и зарегистрированных безработных	-0,02	0,408
Экономический рост	(X ₇) – валовый региональный продукт на душу населения (ВРП), рубли	-0,039	0,404
Уровень развития рынка жилья	(X ₈) – средние цены на рынке жилья за 1 кв. метр общей площади, рубль, первичный рынок жилья, все квартиры различных типов	-0,086	-0,061
Покупательная способность населения	(X ₁₂) – оборот розничной торговли на душу населения, рублей в год	-0,225	0,101
Уровень развития социальных сетей	(X ₉) – число подключённых терминалов сотовой подвижной связи на 1000 населения	-0,301	-0,648
Уровень материальной обеспеченности и статуса семьи	(X ₁₀) – обеспеченность населения собственными легковыми автомобилями (на конец года; в расчёте на 1000 населения), штука	-0,475	-0,580

Жилищно-бытовые условия населения	(X_{11}) – кв. метры площади на душу населения. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	-0,644	0,276
Неготовность к рождению детей	(X_{14}) – число абортгов на 1000 женщин – контрольный признак (отсутствие ожидаемого демографического события)	-0,406	-0,448

* – из специального вопросника, заимствованного из США респондентам предлагается вопрос:

«Как Вы думаете, изменится ли экономическая ситуация в России через год? Станет ли она намного лучше или намного хуже, останется такой же, станет несколько хуже или несколько лучше? Индекс экономических ожиданий рассчитывается по методике Госкомстата как разница положительных и отрицательных оценок устойчивости экономического состояния в стране через год. Общий объём выборочной совокупности – 5000 респондентов на основе квотной выборки по регионам России [8].

В Забайкалье многие социально-экономические факторы жизни и труда «работают» положительно в отношении среднего числа детей в семье. И этим обстоятельством можно пока пользоваться в сфере демографической политики. Аборты на этом фоне являются мощным отрицательным фактором, тогда как ожидания положительных перемен на потребительском рынке – важнейший субъективный фактор демографического поведения.

В иерархии социально-экономических переменных рождаемости следующим важным *положительным фактором* оказался *рост инвестиций в основные фонды* на территории региона, величина коэффициента корреляции отмечалась высокой ($r = 0,6-0,9$) в республике Хакасия и Саха (Якутия), Алтайском, Красноярском, Камчатском, Приморском и Хабаровском краях, а также Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Амурской, Магаданской и Сахалинской области. Показатель инвестиций по своей природе более всего близок к факторам социально-экономической политики и реализации её приоритетов на территории России.

Среди факторов уровня жизни положительную связь с суммарной рождаемостью обнаружили показатели обеспеченности услугами здравоохранения, среднедушевые доходы и величина заработной платы женщины. Они, в принципе, оказывают положительное влияние на величину среднего числа детей в областях и краях России. Однако величина положительной корреляции оказалась небольшой в целом по стране. Сегментированный корреляционно-регрессионный анализ выявил высокие коэффициенты тесноты связи ($r = 0,7-0,5$) среднедушевых доходов с СКР в следующих территориях, расположенных нами в порядке

убывания величины r (Красноярский край, Иркутская, Новосибирская, Кемеровская, Омская, Томская области, Республика Саха (Якутия), Камчатский, Забайкальский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области и Еврейская автономная область). Аналогичная ситуация наблюдается и с величиной средней заработной платы женщин в перечисленных выше областях и краях Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Обеспеченность врачами (услугами здравоохранения) также положительно влияет на величину суммарной рождаемости.

Очень сильная обратная зависимость факторов материального благосостояния и рождаемости наблюдается при анализе показателей *обеспеченности семьи автомобилями и мобильной связью*. Так, в регионах Ленинградской области, Калининграда, Москвы, а также на территориях, далёких от Центра России (Тывы, Бурятии, Алтай, Хакасии, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов), величина коэффициентов отрицательной корреляции обеспеченности автомобилями с рождаемостью достигает значимой величины ($R = -0,6-0,8$), что превышает даже коэффициент корреляции с уровнем абортов по территориям России как своеобразного контрольного показателя. Для сравнения следует отметить, что теснота связи выбранных факторов с величиной коэффициента суммарной рождаемости оказалась более высокой, чем с величиной средней продолжительности жизни населения. Таким образом, в Забайкалье и на соседних территориях положительная связь факторов дохода, занятости, жилищной обеспеченности с суммарной рождаемостью имеет значимую величину, что следует учесть при разработке региональных демографических программ.

Отметим, что проведённый корреляционно-регрессионный анализ вполне актуален в содержательном плане, поскольку выявляет *инновационные подходы* к осмыслению современных институциональных и процессуальных характеристик рождаемости в семье и продолжительности жизни новорождённых. Полученные результаты вполне подходят для обоснования *промежуточных рабочих гипотез и предположений в части влияния социально-экономических факторов на демографическую ситуацию в Забайкалье.*

Список литературы

1. Антонов А. И. Снижение репродуктивных установок и ориентаций российского населения в 1991–2007 годы // Демографические исследования. 2008. № 7. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1466#_ftn1 (дата обращения: 10.11.2012).
2. Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976. 248 с.
3. Вишневецкий А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982. 287 с.
4. Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург: Екатеринбург, 1996. 209 с.
5. Методологические положения по организации и проведению обследования потребительских ожиданий населения. Постановление Госкомстата России от 2 августа 1999 г. № 62. URL: <http://russia.bestpravo.ru/fed1999/data04/tex16920.htm> (дата обращения: 10.11.2012).
6. Blue L., Thomas J. Population momentum across the demographic transition // Population and development Review. 2011. Vol. 37. № 4 (december). P. 721–740.
7. Iacovou M., Tavares L. P. Yearning, Learning and Conceding. Reasons Men and Women Change Their Childbearing Intentions // Population and development Review. 2011. Vol. 37. № 1 (march). P. 89–123.
8. Lesthaeghe R. On Theory development and application to the study of family formation // Population and development Review. 1998. Vol. 24. № 1 (march). P. 1–15.

References

1. Antonov A. I. Snizhenie reproduktivnyh ustanovok i orientacij rossijskogo naselenija v 1991–2007 gody // Demograficheskie issledovanija. 2008. № 7. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1466#_ftn1 (data obrashhenija: 10.11.2012).
2. Borisov V. A. Perspektivy rozhdaemosti. M.: Statistika, 1976. 248 s.
3. Vishnevskij A. G. Vosproizvodstvo naselenija i obshhestvo. Istorija, sovremennost', vzgljad v budushhee. M.: Finansy i statistika, 1982. 287 s.
4. Naselenie Urala. XX vek. Istorija demograficheskogo razvitija. Ekaterinburg: Ekaterinburg, 1996. 209 s.
5. Metodologicheskie polozhenija po organizacii i provedeniju obsledovanija potrebitel'skih ozhidaniy naselenija. Postanovlenie Goskomstata Rossii ot 2 avgusta 1999 g. № 62. URL: <http://russia.bestpravo.ru/fed1999/data04/tex16920.htm> (data obrashhenija: 10.11.2012).
6. Blue L., Thomas J. Population momentum across the demographic transition // Population and development Review. 2011. Vol. 37. № 4 (december). P. 721–740.
7. Iacovou M., Tavares L. P. Yearning, Learning and Conceding. Reasons Men and Women Change Their Childbearing Intentions // Population and development Review. 2011. Vol. 37. № 1 (march). P. 89–123.
8. Lesthaeghe R. On Theory development and application to the study of family formation // Population and development Review. 1998. Vol. 24. № 1 (march). P. 1–15.

Статья поступила в редакцию 29 декабря 2012 г.

Сергей Суренович Ованесян

*доктор экономических наук, профессор,
Байкальский государственный университет экономики и права
(Иркутск, Россия), e-mail: Ovanesan@isea.ru*

Валерий Евстафьевич Ломако

*профессор, Читинский институт
Байкальского государственного университета экономики и права
(Чита, Россия), e-mail: VELomako@mail.ru*

Наталья Ивановна Черхарова

*кандидат технических наук,
Читинский институт Байкальского государственного университета экономики и права
(Чита, Россия), e-mail: Cherharova_n_i@mail.ru*

Применение мотивационного подхода к оценке экономического потенциала Забайкальского края

В статье проводится оценка экономического потенциала Забайкальского края на основе мотивационного подхода, при котором текущее состояние народнохозяйственного комплекса и перспективы его развития оцениваются через определение мотивации к той или иной экономической деятельности. Налоги являются одним из инструментов управления хозяйственной деятельностью предприятий. Их действие основано на создании у хозяйствующих субъектов определённых стимулов, направленных на достижение требуемых целей. Авторами предлагается оригинальная методика анализа состояния регионального народнохозяйственного комплекса, основанная на численном определении мотивации предприятий-налогоплательщиков. Данная методика может быть использована как инструмент экономического анализа хозяйственной деятельности, осуществляемой под действием налогового пресса. Оценивание показателей мотивации осуществляется по основным видам экономической деятельности Забайкальского края. Результаты анализа состояния регионального народнохозяйственного комплекса могут быть использованы органами государственного управления при разработке стратегий развития региона.

Ключевые слова: мотивация налогоплательщиков, коэффициент мотивации в налогообложении.

Sergey Surenovich Ovanesyan

*Doctor of Economics, Professor,
Baikal State University of Economics and Law
(Irkutsk, Russia), e-mail: Ovanesan@isea.ru*

Valeriy Evstaf'evich Lomako

*Professor, Chita Institute of the Baikal State University of Economics and Law
(Chita, Russia), e-mail: VELomako@mail.ru*

Nataliya Ivanovna Cherkharova

*Candidate of Engineering Science,
Chita Institute of the Baikal State University of Economics and Law
(Chita, Russia), e-mail: Cherharova_n_i@mail.ru*

The Use of Motivational Approach in Assessment of the Economic Potential of Zabaikalsky Krai

The article includes evaluation of the economic potential of Zabaikalsky krai based on the motivational approach in which the current state of economic complex and its development prospects are evaluated through determination of motivation to any economic activity. Taxes are the only instrument of economic management of economic activity. Their action is based on the creation of specific incentives aimed at achievement of the desired goals. The original method of analysis of the regional national economic complex which is based on the numerical determination of motivation of enterprises-taxpayers is proposed by the authors. This method can be used as an instrument of economic analysis of economic activity which is implemented under the effect of tax pressure. Economic indicators are estimated according to the main economic activities of Zabaikalsky krai. The results of the analysis of the regional national economic complex can be used by the government in elaboration of development strategy of the region.

Keywords: taxpayers' motivation, coefficient of motivation in taxation.

Оценка экономического потенциала любого крупного территориального образования является сложной научно-технической проблемой. Потенциал (от лат. *potencia* – «сила, мощь») – это совокупность имеющихся средств, возможностей в какой-либо области [2, с. 142]. При его оценке могут быть использованы различные концепции. Оценки экономического потенциала в передовых капиталистических странах начали производиться в 60-х гг. двадцатого столетия. Первые ресурсные оценки потенциала СССР были выполнены в начале 70-х гг. двадцатого столетия. В настоящее время наука на Западе ещё не определилась по структурным элементам экономического потенциала. Нет чёткой градации по уровням потенциала: потенциал предприятия, компании, территории, страны. В России наряду с оценкой природно-ресурсного потенциала в масштабе всей страны проведены дифференцированные оценки региональных экономических потенциалов [3; 9].

В основе исследований экономического потенциала лежат теоретические положения и концептуальный аппарат, которые разработали отечественные и зарубежные учёные-регионалисты: С. С. Артоболевский, М. К. Бандман, А. Г. Гранберг, О. В. Грицай, Г. В. Иоффе, В. Н. Лексин, Н. Н. Некрасов, О. С. Пчелинцев, Ю. Г. Саушкин, В. Е. Селивёрстов, С. А. Суспицын, А. И. Трейвиш, Г. Унтура, Т. А. Фёдорова, А. Н. Швецов, Р. И. Шнипер, Дж. Фридман, У. Изард, В. Н. Лаженцев, Г. Мюрдал, Т. Хегерstrand, С. Хоффман, Г. Ричардсон, Ф. Перру, О. Амос и представители уральской школы региональных исследований: Е. Г. Анимидца, А. И. Деменев, К. И. Новосельский, Н. М. Ратнер, О. А. Романова, А. И. Татаркин и др.

По своей структуре экономический потенциал территории включает следующие основные элементы: производственный, трудовой, природно-ресурсный, инновационный и институциональный. Каждый из них характеризуется количественным и качественным состоянием соответствующих видов ресурсов: производственных, трудовых, природных и инновационных. Эффективность использования экономического потенциала территории зависит не только от наличия соответствующих ресурсов, но и оптимального их вовлечения в хозяйственный оборот [1, с. 84].

На наш взгляд, оптимальное ведение производственной деятельности во многом

зависит от степени мотивированности хозяйствующих субъектов. Исследование мотивации в любой деятельности является важным элементом социологических и социально-экономических исследований как глобального, так и специального характера. Система управления будет работать эффективно, а решения будут исполняться, если они будут мотивирующими или стимулирующими для тех, кого затрагивают. Мотивация составляет основу управления. Мотивация (от греч. *motif*, от лат. *moveo* – «двигаю») – внешнее или внутреннее побуждение экономического субъекта к деятельности во имя достижения каких-либо целей, наличие интереса к такой деятельности и способы его инициирования, побуждения [8].

Итак, особенностью наших исследований является применение мотивационного подхода, т. е. подхода, при котором текущее состояние народнохозяйственного комплекса и перспективы его развития оцениваются через призму мотивации к той или иной экономической деятельности, возникающей под влиянием соответствующих актов государственного регулирования. И в первую очередь, налогового регулирования как наиболее влиятельного.

Авторы данной статьи в течение длительного времени разрабатывают теорию оценки мотивации налогоплательщиков, создаваемой соответствующими законодательными актами. Преследуя вначале благородную цель – количественно оценить силу «удавки», которой налоговая политика охватывает хозяйствующие субъекты, впоследствии мы расширили свои исследования, которые привели к оригинальной методике, способной выступать в качестве инструмента экономического анализа хозяйственной деятельности, осуществляемой под действием налогового пресса.

Налоги, как известно, являются достаточно гибким и эффективным инструментом управления хозяйственной деятельностью предприятий. Их действие основано на создании у хозяйствующих субъектов определённых стимулов или антистимулов, направленных на достижение требуемых целей. В этом заключается протекционистская функция налогов. Но в практике применения налогообложения в нашей стране всегда превалировала другая – фискальная функция налогов. Именно ей отдавали предпочтение как органы законодательной, так и исполнительной власти. Однако недостаточное внимание к протекционистской

функции вовсе не снижало её влияния на поведение налогоплательщиков. К сожалению, и сегодня, вырабатывая налоговую политику, не пытаются конструктивно оценить потенциальной реакции налогоплательщиков, ограничиваясь лишь общими рассуждениями относительно возможных мотивов их поведения. Если такой подход был естественным в условиях командной экономики, поскольку налоги как инструмент экономической политики никто не воспринимал, то в сегодняшних условиях этот подход не только не приемлем, но и вреден. Игнорируя квалифицированное изучение мотивации налогоплательщиков, создаваемой налоговой политикой, можно получить непредсказуемые результаты. Предприятия заинтересованы в увеличении своей прибыли, причём, не просто в увеличении её массы, а в справедливом распределении создаваемой стоимости между ними и государством. Наличие понятия «справедливое» делает данную проблему очень сложной. И, тем не менее, крайне необходимо выработать механизмы, с помощью которых можно было бы численно измерить показатель, характеризующий ту или иную мотивацию к соответствующей деятельности. Вероятно, измеряя некоторым числом один и тот же показатель мотивации для производственных и посреднических предприятий, можно получить разные его значения. Иначе говоря, если некоторый показатель мотивации имеет одно и то же численное значение для упомянутых предприятий, то это свидетельствует либо о достаточно высокой мотивации у посреднического предприятия, либо о сравнительно низкой мотивации у производителя. Данное утверждение основано на различном характере деятельности этих предприятий и, очевидно, связано с различными сопровождающими её трудностями.

Выбор показателя мотивации, имеющего численную величину, неоднозначен. Такие привычные показатели, как чистая прибыль или рентабельность, не могут характеризовать её в полной мере, имея в виду «справедливое» участие государства в распределении зарабатываемых предприятиями средств. При исчислении чистой прибыли большая часть изымаемых государством средств оказывается скрытой. Действительно, налог на добавленную стоимость оплачивает покупатель как часть цены товара, но предприятию он не поступает, а полностью перечисляется в бюджет.

Нечто подобное можно заметить и с начислениями на заработную плату, хотя в отличие от налога на добавленную стоимость последние включаются в себестоимость продукции и также оплачиваются покупателем из той же вновь созданной стоимости. Всевозможные налоги, платежи, начисления и т. п. могут быть оплачены только потому, что предприятия своей деятельностью создают новую стоимость, из которой и делаются все эти отчисления. Таким образом, если ориентироваться на чистую прибыль в качестве показателя мотивации, то значительная часть, изымаемая из вновь созданной стоимости в виде налога на добавленную стоимость, начислений на заработную плату и других платежей, остаётся неучтённой. Что же касается показателя рентабельности, то вполне очевидно, что он не может характеризовать мотивацию производителя, а скорее всего, характеризует его поведение или состояние, причём не обязательно как результат реакции на действующие стимулы или антистимулы.

В качестве показателя мотивации, объективно её характеризующего, предлагается коэффициент, представляющий собой отношение чистой прибыли к той части вновь созданной стоимости, которая делится между предприятием и государством.

Из суммы доходов от реализации продукции вычитаются все расходы, связанные с производством, за вычетом налогов и платежей, включаемых в себестоимость. Полученная в виде разности сумма делится между предприятием и государством в пропорции, определяемой налоговым законодательством. Исходя из этого, мы предлагаем оценивать заинтересованность или мотивацию к данному виду экономической деятельности через коэффициент мотивации, который показывает долю от разделяемой суммы, остающейся у предприятия, т. е.

$$K = \frac{\text{чистая прибыль}}{\text{все налоги} + \text{чистая прибыль}}. \quad (1)$$

Данная формула представляет собой основное концептуальное соотношение нашей методики.

Введение в теорию и практику анализа понятия «мотивация налогоплательщиков» позволило системно свести воедино многие параметры и переменные, связанные с налоговым законодательством.

Если развернуть формулу (1), включив в неё все участвующие экономические параметры и переменные, то получим следующее:

$$K \leq \frac{(1 - \alpha_{\text{пр}})[C - M - (1 + \beta)Z - Q - E]}{C - M - Z + \alpha_{\text{дс}}(C - MP) + \alpha_0 C - Q - E}. \quad (2)$$

Здесь $\alpha_{\text{дс}}$ – ставка налога на добавленную стоимость; $\alpha_{\text{пр}}$ – ставка налога на прибыль; β – ставка отчислений на социальные нужды; C – выпуск продукции; M – материальные затраты, включённые в себестоимость; MP – расходы на материалы; Z – заработная плата; D – налогооблагаемая прибыль; Q – амортизация основных средств; E – прочие затраты; α_0 – ставка прочих платежей налогового характера.

Как следует из основного концептуального соотношения (1), нулевое значение коэффициента мотивации соответствует безубыточному режиму функционирования хозяйствующего субъекта, а точнее, точке безубыточности. Действительно, коэффициент мотивации может быть равен нулю только в том случае, когда чистая прибыль, остающаяся после уплаты всех налогов и платежей, в точности равна нулю. Знак коэффициента мотивации несёт в себе очень полезную информацию. Если коэффициент положителен, то это означает, что налогоплательщик уплатил все положенные по налоговому законодательству платежи, и у него осталась чистая прибыль. Если коэффициент отрицателен, то налогоплательщик уплатил все положенные платежи (кроме налога на прибыль), и в остатке у него образовался убыток. Причём величина убытка по модулю меньше суммы уплаченных налогов. Если у предприятия образуется убыток и его величина по модулю превышает сумму уплаченных налогов, то величина коэффициента мотивации не может быть посчитана, т. к. в данном случае и числитель, и знаменатель основного концептуального соотношения будут отрицательны, а сам коэффициент будет положителен, что будет противоречить истинному положению дел.

Впервые изложенная концепция оценки мотивации налогоплательщиков в простейшем варианте была применена в 1992 г. и апробирована на материалах статуправления Иркутской области [4]. Затем были просчитаны коэффициенты мотивации для проекта налогового закона РФ в апреле 1994 г. в Совете Федерации. Материалы, представленные по результатам нашего анализа, в немаловажной степени способство-

вали отклонению предложенного Минфином проекта закона. Дальнейшее развитие теории и усложнение математической модели привели к созданию аналитического инструмента, способного в широком диапазоне формировать информацию для принятия управленческих решений, которая другими известными методами не может быть просчитана. Материалы теоретического характера и их иллюстрация на примере данных государственного комитета статистики по Забайкальскому краю опубликованы в различных изданиях [5–7].

В данной статье приведены фрагменты тех исследований, представленные в таблицах 1–3. В общей сложности были обработаны данные по 48 видам деятельности.

Приведём перечень используемых обозначений.

K – коэффициент мотивации предприятий; ΔC , ΔM , ΔZ – изменение соответственно выпуска продукции, материальных затрат и производительности труда (фонда оплаты труда) для выхода отрасли из отрицательной в нулевую мотивацию; β^l – верхнее предельное значение ставки начислений на заработную плату (при $K=0$); K_1 , K_2 , K_3 , K_4 – верхнее предельное значение коэффициента мотивации при устранении соответственно ставки налога на прибыль, налога на добавленную стоимость, отчислений в фонды социального страхования, ставки «прочих налогов» при неизменных прочих параметрах; ΔC^* , ΔM^* , ΔZ^* – изменение соответственно цены на единицу продукции, материальных затрат и производительности труда (фонда оплаты труда) для выхода отрасли на требуемый уровень мотивации.

Согласно данным табл. 1, вид деятельности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» совершенно не мотивирован, поскольку коэффициент мотивации не может быть рассчитан (прочерк в графе 2). Для вывода этого вида деятельности на нулевой уровень мотивации необходимо либо увеличить стоимость выпущенной продукции на 19,24 %, либо снизить материальные затраты на 31,2 %, т. е. снизить материалоёмкость, либо повысить производительность труда, что соответствует уменьшению фонда оплаты труда на 60,53 %. Что же касается ставки отчислений в социальные фонды, то с её помощью невозможно улучшить ситуацию, даже если принять равной нулю.

Показатели мотивации по основным видам экономической деятельности в Забайкальском крае в 2011 г.

<i>Вид деятельности</i>	<i>K</i>	<i>ΔC, %</i>	<i>ΔM, %</i>	<i>ΔZ, %</i>	<i>β', %</i>
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	-	19,24	-31,20	-60,53	-47,10
Добыча полезных ископаемых	-0,11	1,43	-3,03	-4,36	28,16
Обрабатывающие производства	0,16	-3,74	6,65	13,88	52,59
Производство машин и оборудования	0,15	-5,78	11,77	15,42	54,66
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,25	-5,69	8,73	26,35	69,31
Строительство	0,19	-4,65	7,11	22,70	64,41
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов	0,41	-21,99	76,59	76,07	135,94
Гостиницы и рестораны	0,07	-7,92	16,25	27,61	71,00
Транспорт и связь	-	310,29	-234,68	-163,14	-184,6

Полученная информация может быть использована по различным направлениям. Например, можно совершенно обосновано рассчитать величину дотации, которая должна быть выделена сельскому хозяйству для вывода его на нулевую мотивацию, т. е. точку безубыточности.

Такой вид деятельности, как «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», относительно высоко мотивирован (0,25). При этом сформировалась весьма цен-

ная информация: если цена продукции будет снижена не более чем на 5,69 %, то этот вид деятельности останется безубыточным, если же этот порог будет преодолен, то он станет убыточным. Если материалоемкость возрастет не более чем на 8,73 % и производительность труда сократится не более чем на 26,35 %, то этот вид деятельности будет безубыточным. Увеличение ставки отчислений в социальные фонды до 69,31 % также не сделает этот вид деятельности убыточным.

Таблица 2

Влияние величин налоговых ставок на мотивацию налогоплательщиков в 2011 г.

<i>Вид деятельности</i>	<i>K₁</i>	<i>K₂</i>	<i>K₃</i>	<i>K₄</i>
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	-	-	-	-
Добыча полезных ископаемых	-0,11	-0,11	0,41	-0,20
Обрабатывающие производства	0,20	0,20	0,46	0,21
Производство машин и оборудования	0,19	0,27	0,40	0,16
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,31	0,28	0,49	0,35
Строительство	0,24	0,36	0,41	0,20
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов	0,51	0,53	0,55	0,45
Гостиницы и рестораны	0,09	0,37	0,13	0,07
Транспорт и связь	-	-	-	-

Согласно данным табл. 2, такие виды деятельности, как «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» и «Транспорт и связь», не станут безубыточными, даже если отменить

все налоги и платежи. А у отрасли «Добыча полезных ископаемых» есть только один путь к выходу на положительную мотивацию – отменить отчисления на социальные нужды.

**Управление выпуском и затратами на предприятиях региона
для достижения требуемого уровня мотивации, %**

Вид деятельности	Заданный уровень мотивации					
	k=0,1			k=0,5		
	ΔC^*	ΔM^*	ΔZ^*	ΔC^*	ΔM^*	ΔZ^*
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	21,79	-34,22	-64,07	64,81	-66,47	-90,62
Добыча полезных ископаемых	3,68	-7,51	-10,44	44,06	-55,37	-56,05
Обрабатывающие производства	-1,68	2,90	5,83	33,51	-37,13	-54,45
Производство машин и оборудования	-2,31	4,57	5,78	52,99	-72,21	-66,48
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	-4,03	5,97	17,40	24,87	-23,40	-49,67
Строительство	-2,65	3,95	12,15	28,29	-29,84	-66,91
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов	-19,64	66,28	63,53	19,70	-43,69	-30,50
Гостиницы и рестораны	4,32	-8,60	-14,11	200,36	-273,7	-326,9
Транспорт и связь	330,35	-241,1	-161,7	692,93	-309,2	-151,1

В табл. 3 представлены расчёты, иллюстрирующие возможность вычисления необходимых значений важнейших показателей для вывода соответствующего вида деятельности на заданный уровень мотивации.

Так, например, для достижения уровня мотивации, равного 0,1, отрасли «Добыча полезных ископаемых» необходимо либо увеличить выпуск продукции на 3,68 %, либо уменьшить материальные затраты на 7,51 %, либо увеличить производительность труда, что соответствует уменьшению фонда оплаты труда на 10,44 %.

Следует отметить, что расчётные данные по материалоемкости и трудоёмкости будут весьма полезны при разработке планов совершенствования, модернизации и т. п. При этом появляется возможность предварительной оценки осуществимости планов модернизации. Например, в приведённых расчётах, реально ли увеличить производительность труда на 10,44 %? Никакими другими методиками такие данные получить невозможно.

В заключении отметим, что расчётные данные, приведённые в табл. 1–3, носят в основном иллюстративный характер, хотя и получены по данным официальной статистики. Для расчёта данных, необходимых для практического применения, требуется дополнительная информация и чуть более сложная модель, о чём авторы имеют полное представление.

Однако стоит отметить, что с помощью численного эксперимента на примере Забайкальского края доказано, что при определении размеров налоговых ставок необходим дифференцированный подход, т. к. налогообложение в нашей стране не является равномерным. Для одних отраслей оно является щадящим, для других налоговая нагрузка слишком велика. Отмечено, что законодателям при разработке налоговой политики или внесении каких-либо изменений в налоговое законодательство необходимо детально изучать и оценивать потенциальную реакцию налогоплательщиков.

Использование мотивационного подхода при оценке экономического потенциала региона на практике позволит всесторонне оценить реальную налоговую нагрузку хозяйствующих субъектов, выявить степень влияния на неё тех или иных показателей и, соответственно, результаты такого анализа могут быть использованы при принятии решений в области бюджетной и налоговой политики.

В данной статье показана лишь малая толика тех проблем, которые могут быть решены с использованием аналитической информации, формируемой по нашей методике: выявление и оценка доли бизнеса в теневом секторе экономики; оценка необходимых и возможных значений показателей экономической деятельности при составлении планов модернизации и т. д.

Список литературы

1. Балацкий О. Ф. Теоретические проблемы оценки экономического потенциала региона, компании, предприятия // Вестн. Сумского гос. ун-та. Серия «Экономика». 2004. № 9(68). С. 84–95.
2. Борисевич В. И., Гейзлер П. С., Фатеев В. С. Экономика региона. Минск: БГЭУ, 2002. 432 с.
3. Дорошенко Ю. А. Экономический потенциал территории. СПб.: Химия, 1997. 237 с.
4. Ованесян С. С. Модели взаимосвязи налоговых ставок и характеристик мотивации налогоплательщиков // Вестн. Иркутского ин-та нар. хозяйства. 1992. № 3. С. 6–12.
5. Ованесян С. С., Черхарова Н. И. Влияние величин налоговых ставок на мотивацию налогоплательщиков // Известия Иркутской гос. экон. академии (электронный журн.). 2011. № 5.
6. Ованесян С. С., Черхарова Н. И. Модель оценки мотивации предприятий-налогоплательщиков // Известия Иркутской гос. экон. академии (Байкальский гос. ун-т экономики и права). 2011. № 5. С. 186–190.
7. Ованесян С. С., Черхарова Н. И. Системный анализ мотивации предприятий и налогоплательщиков региона (на примере Забайкальского края) // Известия Иркутской гос. экон. академии (электронный журн.). 2011. № 4.
8. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с.
9. Татаркин А. И. Дорошенко С. В. Регион как саморазвивающаяся социально-экономическая система // Экономика региона. 2011. № 1. С. 15–23.

References

1. Balackij O. F. Teoreticheskie problemy ocenki jekonomicheskogo potenciala regiona, kompanii, predpriyatija // Vestn. Sumskogo gos. un-ta. Serija «Jekonomika». 2004. № 9(68). S. 84–95.
2. Borisevich V. I., Gejzler P. S., Fateev V. S. Jekonomika regiona. Minsk: BGJeU, 2002. 432 s.
3. Doroshenko Ju. A. Jekonomicheskij potencial territorii. SPb.: Himija, 1997. 237 s.
4. Ovanesjan S. S. Modeli vzaimosvjazi nalogovyh stavok i harakteristik motivacii nalogoplatel'shhikov // Vestn. Irkutskogo in-ta nar. hozjajstva. 1992. № 3. S. 6–12.
5. Ovanesjan S. S., Cherharova N. I. Vlijanie velichin nalogovyh stavok na motivaciju nalogoplatel'shhikov // Izvestija Irkutskoj gos. jekon. akademii (jelektronnyj zhurn.). 2011. № 5.
6. Ovanesjan S. S., Cherharova N. I. Model' ocenki motivacii predpriyatij-nalogoplatel'shhikov // Izvestija Irkutskoj gos. jekon. akademii (Bajkal'skij gos. un-t jekonomiki i prava). 2011. № 5. S. 186–190.
7. Ovanesjan S. S., Cherharova N. I. Sistemnyj analiz motivacii predpriyatij i nalogoplatel'shhikov regiona (na primere Zabajkal'skogo kraja) // Izvestija Irkutskoj gos. jekon. akademii (jelektronnyj zhurn.). 2011. № 4.
8. Rajzberg B. A., Lozovskij L. Sh., Starodubceva E. B. Sovremennyj jekonomicheskij slovar'. 2-e izd., ispr. M.: INFRA-M, 1999. 479 s.
9. Tatarikin A. I. Doroshenko S. V. Region kak samorazvivajushhajasja social'no-jekonomicheskaja sistema // Jekonomika regiona. 2011. № 1. S. 15–23.

Статья поступила в редакцию 19 января 2012 г.

Денис Сергеевич Мартьянов

*кандидат политических наук, доцент кафедры политологии,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: martyanoff@mail.ru*

Виртуальные идеологии и кризис идеологий в информационном обществе

В статье рассматриваются особенности политического дискурса в сети Интернет в контексте новых виртуальных идеологий. Произведён концептуальный анализ подходов к изучению политических идеологий в информационном обществе. Рассмотрены ключевые аспекты постидеологического общества и проблематика кризиса идеологий. Выявлено влияние идеологий на трансформацию политического процесса в административный и менеджеристский процесс.

Отдельно рассмотрена концепция постматериалистических ценностей Р. Инглхарта. Автором выявлены основные факторы, влияющие на возникновение новых идеологических течений, связанных с постматериалистическими ценностями. Рассмотрены основные подходы к изучению концептуальных аспектов идеологий в информационном обществе. Автором выявлены «левый» и «правый» дискурс в современных виртуальных идеологиях. Рассмотрен классический виртуальный дискурс на примере хакеров и культуры киберпанков. Выявлены основные движения, пропагандирующие «левый» дискурс: копилефтеры, пираты и криптоанархисты. Проанализированы особенности «правого» дискурса в Интернете. Сделан вывод о перспективах изучения виртуальных идеологий общественными науками.

Ключевые слова: интернет-дискурс, идеология, виртуальные идеологии, антикопирайт, копирайт, постматериалистические ценности, Интернет.

Denis Sergeevich Mart'yanov

*Candidate of Political Science, Associate Professor,
Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russia), e-mail: martyanoff@mail.ru*

Virtual Ideologies and Crisis of Ideologies in Information Society

The article deals with features of the political discourse on the Internet in the context of the new virtual ideologies. A conceptual analysis of the approaches to the study of political ideologies in the information society is considered. The key aspects of the post-ideological society and the problems of the crisis of ideologies are analyzed. The author considers the influence of ideologies on political process transformation into administrative and management processes.

The concept of post-materialist values of R. Inglehart is examined separately. The author identifies the main factors that influence the emergence of new ideological trends related to post-materialist values. The main approaches to the study of the conceptual aspects of ideologies in the information society are considered. The author identifies “left” and “right” discourses of modern virtual ideologies. A classic example of virtual discourse of hacking and cyberpunk culture is analyzed. The basic “left” movements (copylefters, pirates and crypto-anarchists) are identified. The author analyzes the features of the “right” cyberdiscourse. Finally, the author considers the prospects of virtual ideologies researches.

Keywords: cyberdiscourse, ideology, virtual ideologies, anti-copyright, copyright, post-materialist values, the Internet.

Вопрос о месте политической идеологии в условиях информационного общества актуализируется посредством нескольких проблем, первая из которых связана с кризисом идеоло-

гий, вторая имеет отношение к формированию новых идейных течений, связанных с постматериалистическими ценностями, а третья касается методологических аспектов изуче-

ния идеологии в контексте теорий дискурса. Теоретическое выражение проблема кризиса идеологий и «постидеологического общества» получила в 1960–1980-е гг. в результате противостояния деидеологизаторской парадигмы, опиравшейся на идею «конца истории», с реидеологизаторской, делавшей акцент на изменении роли идеологии в современном мире [14]. Дж. Шварцмантель говорит о замене политики идеологий политикой идентичностей в современном мире. Традиционные идеологии утрачивают способность к мобилизации своих adeptов. Как полагает Ч. Тейлор, «идеологическую» политику движений заменяет политика «кампаний», т. е. политика решения конкретной проблемы, или «молекулярная идеология» по Шварцмантелю [21, с. 16–20]. Таким образом меняется и сама суть политики в современном мире, превращающейся в администрирование или политический менеджмент, происходит перенос интереса исследователей к микрополитике.

Основой целого ряда новых идейных течений, стремящихся утвердиться как идеологии, стали постматериалистические ценности, нашедшие теоретическую проработку в рамках теории «бесшумной» революции Р. Инглхарта [25]. По Инглхарту, при переходе к постмодерну происходит «сдвиг от “материалистических” ценностей, с упором на экономической и физической безопасности, к ценностям “постматериальным”, с упором на проблемах индивидуального самовыражения и качества жизни» [11, с. 8]. Становление новых ценностей стало основой нового ценностного раскола (материалисты/постматериалисты), который ряд исследователей считает не менее значимым, чем другие социальные расколы [1, с. 83]. Новый раскол спровоцировал возникновение т. н. движений «одной проблемы». К таковым мы можем отнести постматериалистов первой волны (зелёных) и постматериалистов второй волны (движения, связанные с новыми интернет-ценностями).

Основная методологическая проблема в изучении идеологии заключается в концептуальной размытости данной категории. Это касается как традиционно проблемных существенных аспектов, так и, что более важно в данном контексте, проблемы ёмкости дефиниции. Идеология может трактоваться в широком смысле как средство идентификации социальной группы, и тогда речь идёт об «идеологиях» профессий (журналистов [9, с. 94], профессоров),

«идеологиях» организаций и т. д. [13, с. 9], и в узком смысле. Дж. Шварцмантель существенно сужает определение идеологии до «массштабного представления о природе “политического” и “хорошего” общества» [21, с. 48], таким образом отделяя идеологии от частичных, «молекулярных» идеологий (в т. ч. энвайронментализма, феминизма и т. д.), которые не содержат полной картины устройства общества. Важным аспектом идеологии является и наличие у неё социально-политической базы, в противном случае идеология остаётся абстрактной философской концепцией.

С точки зрения концептуализации идеологии, интересной представляется предпринятая М. Фриденом трактовка идеологии как набора концептов, которые отвоёвывают значения ключевых слов [23]. Именно такие процессы были заметны на различных этапах распространения Интернета. С одной стороны, Интернет формирует новый интернет-вокабуляр, с другой не просто меняет значения уже имеющихся смысловых категорий, а производит деконструкцию традиционного политического дискурса. В контексте данного исследования мы будем обращать внимание, прежде всего, на эти аспекты идеологии.

Впрочем, есть и другие точки зрения на соотношение феноменов идеологии, дискурса и Интернета. Обратим внимание на две из них. Первая заключается в том, что поскольку социальный постмодернизм отрицает возможность целостного представления об обществе и осуществляет деконструкцию социальных связей, он заменяет социум его фрагментарной виртуальной реальностью (симулякром) [6], в котором сама идеология носит скорее характер симулякра, имитации, без возможности идентичности из-за несоотнесимости её концептов с реальностью. Идеология становится симулякром, выступающим исключительно как инструмент новой политики [18], направленный на имитацию политического процесса. Данный подход примиряет деидеологизаторскую и реидеологизаторскую парадигмы, однако пригоден лишь для изучения идейных учений традиционных политических сил в новых политических условиях.

Согласно второму подходу дефиниция «идеология» начинает использоваться уже не в отношении крупного течения с широкой социальной базой, а в отношении концепции, которая закладывается в основу дискурса субъ-

ектом при создании интернет-ресурса. Таким образом, можно говорить об идеологии каждого интернет-ресурса [16]. В какой-то степени с этим можно согласиться и с политологической точки зрения, если иметь в виду вполне ошутимую политическую концепцию ресурсов Веба 1.0 и Веба 2.0. Однако в таком случае возникает представляющийся дискуссионным вопрос о том, что определяет дискурс: концепция- «идеология» или всё же сама технология, по которой делается ресурс. Дело в том, что, безусловно, даже на этапе концептуализации Веба 2.0 (если вообще здесь можно говорить о каком-то едином процессе концептуализации) невозможно было предусмотреть всех тех аспектов, которые в процессе развития стали его политико-идеологическим ядром. В то же время, поскольку автор данного подхода трактует идеологию куда шире, её нельзя отнести конкретно к политическим идеологиям.

Создание и распространение Интернета пришлось на время постмодерна, провозгласившего устами Фуко «конец великих метанарративов». Сам Интернет стал воплощением плюралистичности, однако вскоре как сам постмодернизм стал методологической доминантой (т. е. тем самым новым «великим метанарративом»), так и Интернет стал метанарративом сам по себе, с его собственными ценностями и идеологемами. Идеологические взгляды пользователей Интернета, таким образом, интегрировались в единую парадигму постидеологии, на поверку оказавшейся мимикрировавшим под неидеологию либерализмом.

Виртуальные идеологии являются «молекулярными», частичными, оформившимися, скорее, в определённые дискурсы, нежели в полноценные идеологии, и представляют собой достаточно аморфные системы идей. Однако уже сейчас мы можем говорить об отличиях виртуальных «идеологий» от традиционных идеологий. Политический процесс в Интернете сосредоточен в первую очередь на специфической сетевой проблематике, связанной с социально-экономическими основаниями интернет-сообщества, и лишь во вторую очередь касается общеполитических проблем, поэтому следует проводить определённую границу между либерализмом и сетевым либерализмом, анархизмом и криптоанархизмом и т. д.

При анализе виртуальных идеологий необходимо исходить из гиперплюралистической структуры Интернета, в которой невозможно

доминирование какой-то одной виртуальной идеологии. Некоторые из них можно охарактеризовать как антивиртуальные идеологии. Например, на ранних этапах развития сети пропагандировался антисетизм [20], провозглашавший развитие Интернета «насильственным экспансионизмом». Крайним тезисом антисетистов стал призыв к изоляции Европы от американской сетевой экспансии. В то же время отдельные виртуальные идеологии подчас почти дублируют друг друга.

Впрочем, достаточно легко выделяются две противоборствующие группы виртуальных идеологий – левая (или новая, идеология виртуализма) и правая (традиционная, идеология реализма). Левые виртуальные идеологии пропагандируют новый интернет-вокабуляр и стоят на позициях «особости» существования Интернета. Такие идеологии стремятся всячески ограничить влияние на Интернет со стороны государственной власти, а также выступают за свободное распространение информации, миную правовые издержки (как например, вопросы авторского права).

Правые виртуальные идеологии, крайним проявлением которых можно считать антисетизм, более консервативно относятся к информационным технологиям. Как правило, они занимаются распространением традиционного политического и экономического дискурса в Интернете и настаивают на том, чтобы Интернет (как средство, а не как особая среда или особая ценность) был включён в общий политический процесс. Данные идеологические подходы находят отражение как в политическом процессе, так и являются, в силу своей дискурсивности, методологическими подходами в изучении природы Интернета.

Первые предпосылки создания виртуальных идеологий обнаруживаются ещё в 1960–1970-х гг. в этике хакеров, которую мы можем отнести к предшественнице левых виртуальных идеологий. В основе этики хакеров лежит тезис о свободе информации, которая не должна каким-либо образом ограничиваться с помощью бюрократических барьеров. Основные ценности хакеров заключались в свободном и неограниченном доступе к информации; отрицании доверия к любым авторитетам, децентрализованности, отрицании возможности использования социальных статусов при оценке человека, бескорыстности и вере в неограниченные возможности нового виртуального мира [17, с. 74].

И хотя этика хакеров первоначально явилась идейной базой скорее культурного, нежели политического движения, хакеры выступили в качестве первого примера влияния компьютерных технологий на формирование специфических идейных течений [8]. Определённое влияние на интернет-культуру оказали и ситуационисты, заложившие идейные основы такого явления, как «антикопирайт» [7].

Идеи хакеров повлияли на возникшее движение киберпанков. Основные политические идеи киберпанков нашли воплощение в «Манифесте киберпанка» К. Кирчева [12], появившемся в 1997 г. Сам этот манифест был своеобразным ответом на «Манифест хакера» [5], написанный Л. Блэнкеншипом в 1986 г., а написание подобных манифестов стало традицией для политически активных субкультур. Основная мысль манифеста Кирчева – противостояние правительству и корпорациям, которых автор именует Системой. Цель действий адептов киберпанка состоит в установлении контроля над технологией.

Хотя киберпанк, как и хакерская субкультура, не был способен перерасти в политическую идеологию, поскольку в его основе лежали ценности крайнего индивидуализма, предполагающего отгороженность участников от общественных процессов, именно киберпанки заложили основу таким более современным течениям Интернета, как криптоанархисты, киберфеминистки, шифропанки и шизопанки.

Позднее идеи хакеров и киберпанков, так и не сложившиеся в политическую идеологию, легли в основу более широкого дискурса – киберлибертарианства или «сетевого либерализма». При этом существует точка зрения, согласно которой сетевой коммунитаризм, криптоанархизм и другие левые течения являются лишь «радикальными», «невмешательскими», «оптимистичными» и «пессимистичными» фракциями внутри киберлибертарианства [4].

Основные тезисы сетевого либерализма были оформлены в 1996 г. Дж. П. Барлоу в «Декларации независимости киберпространства» [3]. Барлоу объявил Интернет «глобальным общественным пространством», в котором нет места органам власти. Он противопоставил киберпространство, объявленное «цивилизацией сознания», реальному миру, подчеркнув тем самым, что Интернет не является физической реальностью. Законодательные инициативы по регулированию Сети, реакцией на которые

и стала данная Декларация, рассматриваются Барлоу как вторжение на чужую территорию. «Правительства мира» продолжают «властвовать над телами» пользователей, однако Интернет является местом обитания «виртуальных», на которые законы реального мира не распространяются. Киберпространство, согласно Барлоу, вообще не подчинено каким-либо законам и регулируется исключительно неписанным этикетом Сети.

Сетевой либерализм подвергся критике справа. Р. Барбрук в своей статье «Киберкоммунизм: как американцы отменяют капитализм в киберпространстве» не только справедливо замечает, что «все пользователи Сети, независимо от исповедуемой ими политической веры, с энтузиазмом участвуют в возрождении левого толка» [2], но и сравнивает сетевых либералов со сталинистами.

Хотя данные течения и смогли провести ряд протестных «хактивистских» кампаний, они так и не оформились в какие-либо крупные политические организации, чему способствовала их идейная «антиполитическая» направленность.

Более реальные шаги были сделаны в рамках антикопирайтного движения, в котором имеет смысл выделить два крыла: копилефтерское и пиратское. Копилефтеры исходят из примата технологии над дискурсом и непосредственной политической борьбе они предпочитают программистскую деятельность, направленную на технологические изменения, способствующие изменению существующей экономической системы. Наиболее крупными фигурами у копилефтеров выступили Р. Столлман и Л. Торвальдс.

Столлман разработал проект GNU, основным принципом которого стало то, что любой программный продукт, в рамках GNU, не принадлежит никому и одновременно принадлежит всем, что позволяет совершенствовать его. GNU является альтернативой платному ПО. Столлман выступает и в качестве идеолога «копилефта», отвергая само понятие «интеллектуальная собственность», выступая за пересмотр существующего авторского права [19]. Работа Столлмана была продолжена Л. Торвальдсом. Торвальдс, как и Столлман, использовал т. н. открытый код, который позволяет улучшать программу другим пользователям.

Пираты в своих программах настаивают на деконструкции сложившейся в современной ин-

формационной экономике системы ценностей. Пиратское движение действует согласно принципу «Когда вы загружаете бесплатную музыку, вы загружаете коммунизм» [22] и выступает за пересмотр законов в области авторского права. Деятельность пиратов направлена против конвенционализма в отношении концептов «пиратство» и «интеллектуальная собственность». Если либеральная парадигма выдвигает формулу «пиратство – это воровство», то пираты настаивают на тезисе «кража – это когда кто-то отнимает у кого-то возможность воспользоваться чем-либо, в то время как свободный файлообмен лишь создаёт новую копию, не удаляя при этом сам оригинал» [10]. Пираты на настоящий момент являются единственным политическим движением, защищающим интернет-ценности, которое смогло оформиться в реальную политическую силу [15].

Другим заметным современным левым течением в Интернете являются криптоанархисты. Основа их идеологии – анонимность, бывшая базовой интернет-ценностью эпохи до Веб 2.0. Криптоанархисты выступают не только за то, чтобы повсеместно использовать псевдонимы, скрывающие истинную личность пользователя (за что, к примеру, выступают и шизопанки), но и за использование технологий, которые позволяют укрыть от государства денежные транзакции, вплоть до полного ухода от налогообложения.

Криптоанархисты стали наиболее известны благодаря деятельности Дж. Ассанджа и его проекту «Викиликс», который был выполнен с помощью технологий шифрования. Однако, как и деятельность копиленфтеров, деятельность шифропанков, скорее, представляет создание технологической, а не идейно-дискурсивной базы для деконструкции традиционных социально-политических институтов, поэтому в отличие от пиратов они не имеют своей широкой социальной базы.

Левым виртуальным идеологиям противостоят правые, основным тезисом которых является идея политико-правового регулирования сети государством, выразившаяся в концепцию «управления Интернетом». Существенным фактором постепенного ужесточения права в Интернете стало влияние коммерческих структур, использующих механизмы лоббирования для изменения законодательства, а также межправительственные дискуссии об управлении Интернетом.

Правый дискурс не привносит в Интернет концептуально новых категорий. Он лишь

способствует такой конвергенции интернет-дискурса и традиционного дискурса, в которой последний бы доминировал над первым. Основным подходом правых является понимание Интернета как средства, не имеющего особой специфики в сравнении с другими средствами. Грубо говоря, правые отрицают понимание Интернета как среды и как ценности, характерное для левых. Вокабуляр правых составляет добавление слова «электронный» (или приставки «е-» в англоязычной традиции) к различным традиционным политическим феноменам, после чего происходит такая концептуализация интернет-вокабуляра, при котором «новые» концепты оказываются максимально приближены к уже существующим в дискурсе «реального мира». Безусловно, что в политико-экономической сфере концепции «электронного правительства», «электронного участия», «электронной коммерции» и т. д. являются яркими представители концепций правых идеологий. Среди теоретиков правых можно выделить киберконсерваторов [24] Голдсмита и Ву, видевших в распространении Интернета угрозу суверенитету государств и полагавших, что в дальнейшем «территориальным правительствам» удастся установить полный контроль над онлайн-коммуникациями. Следует особо подчеркнуть, что правый конвенционализм доминирует и в российской политической науке, где Интернет также рассматривается в основном традиционно, т. е. как средство.

В заключение необходимо отметить, что столкновение правых и левых виртуальных концепций уже началось в форме экспансии левых «виртуальных» партий, таких как пираты, в реальную политику, и в рамках концепции «управления Интернетом», которую активно проводят на национальном и международном уровне правительства национальных государств те, кто выступает в качестве активных проводников «правого» виртуального дискурса. Таким образом, хотя и происходит значительное концептуальное преобразование категории «идеология», системного кризиса идеологии не наблюдается. В отношении концептуализации виртуальных идеологии в политической социологии представляется важным произвести деконструкцию доминирующего дискурса в силу его односторонности, а также необходимо создать совершенно новые подходы для изучения современных форм идеологий и факторов, оказывающих влияние на их формирование.

Список литературы

1. Ахременко А. С. Социальные размежевания и структуры электорального пространства России // *Общественные науки и современность*. 2007. № 4. С. 80–92.
2. Барбрук Р. Киберкоммунизм: что американцы готовят на смену капитализму в киберпространстве // *Компьютерра Онлайн*. URL: <http://offline.computerra.ru/print/offline/2000/350/2672/> (дата обращения: 23.03.2008).
3. Барлоу Дж. П. Декларация Независимости Киберпространства. URL: <http://www.uis.kiev.ua/russian/win/~xyz/index.rus.html> (дата обращения: 23.03.2008).
4. Белобородов С. Г. Феномен виртуальных сообществ в киберлибертарианской риторике // *Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: труды VII Всерос. объединённой конф. Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2004 г.* СПб.: Изд-во Филологического ф-та СПбГУ, 2004. С. 162–164.
5. Блэнкеншип Л. Манифест хакера. URL: http://amdf.pp.ru/hacker_manifest.php (дата обращения: 15.03.2010).
6. Ваторопин А. С. Религиозный модернизм и постмодернизм // *Социс*. 2001. № 11. С. 84–92.
7. Вербицкий М. С. Антикопирайт. URL: <http://imperium.lenin.ru/Lenin/32/C/c1.html> (дата обращения: 03.06.2010).
8. Емелин В. А. Киберпанк и сетевой либерализм. URL: <http://emeline.narod.ru/cyberpunk.htm> (дата обращения: 23.03.2008).
9. Зарубин В. Г. Эстетика политического пространства: опыт социологической реконструкции профессиональной компетентности журналиста // *Учёные записки Забайкальского гос. гум.-пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского*. 2012. № 4. С. 90–95.
10. Зелёные карлсоны защитят файлообменники в Европарламенте. URL: http://www.it-sec.ru/newstext.php?news_id=41138 (дата обращения: 26.04.2011).
11. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис*. 1997. № 4. С. 6–32.
12. Кирчев К. Манифест киберпанка. URL: <http://mail.webmail.kz/~cyberpunk/manifest.html> (дата обращения: 23.03.2008).
13. Кортенеими Д. Дискурс и идеология в новостях: субъективный элемент в реферировании речи Путина в пяти российских газетах. URL: <http://www.helsinki.fi/venaja/opiskelu/graduja/korteniemi.pdf> (дата обращения: 13.04.2013).
14. Куничкина Н. С. Концепции деидеологизации и реидеологизации общественной жизни как противоположные подходы к определению сущности и роли государственной идеологии: право // *Вестн. Челябинского гос. ун-та. Сер. «Право»*. 2008. Вып. 17. № 31. С. 20–23.
15. Мартьянов Д. С., Мартьянова Н. А. Феномен пиратских партий в российском и мировом контексте // *Учёные записки Забайкальского гос. гум.-пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского*. 2012. № 4. С. 116–121.
16. Серебренникова Е. Ф. Интернет–дискурс: к проблеме семиометрии значимых параметров лингвистического анализа // *Magister Dixit: электронный науч.-пед. журн. Восточной Сибири*. 2011. № 2. URL: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/statya_serebrennikova_ef_0.pdf (дата обращения: 13.04.2013).
17. Скородумова О. Б. Хакеры как феномен информационного пространства // *Социологические исследования*. 2004. № 2. С. 70–79.
18. Сkochилова В. Г. Идеология в политическом процессе современной России // *Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. «Философия. Социология. Политология»*. 2010. № 3 (11). С. 76–85.
19. Столлман Р. М. Говорите, «интеллектуальная собственность»? Соблазнительный мир. URL: <http://linuxrsp.ru/artic/not-ipr.html> (дата обращения: 13.02.2012).
20. Треанор П. Интернет как гиперлиберализм. URL: <http://old.russ.ru/journal/netcult/98-12-03/treanor.htm> (дата обращения: 01.02.2008).
21. Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 312 с.
22. Downloading communism – Печальное будущее бизнес-модели сегодняшней видеоиндустрии – взгляд из истории. URL: <http://www.eldar.com/node/152> (дата обращения: 21.04.2012).
23. Freedman M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford, 1996.
24. Goldsmith J. L., Wu T. Who Controls the Internet? Illusions of a Borderless World. Oxford; Oxford University Press, 2006.
25. Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles. Princeton, 1977.

References

1. Ahremenko A. S. Social'nye razmezhevaniya i struktury jelektoral'nogo prostranstva Rossii // Obshhestvennyye nauki i sovremennost'. 2007. № 4. С. 80–92.
2. Barbruk R. Kiberkommunizm: chto amerikancy gotovjat na smenu kapitalizmu v kiberprostranstve // Komp'yuterra Onlajn. URL: <http://offline.computerra.ru/print/offline/2000/350/2672/> (data obrashhenija: 23.03.2008).
3. Barlou Dzh. P. Deklaracija Nezavisimosti Kiberprostranstva. URL: <http://www.uis.kiev.ua/russian/win/~xyz/index.rus.html> (data obrashhenija: 23.03.2008).
4. Beloborodov S. G. Fenomen virtual'nyh soobshhestv v kiberlibertarijskoj ritorike // Tehnologii informacionnogo obshhestva – Internet i sovremennoe obshhestvo: trudy VII Vseros. ob#edinjonnoj konf. Sankt-Peterburg, 10–12 nojabrja 2004 g. SPb.: Izd-vo Filologicheskogo f-ta SPbGU, 2004. S. 162–164.
5. Bljenkship L. Manifest hakera. URL: http://amdf.pp.ru/hacker_manifest.php (data obrashhenija: 15.03.2010).
6. Vatoropin A. S. Religioznyj modernizm i postmodernizm // Socis. 2001. № 11. S. 84–92.
7. Verbickij M. S. Antikopirajt. URL: <http://imperium.lenin.ru/Lenin/32/C/c1.html> (data obrashhenija: 03.06.2010).
8. Emelin V. A. Kiberpank i setevoj liberalizm. URL: <http://emeline.narod.ru/cyberpunk.htm> (data obrashhenija: 23.03.2008).
9. Zarubin V. G. Jestetika politicheskogo prostranstva: opyt sociologicheskoy rekonstrukcii professional'noj kompetentnosti zhurnalista // Uchjonye zapiski Zabajkal'skogo gos. gum.-ped. un-ta im. N. G. Chernyshevskogo. 2012. № 4. S. 90–95.
10. Zeljonye karlsony zashhitjat fajloobmenniki v Evroparlamente. URL: http://www.itsec.ru/newstext.php?news_id=41138 (data obrashhenija: 26.04.2011).
11. Inglehart R. Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva // Polis. 1997. № 4. S. 6–32.
12. Kirchev K. Manifest kiberpanka. URL: <http://mail.webmail.kz/~cyberpunk/manifest.html> (data obrashhenija: 23.03.2008).
13. Korteneimi D. Diskurs i ideologija v novostjah: sub#ektivnyj jelement v referirovanii rechi Putina v pjati rossijskikh gazetah. URL: <http://www.helsinki.fi/venaja/opiskelu/graduaja/korteneimi.pdf> (data obrashhenija: 13.04.2013).
14. Kunichkina N. S. Konceptii deideologizacii i reideologizacii obshhestvennoj zhizni kak protivopozhnyye podhody k opredeleniju sushhnosti i roli gosudarstvennoj ideologii: pravo // Vestn. Cheljabinskogo gos. un-ta. Ser. «Pravo». 2008. Vyp. 17. № 31. S. 20–23.
15. Mart'janov D. S., Mart'janova N. A. Fenomen piratskih partij v rossijskom i mirovom kontekste // Uchjonye zapiski Zabajkal'skogo gos. gum.-ped. un-ta im. N. G. Chernyshevskogo. 2012. № 4. С. 116–121.
16. Serebrennikova E. F. Internet–diskurs: k probleme semiometrii znachimyh parametrov lingvisticheskogo analiza // Magister Dixit: jelektronnyj nauch.-ped. zhurn. Vostochnoj Sibiri. 2011. № 2. URL: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/statya_serebrennikova_ef_0.pdf (data obrashhenija: 13.04.2013).
17. Skorodumova O. B. Hakery kak fenomen informacionnogo prostranstva // Sociologicheskie issledovanija. 2004. № 2. S. 70–79.
18. Skochilova V. G. Ideologija v politicheskom processe sovremennoj Rossii // Vestn. Tomskogo gos. un-ta. Ser. «Filosofija. Sociologija. Politologija». 2010. № 3 (11). S. 76–85.
19. Stollman R. M. Govorite, «intelektual'naja sobstvennost'»? Soblaznitel'nyj mirazh. URL: <http://linuxrsp.ru/artic/not-ipr.html> (data obrashhenija: 13.02.2012).
20. Treanor P. Internet kak giperliberalizm. URL: <http://old.russ.ru/journal/netcult/98-12-03/treanor.htm> (data obrashhenija: 01.02.2008).
21. Shvarcmantel' Dzh. Ideologija i politika. Har'kov: Gumanitarnyj centr, 2009. 312 c.
22. Downloading communism – Pechal'noe budushhee biznes-modeli segodnjashnej videoindustrii – vzgljad iz istorii. URL: <http://www.eldar.com/node/152> (data obrashhenija: 21.04.2012).
23. Freedman M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford, 1996.
24. Goldsmith J. L., Wu T. Who Controls the Internet? Illusions of a Borderless World. Oxford; Oxford University Press, 2006.
25. Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles. Princeton, 1977.

Статья поступила в редакцию 30 апреля 2013 г.

Наталья Александровна Мартьянова

кандидат социологических наук, доцент,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: nmart@bk.ru

Социологические модели концептуализации феномена профессии

Данная статья посвящена анализу различных социологических моделей концептуализации профессии как сложного и противоречивого социального феномена. Особое внимание уделяется пониманию термина «профессия», факторам включённости профессии в социальную систему.

В первую очередь автор обращается к наиболее популярным у социологов подходам к интерпретации профессии как социального института и социальной общности, представленным в работах классиков социологии, таких как Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мертон и др. Также феномен профессии объясняется с помощью понятий «воображаемое сообщество», «субкультура», «социальные связи и сети». В современной трактовке профессии характеризуются как «сетевые сообщества». Представлен также и один из вариантов «синтетической модели» профессии, включающий наиболее значимые критерии отнесения к профессии.

В статье представлено рассмотрение как формальных, так и неформальных, латентных аспектов профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессия, профессиональное сообщество, социальный институт, социальная группа, субкультура, социальные связи.

Nataliya Aleksandrovna Mart'yanova

Candidate of Sociology, Associate Professor;

Herzen State Pedagogical University of Russia

(St. Petersburg, Russia), e-mail: nmart@bk.ru

Sociological Models of Profession Phenomenon Conceptualization

This article is devoted to the analysis of different sociological models of profession conceptualization as a complicated and contradictory social phenomenon. Special attention is paid to understanding of the term 'profession' and factors of a profession involvement in the social system.

First of all, the author refers to the most popular sociologists' approaches to the interpretation of the profession as a social institution and the social community represented in the works of the classics of sociology, such as G. Spenser, E. Durkheim, M. Weber, T. Parsons, R. Merton, etc. The profession phenomenon is also explained by the concepts of "imaginary community", "subculture", "social relations and networks". In modern interpretation professions are characterized as "network communities". One of the variants of "a synthetic model" of the profession including the most important criteria of reference to a profession is also presented.

The article reviews both formal and informal, latent aspects of professional activity.

Keywords: profession, professional community, social institute, social group, subculture, social interactions.

Профессия как сложный и противоречивый социальный феномен имеет множество подходов к определению. Большинство исследовательских альтернатив в концептуализации профессии представлено в трудах социологов, т. к. именно социологический анализ позволяет учитывать все специфические аспекты включённости профессии в социальную систему.

Начать следует с наиболее типичной и распространённой модели рассмотрения профессии, наблюдаемой нами практически во всех концепциях классиков социологии, в которых имеет место понимание *профессии как социального института*. Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мертон и другие авторы исследуют различные аспекты институционализации профессии, делая акцент на

профессиональном этосе и профессиональных объединениях. Так, Г. Спенсер считал усложнение профессий существенной чертой цивилизованного общества. Профессиональные объединения складывались для оберегания, поддержания, приумножения, т. е. «приращения жизни», подобно тому, как врач увеличивает количество жизни; художник увеличивает эмоции и приятные чувства; историк и литератор возвышает умственные состояния человека; учёный, учитель повышает ясность ума [18, с. 153]. Ф. Тённис, М. Вебер, Г. Зиммель также писали об увеличении числа профессий, основанных на применении науки разума, как о признаке городского общества [11, с. 49].

Говоря о классиках, стоит отметить, что Э. Дюркгейм фактически наметил основные теоретические траектории, по которым впоследствии развивалась социология профессий. Самыми важными среди этих траекторий являются: наличие мощной альтруистической составляющей в труде профессионалов; профессиональная мораль как один из важнейших компонентов саморегулирования профессиональной деятельности; рост влияния профессиональных сообществ в широком социальном контексте; противоречия, возникающие в процессе разделения труда, когда углубляющаяся специализация приводит к выхолащиванию профессионализма в условиях крупномасштабного производства; значимость социального института профессий в разные исторические эпохи, особенно в Средневековье [1, с. 46].

Профессиональная группа по Э. Дюркгейму – это общественный институт, создающий и поддерживающий положительные социальные образцы поведения. Э. Дюркгейм, таким образом, отводил профессиям важнейшую роль в становлении органической солидарности, утвердив идею о профессиональных группах (корпорациях) как оплотах солидарности, как интеллектуальной и нравственной однородности, естественным образом возникающей в результате занятия одной профессией. Он видел в них моральную силу, способную сдерживать натиск различных форм индивидуального эгоизма [4, с. 10–14]. М. Вебер, в свою очередь, определил такие ключевые характеристики профессионала, как *рациональность*, т. е. деятельность на основе науки и знания технологий в своей области, и *служение*, т. е. следование моральному обету, профессиональному этическому кодексу [3, с. 707–735].

Общим для данных авторов является акцент на нравственно-этической составляющей профессиональной деятельности. Можно сказать, что служение на благо обществу, содействие его сплочённости становится одной из главных функций профессии, определяющей и утверждающей профессию как социальный институт.

Не менее популярно среди социологов понимание *профессии как социальной общности (сообщества)*. Хотелось бы чётко обозначить грань между понятиями «социальный институт» и «социальная общность». Несмотря на их кажущуюся схожесть именно в контексте понимания феномена профессии социальный институт как таковой предназначен для выполнения специализированной общественно значимой функции и сконструирован в большей мере искусственно. Тогда как социальная общность формируется естественно, она более обособлена и самоуправяема. В ней действуют неформальные нормы, в то время как социальный институт характеризуется, прежде всего, формальными нормами и целями. Профессию как некое сообщество или обособленную общность можно, вероятно, определить понятием *Gemeinschaft* Ф. Тённиса.

В качестве примера можно привести широко известную концепцию «незримого колледжа». Данное понятие, устоявшееся в социальных науках в 70-х гг., изначально относилось к научному сообществу, но также применимо к любой другой профессиональной группе. Незримый колледж означает совокупность профессионалов в какой-либо области, работающих над одним кругом проблем, как правило, в разных организациях и даже странах. Члены «колледжа» формально не связаны друг с другом, но имеют постоянную «обратную связь», собственные неформальные статусы и роли, принятые в своём кругу нормы и ценности. Можно назвать это попыткой профессионалов или общественных организаций обойти бюрократические или денежные препятствия во взаимодействии, передаче накопленного опыта и методов работы. Данные сообщества имеют устойчивую неформальную структуру и функции.

Если также рассматривать профессию как общность, базирующуюся на общей символической и идентичности, то она может быть описана в рамках модели «воображаемого сообщества» Б. Андерсона [13]. Под «воображаемыми сообществами» понимают больше коллективы, объединённые, прежде всего, общими идентично-

стями и минимально – сетями непосредственно межличностных отношений [15, с. 95–96]. Концепция «воображаемого сообщества» сформировалась, в первую очередь, применительно к исследованию национальных общностей, акцент делается на роль ощущения национальной идентичности и принадлежности как фактора консолидации национальных государств в Европе. Однако в современной литературе она разрабатывается и применяется к общностям, возникающим на базе религии, места, гендера, политики, цивилизации, – служащих своего рода общими символами, вокруг которых складывается коллективная идентичность, переживание общности. Важной чертой воображаемых сообществ является то, что они формируются на базе не прямых отношений (опосредуемых через общие символы), а не только прямого общения; на нелокальной основе.

Понятие «воображаемое сообщество» может быть удачной рамкой для описания некоторых свойств профессии – в той мере, в которой принадлежность человека к ней определяется профессиональной идентичностью и ориентацией на общие символы как маркеры идентичности. Воображаемое сообщество определяется через символы, которые обозначают общность и маркируют идентичность [12, с. 88]. Эта концепция открывает путь к исследованию «символического конструирования сообщества», т. е. роли разделяемых символов в определении границ сообщества, принадлежности к нему и его стратификации. А. П. Коэн определяет сообщество через ориентацию на общие символы, считая, что реальность сообщества в восприятии людей заключается в их принадлежности к общему полю символов [16, с. 14].

Иными словами, профессия имеет свою собственную «культуру», понимаемую как систему разделяемых всеми её членами общих смыслов, основанную на сходных или совместно осуществляемых видах деятельности, позволяющую профессионалам противостоять внешней среде, сохраняя внутреннее единство. Это означает, что в некотором смысле имеет место понимание *профессии как субкультуры*. К ней относятся как знаковые (символы, атрибуты, фольклор), так и социально-поведенческие (формы общения, нормы, стереотипы поведения) компоненты субкультур [9, с. 15]. Профессиональная субкультура, таким обра-

зом, – это те устойчивые латентные знания и связанные с ними практики, «правила игры», принимаемые как должное людьми опытными и непривычные для новых членов группы. Если какая-либо профессия обладает давними и устойчивыми традициями (например, врачебное дело), то её повседневные практики популяризируются и воспринимаются обществом как нормальные, необходимые для представителя данной профессии атрибуты. В конечном счёте, можно говорить о формировании «особого типа» личности и особого мировоззрения, связанного с принадлежностью к профессии. Так, например, Р. Мертон в своём исследовании бюрократии доказал влияние бюрократической структуры на формирование личности чиновника [8, с. 153–158].

Не менее интересным, по нашему мнению, является подход к исследованию *профессий как совокупности социальных сетей и связей*.

Нельзя не отметить, что «сеть» как метафора отражает саму суть внутренней структуры общества начала XXI века, выражающуюся, прежде всего, в возросшей роли информации, которая становится главным проводником большинства функций и ценностей общества [6, с. 2]. Трансформации подверглись практически все аспекты общественной жизни: от культуры, науки и образования – до системы управления. Сети продуцируют новые идеи и идеологии в политике, способствуют формированию новых концептуальных схем и дискурсов [7, с. 160–176]. Насыщенный информационный обмен, построенный на использовании систем электронной коммуникации, стал основным источником функционирования сетевого общества.

Сети становятся структурной основой профессиональной деятельности. Тип «кочевой сетевой работник» становится всё более значимым и способствует распространению интернациональных профессиональных связей. Это является отражением более широкого процесса, в результате которого аккумуляция в рамках сети – то есть, кого ты знаешь, – явно становится более важной, нежели то, что ты знаешь, что происходит благодаря новым важным видам использования знания в рамках организаций и между ними. Пока знание остаётся неявным, неформальным и получаемым через особый личный опыт, организационный успех зависит от доступа к такой информации. Чем

больше конструируется формальных и особенно неформальных сетей, тем больше возможностей создавать и передавать подобное неявное знание и делиться им, а также накапливать новый капитал [10, с. 399]. Можно сказать, что интеграция сетей в производство знания благотворна для выработки новых типов знания, к примеру, профессиональных норм и стандартов.

Ключевая идея – «сила слабых связей». Знаменитое исследование М. Грановеттера показало, что обширные дальние знакомства, слабые информационные потоки критически важны в различных социальных процессах (таких как поиск работы и пр.) [14, с. 203–233]. Эти важные дальние знакомства связывают людей с внешним миром, обеспечивая мост, которого не может дать ближайшее окружение.

Сетевые связи трактуются как не имеющие стоимости, но налаживание и поддержание связей обходится недёшево. Необходимы коммуникации, путешествия, встречи, актуализирующие социальные связи. Это утверждение восходит к работам Л. Коузера, который считал, что людей связывает в большей мере вербальный конфликт, чем вербальное согласие, поскольку при конфликте возникает необходимость «трудиться над коммуникацией» [2, с. 92]. Это дорогая работа составляет вещество социальной жизни и включает время, пространство, деньги, ресурсы, удовольствия и т. п. Дэвид Лодж описывает то, как сети профессионалов вынуждены тратить время на поездки ради совещаний, в результате которых сеть всего лишь воспроизводит себя через периодические личные встречи ради закрепления дальних знакомств [17]. В ходе таких встреч формируется комплексный, многослойный «сетевой капитал», в который входит дружба, власть, проекты, рынки, информация, слухи, сделки, интриги, сплетни и т. д. Это и есть самый ценный товар для профессионалов с точки зрения сетевого подхода. Для сетей крайне важны встречи, коммуникации и путешествия через пространство-время именно для того, чтобы сформировать и «зацементировать» дальние знакомства на какой-то период. Все они в совокупности образуют социальный капитал как «систему социальных связей и способов взаимодействия с другими, способность создавать социальные группы, которые помогают человеку решать его жизненно важные задачи [5].

Термин «сетевой капитал» имеет множество модификаций в социологии. Джон Урри, автор теории мобильности, к примеру, характеризует сетевой капитал через понятие «капитал подвижности» (*motility capital*), который можно рассматривать как относительно автономный от экономического, социального и культурного капитала. Кроме того, современные общества сталкиваются с ограничениями пространства-времени. В таких условиях капитал подвижности представляет собой «незаменимый ресурс, позволяющий обходить множество мешающих людям пространственных ограничений». Высокий уровень капитала подвижности может оказаться необходимым, чтобы компенсировать недостаток другого вида капитала [10, с. 123].

Таким образом, профессиональные сообщества необходимы для накопления сетевого капитала и для его улучшения посредством позитивной обратной связи, что является непременным атрибутом сетевых практик. Сеть функционирует только тогда, когда «активируется» через личное взаимодействие профессионалов. «Активация сети» случается, когда данное взаимодействие регулярно и обязательно, гарантом чего выступают профессиональные объединения. Следовательно, сами профессии с точки зрения сетевого подхода можно охарактеризовать как сетевые или «осетевлённые» (*networked*) сообщества (связаны с процессом «осетевления» – «*networking*», который иногда транскрибируется как «нетворкинг»; данный термин пока не общепринят, но уже имеет распространение в русском языке).

Сильной стороной данного понимания профессии является, на наш взгляд, охват как формальных, так и неформальных, латентных аспектов профессиональной деятельности. Профессия постепенно перестаёт мыслиться как раз и навсегда установленная, этически «зацементированная» структура, включающая в себя группы узких специалистов, обладающих высоким статусом, материальным достатком и чётко определёнными образцами поведения.

Конечно, концептуализация профессии как сложного социального феномена не ограничивается приведёнными здесь исследовательскими альтернативами. Можно рассматривать профессию как совокупность всех или части рассмотренных характеристик. К примеру, социолог Р. Абрамов составляет синтетическую модель профессии, включающую наиболее значимые критерии отнесения к профессии.

Во-первых, для профессионала необходимо специальное образование, наличие которого подтверждено документально. Во-вторых, профессиональная деятельность является основным источником доходов профессионала. В-третьих, для профессионала более важным, по сравнению с материальным вознаграждением, становится вознаграждение символическое, выражаемое в форме признания профессиональных заслуг в кругу себе подобных. В-четвёртых, можно говорить о профессиональном *habitus*, который выстраивает членов профессионального сообщества в социальном поле так, что вместе они создают контур, по которому только и может двигаться каждый

из них. Профессиональные ассоциации, профессиональный этос, общие социальные интересы, идеология профессионализма – всё это элементы, которые объединяет в систему профессиональный *habitus* [11, с. 74].

Наконец, если обращаться к современным веяниям, нельзя не отметить концепцию краудсорсинга, суть которой, в контексте изучаемого предмета, можно свести к тому, что в современном обществе профессии «растекаются» и на их место приходит «коллективный разум» (от англ. *crowd* – толпа). Данный подход, как нам кажется, перспективен, интересен и требует последующего детального научного анализа.

Список литературы

1. Абрамов Р. Российские менеджеры: социологический анализ становления профессии. М.: КомКнига, 2005.
2. Барсукова С. Ю. Жёсткость мягких сетей. Рецензия на книгу: Сеннет Р. Коррозия характера / пер. с англ. В. И. Супруна, 2004 // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 1.
3. Вебер М. Наука как призвание и профессия / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана, прим. В. В. Сапова. М.: Канон, 1996.
5. Иванов О. И. Производство и воспроизводство социального капитала на основе человеческого потенциала // Материалы Всерос. науч. конф. «Социальный капитал современного общества». URL: <http://journal.spbu.ru/?p=9056> (дата обращения: 28.02.2013).
6. Круглов А. Ю. Формирование методологии социологического исследования на основе использования технологии компьютеро-опосредованной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2005.
7. Мартыанов Д. С. Трансформация концептуальной схемы «политика и Интернет» в постглобальном контексте // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2012. № 3. Т. 8.
8. Мартыанова Н. А. Влияние бюрократической структуры на формирование личности в социологической концепции Роберта К. Мертона // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. № 9 (29). Аспирантские тетради.
9. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Антропологические исследования профессий // Антропология профессий: сб. науч. ст. Саратов: Научная книга, 2005.
10. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева, вступ. ст. Н. А. Харламова. М.: Праксис, 2012.
11. Хьюз Э. Профессии в обществе // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: ЦСПГИ, 2012.
12. Щепаньская Т. Символизация повседневности и неформальный контроль в профессиональном сообществе // Антропология профессий, или посторонним вход разрешён (Б-ка Журн. исследований соц. политики). М.: Вариант, ЦСПГИ, 2011.
13. Anderson B. Imagined Communities. London: Verso, 1983.
14. Granovetter M. The Strength of Weak Ties: a Network Theory Revisited // Sociological Theory. 1988. № 1.
15. Calhoun C. Indirect Relationships and Imagined Communities // Social Theory for a Changing Society / ed. by P. Bourdieu and J. S. Coleman. Boulder, CO: Westview, 1991.
16. Cohen A. P. The Symbolic Construction of Community. London, New York, 1985.
17. Lodge D. Small World. Harmondsworth: Penguin, 1983.
18. Spencer H. The Principles of Sociology. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1986. Chap I.

References

1. Abramov R. Rossijskie menedzhery: sociologicheskij analiz stanovlenija professii. M.: KomKniga, 2005.
2. Barsukova S. Ju. Zhjostkost' mjagkih setej. Recenzija na knigu: Sennet R. Korrozija haraktera / per. s angl. V. I. Suprun, 2004 // Jekonomicheskaja sociologija. 2007. T. 8. № 1.
3. Veber M. Nauka kak prizvanie i professija / per. s nem. M.: Progress, 1990.
4. Djurkgejm Je. O razdelenii obshhestvennogo truda / per. s fr. A. B. Gofmana, prim. V. V. Sapova. M.: Kanon, 1996.
5. Ivanov O. I. Proizvodstvo i vosproizvodstvo social'nogo kapitala na osnove chelovecheskogo potenciala // Materialy Vseros. nauch. konf. «Social'nyj kapital sovremennogo obshhestva». URL: <http://journal.spbu.ru/?p=9056> (data obrashhenija: 28.02.2013).
6. Kruglov A. Ju. Formirovanie metodologii sociologicheskogo issledovanija na osnove ispol'zovanija tehnologii komp'jutero-oposredovannoj kommunikacii: avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk. SPb., 2005.
7. Mart'janov D. S. Transformacija konceptual'noj shemy «politika i Internet» v postglobal'nom kontekste // Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS. 2012. № 3. T. 8.
8. Mart'janova N. A. Vlijanie bjurokraticheskoi struktury na formirovanie lichnosti v sociologicheskoi koncepcii Roberta K. Mertona // Izvestija Rossijskogo gos. ped. un-ta im. A. I. Gercena. 2007. № 9 (29). Aspirantskie tetradi.
9. Romanov P., Jarskaja-Smirnova E. Antropologicheskie issledovanija professij // Antropologija professij: sb. nauch. st. Saratov: Nauchnaja kniga, 2005.
10. Urri Dzh. Mobil'nosti / per. s angl. A. V. Lazareva, vstup. st. N. A. Harlamova. M.: Praksis, 2012.
11. H'juz Je. Professii v obshhestve // Antropologija professij: granicy zanjatosti v jepohu nestabil'nosti / pod red. P. Romanova i E. Jarskoj-Smirnovoj. M.: CSPGI, 2012.
12. Shhepan'skaja T. Simvolizacija povsednevnosti i neformal'nyj kontrol' v professional'nom soobshhestve // Antropologija professij, ili postoronnim vhod razreshjon (B-ka Zhurn. issledovanij soc. politiki). M.: Variant, CSPGI, 2011.
13. Anderson B. Imagined Communities. London: Verso, 1983.
14. Granovetter M. The Strength of Weak Ties: a Network Theory Revisited // Sociological Theory. 1988. № 1.
15. Calhoun C. Indirect Relationships and Imagined Communities // Social Theory for a Changing Society / ed. by P. Bourdieu and J. S. Coleman. Boulder, CO: Vestview, 1991.
16. Cohen A. P. The Symbolic Construction of Community. London, New York, 1985.
17. Lodge D. Small World. Harmondsworth: Penguin, 1983.
18. Spencer H. The Principles of Sociology. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1986. Chap I.

Статья поступила в редакцию 30 апреля 2013 г.

Анна Ивановна Михайлова
аспирант,

Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: filologia83@mail.ru

Осмысление феномена одиночества как социального явления

Дана трактовка понятия «одиночество». Отмечается, что все имеющиеся учения о природе одиночества разделены на два основных научных подхода, рассматривающих данную категорию как индивидуальное и социальное явление. Одиночество как индивидуальное явление способствует самосовершенствованию личности через уход от реальности. В настоящее время обозначенный тип одиночества не теряет своей актуальности, например в духовных практиках.

Выявлено, что социальное одиночество – феномен XX в., появившийся в результате трансформаций социальных отношений. Приведены различные современные классификации социального одиночества, разработанные как отечественными, так и зарубежными авторами. Акцентируется внимание на причинах, особенностях социального одиночества. Значительный интерес представляют определённые социальные группы, среди которых одинокие мужчины, в том числе одинокие отцы.

Ключевые слова: индивидуальное одиночество, социальное одиночество, социальные отношения, мужское одиночество, одинокие отцы.

Anna Ivanovna Mikhailova

Postgraduate Student,

Transbaikal State University

(Chita, Russia), e-mail: filologia83@mail.ru

Comprehension of Loneliness Phenomenon as a Social Phenomenon

The interpretation of the concept “loneliness” is given. It is noted that all available studies of loneliness nature are divided into two main research approaches which represent this category as an individual and social phenomenon. Loneliness as an individual phenomenon promotes self-identity through the escape from reality. Currently stated type of loneliness does not lose its relevance, for example, in spiritual practices.

It was revealed that social isolation, the phenomenon of the twentieth century, appeared as a result of the social relations’ transformation. Various modern classifications of social isolation, developed by both domestic and foreign authors are given. The paper focuses on the causes and characteristics of social isolation. Certain social groups, including single men, single fathers, present considerable interest.

Keywords: individual loneliness, social isolation, social relationships, male loneliness, single fathers.

Одиночество – одна из самых острых социальных проблем, затрагивающая изначальные основы человеческого бытия.

Феномен одиночества имеет многовековую историю и сопровождает человечество на каждом этапе его существования. При этом одиночество бывает разных видов и разной степени проявления.

С античных времён существует двойное отношение к одиночеству. С одной стороны, учёные рассматривают его как положительное явление в жизни человека (одиночество как детерминанта креативной деятельности – Н. П. Романова, В. С. Дробышевский), с другой стороны, видят в нём негативный характер – как причину деструкции личности [11].

Одиночество как сложный социальный феномен является объектом изучения философии, психологии, социологии, антропологии, социальной философии и других наук.

В настоящее время понятие «одиночество» имеет большое количество разнообразных трактовок. Например, американский учёный Р. Вейс рассматривает одиночество как «состояние, вызванное отсутствием тесной интимной привязанности» [4, с. 54]. В новейшем философском словаре одиночество трактуется как «состояние и ощущение человека, находящегося в условиях реальной или мнимой коммуникативной депривации», т. е. в состоянии изоляции от общества, в результате чего личность ощущает разрыв социальных связей, чув-

ство неудовлетворённости от общения и т. д. [7]. Многими учёными делались попытки исследовать природу одиночества. Все знания и учения об одиночестве в настоящее время можно разделить на два основных научных подхода в исследовании феномена одиночества – как индивидуального и социального явления [12].

Первоначально одиночество представляло собой некую абстрактную философскую категорию, обозначающую способ ухода от реальности с целью самосовершенствования.

Одиночество несло созидающее начало души человеческой. В какой-то мере это послужило появлению такого психологического метода, как интроспекция (самоанализ).

В начале XX в. российское общество стало свидетелем значительных трансформаций, сопровождавшихся социально-экономическими преобразованиями, сменой устоявшихся психологических стереотипов и ценностных ориентаций личности, приведших к различным последствиям, в частности особенно остро встала проблема социального одиночества.

Как справедливо отмечает Т. И. Гольман, становление рыночных отношений, формирование института частной собственности сопровождалось насильственной ломкой социальных отношений, психологии и массового сознания людей, что привело к деформации самосознания населения. Особенность социального одиночества состоит в том, что как у отдельного индивида, так и у целых слоёв общества рвутся связи с окружением, в котором и благодаря которому протекала их жизнь, когда они осознавали себя полноценными членами социума. Психоэмоциональная напряжённость, проявляющаяся в динамике массового сознания, отражает процесс усиления социального одиночества: возрастание страха, осознания бессилия, потерю связи с обществом, веры в завтрашний день. Одиночество как переживание вызывается множеством причин объективного и субъективного характера, зависящих как от микросреды, так и от макросреды [2, с. 76].

Согласно Н. П. Романовой, И. И. Осинскому, в XX в. обозначается социологический подход к изучению одиночества, трактующий данный феномен как «явление типичное, свойственное широким и самым различным слоям населения» [12].

Одиночество как негативное явление современного общества активно исследуется в трудах западных философов и психологов. По-

мимо глубинного исследования природы социального одиночества учёными приводятся иные типы одиночества, которые возможно толковать и как индивидуальные проявления данного состояния, и как разновидность социального одиночества.

Р. Вейс, родоначальник интеракционистского подхода в исследовании феномена «одиночества» [4, с. 116], вводит такие понятия, как «эмоциональное одиночество» и «социальное одиночество».

В его трудах одиночество трактуется как «состояние, вызванное отсутствием тесной интимной привязанности». Следует отметить, что слово «привязанность» подразумевает наличие определённой связи между людьми или зависимости. Существование такой связи говорит о том, что человек не одинок.

Социальное одиночество Р. Вейс определял как «отсутствие доступного круга общения и удовлетворения социальных связей. Чувство изгнания, неприятия и т. п. являются основными формами его выражения. Такой тип одиночества мучителен и сопровождается разнообразными отрицательными эмоциями – ощущением скуки, грусти, тоски, отчаяния, подавленности, жалости к себе, отверженности, неполноценности и т. д.». [4, с. 24–25].

В процессе исследования феномена одиночества западными учёными выдвинуто множество классификаций, определяющих сущность данного явления.

Например, У. Садлером выдвигается четыре измерения одиночества, которые представлены в неразрывной связи: 1) космическое; 2) культурное; 3) социальное; 4) межличностное.

Космическим измерением одиночества обозначается самовосприятие человека в мире, смысл существования на земле, вера в судьбу и т. д. Культурное одиночество проявляется у людей, которые ощущают, что их связь с собственным культурным наследием порвана или общепринятая культура неприемлема для их внутреннего мира [4, с. 33, 39]. Социальное и межличностное измерения одиночества ориентированы на связи, отношения, взаимодействие индивидов и групп. Таким образом, на анализе последних двух видов измерения одиночества заострим внимание.

Социальное одиночество учёным трактуется следующим образом: «понятие “социальное”, в первую очередь, применимо к особым группам в обществе, а не к обществу в целом. К данному типу одиночества можно отнести формы частич-

ной социальной изоляции, такие как лишение членства в группе, неприятие группой. В результате того, пока человек испытывает социальное одиночество, его самовосприятие приобретает негативные оттенки: появляется чувство отвергнутости, неценности, ненужности. Социальному одиночеству могут способствовать такие факторы, как раздробленность общества вместе с растущей социализацией, неопределённость традиционных социальных границ, распад традиционных групп и их короткая жизнь, групп, имеющих иерархию социальных позиций, а также чёткое распределение ролей в них».

Межличностное одиночество У. Садлер связывает с потерей глубокого общения с другим человеком. Неумение строить взаимоотношения в процессе общения, устанавливать доверительные отношения с другими людьми ведут к данному типу одиночества.

Иная позиция в определении понятия «одиночество» и его классификации просматривается в работе американских исследователей Д. Перлман и Л. Э. Пепло «Лабиринты одиночества» [4].

Учёные выдвигают восемь теоретических подходов к изучению феномена одиночества, классифицированные на следующие группы: психодинамические, феноменологические, экзистенциальные, социологические, интеракционистские, когнитивные, интимные и теоретико-системные.

В контексте данного исследования наибольший интерес представляют социологический, интимный, интеракционистский подходы.

Представителями социологического подхода являются К. Боумен, Д. Рисмен, Ф. Слейтер, Н. П. Романова, И. И. Осинский [4, с. 46].

К. Боумен выдвинул три причины, способствующие усилению одиночества в современном мире:

- 1) ослабление связей в первичной группе;
- 2) увеличение семейной мобильности;
- 3) увеличение социальной мобильности.

Иначе интерпретируют понятие «одиночество» такие учёные, как В. Дерлега и С. Маргулис. «Интимность» и «самораскрытие» являются ключевыми понятиями в толковании феномена одиночества. В соответствии с разработками Вейса, они предположили, что социальные отношения способствуют достижению индивидом различных реальных целей. Одиночество же обусловлено отсутствием соответствующего социального партнёра, кото-

рый мог бы способствовать достижению этих целей. Одиночество, вероятно, наступает тогда, когда межличностным отношениям индивида недостаёт интимности, необходимой для доверительного общения.

Интеракционистская точка зрения представлена упомянутым нами ранее Р. Вейсом [4, с. 58].

Исследуя природу одиночества, учёный выделил две причины появления данного феномена:

1) одиночество как продукт интерактивного влияния фактора личности или фактора ситуации;

2) рассмотрение одиночества относительно социальных отношений, таких как привязанность, руководство и оценка, т. е. одиночество как результат недостаточности социального взаимодействия индивида, которое удовлетворяет основные социальные запросы личности.

В зависимости от различия аффективных реакций Р. Вейс выявил два типа одиночества:

– эмоциональное одиночество как результат отсутствия тесной интимной привязанности, такой как любовная или супружеская. Эмоционально одинокий человек способен испытывать беспокойство, тревогу и пустоту;

– социальное одиночество как ответ на отсутствие значимых дружеских связей или чувства общности. Социально одинокий человек переживает тоску и чувство социальной маргинальности.

Вейс проводил семинары для вдовцов и недавно разведённых. Потеря партнёра в результате смерти, развод представляют, по предположениям Вейса, главный фактор формирования одиночества.

Таким образом, отметим, что зарубежные учёные, исследуя сущность одиночества, отмечали его социальную природу.

В настоящее время в российской науке также возрастает интерес к изучению феномена одиночества, что, по мнению, Ж. В. Пузановой, связано с усилением индивидуализма, ослаблением связей первичной социальной группы, классовым раздроблением внутри общества.

Толкование одиночества как социального явления обозначено в различных современных классификациях данного понятия.

Например, Г. Р. Шагивалеева на основе исследования особенностей переживания одиночества студентами выделяет следующие причины одиночества [13].

1. Причины, исходящие от самой личности:

а) осознанное и целенаправленное стремление человека к одиночеству;

б) предрасположенность к одиночеству, обусловленная наличием определённых черт характера, затрудняющих коммуникацию, и поддержание близких отношений с людьми.

2. Причины, исходящие от других людей (игнорирование, избегание, насильственное заточение и др.).

3. Причины, вытекающие из стечения обстоятельств (объективная изоляция, не зависящая ни от самой личности, ни от других людей).

И. Ялом [5] представляет классификацию одиночества в зависимости от типа изоляции:

– вызванное социальной изоляцией – отсутствие доступного круга общения людей, способных удовлетворить потребность в общении как таковом, в межличностных контактах;

– вызванное эмоциональной изоляцией – вследствие отсутствия привязанности к конкретному человеку либо тогда, когда человек отделяет свои эмоции от воспоминаний о событиях и становится неспособным к близким отношениям с другими людьми.

И. С. Кон [3, с. 104–167] предлагает следующую классификацию одиночества:

1) временное, преходящее чувство одиночества и сопутствующее ему подавленное настроение как естественное явление человеческой жизни; испытывать такое чувство способен каждый индивид;

2) ситуативное одиночество, имеющее зависимость от жизненных обстоятельств: резкая перемена условий жизни и круга общения (перемена места жительства, учёбы или работы), появление неудовлетворённой потребности в любви, потеря близких, охлаждение или распад некогда значимых личных отношений и т. д. С течением времени такое одиночество обычно проходит, уступая место новым отношениям и эмоциональным привязанностям;

3) хроническое одиночество, преследующее человека постоянно и воспринимаемое им самим как свойство собственного характера.

Таким образом, следует отметить, что в настоящее время имеется множество зарубежных и отечественных научных изысканий по проблеме одиночества, позволяющее посмотреть на изучаемый феномен с различных сторон.

Н. П. Романова, И. И. Осинский, авторы монографии «Одинокие женщины», отмечают, что «философы много и по-разному рассуждали о феномене одиночества применительно к человеку вообще, но практически не иссле-

довали его с позиций мужского и женского начал...», лишь в XX в. обозначается социологический подход к изучению одиночества, заключающийся в трактовке этого феномена как явления типичного, свойственного широким и самым различным слоям населения» [12].

В настоящее время большое количество работ посвящено анализу феномена мужского и женского одиночества. Одиночество женщин – достаточно исследованный аспект гуманитарных наук, тогда как о мужском одиночестве говорить не принято. Тем не менее, исследователями в области психологии разрабатывается перечень причин мужского одиночества, а также способы подавления этого чувства.

Так, например, П. П. Пономарёв [8] выделяет две группы причин, по которым мужчина предпочитает оставаться в одиночестве. Первая группа – патологические, т. е. причины, связанные с той или иной негативной личностной деформацией или патологией. Вторая группа – причины экзистенциального характера.

Среди патологических причин выделены:

- неадекватная самооценка мужчины;
- слабые коммуникативные навыки контактов с другими людьми;
- наличие социофобии;
- психопатология;
- наличие созависимости;
- инфантильность.

Экзистенциальные причины мужского одиночества заключаются в восприятии одиночества как нормы с одной стороны и как источника обогащения субъекта полезным и ценным – с другой. В связи с этим выделяются следующие причины мужского одиночества:

- мужское одиночество как элемент духовного роста;
- одиночество как разновидность приемлемой для субъекта субкультуры;
- одиночество, скрывающее неодобряемое обществом поведение;
- одиночество как элемент самодостаточности личности;
- одиночество как часть профессии субъекта.

В работе «Лабиринты одиночества» Карен С. Рук, Петиция Энн Пепло и Джеффри И. Янг определяют перспективы помощи одиноким, связывают такие понятия, как «одиночество», «депрессия», предлагают методики когнитивной терапии.

Появление в российской печати различных сочинений западных психологов подтолкну-

нуло наших отечественных практических психологов к публикации соответствующих изданий. Исследуя природу одиночества, психологи заострили внимание на взаимосвязи между самооценкой и одиночеством: чем ниже самооценка, тем вероятнее переживание чувства одиночества, и наоборот. Важной чертой характера, ведущей к одиночеству, по мнению психологов, является застенчивость, которая усложняет общение между людьми.

В подобного рода работах на основе проведённых исследований дифференцируются причины мужского и женского одиночества. Так, среди причин мужского одиночества называют:

- ярко выраженные внешние недостатки;
- тяжёлые заболевания;
- низкая заработная плата;
- отсутствие жилплощади;
- наличие недостижимого идеала;
- неумение любить;
- неумение жить семейной жизнью [11,

с. 42–43].

Среди одиноких мужчин имеется особая категория – одинокие отцы, т. е. мужчины, самостоятельно воспитывающие ребёнка/детей. Несмотря на недостаток работ по данной проблеме, исследователями выделены основные причины одинокого отцовства: гибель жены, развод, лишение родительских прав матери, повторный брак матери и т. д. Таким образом, необходимо заключить следующее:

Одиночество – категория, имеющая достаточно сложную и противоречивую природу. В современной науке существует множество определений данного феномена, позволяющих охарактеризовать его как «состояние социальной изоляции». Социальное одиночество является следствием экономических преобразований, коснувшихся общества в целом, в связи с чем интерес учёных сконцентрировался на исследовании данного явления.

В настоящее время одиночество исследовано с разнообразных точек зрения: приводятся причины одиночества, разрабатываются классификации, подходы, выделяются признаки одиночества. Одиночество как социальный феномен имеет место в действительности как ответ на происходящие социально-экономические, политические и др. преобразования, поскольку помимо созидательных моментов они имеют и разрушительные последствия, такие как индивидуализм, урбанизация, ослабление межличностных отношений, ломка традиций и т. д. Следствием этого является неспособность отдельной личности, а иногда и целой социальной группы приспособиться к быстроменяющимся ритмам жизни, что способствует усилению чувства одиночества, которое, в свою очередь, является некой «защитой» от происходивших и происходящих социально-исторических событий.

Список литературы

1. Гештальт одиночества (феномен одиночества: его роль в развитии и терапии невроза). URL: HPSY.ru (дата обращения: 21.01.2012).
2. Гольман Т. И. Социальное одиночество студенческой молодёжи в транзитивном обществе: управленческий аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук, Новосибирск, 2008. 30 с.
3. Кон И. С. Дружба: этико-психологический очерк. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1987. 350 с.
4. Лабиринты одиночества / сост. общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского; пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 624 с.
5. Майленова Ф. Г. Два лика одиночества. URL: <http://hpsy.ru/public/x968.htm> (дата обращения: 08.12.2011).
6. Михайлова А. И. Отцовство как новый тип родителей в контексте научного знания // Вестн. ЗабГУ. Чита, 2012. № 12 (91). 145 с.
7. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. 3-е изд., испр. Минск, 2003. 1280 с.
8. Пономарёв П. П. Psyfactor. URL: org/lib/loneliness3.htm (дата обращения: 15.02.2012).
9. Рисмен Д. Одинокая толпа: изучение изменения американского характера / соавт. Н. Глейзер, Р. Денни. М., 1950.
10. Рогова Е. Е. Одиночество в условиях современного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2011. 51 с.
11. Романова Н. П., Дробышевский В. С. Терапия одиночества или терапия одиночеством? Чита: Изд-во ЧитГУ, 2004. 113 с.
12. Романова Н. П., Осинский И. И. Одинокое женщины: потребности, жизненные ориентации и пути их реализации. Чита: Изд-во ЧитГТУ, 2000. 231 с.
13. Шагивалеева Г. Р. Одиночество и особенности его переживания студентами: монография. Елабуга: Алмедиа, 2007. 157 с.

References

1. Geshtal't odinochestva (fenomen odinochestva: ego rol' v razvitii i terapii nevroza). URL: HPSY.ru (data obrashhenija: 21.01.2012).
2. Gol'man T. I. Social'noe odinochestvo studencheskoj molodjzhi v tranzitivnom obshhestve: upravlencheskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk, Novosibirsk, 2008. 30 s.
3. Kon I. S. Druzhba: jetiko-psihologicheskij ocherk. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Politizdat, 1987. 350 s.
4. Labirinty odinochestva / sost. obshh. red. i predisl. N. E. Pokrovskogo; per. s angl. M.: Progress, 1989. 624 s.
5. Majlenova F. G. Dva lika odinochestva. URL: <http://hpsy.ru/public/x968.htm> (data obrashhenija: 08.12.2011).
6. Mihajlova A. I. Otcovstvo kak novyj tip roditel'ej v kontekste nauchnogo znanija // Vestn. ZabGU. Chita, 2012. № 12 (91). 145 s.
7. Novejsij filosofskij slovar' / sost. A. A. Gricanov. 3-e izd., ispr. Minsk, 2003. 1280 s.
8. Ponomarjov P. P. Rsyfactor. URL: org/lib/loneliness3.htm (data obrashhenija: 15.02.2012).
9. Rismen D. Odinokaja tolpa: izuchenie izmenenija amerikanskogo haraktera / soavt. N. Glejzer, R. Denni. M., 1950.
10. Rogova E. E. Odinochestvo v uslovijah sovremennogo obshhestva: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Krasnodar, 2011. 51 s.
11. Romanova N. P., Drobyshevskij V. S. Terapija odinochestva ili terapija odinochestvom? Chita: Izd-vo ChitGU, 2004. 113 s.
12. Romanova N. P., Osinskij I. I. Odinokie zhenshhiny: potrebnosti, zhiznennye orientacii i puti ih realizacii. Chita: Izd-vo ChitGTU, 2000. 231 s.
13. Shagivaleeva G. R. Odinochestvo i osobennosti ego perezhivanija studentami: monografija. Elabuga: Almedia, 2007. 157 s.

Статья поступила в редакцию 7 февраля 2013 г.

УДК 314.17
ББК 60.7

Раиса Викторовна Нифантова
старший научный сотрудник,
Институт экономики Уральского отделения РАН
(Екатеринбург, Россия), e-mail: nifantovarv@mail.ru

Репродуктивные технологии в решении проблем бесплодия как социальные инновации в системе здравоохранения¹

Статья посвящена важной проблеме ухудшения состояния репродуктивного здоровья россиян, что отражается на потомстве и жизнеспособности поколений, а также заметно влияет на величину рождаемости. Исследованы статистические показатели использования контрацепции среди женщин репродуктивного возраста, распространения операций искусственного прерывания беременности, статистики первичного и вторичного бесплодия. Приведены данные Фонда общественного мнения по проблеме бездетных браков и репродуктивных прав граждан. Показаны результаты медицинских научных центров о практике применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), таких как экстракорпоральное искусственное оплодотворение (ЭКО), суррогатное материнство и др. Подчёркивается важность государственной поддержки этих технологий и либерализации правового регулирования реализации желания стать родителями как важнейший инструмент демографической политики. В статье поднимаются вопросы повышения общественной значимости планирования семьи и полового воспитания, формирования у молодёжи семейных и нравственных ценностей, здорового образа жизни, ответственного материнства и отцовства.

Ключевые слова: здоровье населения, рождаемость, демографическая политика, бесплодие, контрацепция, вспомогательные репродуктивные технологии, ЭКО.

Raisa Viktorovna Nifantova
Senior Researcher,
Institute of Economics, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia), e-mail: nifantovarv@mail.ru

Reproductive Technologies in Solution of Infertility Problems as Social Innovations in Health Care System

The article is devoted to an important problem of worsening the Russians' reproductive health that defines health of posterity and viability of generations and has an influence on the birth rate. Statistics on contraception among women of the reproductive age, statistics on induced abortions occurrence, and statistics on primary and secondary infertility are investigated. Data of the Public Opinion Foundation on problems of childless marriages and reproductive rights of citizens are given. The results of medical scientific centers on additional reproductive technologies practices such as in vitro fertilization (IVF), surrogate motherhood, etc. are shown. The importance of the state support of these technologies and liberalization of the legal control of realization of desire to be parents as the most important tool of demographic policy is emphasized. The article focuses on the questions of public importance of family planning, sex education, family and moral values among young people, healthy lifestyle, responsible motherhood and fatherhood.

Keywords: population health, birth rate, demographic policy, infertility, contraception, additional reproductive technologies, IVF.

Отмеченное в последние десятилетия заметное ухудшение состояния репродуктивного здоровья россиян, определяющее здоровье потомства и жизнеспособность современных и будущих поколений, находит широкий отклик

в научных кругах и общественной среде. Одним из свидетельств неблагополучия в области репродуктивного здоровья является высокая распространённость бесплодия. По данным отечественных исследований, каждая пятая се-

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы УрО РАН «Энтропийно-вероятностный подход к описанию риска, деградации и устойчивого развития сетей критических инфраструктур». Проект № 12-М-127-2049.

мейная пара в России не может иметь детей по состоянию здоровья. При этом учтены лишь те пары, которые обратились в медицинские учреждения.

К основным причинам женского и мужского бесплодия специалисты относят: влияние неблагоприятной экологической обстановки, вредные условия производства (особенно у мужчин), инфекций, передающихся половым путём, откладывание рождения детей на более позднее время по карьерным или материальным соображениям, нездоровый образ жизни (алкоголизм, курение, наркотики). Более того, наблюдающийся ныне рост количества подростков, молодых женщин и мужчин, злоупотребляющих пагубными привычками, в ближайшее время чреват дальнейшим увеличением пар, которые не смогут иметь детей.

Низкий уровень репродуктивного здоровья в значительной мере обусловлен относительно высоким уровнем аборт, которые до сих пор остаются одним из методов регулирования рождаемости. Свыше половины аборт приходится на женщин в возрасте от 20 до 30 лет, а ещё около 20 % – в возрасте 30–34 года, т. е. находящихся в наиболее активном репродуктивном возрасте. Как правило, женщины принимают решение о прерывании беременности вполне осознанно. Особую тревогу вызывает применение аборт у девушек-подростков. Удельный вес аборт у девушек в возрасте до 19 лет в общем числе аборт составляет 8–10 % и намного превышает аналогичные показатели в западных странах.

Высокие показатели аборт во многом обусловлены недостаточным применением современных методов контрацепции. Согласно данным Министерства здравоохранения и социального развития РФ, в 2009–2010 гг. методы контрацепции применяли только 25–30 % россиянок фертильного возраста. Среди основных причин недостаточного применения следует назвать слабое развитие отечественной индустрии по производству современных гормональных противозачаточных средств, нерегулярность и высокую стоимость государственных закупок, низкую информированность населения о появлении на фармакологическом рынке препаратов нового поколения. Кроме того, резкое повышение цен на медицинские препараты после финансового кризиса 1998 и 2008 гг. уменьшило их доступность для многих россиянок.

По данным Научного центра (НЦ) акушерства и гинекологии Российской академии медицинских наук (РАМН) (В. И. Кулаков, 1995 г.), через год после аборт нарушения в репродуктивной системе обнаруживаются в среднем у 15 % женщин, а через 3–5 лет – у 53,5 %. Согласно данным Минздрава Свердловской области, в 2009–2010 гг. удельный вес нормальных родов составлял в среднем одну четвёртую часть. Абсолютное число женщин, умерших в период беременности, родов и первые 42 дня после родов, в последние десять лет снизилось. В то же время, коэффициенты материнской смертности (по ВОЗ) остаются на достаточно высоком уровне, а именно 20–35 на 100 000 живорождённых младенцев (Свердловская область, 2009–2010 гг.). Уровень младенческой смертности, несмотря на достаточно заметное снижение в течение 2000-х гг. (8–9 умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми, Свердловская область, 2009–2010 гг.), остаётся выше, чем в странах ЕС в США.

В настоящее время в обществе обострился процесс осознания значимости планирования семьи и полового воспитания, формирования у молодёжи семейных и нравственных ценностей, здорового образа жизни, ответственного материнства и отцовства. Одним из ответов на явное неблагополучие в области репродуктивного здоровья населения стало принятие в 1994 г. в Российской Федерации программы «Планирование семьи». Как развитие этой программы в Свердловской области была принята и частично реализована региональная программа планирования семьи и охраны репродуктивного здоровья. Её выполнение способствовало снижению числа аборт и уровня материнской смертности. Позднее данная программа была объединена с программой «Безопасное материнство».

Мировой опыт свидетельствует о полезности и высокой медико-социальной эффективности подобных программ. В ряде стран Западной Европы (Финляндия, Швеция, Голландия, Франция, Англия и др.), где программы планирования семьи и охраны репродуктивного здоровья действуют уже более 40 лет, достигнут оптимальный уровень использования контрацепции. При этом материнская смертность и число аборт там в несколько раз ниже, а такое понятие как «отказные дети» практически отсутствует.

Одним из показателей ухудшения репродуктивного здоровья населения является проблема распространения женского и мужского бесплодия. Бесплодие – источник многих личных трагедий, причина распада браков, кроме того, это серьёзная демографическая проблема. Вынужденная бездетность большого числа мужчин и женщин служит источником дополнительных демографических потерь, что в условиях низкой рождаемости усугубляет процесс депопуляции.

Право на продолжение рода относится к числу основополагающих неотъемлемых природных прав человека, которыми он наделён с момента рождения. Любому нормальному человеку присуще естественное желание иметь собственных детей.

24–25 мая 2008 года некоммерческой общественной организацией «Фонд изучения общественного мнения» был проведён опрос населения в 100 населённых пунктах 46 областей, краёв и республик России на тему «Бездетность и нежелание иметь детей». По данным опроса, бездетность как репродуктивную стратегию, т. е. принципиальное нежелание иметь детей, выбирает только 1 % населения [5].

В то же время, по мнению экспертов, на сегодня как минимум 15 % супружеских пар не имеют детей по состоянию здоровья. Влияние неблагоприятной экологической обстановки, вредные условия производства (особенно у мужчин), катастрофическое количество абортов (до трёх миллионов в год) и инфекций, передающихся половым путём, откладывание рождения детей на более позднее время по карьерным или материальным соображениям, нездоровый образ жизни – всё это возможные причины женского и мужского бесплодия.

Это физиологическое бесплодие, о котором говорят и пишут достаточно много. Сколько бесплодных супружеских пар в абсолютном исчислении? По самым осторожным оценкам, на период 2006–2007 гг. в России насчитывалось как минимум 5 млн таких семей, в реальности специалисты говорят о 6–6,5 млн семей [6].

Для супружеских пар, столкнувшихся с проблемой бесплодия, единственная возможность обрести родительское счастье – воспользоваться правом применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). ВРТ – это методы терапии бесплодия, при которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне орга-

низма. ВРТ включают: экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) и перенос эмбрионов в полость матки, инъекцию сперматозоида в цитоплазму ооцита, донорство спермы, ооцитов и эмбрионов, суррогатное материнство, предимплантационную диагностику, включая выбор пола, а также искусственную инсеминацию [1].

Разделяют два вида суррогатного материнства – традиционное, когда яйцеклетка суррогатной матери оплодотворяется спермой биологического отца, и гестационное – когда суррогатная мать не имеет биологической связи с вынашиваемым ею ребёнком. В России в настоящее время реализуемы только гестационные программы. Традиционные – самые распространённые в мире – суррогатные программы с инсеминацией суррогатной матери (что примерно в десять раз дешевле и могло бы стать реальным выходом для сотен тысяч малоимущих бездетных пар), в России практически неосуществимы.

В ст. 35 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан записано: «Каждая совершеннолетняя женщина детородного возраста имеет право на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона. Искусственное оплодотворение женщины и имплантация эмбриона осуществляются в учреждениях, получивших лицензию на медицинскую деятельность, при наличии письменного согласия одинокой женщины. Сведения о проведении искусственных оплодотворений и имплантации эмбриона, а также о личности донора составляют врачебную тайну» [2].

Если у женщины имеются медицинские показания к невынашиванию плода, установленные Приказом № 67 Министерства здравоохранения РФ, она может воспользоваться услугами суррогатной матери для вынашивания ребёнка. Согласно этому приказу, показаниями к суррогатному материнству являются: отсутствие матки (врождённое или приобретённое); деформация полости или шейки матки; соматические заболевания, при которых вынашивание беременности противопоказано; неудачные повторные попытки ЭКО при неоднократном получении эмбрионов высокого качества, перенос которых не приводил к наступлению беременности [3].

Таким образом, женщина, при наличии медицинских показаний, может воспользоваться и услугами донора ооцитов или же донорским эмбрионом. Следовательно, возможна

ситуация, когда женщина может быть записана на мать ребёнка, не только не имеющего с ней генетического родства, но и выношенного и рождённого другой женщиной – суррогатной матерью.

Сегодня в России функционирует примерно 100 клиник, специализирующихся на проведении репродуктивной медицины. Так, по данным «Центра семейной медицины» в городе Екатеринбурге, количество супружеских пар, обращающихся за помощью по поводу физиологического бесплодия, растёт на 25–30 % в год. Финансирование клиник идёт за счёт федерального бюджета и бюджета субъектов РФ. Однако процедура ЭКО достаточно дорогая. Практически во всех клиниках существуют большие очереди на получение квот на бесплатное проведение ЭКО. По этой причине для многих семейных пар или же одиноких женщин данная услуга становится недоступной.

Но есть ещё и бесплодие социальное, когда здоровые и желающие иметь собственного ребёнка люди не могут реализовать это желание из-за несовершенства нашего законодательства. Один из главных правовых пробелов в российском семейном законодательстве – это отсутствие правовой определённости при реализации не состоящими в браке людьми своего права на продолжение рода при помощи вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), в особенности программ суррогатного материнства, зачастую в сочетании с различными донорскими программами. Речь идёт о миллионах формально не состоящих в браке людей репродуктивного возраста. По данным переписи населения 2002 года, чис-

ленность лиц, не желающих связывать себя узами брака или же не нашедших пока свою половину, составила около 30 млн, из них: 15 миллионов 138 тыс. мужчин (в возрасте 18–54 года) и 14 млн 456 тыс. женщин (в возрасте 18–44 года) [4].

В России последние два десятилетия наблюдается естественная убыль населения и в ближайшие годы сложно ожидать высокого прироста рождаемости. Необходимо создать все условия для того, чтобы страдающие физиологическим бесплодием люди, вне зависимости от семейного статуса, но желающие стать родителями, могли бы сделать это. Достижения репродуктивных технологий в медицине создают новые возможности в решении проблемы увеличения рождаемости. России следует на государственном уровне расширять поддержку всех людей, которые хотели бы иметь собственных детей, при помощи суррогатных и репродуктивных программ. В частности, необходимо увеличить финансовые средства на содержание клиник, специализирующихся на проведении репродуктивной терапии женского и мужского бесплодия.

Более того, сами репродуктивные права граждан нуждаются в законодательной защите, их реализация напрямую зависит от поддержки со стороны государства. В России до сего времени нет отдельного закона о репродуктивной медицине, официально признающего бесплодие не состоянием, а болезнью, которую надо лечить. В данном случае либерализация правового регулирования реализации желания стать родителями – важнейший инструмент демографической политики.

Список литературы

1. Екатеринбургский центр семейной медицины: каждый ребёнок – это счастье родителей и наша победа (интервью с генеральным директором Центра семейной медицины Игорем Портновым) // Медицина. 2011. № 4.
2. Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан № 5487-1 от 22.06.93. Ст. 35.
3. Приказ Минздрава РФ от 26.02.03 № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия» (зарегистрирован в Минюсте РФ 24.04.03. № 4452).
4. Свитнев К. Н. Репродуктивные права и супружеский статус. Право не состоящих в браке людей на продолжение рода // Национальная идентичность России и демографический кризис: Материалы III Всерос. науч. конф. (Казань, 13–14 ноября 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2008.
4. Социологическое исследование. Фонд изучения общественного мнения. URL: <http://bd.fom.ru/map/d082125> (дата обращения: 12.11.2012).
5. Страна нерождённых // Российская газета. 2008. № 3854. 23 августа.

References

1. Ekaterinburgskij centr semejnoj mediciny: kazhdyj rebjonok – jeto schast'e roditelej i nasha pobeda (interv'ju s general'nym direktorom Centra semejnoj mediciny Igorem Portnovym) // Medicina. 2011 № 4.
2. Osnovy zakonodatel'stva RF ob ohrane zdorov'ja grazhdan № 5487-1 ot 22.06.93. St. 35.
3. Prikaz Minzdrava RF ot 26.02.03 № 67 «O primenenii vspomogatel'nyh reproduktivnyh tehnologij (VRT) v terapii zhenskogo i muzhskogo besplodija» (zaregistririvan v Minjuste RF 24.04.03. № 4452).
4. Svitnev K. N. Reproaktivnye prava i supruzheskij status. Pravo ne sostojashhij v brake ljudej na prodolzhenie roda // Nacional'naja identichnost' Rossii i demograficheskij krizis: Materialy III Vseros. nauch. konf. (Kazan', 13–14 nojabrja 2008 g.). M.: Nauchnyj jekspert, 2008.
4. Sociologicheskoe issledovanie. Fond izuchenija obshhestvennogo mnenija. URL: <http://bd.fom.ru/map/d082125> (data obrashhenija: 12.11.2012).
5. Strana nerozhdjonnyh // Rossijskaja gazeta. 2008. № 3854. 23 avgusta.

Статья поступила в редакцию 17 декабря 2012 г.

Жанар Абаевна Нурбекова
доктор социологических наук, профессор,
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
(Алматы, Казахстан), e-mail: janaranur@yahoo.com

Теоретические предпосылки социологического анализа женского предпринимательства

Характерной чертой становления рыночной экономики в конце XX – начале XXI вв. стало появление такого феномена, как предпринимательство, возникли его различные формы и виды. Предпринимательство – это принципиально новый тип хозяйствования, базирующийся на инновационном поведении собственников предприятия, на умении находить и использовать идеи, воплощать их в конкретные предпринимательские проекты. В статье осуществлён анализ женского предпринимательства. Проводится мысль о том, что в условиях постиндустриального общества созданы предпосылки для становления женского предпринимательства. К числу таковых автор относит ведущую роль сферы услуг, возникновение нового класса меритократии, становление сервисно-клиентальной модели деятельности организации, социотехнический характер менеджмента. Кроме того, выделены два этапа «тихой революции» – вхождения женщин в предпринимательскую деятельность, в сферу бизнеса. Обосновываются специфические особенности женского предпринимательства. Рассмотрен процесс становления данного вида предпринимательства в историческом контексте. Среди важнейших факторов, оказавших влияние на развитие женского предпринимательства, выделены: развитие женского образования в борьбе за гражданские свободы и растущая потребность индустриального общества в женской рабочей силе, приток которой на рынок труда стимулировался системой ценностей общества потребления.

Ключевые слова: предпринимательство, женское предпринимательство, рыночная экономика, гендер, социальная группа.

Zhanar Abaevna Nurbekova
Doctor of Sociology, Professor,
Al-Farabi Kazakh National University
(Almaty, Kazakhstan), e-mail: janaranur@yahoo.com

Theoretical Prerequisites of the Sociological Analysis of Women's Entrepreneurship

The emergence of such phenomenon as entrepreneurship is a characteristic feature of market economy in the late 20th – early 21st centuries. Entrepreneurship is a fundamentally new type of economy based on the innovative behavior of the enterprise's owners, the ability to find and use ideas, translate them into concrete entrepreneurial projects. The article presents the analysis of women's entrepreneurship. The author considers that the post-industrial society contains the main preconditions for the emergence of women's entrepreneurship, including the leading role of services, a new class of meritocracy, "service-client" model of the organization and the type of socio-technical management. The author describes two stages of "quiet revolution" – women's entry into entrepreneurial activity, into the sphere of business. The specific features of women's entrepreneurship and the formation process of this type of business in a historical context are examined. The most important factors influenced the formation of women's entrepreneurship are the development of women's education in the struggle for civil liberties, the growing demand for female labour in the industrial society. The author considers influx of female labour force into the labor market to be stimulated by the system of consumer society's values.

Keywords: entrepreneurship, women's entrepreneurship, market economy, gender, social group.

Последние десятилетия уходящего XX в. богаты явлениями глобального характера, активное воздействие которых на общественный прогресс уже обозначилось и ждёт своего полного развития в движении качественно новой цивилизации будущего. В числе их и, быть

может, среди первых – массовый выход женщин на рынок труда и активный поворот их к независимому предпринимательству. «Тихой революцией в мировом масштабе» назвали этот феномен американские исследователи женского предпринимательства Р. Петерсон и К. Вермейер [8].

Впервые перед массой женщин открылся широкий выбор возможностей, появилась альтернатива «бесплатному» домашнему труду, которая позволила изменить складывавшийся веками жизненный стереотип. «Взрывом открывшихся возможностей» назвал это явление Д. Нэсбит, американский исследователь, проанализировавший изменение роли женщины на современном предприятии [8, с. 12].

Женское предпринимательство имеет более выраженный исторический характер, нежели предпринимательство в целом. Ряд существенных черт постиндустриального общества создаёт благоприятные условия для развития женского предпринимательства. В числе таких черт можно назвать:

- ведущая роль переходит к отраслям сферы услуг (наука, культура, образование, здравоохранение, социальное обеспечение, финансовые услуги, аудит, реклама, управленческий консалтинг и т. п.), в которых сильны позиции женщин;

- основными нормативным принципом общества становится меритократия, позволяющая компенсировать традиционные мужские аскриптивные преимущества;

- взаимоотношения внутри и вне организации развиваются в соответствии с сервисно-клиентальной моделью, обеспечивающей оптимальные условия для раскрытия женских преимуществ;

- менеджмент приобретает социотехнический, маркетинговый характер, «поворачивается лицом» к персоналу, в том числе и его женской части.

Теоретические разработки проблемы женского предпринимательства даны западными социологами, которые считают, что существует два этапа «тихой революции» – вхождения женщин в предпринимательскую деятельность, в сферу бизнеса. Первый – 50–70 гг. – отличается массовым притоком женщин в сферу наёмного труда. Второй, начавшийся с середины 70-х гг., обозначил поворот в сторону самостоятельного предпринимательства.

Среди важнейших факторов, определивших первый этап, выделяется развитие женского образования в борьбе за гражданские свободы. С другой – растущая потребность индустриального общества в женской рабочей силе, приток которой на рынок труда стимулировался системой ценностей общества потребления. Можно отметить и пробиравшую себе путь в общественном мировоззрении тенденцию к человекоцентристской цивилизации, и устремление к максимальному использованию всех человеческих ресурсов; можно сослаться на усиление женского движения за равные возможности, однако решающими для развития женского предпринимательства следует признать два первых фактора, поскольку именно малый бизнес наиболее соответствует возможностям основной массы начинающих предпринимательниц, а наиболее доступным полем деятельности для них является сфера услуг. В первую очередь – обслуживание разнообразных потребностей человека, от рождения до старости, чем испокон века и занималась женщина [8, с. 6–7].

Процесс складывания женского бизнеса необратим, как бы мучителен и затруднён он не был. Об этом свидетельствует мировая практика. И хотя число создаваемых женщинами предприятий пусть медленно, но растёт, отмечают западные социологи, однако объективные условия и, прежде всего, безработица, будут толкать женщин в любые формы самостоятельного предпринимательства, поскольку именно оно даёт возможность создать для себя рабочее место собственными силами [8, с. 5–11].

До недавнего времени в социологической литературе роль женщины в процессе развития рассматривалась лишь в связи с её репродуктивной функцией или с увеличением трудовых ресурсов, а её экономический потенциал вообще не принимался в расчёт. Женский труд рассматривался как маргинальный и случайный. Причины подобного подхода коренились в давно складывавшейся зависимости от мужчин, практическом отсутствии доступа к творчеству, к власти, к капиталу, различных видах дискриминации. Такой подход, инерционный по своему существу, представляет привычную оценку традиционной роли женщины в обществе и игнорирует те изменения, которые определили её новую роль в общественном прогрессе. По данным

статистики ООН, сегодня женщины составляют 2/3 мировой рабочей силы, а на их долю приходится десятая часть мирового дохода и одна сотая мировой собственности [14].

Изменения, происходящие в последнее время на всём постсоветском пространстве и Казахстане, вызваны рядом причин, одной из которых является переход к рыночным отношениям. Главным признаком нового экономического, социального, политического состояния современного общества является женское предпринимательство.

Женское предпринимательство, его специфика и перспективы развития получили отражение в исследованиях С. А. Автономовой, О. В. Бондаренко, С. Ю. Барсуковой, Ю. В. Тартарниковой, Л. В. Бабаевой, А. Е. Чириковой, Л. В. Корель, Э. Х. Локшиной, Т. Д. Часовой, М. А. Павловой, М. Римашевской, Е. Гвоздевой, В. Герчикова, С. Рощина, Я. Рощиной, Г. Васильевой, Г. Бланки, Р. Козмецки, Г. В. Турецкой и др. [1].

Первый серьёзный импульс развития женского предпринимательства дали реформы 1860-х гг. В дореволюционной России предпринимательство было почти исключительно мужским занятием из-за господства патриархальных, домостроевских традиций. Конечно, к концу XIX – началу XX вв. женщины стали играть значительную роль в общественной жизни, но их энергия, как правило, находила выход в культурной, просветительской, политической деятельности, в частности, в рамках женского движения и женских организаций. Как и сегодня, радикальные изменения в экономике тогда привели к резкому усилению социальных контрастов, разрушению привычной системы социальной защиты. Вопрос самостоятельного заработка стал вопросом выживания для многих женщин. В этих условиях появились женские артели взаимной поддержки. Женское предпринимательство было тесно связано с общественной деятельностью и благотворительностью, движением трудовой помощи, оно никогда не стремилось к получению прибыли любой ценой. Так, например, женская издательская артель не только выпустила много книг под рубрикой «хорошее чтение для подрастающих поколений», но и обеспечила женщин интересной квалифицированной работой (перевод, редактирование), дала им моральную поддержку и общение.

Деловая хватка, рачительность, повышенное чувство ответственности – качества, которые помогали победить конкурентов и сломать общественное предубеждение. Двадцатые годы изменили отношение к бизнесу, делу, в целом. Перед женщинами, как известно, были открыты другие и более широкие возможности – в трудовых коллективах, где руководство и ответственность, как правило, возлагались на плечи мужчин. В советский период предпринимательство оставалось в основном мужским занятием, по причине того, что оно практически полностью развивалось только в рамках теневой экономики. Итак, социальный гендерный опыт может рассматриваться в качестве базы адаптационного процесса.

Вынужденный характер женского бизнеса сам по себе не является негативным, т. к. соответствует общемировым тенденциям положительной связи между нарастанием кризисных явлений и ростом безработицы с одной стороны и ростом предпринимательства – с другой. Уместно заметить, что типичные проблемные ситуации, приводящие в своём разрешении человека к открытию «своего дела», зафиксированы и типизированы в науке [10]. К ним отнесены в порядке значимости при принятии решения:

- увольнение;
- ощущение себя лишним на работе;
- чувство неудовлетворённости достигнутым;
- наличие собственных идей, планов и возможности их реализации на прежнем месте работы;
- появление нового начальника, навязанного коллективу;
- перевод на новую должность или место работы, которое не устраивает;
- ощущение перспективы закрытия предприятия;
- достижение определённого возраста и неудовлетворённость жизненным достижением;
- наблюдение за успехом друга (подруги), который основал собственное дело.

Бытует упрощённое представление о женском предпринимательстве, ограничивающее эту сферу деятельности мелкорозничной торговлей, различными видами рукоделия, производством косметических средств и т. п.

Известно, что женщины-предприниматели возглавляют фирмы в области финансов и аудита, торгово-закупочной деятельности, туризма, детского дошкольного воспитания, рекрутских услуг, промышленности и бытового обслуживания.

В странах с развитой традицией женского предпринимательства многочисленные исследования фиксируют наличие «традиционно женских отраслей», где женщины чувствуют себя более комфортно за счёт прошлого, в том числе домашнего опыта. К таким отраслям причисляют общественное питание, бытовое обслуживание, розничную торговлю, гостиничное хозяйство.

В нашей действительности женское предпринимательство – явление сравнительно новое. Женское предпринимательство характеризуется здесь многопрофильностью. Многопрофильность деятельности современных предприятий является элементом стратегии выживания. К наименее освоенным отраслям женщинами-предпринимателями относятся строительство, транспорт. К наиболее активным отраслям, осваиваемыми женщинами-предпринимателями, принадлежит розничная торговля, общепит, гостиничное хозяйство, наука, культура, здравоохранение.

Деятельность женщин-предпринимателей должна стать объектом пропаганды и предметом специальных исследований. Возможно, не столько патерналистская политика государства способна разрешить сложившиеся в жизни женщин трудности, сколько комплексная, системная поддержка их деловой активности. В рамках своего «дела», женщины-лидеры в меньшей степени испытывают затруднения с его успешным ведением, но в значительной – в разрешении обстоятельств, от них не зависящих, – непомерные налоги, недостаточность правовой защиты, отсутствие доступа к капиталу, нестабильность банков, инфляция, коррупция чиновников. Оздоровление социально-экономической ситуации в стране, таким образом, является решающим фактором увеличения доли предпринимательниц в женском населении страны.

Существуют различные подходы к изучению женского предпринимательства. Автор согласна с социологом С. Ю. Барсуковой, которая считает, что «Женское предпринимательство – явление сравнительно новое ... Декларация равных прав мужчин и женщин на

рынке труда не имела адекватной практической реализации ни в советский период, ни в постсоветской практике. В практике женского бизнеса фокусируется целый спектр социальных проблем, становится понятным ставшее регулярным обращение к этой проблематике со стороны самых разных дисциплинарных направлений» [7].

По мнению специалистов, одним из путей решения проблемы женской безработицы является привлечение их в малый бизнес. Согласно общемировым тенденциям, за малым бизнесом будущее в обеспечении занятости женщин. Уже сегодня 5 млн американских женщин заняты малым и домашним бизнесом. Он всё более становится именно женской сферой: на каждого вновь вовлечённого мужчину приходится две женщины. Чтобы обеспечить самозанятость женщин в сфере малого бизнеса, необходим целый ряд мер, в том числе изучение уже существующей социальной группы женщин-предпринимателей» [6].

Об эволюционных изменениях во взглядах на женщину в переломный период пишет Л. В. Бабаева. «Сегодня происходят эволюционные изменения во взглядах на женщину как профессионального работника, имеющую необходимые для профессиональной карьеры способности и личные профессиональные качества. К сожалению, эти изменения столь медленны, что процесс вытеснения женщин из сферы высокопрофессионального труда продолжается. Признаётся возможность для женщины стать руководителем, но часто за формальным признанием не следует никаких реальных шагов. Для женщин в бизнесе препятствиями на пути к профессиональной карьере становятся такие качества, как отсутствие пунктуальности, невозможность перешагнуть через жалость, излишняя эмоциональность, переходящая в сдержанность, доверчивость, стремление сделать хорошо для всех» [5].

Л. В. Бабаева считает, что перспективными для развития женского предпринимательства могут оказаться различные формы семейного бизнеса, семейные предприятия, где работают члены одной или нескольких родственных семей. К семейному бизнесу относится, в частности, фермерство. Семейный бизнес является разновидностью малого бизнеса [5].

Малый бизнес обладает целым рядом преимуществ, которые позволяют женщинам успешно конкурировать на рынке с представителями крупного бизнеса. К этим преимуществам можно отнести: быструю оборачиваемость средств; экономию средств за счёт снижения затрат на содержание аппарата управления; свободу действий исполнителя, взаимозаменяемость работников; гибкость, умение быстро перестраиваться и реагировать на изменения внешней среды; возможность использовать местную материально-техническую базу (включая отходы предприятий); восприимчивость к самым необычным техническим решениям; способность идти на риск; возможность создать благоприятные условия для трудоустройства работников, высвобождения с крупных предприятий; возможность вовлекать в производство такие резервы рабочей силы, которые не могут быть использованы в крупном производстве; более полное использование способностей, знаний, трудовых навыков отдельных работников и т. д. Интересно отметить, что ко всем преимуществам, указанным выше, женщины адаптируются быстрее. Особенно это относится к экономии, гибкости, восприимчивости, умению создавать благоприятные условия на производстве и т. д. [9].

Точку зрения на развитие малого семейного бизнеса как форму привлечения женщин в предпринимательскую деятельность поддерживает З. Э. Молокова, которая считает, что практически каждая семейная женщина – не только прирождённый, но и опытный предприниматель в сфере малого бизнеса. Женщина этого часто не замечает: ведение домашнего хозяйства в условиях дефицита и нехватки многого, необходимого для нормальной жизнедеятельности, сродни организации и ведению малого предприятия. З. Э. Молокова предлагает 100 идей семейного бизнеса. Вот некоторые из них: в сфере услуг – это частный парикмахер; музыкальное оформление свадеб, презентаций, праздников; компьютерные услуги; няня; кос-

метический салон; мойка автомашин и т. п.; рукоделие – это обучение шитью; прядение или обучение прядению; дизайн одежды и т. п.; в сфере торговли – это продажа недвижимости; продажа книг, газет и т. п.; лекции, уроки, репетиторство и многое другое, где любая женщина могла бы найти применение своим способностям [13].

Следует обратить внимание и на социальную базу женского предпринимательства, которая представлена различными социальными группами: рабочие (квалифицированные, неквалифицированные); служащие (без квалификации, средней квалификации); интеллигенция (техническая, гуманитарная); руководящие работники, военнослужащие и милиция.

Женщины, а также престарелые люди и дети, оказались наименее социально защищены при переходе к рыночной экономике. Предпринимательство как вариант дальнейшего трудоустройства рассматривается безработными женщинами, удельный вес которых в общем количестве потерявших работу составляет 70 %.

Данные о женской безработице и специфических формах занятости свидетельствуют о значительном невостребованном потенциале рабочей силы и о постоянном источнике притока части женщин в сферу предпринимательства.

Таким образом, выбор предпринимательства как род деятельности может быть обусловлен:

- наличием потребности в самореализации как личности в соответствии со своими профессиональными знаниями, квалификацией, навыками, возможностями, интеллектом;
- отсутствием альтернативы удовлетворению личных или семейных материальных потребностей (вынужденный уход в предпринимательство). В частности, такое положение возможно при неудовлетворённости содержанием и условиями труда на государственных предприятиях, при безработице, сокращении штатов и т. п.

Список литературы

1. Автономова С. А. Измерение гендерной структуры современного российского предпринимательства // Социология и общество. Тезисы I Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб.: Скифия, 2000. С. 234–235.
2. Бабаева Л. В. Женщины России в условиях социального перелома: работа, политика, повседневная жизнь. М.: Российский общественный научный фонд. Научные доклады № 34. 1986. С. 113.

3. Бабаева Л. В. Малому бизнесу в России грозит монополизм // Человек и труд. 1992. № 8. С. 102.
4. Барсукова С. Ю. Женское предпринимательство: специфика и перспективы // Социс. 1999. № 9. С. 75–84.
5. Барсукова С. Ю. Образ женщины – предпринимателя в средствах массовой информации // ЭКО. 1998. № 2.
6. Бланки Г, Олас К. Женщина ведёт свой бизнес, как обустривает дом / пер. с англ. // Наука и жизнь. 1994. № 3.
7. Васильева Г. Первые шаги женщин-предпринимателей // Человек и труд. 1995. № 1.
8. Женщины в бизнесе: реферативный сб. / отв. ред. М. А. Павлова. М., 1993. 83 с.
9. Козмецки Р. Женщина в бизнесе: женщинам, преуспевающим в качестве менеджера, профессионала и предпринимателя, а также начинающим своё дело / пер. с англ. И. К. Жарского; под ред. О. П. Андреевой. СПб.: Лениздат, 1992.
10. Рощин С., Рощина Я. Предпринимательство – новая сфера женской занятости // Женщины в реформируемой экономике / отв. ред. Т. Четвернина. М.: Ин-т экономики РАН, 1995. С. 93–111.
11. Современная женщина. Энциклопедический справочник / сост. под общ. рук. З. Э. Молоковой. М.: Глас, 1994. № 448 С. 322–335.
12. Татарникова Ю. В. Штрихи к портрету женщины-предпринимателя. Социально-правовой статус женщины в исторической ретроспективе // Материалы междунар. науч. конф. Иваново, 24–25 апреля 1997 года. 1997. С. 108.
13. Naisbitt I., Aburdene P. Coup d'etat dans l'entreprise. 1986. P. 218.
14. Peterson R. A., Weirmair K. Women Entrepreneurs, economic development Change. // Ofdevelopmentplanning. N.Y., 1988. № 18. P. 18–95.

References

1. Avtomomova S. A. Izmerenie gendernoj struktury sovremennogo rossijskogo predprinimatel'stva // Sociologija i obshhestvo. Tezisy I Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa «Obshhestvo i sociologija: novye realii i novye idei». SPb.: Skifija, 2000. S. 234–235.
2. Babaeva L. V. Zhenshhiny Rossii v uslovijah social'nogo pereloma: rabota, politika, povsednevnaia zhizn'. M.: Rossijskij obshhestvennyj nauchnyj fond. Nauchnye doklady № 34. 1986. S. 113.
3. Babaeva L. V. Malomu biznesu v Rossii grozit monopolizm // Chelovek i trud. 1992. № 8. S. 102.
4. Barsukova S. Ju. Zhenskoe predprinimatel'stvo: specifik i perspektivy // Socis. 1999. № 9. S. 75–84.
5. Barsukova S. Ju. Obraz zhenshhiny – predprinimatelja v sredstvah massovoj informacii // JeKO. 1998. № 2.
6. Blanki G, Olas K. Zhenshhina vedjot svoj biznes, kak obustrivaet dom / per. s angl. // Nauka i zhizn'. 1994. № 3.
7. Vasil'eva G. Pervye shagi zhenshhin-predprimatelej // Chelovek i trud. 1995. № 1.
8. Zhenshhiny v biznese: referativnyj sb. / отв. ред. М. А. Павлова. М., 1993. 83 с.
9. Kozmecki R. Zhenshhina v biznese: zhenshhinam, preuspevajushhim v kachestve menedzhera, professionala i predprinimatelja, a takzhe nachinajushhim svojo delo / per. s angl. I. K. Zharskogo; pod red. O. P. Andreevoj. SPb.: Lenizdat, 1992.
10. Roshhin S., Roshhina Ja. Predprinimatel'stvo – novaja sfera zhenskoj zanjatosti // Zhenshhiny v reformiruemoj jekonomike / отв. ред. Т. Четвернина. М.: In-t jekonomiki RAN, 1995. S. 93–111.
11. Sovremennaja zhenshhina. Jenciklopedicheskij spravocchnik / sost. pod obshh. ruk. Z. Je. Molokovoj. M.: Glas, 1994. № 448 S. 322–335.
12. Tarnikova Ju. V. Shtrihi k portretu zhenshhiny-predprinimatelja. Social'no-pravovoj status zhenshhiny v istoricheskoj retrospektive // Materialy mezhdunar. nauch. konf. Ivanovo, 24–25 aprilja 1997 goda. 1997. S. 108.
13. Naisbitt I., Aburdene P. Coup d'etat dans l'entreprise. 1986. P. 218.
14. Peterson R. A., Weirmair K. Women Entrepreneurs, economic development Change. // Ofdevelopmentplanning. N.Y., 1988. № 18. P. 18–95.

Статья поступила в редакцию 25 марта 2013 г.

Татьяна Николаевна Юдина
доктор социологических наук, профессор,
начальник Управления качеством социального образования,
Российский государственный социальный университет
(Москва, Россия), e-mail: ioudinatn@mail.ru

**Региональная социальная сплочённость как показатель качества жизни россиян:
социологическое измерение**

При определении качества жизни как приоритетной цели социальной политики на всех уровнях власти в статье выделяются такие критерии оценки качества жизни, как стабильность занятости, достойный уровень благосостояния, возможность учиться, получение высококачественного медицинского обслуживания, благоприятная экологическая среда, доступ к культурным ценностям, уверенность в завтрашнем дне. Одним из индикаторов качества жизни является социальная сплочённость, которая трактуется как общественное благополучие, гармоничные и стабильные социальные отношения как неотъемлемая составляющая социально-экономического прогресса и мирного сосуществования; возможность участвовать в экономической жизни и пользоваться её благами. Выделены основные блоки диагностики социальной сплочённости на региональном уровне, разработана соответствующая модель. Конструирование модели социальной сплочённости авторы проекта проводили как по большим городам пилотных регионов, а именно по Москве и Курску, так и по типичным небольшим городам этих областей: по г. Электросталь Московской области и г. Курчатова Курской области. Проведена оценка предложенной модели на примере этих городов.

Ключевые слова: качество жизни, социологическое измерение, региональная социальная сплочённость.

Tatiana Nikolaevna Yudina
Doctor of Sociology, Professor,
Head of the Quality Department of Social Education,
Russian State Social University
(Moscow, Russia), e-mail: ioudinatn@mail.ru

**Regional Social Cohesion as an Indicator of Quality of Life in Russia:
a Sociological Dimension**

Quality of life is a priority purpose of social policy at all levels of government. The article deals with the criteria for evaluation of quality of life such as job security, a worthy level of welfare, educational opportunities, high-quality health care, favorable ecological environment, access to cultural values, confidence in the future. One of the indicators of quality of life is social cohesion treated as social prosperity, harmonious and stable social relations, and ability to participate in economic life and to enjoy its benefits. Social cohesion is an integral component of the social-economic progress and peaceful coexistence. The author distinguishes the basic diagnostic blocks of social cohesion at the regional level, develops the model of social cohesion that is carried out in the big cities of the pilot regions (Moscow and Kursk) and in the typical small towns of these areas: Elektrostal, Moscow region and Kurchatov, Kursk region. The author evaluates the effectiveness of the proposed model on an example of both big and small cities.

Keywords: quality of life, sociological dimension, regional social cohesion.

Невозможно представить себе современную высокоразвитую экономику России, которая не обеспечивает высоких социальных стандартов занятости и жизни населения. Поэтому проблема улучшения качества жизни в регионах России является приоритетной задачей

местной и региональной власти, которую необходимо эффективно решать, используя не только региональный финансово-экономический, но и социальный потенциал. При этом качество жизни необходимо рассматривать не только с точки зрения размера оплаты труда, возможно-

сти человека трудиться в хороших условиях, но и с точки зрения стабильности занятости, достойного уровня благосостояния, возможности учиться, получать высококачественное медицинское обслуживание, проживать не в стеснённых жилищных условиях, дышать чистым воздухом и пить чистую воду, наслаждаться культурными ценностями, осуществлять жизнедеятельность в условиях безопасности, быть уверенным в завтрашнем дне, принимать участие в управлении и др. [1; 2; 4; 5].

Все это, в свою очередь, напрямую зависит от уровня и качества образования работника, его здоровья и характеризует количественные и качественные аспекты не только положения каждого отдельного члена общества, но и общественного развития в целом.

Таким образом, внимание к вопросам качества жизни обусловлено именно попыткой формулирования целей и основных критериев общественного прогресса. Главное, на наш взгляд, соблюдать – конвенциональность в определении целей развития – люди сами должны решать, какие критерии общественного развития могли бы восприниматься как справедливые, и только затем можно вести речь о путях достижения целей. Это не означает, что цели будут определяться голосованием, но означает, что они должны восприниматься обществом как справедливые и насущные.

В этих условиях особую значимость приобретает деятельность органов власти по обеспечению социальной сплочённости региональных сообществ, которая конструируется действиями власти по интеграции регионального сообщества, включая разделение общих норм и ценностей; уровнем прочности социальных связей между людьми; уровнем согласованности и поведения членов регионального сообщества в основных сферах деятельности; активностью людей в переходные периоды их жизни; эффективностью политики в сфере социальной защиты, охраны здоровья населения, образования, жилья и экологии, миграционной политики [3].

Исходя из того, что социальная сплочённость лежит в основе экономической и политической стабильности российского общества, научным коллективом РГСУ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. проведена разработка методологии конструирования региональной

модели социальной сплочённости, её построение для конкретных регионов (руководитель, доктор социол. наук, проф. Г. И. Осадчая). Использование результатов исследования в социальной практике регионального управления позволяет обеспечить принятие долгосрочных и согласованных решений по обеспечению благополучия всех своих членов, минимизации диспропорций в развитии региона; избегать маргинализации людей, способствуя гармонизации различий и разногласий по достижению благосостояния всеми его членами.

Авторский коллектив исходил из понимания, что суть социальной сплочённости – в общественном благополучии, гармоничных и стабильных социальных отношениях как неотъемлемой составляющей социально-экономического прогресса и мирного сосуществования; возможности участвовать в экономической жизни и пользоваться её благами. Этот подход дал нам возможность сделать акцент на полном и активном участии человека в жизни общества, особенно в её экономических аспектах. С этой точки зрения, ключевую роль играют рынок и экономическая включённость людей, особенно доступ к рабочим местам. Любые действия и практические шаги, направленные на оттеснение людей с рынка труда, представляют собой, соответственно, угрозу социальной сплочённости. Политический аспект, вытекающий из такого подхода, рассматривает социальную сплочённость как, с одной стороны, перераспределение в пользу наименее благополучных, а с другой – создание институтов и процессов, которые «бросают вызов» существующим структурам власти и распределения и посредничают между сегментами населения с разными интересами и амбициями. Авторами был сделан также акцент на культурные факторы. В контексте многокультурных обществ социальная сплочённость нами рассматривалась в плане необходимости терпимости, культивирования многообразия и уважения к разным культурам. Центральная роль здесь была отведена идентитету и признанию: люди хотят, чтобы их убеждения и культуру ценили, особенно если они отличаются от убеждений и культуры большинства. Согласно выбранной коллективом точке зрения, сплочённость оказывается под угрозой, если требования, связанные с различными идентитетами, не управляются с использованием механизмов, признающих многообразие и приспособляющихся к нему.

Таким образом, мы смогли говорить, что социальная сплочённость требует наличия процессов, с помощью которых можно «спросить» с органов власти распределение ресурсов в обществе, а также подобные процессы порождают терпимость к представителям других культур и традиций, их признание. Кроме этого изучался нами вопрос – до какой степени люди чувствуют себя связанными с обществом и в какой мере они преданы определённому набору общепринятых ценностей и социальных целей. При этом мы исходили из того, что социальная сплочённость основывается на определённых принципах, а именно:

- равном доступе к правам и ресурсам, внимании к уязвимым группам;
- достоинстве/признании индивидом принципов, выраженных в правах человека;
- общей ответственности;
- подходе, подразумевающим стимулирование активности граждан (участие в жизни общества, урегулирование разногласий);
- управлении балансом интересов, поколений и сфер деятельности.

Из данного подхода видно, что социальная сплочённость основывается на способности и готовности общества повышать благосостояние и минимизировать диспропорции в развитии маргинализации, а движение к социальной сплочённости основывается на активном управлении различиями и разногласиями в контексте демократической гражданственности.

Материальные (объективные) ресурсы, например, экономическая ситуация, социальная защита и более субъективные факторы, в частности, чувство принадлежности, безопасность и признание личности – нуждаются в управлении. Так складывается программный подход, цель которого – активное предотвращение и преодоление напряжённости, разногласий и конфликтов на почве распределения ресурсов и управления ими. Экономическое и социальное развитие рассматриваются как понятия, не отделяемые друг от друга, а устойчивость становится зависящей от эффективного управления обоими с особым вниманием к балансу между различными сегментами населения, разными поколениями и сферами политики.

При построении модели социальной сплочённости мы исходили также из того, что должны быть разработаны методы преодоления самых разных напряжений в регионах в условиях демократии, т. к. неравенство, напря-

жение и стрессы есть в каждом регионе. Линии разлома проходят по водоразделу «бедность–богатство», по границам этнической, конфессиональной, культурной идентичности. Неравенство должно сокращаться, а справедливость восстанавливаться. Этого нельзя достичь раз и навсегда, но это то, к чему надо стремиться. Права должны быть одинаковыми для всех. Кроме этого при построении модели социальной сплочённости авторами было уделено повышенное внимание к группам людей, находящихся под угрозой попадания в категорию уязвимых. А именно детям, молодёжи, семьям, находящимся в нестабильной жизненной ситуации, мигрантам и этническим меньшинствам, людям с ограниченными возможностями, пожилым людям, т. к. угроза дискриминации и маргинализации для них особенно высока.

В основу эмпирической модели социальной сплочённости каждого из пилотных регионов были заложены три основных критерия, разделённых в свою очередь на социальные показатели, которые в ходе социологического исследования были эмпирически измерены. В качестве основных критериев выступили следующие положения: формирование активного и интегрированного регионального общества; формирование общей и социальной сплочённости и реинвестирование в социальные права и социальную сплочённость населения региона. Для первого критерия показателями выступили ценностные ориентации населения, разделённые нами на две подгруппы: ценности для успеха и ценности, реализуемые населением в реальной жизни. Здесь важны активность жизненной позиции (в экономической, политической, социальной и культурно-духовной жизни), уровень согласованности поведения членов регионального сообщества в основных сферах деятельности. Показателями второго критерия стали: деятельность региональной власти и предприятий по обеспечению социального благополучия работников; усиление чувств социальной ответственности граждан в регионе за свои действия; укрепление механизмов представительства и демократического принятия решений; расширение гражданского диалога и вовлечённости населения во все гражданские инициативы в регионе; участие населения в общественном движении, оценка политических партий и их руководителей. Третий критерий «реинвестирование в социальные права и социальную сплочённость населе-

ния региона» нами измерялся через показатели удовлетворённости результатами реализуемой политики в стране и регионе в области труда и занятости, а именно в сфере социальной защиты, в сфере здравоохранения, в сфере образования и профессиональной переподготовки, а также в сфере жилищно-коммунального хозяйства; через показатели удовлетворённости экологической ситуацией в регионе; результатами реализуемой миграционной политики в регионе.

Анализ различных подходов к диагностике социальной сплочённости [6] позволил сделать вывод, что диагностику социальной сплочённости в регионе целесообразно проводить по следующим блокам:

- актуальные социальные проблемы в регионе;
- социально-политическая активность населения региона, уровень доверия населения региона к власти;
- влияние экономического кризиса на социальную напряжённость, готовность жителей региона к защите своих прав, к участию в протестных акциях в регионе;
- удовлетворённость работой, оплатой труда, уровнем материального благополучия;
- потребность в социальной поддержке со стороны государства;
- удовлетворённость своим здоровьем и системой здравоохранения;
- удовлетворённость системой образования;
- удовлетворённость жилищными условиями;

- удовлетворённость существующей системой государственных социальных гарантий;
- межэтнические отношения в регионе, отношение к мигрантам.

При анализе полученных замеров по итогам исследования в регионах разработчиками модели было принято следующее положение: по выделенному критерию есть социальная сплочённость населения пилотного региона, если по нему в положительном или отрицательном плане высказалось более 70 % респондентов. Конструирование модели социальной сплочённости авторы проекта проводили как по большим городам пилотных регионов (Москва и Курск), так и по типичным небольшим городам этих областей (г. Электросталь Московской области и г. Курчатов Курской области).

Все показатели, по которым строились эмпирические модели социальной сплочённости населения, по всем городам были разделены с позиций их направленности на две группы: позитивной и негативной. Исходя из выше изложенных методологических подходов к конструированию моделей социальной сплочённости населения пилотных регионов по итогам проведённых исследований выстроились следующие модели социальной сплочённости по вышеперечисленным городам.

В эмпирической модели московского мегаполиса выделились 16 показателей социальной сплочённости, при этом позитивной направленности только 5 (рис. 1).

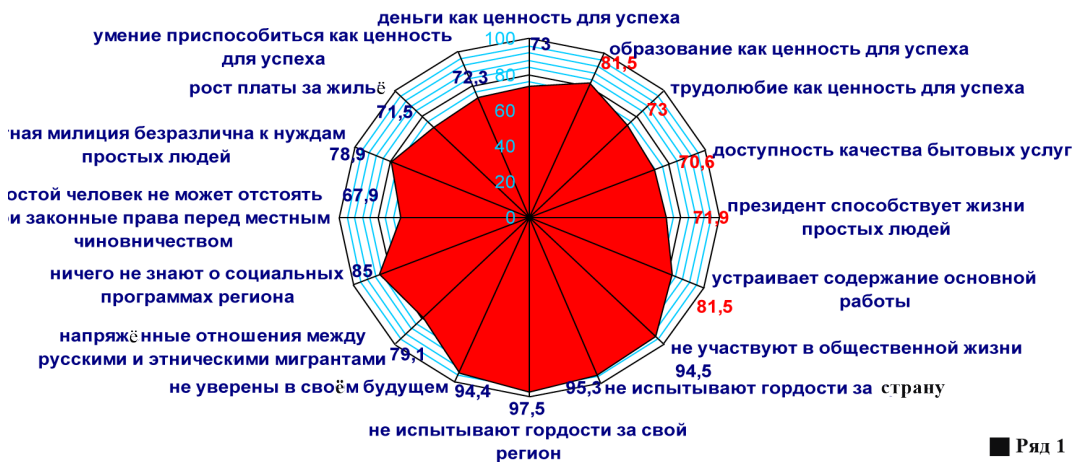

Рис. 1. Модель социальной сплочённости московского мегаполиса

Население московского мегаполиса в своих ценностных ориентациях объединяют две составляющие: образование и трудолюбие как ценность для успеха. Образование объединяет 81,5 % респондентов, проживающих в Москве. Трудолюбие как ценность для успеха и как фактор сплочённости выступает для 73 % от опрошенных, 81,5 % москвичей устраивает содержание основной работы. И это можно рассматривать как высокий уровень сплочённости населения относительно работы в целом. Москвичей сплочивает также в позитивном аспекте их отношение к президенту, который, по мнению 71,9 % респондентов, способствует улучшению жизни простых людей. Показателем позитивной социальной сплочённости москвичей выступает их уровень социального комфорта в повседневной жизни, 70,6 % опрошенных отмечают доступность качества бытовых услуг.

Среди показателей негативной направленности в модели социальной сплочённости в качестве ценностных ориентаций выступают две ценности, способствующие успеху в жизни москвичей: деньги и умение приспособиться. С первой ценностью солидарны 73 %, со второй – 72,3 % от числа опрошенных. Население московского региона объединяет также их беспокойство по поводу того, что они плохо информированы о деятельности региональных властей по социальным программам Москвы, 85 % респондентов ничего о них не знают. Простые москвичи солидарны в том, что не могут отстаивать свои законные права перед местным чиновничеством для решения важнейших вопросов своей жизни, что местная милиция безразлична к нуждам простых людей. Одним из

важнейших показателей сплочённости населения московского мегаполиса стали напряжённые отношения между русскими и мигрантами. Это волнует 79,1 % опрошенных. Должно вызывать тревогу у региональных властей, что 94,4 % респондентов не уверены в своём будущем и 97,5 % не испытывают никакой гордости за свой регион, т. е. Москву. К сожалению, ещё одним негативным показателем сплочённости населения Москвы выступает и отсутствие гордости не только за Москву, но и страну в целом.

В эмпирической модели социальной сплочённости г. Курска как и г. Москвы выступили как значимые также 16 показателей. Но в отличие от г. Москвы позитивных показателей на один больше (рис. 2).

Для населения г. Курска ценностной ориентацией кроме образования выступили такие показатели, как трудолюбие, способности и талант. Относительно образования солидарны 84,8 % опрошенных, трудолюбия – 82,2 %, а способности и таланта – 73 %. Необходимо отметить, что для населения г. Курска в отличие от населения московского мегаполиса важна для жизни и такая ценность, как семья. Это сплочивает 76,3 % населения города. Важной является забота о себе и своей семье. Как и москвичей, куровчан объединяет их тревога за то, что они не могут в своём большинстве отстаивать собственные права и не уверены в своём будущем. Они, как и москвичи, не испытывают гордости за свой город и страну в целом. Но в отличие от московских респондентов, население Курска волнует, а значит и объединяет то, что глава города и политические партии безразличны к нуждам простых людей (77,1 % опрошенных).

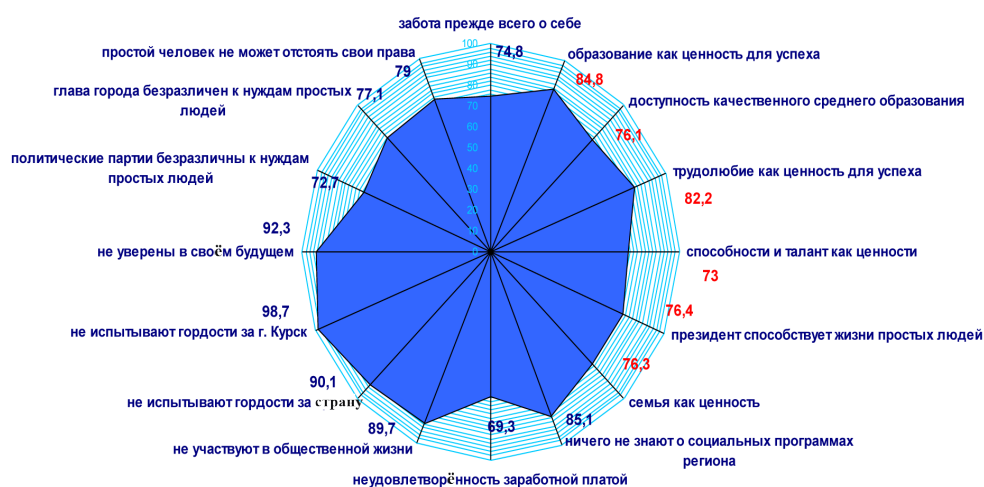

Рис. 2. Модель социальной сплочённости населения г. Курска

Население Курска менее активно, чем население Москвы (89,7 % не участвуют в общественной жизни региона). Ещё одной проблемой, одинаковой для двух городов, является – неудовлетворённость заработной платой. Этот показатель объединяет 69,3 % населения города. Более подробная сравнительная характеристика моде

лей социальной сплочённости населения этих двух городов представлена на рис. 3. Показателями эмпирической модели социальной сплочённости подмосковного города Электросталь стали 19 показателей. Причём в отличие от Москвы увеличилось и количество позитивной направленности. Таких для данного города 8 (рис. 4).

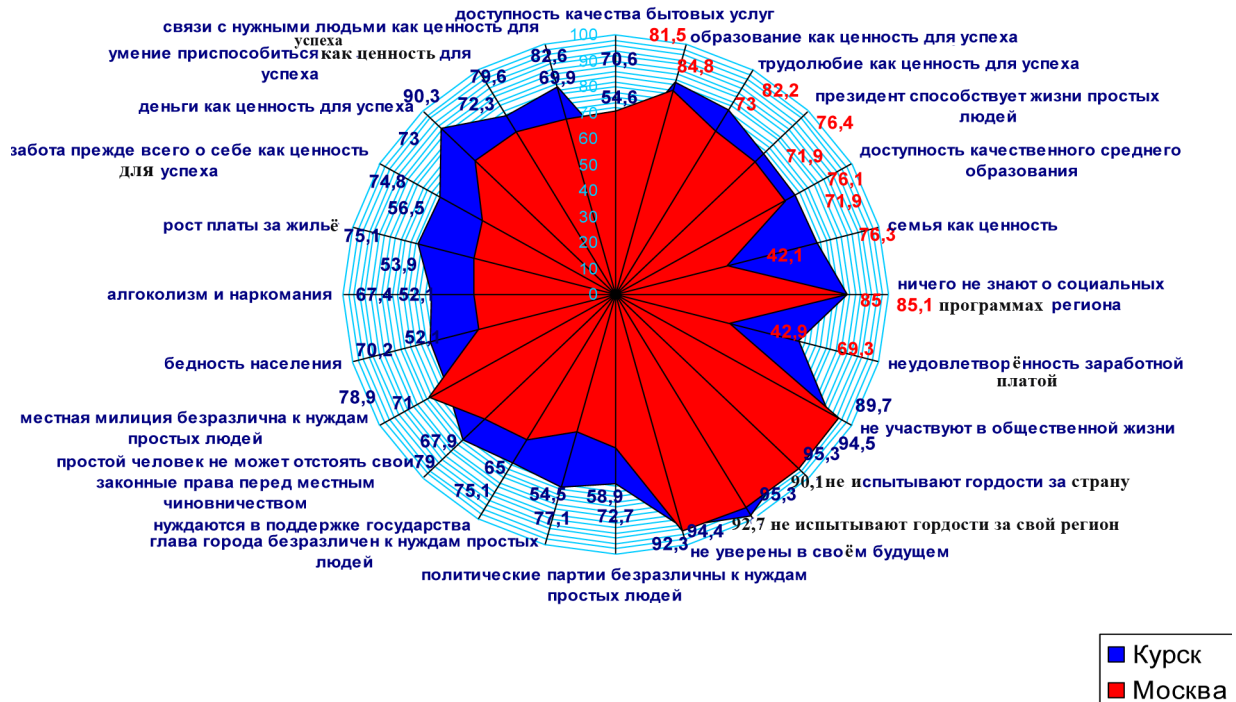

Рис. 3. Модели социальной сплочённости населения Москвы и Курска

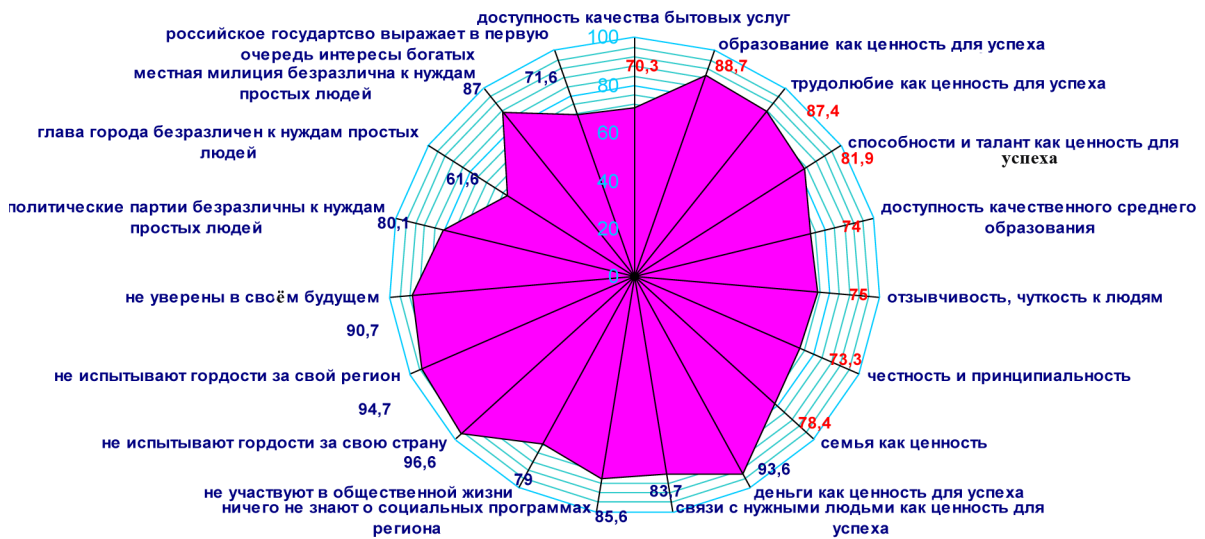

Рис. 4. Модель социальной сплочённости населения г. Электросталь Московской области

Среди ценностных ориентаций, формирующих интегрированное региональное сообщество города Электросталь, есть и совпадающие с московским мегаполисом, например, образование и трудолюбие как ценность для успеха. Но есть и такие, которые не являются объединяющим фактором для большого города. Так, в модели социальной сплочённости населения г. Электросталь в отличие от модели Москвы сплывающими ценностями выступают также способности и талант, честность и принципиальность, отзывчивость и чуткость к людям, а также семья.

Но как и для Москвы значимой ценностью негативной направленности в качестве основания социальной сплочённости населения выступают деньги как ценность для успеха в жизни. Дополнительно к этому показателю добавляется такая ценность для успеха, как связи с нужными людьми. Данную ценность разделяет 83,7 % респондентов. Эмпирическую модель социальной сплочённости Москвы, определяют такие показатели: отсутствие информации у населения о социальных программах региона, неуверенность в своём будущем, безразличие местной милиции к нуждам простых людей, отсутствие гордости за свой регион и страну в целом. Модель социальной сплочённости г. Электросталь характеризует следующее: 79 % населения не участвуют в общественной жизни, 80,1 % и

61,6 % респондентов считают, что политические партии и глава города безразличны к нуждам простых людей, население города уверено, что российское государство выражает в первую очередь интересы богатых.

Сравнение моделей социальной сплочённости населения г. Москвы и г. Электросталь показано на рис. 5, из чего можно сделать вывод, что уровень социальной сплочённости населения малого города выше и направленность социальной сплочённости имеет более выраженный позитивный аспект.

Показателями модели социальной сплочённости населения г. Курчатов Курской области выступают 22 показателя, из которых в отличие от г. Электросталь только 6 являются позитивно направленными (рис. 6).

Примечательно, что все 6 позитивных ценностей, характерных для г. Курчатова, характерны и для малого города Электросталь (рис. 7).

Однако жителям Курчатова были свойственны такие показатели, которые не характерны ни для г. Электросталь, ни для г. Курска (рис. 8).

Общими показателями, как видно из результатов исследования, стали: высокий уровень безработицы (69,7 %), алкоголизм и наркомания (68,3 %), рост платы за жильё (70,7 %), необходимость в поддержке со стороны государства (74,7 %).

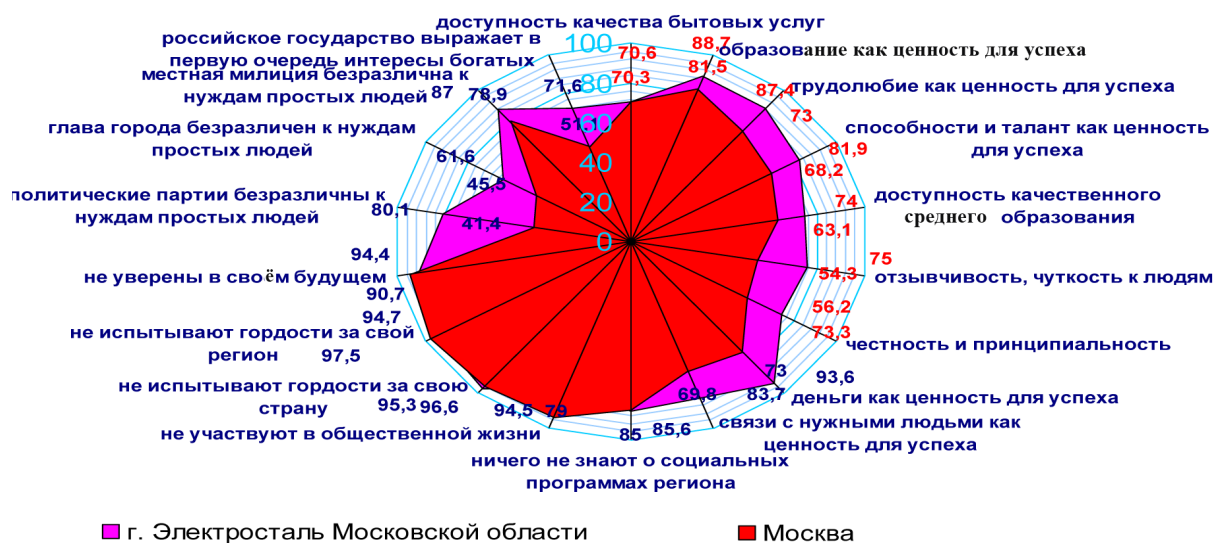

Рис. 5. Модель социальной сплочённости населения г. Москвы и г. Электросталь Московской области

Таким образом, можно сделать вывод, что сконструированные модели социальной сплочённости населения регионов показывают, что население всех регионов в первую очередь объединяют показатели негативной направленности. Количество показателей социальной сплочённости в малых городах больше, чем в больших городах.

Модели социальной сплочённости показывают, что в позитивном плане социальная сплочённость складывается в первую очередь на основе ценностей, обозначенных населением как ценности для успеха. В моделях всех городов это образование и трудолюбие. Для трёх городов, кроме Москвы, ценностью остаётся семья. Население малых городов считает, что для успеха необходимы способности и талант. Кроме того, для них немаловажна доступность качественного среднего образования. Это остаётся фактором сплочения и для Курска.

Сконструированные модели также показывают, что во всех городах в негативном аспекте общими выступают следующие показатели: отсутствие гордости за страну, отсутствие гордости за свой регион, неуверенность в завтрашнем дне, невозможность отстоять простому человеку свои законные права перед местным чиновничеством, неучастие в общественной жизни подавляющего большинства населения регионов. Кроме Москвы, социальная солидарность населения трёх остальных городов проявляется в оценке высокого уровня безразличия глав города и политических партий к нуждам простых людей. Сконструированная модель социальной сплочённости для

Москвы позволила увидеть проблему, характерную пока только для московского мегаполиса, – напряжённые отношения между русскими и этническими мигрантами.

Практические действия со стороны органов власти, способствующие социальной сплочённости, должны начинаться в местных и региональных сообществах, в городах и регионах России. Поэтому ориентир российских регионов на строительство сплочённых и гармоничных сообществ является приоритетной задачей современности. Полностью и безоговорочно социальной сплочённости нигде не удалось добиться, однако к ней нужно постоянно стремиться, а в определённые периоды за неё надо бороться. Многообразие культур и глобализация, демографические и миграционные процессы, социальные, экономические и политические изменения оказывают огромное влияние на местные и региональные сообщества. Российские регионы несут на себе всю тяжесть последствий экономического кризиса.

В посткризисных условиях важное значение для создания социальной сплочённости имеет эффективная социальная политика на региональном уровне. Недавно российские регионы получили независимость по управлению собственными программами социальной помощи. Считается, что многочисленные региональные пилотные программы будут способствовать формированию передовой практики в России, а повышение эффективности социальной помощи на региональном уровне поможет высвободить ресурсы, необходимые для реализации других приоритетных направлений бюджета.

Список литературы

1. Бестужев-Лада И. В., Батыгин Г. А. О качестве жизни. URL: www.library.ru/help/docs/n65217/1.pdf. 14 (дата обращения: 11.04.2013).
2. Васильев В. П. Качество и уровень жизни населения Российской Федерации. М.: ЭКОС, 2007. 117 с.
3. Доклад специальной рабочей группы высокого уровня по вопросам социальной сплочённости в XXI веке. Страсбург, 26 октября 2007 г., Пояснительная записка к Докладу специальной рабочей группы высокого уровня по вопросам социальной сплочённости в XXI веке «На пути к активной, справедливой и социально сплочённой Европе». Страсбург, 2007.
4. Злобина Г. Ю. Качество жизни: структурные составляющие и перспективные направления развития. М.: Социум, 2007. 96 с.
5. Лига М. Б. Индикаторы и методики оценки качества жизни в контексте социальной квалиметрии // Европейский журнал социальных наук. 2012. № 7. С. 284–290.
6. Социальные изменения российского общества в контексте глобального кризиса / под ред. В. И. Жукова. М.: РГСУ, 2010. 516 с.
7. Щербина В. В. Социолого-диагностические технологии в управлении: теоретико-методологические аспекты развития и применения // Социологические исследования. № 3. Март 2007. С. 30–42.

References

1. Bestuzhev-Lada I. V., Batygin G. A. O kachestve zhizni. URL: www.library.ru/help/docs/n65217/1.pdf.14 (data obrashhenija: 11.04.2013).
2. Vasil'ev V. P. Kachestvo i uroven' zhizni naselenija Rossijskoj Federacii. M.: JeKOS, 2007. 117 s.
3. Doklad special'noj rabochej grupy vysokogo urovnja po voprosam social'noj splochjonnosti v XXI veke. Strasburg, 26 oktjabrja 2007 g., Pojasnitel'naja zapiska k Dokladu special'noj rabochej grupy vysokogo urovnja po voprosam social'noj splochjonnosti v XXI veke «Na puti k aktivnoj, spravedljivoj i social'no splochjonnej Evrope». Strasburg, 2007.
4. Zlobina G. Ju. Kachestvo zhizni: strukturnye sostavljajushhie i perspektivnye napravlenija razvitija. M.: Socium, 2007. 96 s.
5. Liga M. B. Indikatory i metodiki ocenki kachestva zhizni v kontekste social'noj kvalimetrii // Evropejskij zhurnal social'nyh nauk. 2012. № 7. S. 284–290.
6. Social'nye izmenenija rossijskogo obshhestva v kontekste global'nogo krizisa / pod red. V. I. Zhukova. M.: RGSU, 2010. 516 s.
7. Shherbina V. V. Sociologo-dagnosticheskie tehnologii v upravlenii: teoretiko-metodologicheskie aspekty razvitija i primenenija // Sociologicheskie issledovanija. № 3. Mart 2007. С. 30–42.

Статья поступила в редакцию 24 апреля 2013 г.

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 101.1:316
ББК Ю 6

Елена Юрьевна Захарова
доктор философских наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: m-liga@inbox.ru

Теория экологически ориентированного антропоцентризма¹

Автор предложил теорию экологически ориентированного антропоцентризма, которая наряду с теорией оптимизации функционирования всех сфер соционатурэкосистемы для достижения коэволюции природы и общества включена в концепцию экологической культуры соционатурэкосистемы. Автор обосновал перспективность использования концепции экологической культуры соционатурэкосистемы в преодолении стереотипов понимания антропоцентризма как источника экологических проблем, его новой трактовке как направленной коллективной деятельности по выработке оптимальных управленческих решений, способствующих гармонизации отношений социума и природы на основе коллективного разума, интеллекта. Концепция экологически ориентированного антропоцентризма, определяющая аксиологические основы экологической культуры соционатурэкосистемы, включает идеи нового гуманизма и экологической этики. Новый гуманизм, определяющий отношение к человеку как высшей ценности, в то же время, является экоориентированной формой мировоззрения, основанной на осознании единства человечества и возможности совместного преодоления экологического кризиса, в том числе путём самоограничения. Идеи экологической этики утверждают самоценность природы и введение мира природы в систему ценностей.

Ключевые слова: антропоцентризм, экологически ориентированный антропоцентризм, нонантропоцентризм, натуроцентризм, новый гуманизм, экологическая этика.

Elena Yur'evna Zakharova
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: m-liga@inbox.ru

Theory of Ecologically Focused Anthropocentrism

The author has offered a theory of ecologically focused anthropocentrism which, along with the theory of optimization of functioning of all spheres of socio-natural ecosystem for achieving co-evolution of nature and society, is included into the concept of ecological culture of socio-natural ecosystem. The author has proved the prospects of use of the concept of ecological culture of socio-natural ecosystem in overcoming stereotypes of anthropocentrism understanding as a source of environmental problems, its new treatment as directed collective activities for development of the optimum administrative decisions promoting harmonization of the relations between society and nature on the basis of collective reason and intelligence. The theory of ecologically focused anthropocentrism defining axiological bases of ecological culture of socio-natural ecosystem includes new humanity and ecological ethics ideas. The new humanity defining the relation to the person as the supreme value, at the same time, is an ecological form of the world outlook based on understanding of possibility of joint ecological crisis overcoming, including self-restriction. The ideas of ecological ethics maintain self-worth of nature and introduction of nature into the system of values.

Keywords: anthropocentrism, ecologically focused anthropocentrism, nonanthropocentrism, naturecentrism, new humanism, ecological ethics.

¹Работа выполнена в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» по теме «Качество жизни как основа обеспечения социальной безопасности России в XXI веке».

Актуальность исследования экологической культуры соционатурэкосистемы связана с целым рядом современных процессов. Значение преодоления экологических проблем для всего человечества нарастает с каждым годом, поскольку стремительно меняется состояние природной среды под воздействием человека, что всё более усложняет развитие общества [4; 5]. Сохранение человека на планете с каждым годом становится всё более проблематичным. Большое значение для изучения и понимания современных экологических проблем во всей их сложности, специфичности и важности для людей имеют философские исследования, где всегда самым важным был и остаётся вопрос о месте и роли человека в окружающем мире.

Возникновение соционатурэкосистемы как качественно особого состояния мира по времени совпадает с возникновением человечества [9]. До последнего времени ведущую роль в этой системе играла та часть, которая обозначена термином «натур», т. е. природа. Человечество было зависимо от природы и не представляло для неё никакой угрозы, но за последние два века соотношение сил изменилось. На современном этапе, с одной стороны, человечество проявило такую невиданную мощь, что возникла угроза существования природы. С другой стороны, сознание человечества находится на таком уровне, что оно ещё до конца не осознаёт, что уничтожив природу, оно уничтожит условия собственного существования. Единственным выходом является срочное формирование экологической культуры, в основе которой лежат особые её ценности.

Несмотря на то, что пришло осознание формирования экологической культуры, призванной преодолеть технократическое мышление, мы констатируем, что на современном этапе оно не преодолено. Это, в первую очередь, связано с тем, что возрастают объёмы использования природных, в том числе и невозобновимых, ресурсов в производстве. Основная роль в преодолении технократического мышления должна принадлежать именно ценностям. Однако, к сожалению, несмотря на постоянную актуализацию данной проблемы, сдвига в преодолении технократизма не происходит.

Концепция экологически ориентированного антропоцентризма, разработанная нами на основе теории взаимодействия природы и общества как отличных и взаимопроникающих образований, основана на представлении о том,

что для преодоления технократического мышления необходимо в систему ценностей включить все компоненты соционатурэкосистемы.

Концепция экологической культуры соционатурэкосистемы основывается на представлении о том, что соционатурэкосистема – единство и взаимодействие социосистемы и экосреды (натурсистемы), качественно особое состояние мира, являющееся результатом глобальной эволюции и необходимым условием существования человека. Ядром соционатурэкосистемы является сфера взаимодействия общества и природы, способом существования которой становится деятельность человека. Экологическая культура соционатурэкосистемы охватывает сферу отношений человека и общества к природе, являясь способом оптимизации деятельности людей, целью которой выступает оптимизация функционирования всех сфер соционатурэкосистемы. В сфере социоприродного взаимодействия: совершенствование очеловеченно-природного мира, всей системы «производство-потребление» в том направлении, которое бы обеспечило прогрессивное развитие как собственно социального, так и естественного. В сфере натурсистемы: реконструкция естественного мира с целью оптимизации процесса взаимодействия природы и общества. В сфере социального мира: преобразования, понижающие уровень необходимой реконструкции естественного, требующие соответствующего научного и духовно-нравственного обоснования.

Таким образом, преодолеть технократическое мышление возможно посредством социально-экономических, технологических преобразований на уровне всех сфер соционатурэкосистемы, в основе которых лежат особые ценности культуры, призванные сменить вектор технократизации мышления на его экологизацию.

Анализ различных концепций нравственного отношения общества к природе показывает, что существует широкий спектр концепций, описывающих отношения человека и природы: от натуроцентристских до антропоцентристских. Причём, в антитезе «натуроцентризм – антропоцентризм» отбрасываются объективные характеристики того и другого, каждое из них рассматривается в контексте либо исключительно апологетики, либо исключительно критики. При этом не учитывается, что современный человек будет продолжать осваивать

природу, использовать её в своей деятельности. Кроме того, конечной целью социальной деятельности является человек, в том числе и опосредованно, через сохранение природной среды его существования. Этим определяется, на наш взгляд, ограниченность натуроцентристского подхода к пониманию роли и места человека в мире.

Отношение человека к природе оказывается связанным с нравственностью и потому, что оно есть также отношение человека к человеку. В данном контексте, на наш взгляд, правомерна актуализация антропоцентристских установок, в современном значении антропоцентризм становится экологически ориентированным. Понятие «экологически ориентированный антропоцентризм» означает антропоцентризм, ориентированный на сохранение экосистемы.

Разрабатывая концепцию экологически ориентированного антропоцентризма, мы делаем акцент на антропоцентризме, а не натуроцентризме (особенно его крайнем проявлении), потому что именно человек включает в систему своих ценностей природу и призван сохранять её.

Что касается антропоцентризма и дискуссии вокруг применения данного термина в концепции экологической культуры соционатурэкосистемы, то хотелось бы сделать акцент на том, что идеи антропоцентризма существовали ещё до своей концептуализации в философии и являются неизбывными для культуры вообще. Антропоцентризм находит своё историческое выражение и присутствует в современных философских, научно-философских концепциях [3], например, в антропном принципе. Дискуссия о месте человека во Вселенной породила идеи о сильном и слабом антропном принципе. Причём слабый антропный принцип говорит о возможности появления человеческого разума, сильный – о закономерном появлении наблюдателя во Вселенной и является основой концепции глобального эволюционизма. Сильный антропный принцип не только определяет закономерность возникновения человечества и человеческого разума, но и содержит положение о том, что с появлением этого разума мир вступает в новый этап эволюции, который характеризуется активным влиянием одной из форм движения вообще на всю систему, т. е. не только на природу, но и на Вселенную в целом. Мировоззренческим основанием такого рода

концепций является стремление человека быть не случайным в мировых процессах. На самом деле интенция неслучайности, на наш взгляд, задаёт тон всем концепциям возникновения культуры общества, лежит в основе осмысления человечеством мира. Человек не просто хочет понять мир, он хочет определить своё неслучайное место в этом мире.

Идея необходимости оптимизации функционирования трёх уровней соционатурэкосистемы позволяет определить в качестве субъекта самого человека, показать социоантропную направленность этого процесса. Сегодня человек изменился, приобрёл новое качество по отношению к миру. Его коллективистские действия, или теория русского солидаризма, в социальном отношении должны лежать в основе теоретической разработки решения экологических проблем.

Таким образом, понятие «антропоцентризм» в аспекте нашего исследования обозначает то, что только человек с помощью направленной деятельности и оптимальных управленческих решений может гармонизировать отношение социума к природе. Данное понятие («антропоцентризм») мы рассматриваем в контексте решения экологических проблем и экологически ориентированной деятельности в целом, а не в том традиционном смысле, когда человек и его интересы ставились на первое место в определении способов, направлений и перспектив взаимодействия природы и общества.

В свете дискуссии о противопоставлении антропоцентризма и натуроцентризма нам близка концепция нонантропоцентризма, разработанная А. Г. Апресяном, согласно которой их необходимо не противопоставлять, а объединять [1].

В процессе социоприродного взаимодействия человек, общество должны учитывать социоприродные законы оптимального соответствия общества и природы – закон цикличности в использовании веществ планеты, закон возобновимости в использовании энергии, закон комплексности в использовании информации [2]. Бесспорно, преодолеть экологический кризис можно, только исходя из приоритета ценностей сохранения биосферы, то понимание, которое мы вкладываем в определение экологически ориентированного антропоцентризма, на самом деле не противоречит этому принципу и даже лежит в основе данной теории. На этом же основывается и антропный

принцип, согласно которому человек не может представить себя не включённым не только в природные, но и космические процессы.

Теория экологически ориентированного антропоцентризма, определяющая аксиологические основы экологической культуры соционатурэкосистемы, включает идеи нового гуманизма и экологической этики.

Новый гуманизм предполагает, во-первых, добровольное признание каждым человеком принципов и критериев новой этики, которая отражает нравственное отношение ко всему живому (об этом говорил основоположник Римского клуба А. Печчеи) [8]. Во-вторых, определяя отношение к человеку как высшей ценности в то же время являясь экоориентированной формой мировоззрения, осознать единство человечества и возможность совместного преодоления экологического кризиса на основе коллективного взаимодействия.

Идеи экологической этики утверждают самоценность природы и введение её в систему ценностей [7]. Мы согласны с И. К. Лисеевым в том, что на современном этапе необходимо «признание не только целостности природных экосистем, но и их самоценности, призыв к осмотрительности вторжения человека в природу, поиск динамического равновесия между деятельностью человека и возможностями природных экосистем» [6, с. 1060]. Антропоцентризм не противостоит экологической этике, но необходимо учитывать, что забота об окружающей среде, сохранение дикой природы, защита животных предстают как некие средства по отношению к более высокой цели, в качестве которой признаётся человек, человечество.

Фундаментом формирования экологической культуры является нравственность, которая может развиваться только в человеческом сообществе, её носителем и выразителем может быть только человек.

В основе процесса экологизации нравственности лежат идеи А. Швейцера [11]. Исходя из его идей, И. Т. Фролов предлагал даже пересмотреть содержание нравственного принципа «гуманизма» и дополнить его таким составным элементом, как «благоговение перед жизнью» [12]. Однако следует отметить, что практическая реализация экологизации нравственности сталкивается с затруднениями ми-

ровоззренческого характера. Фундаментальная основа принципа «благоговения перед жизнью» религиозна, и при механическом переносе в атеистическую систему мировоззрения принцип теряет смысл. Наука вряд ли способна «благоговеть перед жизнью», которую она препарирует. Значит, этот принцип требует иных обоснований и другого понимания. Неразрешимым аспектом является также противоречие этого принципа потребностям различных форм жизни. Эти трудности осознал и А. Швейцер, поэтому систематической разработки своего учения он не оставил.

В этико-экологических дискуссиях антропоцентризм, за редким исключением, предстаёт как реакционная позиция. Как отмечает Р. Г. Апресян, «в антропоцентризме усматривается исток потребительского, хищнического отношения к природе, обусловившего возникновение и углубление экологического кризиса и появление факторов, активно влияющих на драматическое, глобальное изменение климата» [1, с. 1131]. Такие выводы делаются при той версии антропоцентризма, согласно которой человек есть центр вселенной и её цель, а человек как «хозяин природы» противостоит всем известным формам жизни. В такой трактовке антропоцентризм предстал, например, в работах К. Мэйнса и Д. Формана [12; 13]. Есть другая трактовка антропоцентризма как позиции, согласно которой точкой отсчёта в отношении к природе, как в целом, так и в частности, являются потребности и интересы человека. Единственно человек как существо, наделенное разумом и моралью, признаётся внутренней ценностью, или самоценностью.

Таким образом, базисными ценностями экологической культуры соционатурэкосистемы являются идеи единства человечества и необходимости совместного преодоления экологического кризиса, обоснования самоценности природы, включение отношения к ней в систему ценностных ориентаций. Перспективы данного исследования заключаются в том, что появляется возможность преодоления технологического мышления, что станет основой преодоления рисков, вызванных экологическими проблемами; а также возможность включения отношения к природе в контекст культурных универсалий.

Список литературы

1. Апресян Р. Г. Дилемма антропоцентризма и нонантропоцентризма и её значение для моральной философии // Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 1131–1141.
2. Гирусов Э. В. Экология и экономика природопользования / Э. В. Гирусов, С. Н. Бобылев, А. Л. Новоселов [и др.]; под ред. Э. В. Гирусова. М.: ЮНИТИ-ДАТА, 2010. 607 с.
3. Горлачев В. П., Бернюкевич Т. В. Русский космизм как явление культуры // Гуманитарный вектор. 2012. № 3. С. 30–35.
4. Захарова Е. Ю., Щеткина И. А. Экологическая культура как составляющая социальной безопасности общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1 (27). С. 88–93.
5. Лига М. Б. Качество окружающей среды как основа достойного качества жизни. Социальные процессы в современной Западной Сибири: сб. науч. ст. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2011. С. 148–152.
6. Лисеев И. К. Энвайроментальное мышление как императивный фактор понимания глобального мира // Философия в диалоге культур: Материалы Всемирного дня философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 1054–1062.
7. Мантатова Л. В. Философские перспективы устойчивого развития информационного общества. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. 242 с.
8. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Наука, 1986. 230 с.
9. Субботина Н. Д. Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке // Вестн. Бурятского гос. ун-та. Серия V. Философия. Социология. Культурология. Улан-Удэ. 2002. Вып. VI. С. 16–32.
10. Фролов И. Т. Философия глобальных проблем // Вопр. философии. 1980. № 2. С. 42–49.
11. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Наука, 1982. 290 с.
12. Foreman D. Confessions of an Eco-Warrior. New York: Harmony Books, 1991. 214 p.
13. Manes C. Green Rage: Radical Environmentalism and the Unmaking of civilization. Boston: Little Brown, 1990. 198 p.

References

1. Apresjan R. G. Dilemma antropocentrizma i nonantropocentrizma i ejo znachenie dlja moral'noj filosofii // Filosofija v dialoge kul'tur: materialy Vsemirnogo dnja filosofii. M.: Progress-Tradicija, 2010. S. 1131–1141.
2. Girusov Je. V. GJekologija i jekonomika prirodopol'zovanija / Je. V. Girusov, S. N. Bobylev, A. L. Novoselov [i dr.]; pod red. Je. V. Girusova. M.: JuNITI-DATA, 2010. 607 s.
3. Gorlachjov V. P., Bernjukevich T. V. Russkij kosmizm kak javlenie kul'tury // Gumanitarnyj vektor. 2012. № 3. S. 30–35.
4. Zaharova E. Ju., Shhetkina I. A. Jekologicheskaja kul'tura kak sostavljajushhaja social'noj bezopasnosti obshhestva // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 1 (27). S. 88–93.
5. Liga M. B. Kachestvo okruzhajushhej sredy kak osnova dostojnogo kachestva zhizni. Social'nye processy v sovremennoj Zapadnoj Sibiri: sb. nauch. st. Gorno-Altajsk: GAGU, 2011. S. 148–152.
6. Liseev I. K. Jenvajromental'noe myshlenie kak imperativnyj faktor ponimanija global'nogo mira // Filosofija v dialoge kul'tur: Materialy Vsemirnogo dnja filosofii. M.: Progress-Tradicija, 2010. S. 1054–1062.
7. Mantatova L. V. Filosofskie perspektivy ustojchivogo razvitija informacionnogo obshhestva. Ulan-Udje: Izd-vo Burjat. gos. un-ta, 2002. 242 s.
8. Pechchei A. Chelovecheskie kachestva. M.: Nauka, 1986. 230 s.
9. Subbotina N. D. Problema sootnoshenija estestvennogo i social'nogo v obshhestve i cheloveke // Vestn. Burjatskogo gos. un-ta. Serija V. Filosofija. Sociologija. Kul'turologija. Ulan-Udje. 2002. Vyp. VI. S. 16–32.
10. Frolov I. T. Filosofija global'nyh problem // Vopr. filosofii. 1980. № 2. С. 42–49.
11. Shvejcer A. Blagogovenie pered zhizn'ju. M.: Nauka, 1982. 290 s.
12. Foreman D. Confessions of an Eco-Warrior. New York: Harmony Books, 1991. 214 p.
13. Manes C. Green Rage: Radical Environmentalism and the Unmaking of civilization. Boston: Little Brown, 1990. 198 p.

Статья поступила в редакцию 19 мая 2013 г.

УДК: 304.5.
ББК 71.4.

Наталья Александровна Лукьянова
доктор философских наук,
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет
(Томск, Россия), e-mail: kir712@yandex.ru

**Символический капитал власти
в технологиях конструирования национальной идентичности**

Необходимость анализа ресурсов символического капитала власти в процессах формирования национальной идентичности обусловлена необходимостью показать широкие возможности этой технологии с точки зрения понимания символа как символического инструмента культуры, что позволяет не просто констатировать, но и понимать происходящие в культуре процессы. В статье осуществлён анализ процессов формирования национальной идентичности с позиции господства в данном концепте определённых интенций символической борьбы, что позволяет раскрыть потенциал символического капитала власти в технологиях конструирования национальной идентичности. Указывается на противоречивость технологий формирования символического капитала власти в конструировании национальной идентичности как «образа для себя» и «образа для других». Доказано, что анализ процессов формирования национальной идентичности с позиции господства определённых интенций в символическом капитале власти («образ для себя» и «образ для других») позволяет увидеть, что технологии конструирования национальной идентичности невозможны без опоры на символы.

Ключевые слова: власть, символ, знак, символический капитал, национальная идентичность, социальное конструирование, образ для себя, образ для других.

Nataliya Aleksandrovna Luk'yanova
Doctor of Philosophy,
Tomsk National Research Polytechnic University
(Tomsk, Russia), e-mail: kir712@yandex.ru

**Symbolic Capital of Power in Technologies
of Constructing National Identity**

The resources of symbolic power capital in national identity process are symbolic tools of culture that let not only describe the cultural processes but understand them as well. So, they are to be analyzed as a cultural technology. The article analyzes the processes of national identity formation from the perspective of the dominant symbolic intentions within the concept. The analysis reveals the potential of the symbolic power capital in the technology of constructing national identity. The analysis is hold in tradition of A. Whitehead's philosophy followed by his student S. Langer. They understand power capital as a vital power need for "national identity" that is seen in tendency to gain its own identity symbols. The author underlines inconsistency of the technologies used to form the symbolic power capital in constructing national identity as "image for oneself" and "image for others". The analysis of national identity process proves that such intentions as "image for oneself" and "image for others" are essential for understanding the importance of symbols for constructing national identity.

Keywords: power, symbol, sign, symbolic capital, national identity, social construction, image for oneself, image for others.

С точки зрения изучения современной западно-европейской культуры анализ характеристик национальной идентичности с позиции рассмотрения такого её элемента, как символический капитал власти, представляется сегодня

особенно актуальным. Как отмечает К. С. Гаджиев: «Национальная идентичность интегрирует в себя внешние и внутренние составляющие. Для неё особенно важно соответствие внутреннего и внешнего, формы и содержания,

проявления и сущности» [7]. Символический капитал власти можно рассматривать как внутреннюю составляющую единого концепта – национальная идентичность.

В представленной статье будет осуществлён анализ потенциала символического капитала власти в процессах формирования национальной идентичности в традиции философии А. Н. Уайтхеда и его последовательницы С. Лангер. В таком понимании символический капитал власти есть важнейшая, глубоко органичная властная потребность в едином концепте «национальная идентичность», что выражается в стремлении к обретению собственных символов, которые представляют собой зримое выражение основной идеи идентичности.

О символической власти писал П. Бурдьё, описывая специфический тип власти в социуме и указывая на источник формирования символической власти – символический капитал. «Бурдьё приводит пример Кабилии, где группы, дома, кланы или трибы и мена, обозначающие их, являются инструментами и ставками многочисленных стратегий, и что агенты заняты непрерывными переговорами о своей идентичности: например они могут манипулировать генеалогиями, как учёные манипулируют (с теми же целями) текстами какой-либо дисциплины» [13].

В своих рассуждениях о символической власти П. Бурдьё опирается на идеи неокантианской традиции, он рассматривает различные символические универсумы: миф, язык, искусство, науку – как инструменты познания и конструирования мира предметов, как «символические формы». Переход от символа к смыслу является отражением реальности в переживании субъекта, а посредством символизации конструирования мира в символических формах решается проблема познаваемости мира в его изменчивости. Однако, символизация – это не просто «форма духовной адаптации» [8, с. 470], как её понимал Э. Кассирер (именно такое понимание символа представлено у П. Бурдьё). Представляется, что в основе формирования символического капитала власти лежит понимание символа как интеллектуального инструмента, т. е. это не только ощущения или эмоции. Данная трактовка принадлежит С. Лангер, которая была ученицей А. Н. Уайтхеда и поклонницей творчества Э. Кассирера. Вслед за Кассирером она рассматривает человека как животное, производящее символы.

Как для Кассирера, так и для Лангер проблема конструирования мира с помощью символических форм есть проблема познаваемости мира. Она говорит, что несомненная заслуга Кассирера заключается в том, что он предложил новый способ видения искусства в связи с другими аспектами человеческой культуры. Такое понимание символа даёт осмысление того, как рождается тот или иной смысл символа, но не раскрывает понимание того, что будет результатом такого осмысления, т. к. смысл символа не дан, а задан и раскрывается в динамике его восприятия как первичной потребности, присущей человеку. Именно в этом С. Лангер не соглашается с Э. Кассирером, утверждая, что символ есть спонтанное проявление человеческой природы, а не априорная логическая структура. Однако, вслед за Кассирером Лангер настаивает на том, что эти вне-научные области человеческой жизни и опыта носят, тем не менее, интеллектуальный характер (то есть символический – Н.Л.) и могут быть предметом философского исследования.

Продолжая исследования символа в традициях философии Уайтхеда, Лангер рассматривает символизм как важнейшую, глубоко органичную властную потребность [9], которая воплощает потребность и потенциал символизации. «Символическая функция – одна из первичных в человеческой деятельности, подобно питанию, ориентации в пространстве, передвижению. Она является фундаментальным и постоянным процессом человеческого ума» [9]. Мышление – это символический процесс. Посредством символических форм человек может постигать мир и упорядочивать окружающий его хаос. Для Уайтхеда символизм – это способ познания мира, он показал особое значение не символа как такового, а символизма [10, с. 110]. Таким образом, концепция символизма Уайтхеда существенно отличается от философии символических форм Кассирера тем, что он исследует символизм в контексте различных компонентов восприятия. В целом он исходит из следующего понимания: «человечество ищет символ, чтобы выразить себя» [12, с. 46, 49].

Именно такое понимание символизма даёт нам основание утверждать, что символический капитал власти входит в мировоззренческую инфраструктуру национальной идентичности. Особость и естественность – ключевые условия формирования национальной идентичности. При этом национальные

идентичности – не есть нечто раз и навсегда данное. Они могут зарождаться, исчезать и «переинтерпретироваться». Основой для такой «интерпретации» и «переинтерпретации» является символический капитал власти. Именно символический капитал в целом и каждый отдельный символ в частности делает действительность познаваемой. Поскольку символ специфически перерабатывает действительность, он является определённым пониманием, или интерпретацией. Б. Андерсон писал о нациях как о «воображённых политических общностях и воображённых, как такие, которым имманентно присущи особость и суверенитет» [2]. Таким образом, символизация становится не средством для общения или удержания объектов в мышлении, а целью и способом существования. В символическом капитале власти воплощается видение народом себя изнутри, это «не что иное, как экономический или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, когда его узнают по соответствующим критериям восприятия» [4].

Делая небольшое отступление в наших рассуждениях, отметим, что, по мнению В. А. Ачкасова, «образ себя» любого народа распадается на: образ для других, образ для себя и образ в себе [7]. ««Образ для себя» представляет собой понимание народом самого себя как бы изнутри, которое складывается из комплекса традиционных для него исторических, социально-экономических, общественно-политических, социокультурных, политико-культурных и иных реальностей, обычаев, национальных мифов, символов, верований, стереотипов и т. д.» [7]. Адресатом «образа для других», включающего всё те же составляющие, становится внешний мир [7].

Стремление обрести собственную национальную идентичность выражается, в том числе, в стремлении к обретению собственных символов, которые представляют собой зримое выражение основной идеи идентичности. Как отмечает П. Бурдьё: «Символическая власть как власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир, а значит, сам мир – это власть квазимагическая, которая благодаря эффекту мобилизации позволяет получить эквивалент того, что достигается силой (физической или экономической), но лишь при условии, что эта власть *признана*, т. е. не вос-

принимается как произвол» [5]. В свою очередь, основным инструментом формирования символического капитала власти становятся институты власти. Ярким примером ведущей роли данных институтов в становлении символического измерения национальной идентичности является процесс формирования Евросоюза.

Процесс создания Европейского союза сопровождался созданием (причём в данном случае, власть выступала инициатором) множества новых символов: единая валюта, таможенные правила, европейское образование и пр.

Тем самым формируется символический капитал власти, посредством легитимации новых смысловых конструкций. Новые символы наделяются значением «единства», за ними признаётся право на легитимацию. Так, Т. Лукман и П. Бергер, видящие в легитимации необходимый процесс конструирования общества как объективной реальности, отмечали, что она представляет собой смысловую объективацию «второго порядка» – объективацию в смысле сигнификации, т. е. означивания неких событий, явлений, процессов [3]. В этом плане она призвана создавать новые знаки символы, а через них и новые представления. Символы настолько отделены от ситуации «здесь-и-сейчас», что образуют свои миры и накладывают на повседневность иную реальность. Т. Лукман и П. Бергер именуют эти миры символическими универсумами и понимают их как матрицу всех социально объективированных и субъективно реальных значений [3]. Это предельно широкое пространство смысловой интеграции, в рамках которого может быть познан любой человеческий опыт.

Однако опыт создания и легитимации новых символов Евросоюза не уникален. Приведём следующий исторический пример. Как известно, императоры, начиная с Карла Великого и до его последователя Оттона I, называли себя «Император Август». В этом имени не предполагалась «привязка» к конкретной территории, поскольку речь шла о том, что Римская империя, а впоследствии и весь мир станет единым государством. Позднее титул трансформируется: «Император Август римлян». Тем самым подчёркивается территориальная принадлежность и отсылает к великому Риму. Подчёркнём, этот титул принадлежал императору немецкой нации. Трансформация титула говорит о формировании в концепте «национальная

идентичность» «образа для себя». В дальнейшем государство начинает называться «Священная Римская империя», что свидетельствует о формировании «образа для других». Как пишет К. С. Гаджиев, адресатом такого образа становится внешний мир [7]. Идея «Священной Римской империи» становится всенародной, в ней подчёркивается значимость нации в целом, а не конкретного человека (императора). Дальнейшие метаморфозы в формировании национальной идентичности нашли отражение в названии «Священная Римская империя немецкой нации», которое появилась в XV в. В таком названии ярко проявляется дуализм национальных стремлений: с одной стороны стремление подчеркнуть собственную уникальность – «образ для себя», с другой – стремление продемонстрировать претензии на мировое господство – «образ для других».

Весь процесс становления национальной идентичности можно рассматривать с позиции подобного дуализма, находящего воплощение в мифах, символах, стереотипах поведения. Символизация капитала, создание некоего символического универсума – это часть борьбы за власть, за абсолютное господство. Обладание символическим капиталом есть условие легитимации власти. Этот процесс, в том числе и при формировании единого образа нации, сопровождается непрерывной символической борьбой – «образа для себя» и «образа для других». Поскольку в этом процессе происходит навязывание своего видения социального порядка. Исход противостояния напрямую зависит от уже имеющейся власти. «Исторический исход каждого столкновения определялся теми, кто лучше владел оружием, а не аргументами... На чьей стороне больше силы, у того больше шансов для определений реальности», – отмечают Т. Лукман и П. Бергер [3].

Ещё раз обратимся к историческому примеру, демонстрирующему значимость символического капитала власти в становлении национальной идентичности. Он позволяет продемонстрировать успешность использования символического капитала в модернизации провинций Испании в последней трети XX века. «При нехватке внутренних ресурсов, в том числе культурных, например, традиций гражданской самоорганизации, особую роль играют привнесённые культурные символы. В Испании их основополагающим мотивом, как отмечает К. А. Монтанер, стала пророческая

фраза Х. Ортеги-и-Гассета, написанная им ещё в 1910 г.: «Испания – проблема, а Европа – решение». Символическая стратегия помогла новой элите представить изменения как движение к «современному золотому веку, приносящему пышные плоды в Западной Европе» [1].

Сегодня в понятии европейская идентичность тесно переплелись «образ для себя» и «образ для других». Действительно, участники символической борьбы используют уже имеющийся в их распоряжении символический капитал для сохранения или изменения существующего порядка, соответственно сохраняя или меняя схемы его восприятия. Например, «немцы любят своё отечество, уважают традиции, чтут культуру и историю, но многие немцы не считают себя немцами, а скорее европейцами или же – в зависимости от региона, где они проживают, – баварцами или франконцами. Подобный кризис национального единства можно объяснять на основании исторических факторов: позднее объединение немецких княжеств в единое государство, послевоенная денацификация, существование одной нации на два государства и т. д.» [11]. Итогом этой борьбы является становление системы понятий (что и находит отражение в становлении единой системы символов: единая валюта, отсутствие границ и пр.), усвоенных агентами как на сознательном, так и бессознательном уровне. Особенно важно второе, т. к. признание легитимности не всегда является сознательным актом. Необходимо, чтобы сконструированные когнитивные структуры были интериоризированы или, используя терминологию П. Бурдьё, инкорпорированы субъектами-агентами, реализующими социальные практики в форме предзаданных ансамблей диспозиций восприятия.

Таким образом, проблема идентичности сегодня непосредственным образом связана с символическим капиталом власти. Причём, символизм, как уже было отмечено выше, рассматривается как важнейшая, глубоко органичная властная потребность [9], которая воплощает потенциал символизации.

Анализ процессов формирования национальной идентичности с позиции господства определённых интенций в символическом капитале власти («образ для себя» и «образ для других») позволяет увидеть, что технологии конструирования национальной идентичности невозможны без опоры на символы. Как отмечает К. С. Гаджиев, кризис идентичности

является результатом разочарования в господствующих идеалах и ценностях, падения к ним доверия и к существующей власти [7]. Стремление проанализировать ресурс символического капитала власти в процессах формирования национальной идентичности было вызвано, прежде всего, желанием продемонстрировать богатые возможности этой технологии с точки зрения понимания символа как символического инструмента культуры, что позволяет не

просто констатировать, но и понимать происходящие в культуре процессы. Национальная идентичность в современном мире содержит в себе значительный символический заряд, воплощённый в символах, способных воспитывать гордость и чувство принадлежности к определённой территории. Этот фактор имеет решающее значение при реализации государством своих внутри- и внешнеполитических проблем.

Список литературы

1. Абалмасова Н. Е., Паин Э. А. Опора на символы в формировании региональной идентичности // Вестн. Ин-та географии РАН. 2011. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/152/9679.php> (дата обращения: 04.01.2013).
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/index.php (дата обращения: 10.01.2013).
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. URL: <http://socioline.ru/pages/p-berger-t-lukman-sotsialnoe-konstruirovanie-realnosti> (дата обращения: 10.01.2013).
4. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Социологическое пространство П. Бурдьё. URL: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast> (дата обращения: 16.04.2011).
5. Бурдьё П. О символической власти // Бурдьё Пьер. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96. URL: http://www.ec-dejavu.net/p-2/Power_Bourdieu.html (дата обращения: 27.01.2013).
6. Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
7. Гаджиев К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопр. философии. 2011. № 10. С. 3–16. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400 (дата обращения: 15.01.2013).
8. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / пер. с нем. Б. Вимер [и др.]; отв. ред. Л. Т. Мильская. М.: Гардарики, 1998. 779 с.
9. Лангер С. Философия в новом ключе: исследование символики разума, ритуала и искусства / пер. с англ. М.: Республика, 2000. 287 с. URL: <http://ru.philosophy.kiev.ua/library/langer/> (дата обращения: 25.06.2011).
10. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / пер. с англ. Т. Азарковича, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. 408 с.
11. Немецкий вопрос и проблема формирования национальной идентичности. URL: <http://mir-politika.ru/2594-nemeckiy-vopros-i-problema-formirovaniya-nemeckoy-nacionalnoy-identichnosti.html> (дата обращения: 21.01.2013).
12. Уайтхед А. Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск: Водолей, 1999. 64 с.
13. Ширшова И. Основные понятия концепции П. Бурдьё. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_632.htm (дата обращения: 21.01.2013).

References

1. Abalmasova N. E., Pain Je. A. Opора na simvolы v formirovaniі regional'noj identichnosti // Vestn. In-ta geografii RAN. 2011. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/152/9679.php> (data obrashhenija: 04.01.2013).
2. Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostraneniі nacionalizma. M., 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/index.php (data obrashhenija: 10.01.2013).
3. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. URL: <http://socioline.ru/pages/p-berger-t-lukman-sotsialnoe-konstruirovanie-realnosti> (data obrashhenija: 10.01.2013).

4. Burd'e P. Social'noe prostranstvo i simvolicheskaja vlast' // Sociologicheskoe prostranstvo P. Burd'e. URL: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast> (data obrashhenija: 16.04.2011).
5. Burd'e P. O simvolicheskoy vlasti // Burd'e P'er. Sociologija social'nogo prostranstva. M.: In-t jeksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejja, 2007. S. 87–96. URL: http://www.ec-dejavu.net/p-2/Power_Bourdieu.html (data obrashhenija: 27.01.2013).
6. Burd'e P. Duh gosudarstva: genezis i struktura bjurokraticeskogo polja // Sociologija social'nogo prostranstva. M.: In-t jeksperimental'noj sociologii. SPb.: Aletejja, 2007. 288 s.
7. Gadzhiev K. S. Nacional'naja identichnost': konceptual'nyj aspekt // Vopr. filosofii. 2011. № 10. S. 3–16. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400 (data obrashhenija: 15.01.2013).
8. Kassirer Je. Izbrannoe. Opyt o cheloveke / per. s nem. B. Vimer [i dr.]; otv. red. L. T. Mil'skaja. M.: Gardariki, 1998. 779 s.
9. Langer S. Filosofija v novom ključe: issledovanie simvoliki razuma, rituala i iskusstva / per. s angl. M.: Respublika, 2000. 287 s. URL: <http://ru.philosophy.kiev.ua/library/langer/> (data obrashhenija: 25.06.2011).
10. Mamford L. Mif mashiny. Tehnika i razvitie chelovechestva / per. s angl. T. Azarkovicha, B. Skuratova. M.: Logos, 2001. 408 s.
11. Nemeckij vopros i problema formirovanija nacional'noj identichnosti. URL: <http://mir-politika.ru/2594-nemeckiy-vopros-i-problema-formirovaniya-nemeckoy-nacionalnoy-identichnosti.html> (data obrashhenija: 21.01.2013).
12. Uajthed A. N. Simvolizm, ego smysl i vozdejstvie. Tomsk: Vodolej, 1999. 64 s.
13. Shirshova I. Osnovnye ponjatija koncepcii P. Burd'e. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_632.htm (data obrashhenija: 21.01.2013).

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2013 г.

Андрей Иванович Мацына
кандидат философских наук,
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия), e-mail: matsyna@inbox.ru

Классификация концепций метафизики смерти

В статье освещаются результаты классификации танатологических концепций, предпринятой с целью выявления их эвристического потенциала в осмыслении феномена древней погребальной обрядности, соотносящегося с иррациональными представлениями о бессмертии.

В рамках классификации выделено несколько направлений метафизики смерти, различающихся онтогносеологическими особенностями. Научно-оптимистическая иммортология выводит явление смерти из области бытия. Она отрицает наличие «невидимого» посмертного бытия. Естественно-научная танатология даёт осмысление смерти в рамках её материалистической трактовки. Религиозно-пессимистическая танатология характеризует смерть при помощи экзистенциальных категорий «страха» и «трепета» перед приближающимся абсолютным ничто. Указанные концепции неприменимы к осмыслению смерти в её архаическом представлении.

Феноменологический и психоаналитический варианты танатологии реализуют комплексное, системное исследование смерти в ракурсе углублённого понимания социально-культурной, психологической и духовной реальности прошлых эпох.

Религиозно-идеалистическая танатология включает феномен смерти в число сущностных характеристик человека, коренным образом меняя его онтологию. Мистериальный опыт восприятия смерти сближает позиции религиозно-идеалистической и религиозно-эзотерической танатологии. Религиозно-эзотерическая танатология основывается на представлениях о человеке как манифестации Абсолюта и рассматривает феномен смерти в наиболее широком традиционно-культурном диапазоне. Изначальная несовместимость с научными учениями характеризует активно-эволюционную иммортологию и эволюционно-спиритуалистическую танатологию как онтологически несбалансированные попытки реализации интегративного подхода к проблеме смерти. В классификации различимы рационалистическая и нерационалистическая трактовки феномена смерти. Рационалистическая трактовка минимизирует исследовательские возможности и саму проблему жизни-смерти-бессмертия. Эвристически потенциальной для осмысления древней погребальной обрядности представляется нерационалистическая линия, позволившая сформировать интегральную модель архаического восприятия смерти.

Ключевые слова: древняя погребальная обрядность, метафизика смерти, религиозно-эзотерическая танатология.

Andrey Ivanivich Matsyna
Candidate of Philosophy, Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia), e-mail: matsyna@inbox.ru

Classification of the Death Metaphysics Concepts

Studies of ancient funerary rituals lead to the philosophical problem of the opposition of Life and Death. Ancient cultural forms that remove this opposition are based on the specifically irrational and correlate with irrational ideas about the soul and its destination after death. The modern rational mind eliminates these forms. Therefore, there is a need for classification of the thanatological concepts involving the triune problem of life-death-immortality.

The classification is made with emphasis on the death metaphysics aspect. Several different concepts of death metaphysics are distinguished. Scientific-optimistic and active-evolutionary immortality, natural-scientific, religious-pessimistic and evolutionary-spiritualist thanatology are not applicable to the understanding of death in its archaic perception.

Phenomenological and psychoanalytic thanatology implements a systematic study of death from the perspective of an in-depth understanding of the socio-cultural, psychological and spiritual reality of the past eras.

Religious-idealistic and religious-esoteric thanatology examines the phenomenon of death in the broadest of its traditional and cultural range. Both options of thanatology implement a holistic approach to the problem of death. In the classification we can distinguish rationalistic and irrationalistic interpretations of the death phenomenon, of which the irrationalistic one is heuristically the most potential for our study. Based on these concepts, the dynamic model of the archaic perception of death was formed.

Keywords: ancient funerary rituals, metaphysics of death, religious-esoteric thanatology.

Постижение религиозно-мифологической сути древней погребальной обрядности тяготеет к выходу за границы вещеведческих (археологических, этнографических) подходов и построению теоретической основы осмысления, руководствуясь философским подходом. Древняя погребальная обрядность является объективацией иррационального религиозно-мифологического опыта снятия оппозиции Жизни и Смерти, основанного на специфически нерассудочных способах трансцендирования жизни, устраняемых современным рациональным сознанием. Трансцендирование мы определяем как некий акт выхода за границы чувственной реальности. Нерассудочность древних способов трансцендирования реальности заключается в том, что они соотносятся с иррациональными представлениями о душе и направлениях её движения в состоянии посмертия (М. Ф. Косарев). Вполне оправдан вопрос: какая концептуальная основа даёт возможность построения модели архаически-иррационального восприятия смерти? С этих позиций востребована классификация эвристичности (исследовательской и прогностической эффективности) танатологических концепций в решении триединой проблемы «жизни-смерти-бессмертия» (И. В. Вишев) в аспекте метафизики смерти как представлений о бессмертии (В. Ш. Сабилов).

Концепции метафизики смерти классифицированы в частноэсхатологическом ракурсе, переносящем решение проблемы в сферу представлений о посмертии конкретного индивида (в отличие от эсхатологии как учения о конце мира). Это позволяет выявить в составе концепций наличие и онтогносеологическую специфику метафизики смерти как учения о не проявленном посмертном бытии вещи. Термин «метафизика» применяется нами в смысле концепции, соотносящейся с определённым способом трансцендирования жизни. Вследствие этого данное понятие применимо и к научно-философским концепциям, и к концепциям донаучного, некритического, догматического либо философского склада. Мы разбили весь комплекс метафизических концепций смерти на несколько видов.

Иммортологические учения стремятся к выводу смерти из области бытия, полностью устраняя традиционно-архаические формы её метафизики. Этим отличается активно-эволюционная и научно-оптимистическая имморто-

логия. *Активно-эволюционный иммортиализм* (концепции «философии общего дела» Н. Фёдорова, русских анархистов-биокосмистов А. Агиенко, А. Ярославского, П. Иваницкого) обозначает направления активного достижения личного, практического бессмертия. Философия «общего дела» как концептуальный исток сближает эти концепции с учениями В. Соловьёва, Н. А. Бердяева, Н. Богданова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, П. Т. де Шардена, Шри Ауробиндо Гхош. Идея уничтожения смерти как зла базируется на осмыслении эволюционного закона восхождения духа в лоно материи, влекущего природу человека в новое онтологическое качество. Достоинство активно-эволюционного иммортиализма в том, что человек рассматривается как целостный объект космопланетарного масштаба. Однако рассмотрение частно эсхатологических представлений не укладывается в рамки данных концепций.

Научно-оптимистическая иммортология (И. В. Вишев, М. В. Соловьёв, Л. Е. Балашов и др.) рационалистически относится к смерти как концу личностного бытия, с наступлением которого для существа «всё завершается». Альтернативное религиозно-идеалистическим надеждам на трансцендентное индивидуальное посмертное бытие [7, с. 18], это направление впервые вводит в философскую практику понятие «человек бессмертный» и определяет проблему «жизни-смерти-бессмертия» как триединую. В этом триединстве с акцентом на последней составляющей, по мнению иммортологов, она получает подлинную завершённость и оптимистичность рассмотрения [7, с. 26–27]. Рационалистическое русло научно-оптимистической иммортологии исключает из рассмотрения частноэсхатологическую проблематику: отклоняется идея «не проявленного существования», обсуждение проблем метафизики смерти, «послесмертия», бессмертия духа, связанных с категорией абсолютного бессмертия.

Проблемы архаически-нерассудочных форм постижения целостности и неделимости Вселенной не только не попадают под рассмотрение иммортологии, но и оцениваются ими как форма «мнимого воскрешения» и «самый страшный враг» бессмертия [28, с. 166].

Понятие «танатос», играющее существенную роль в психоаналитических концепциях (В. Штекель, З. Фрейд, С. Шпильрейн), выражает символическое отражение стремле-

ния к смерти в сновидениях, фантазиях и любых проявлениях тревожности как результат подавления жизненного инстинкта. В отличие от иммортализма, танатологи не стремятся к выводу феномена смерти за рамки бытия. В понятие смерти как конца жизни нередко вкладывается смысл отрицания жизни как высшей ценности, а значение философской танатологии часто усматривается в том, чтобы помочь человеку обрести достоинство перед лицом смерти. *Естественно-научные танатологические подходы* к проблемам умирания и смерти, сопряжённые с учением И. П. Бахметьева об анабиозе, как грани между жизнью и смертью, отвергают метафизику смерти в силу традиционной научно-материалистической трактовки явления смерти. *Религиозно-пессимистическую танатологию* формируют концепции, связанные с протестантской традицией (М. Лютер, Ж. Кальвин, Ф. Шлейермахер, С. Кьеркегор, Д. Бонхёффер, В. Панненберг). Рассудочный подход протестантизма исключает проблему посмертия из сферы научного познания [10, с. 49–50], отвергает и традиционно-средневековое субстанциальное представление о душе, и метафизические дискуссии по поводу её онтологии и природы. Реализуется прежде всего практическая проблема личного спасения путём веры и напряжённого вслушивания в глубины своего «я». В целом, религиозно-пессимистическая танатология является трансценденцией социально-изменной человеческой экзистенции в пространство «страха и трепета» приближающегося Ничто абсолютной смерти.

Вышеназванные концепции объединяются общим отсутствием понятийного аппарата и целевой установки для изучения древних частноэсхатологических представлений. Но не исключают общей танатологической возможности системного осмысления архаических аспектов метафизики смерти. *Феноменологическая танатология* (реалистический подход к проблеме бессмертия И. Т. Фролова, танатология С. Рязанцева, панорамное исследование феномена смерти А. П. Лаврина, феноменологические исследования Д. Б. Демидова) выступает основным оппонентом научно-оптимистической иммортологии в решении частноэсхатологической проблемы средствами диалектико-материалистического подхода. Феноменологическая танатология трактует смерть как феномен, равноценный жизни, предпринимая её комплексное, системное исследование. При

этом исследования выходят за естественно-научные и медицинские рамки, считая необходимым изучать установки людей в их отношении к смерти, вопросы восприятия смерти, связей между живыми и мёртвыми, углубляя понимание духовной реальности минувших эпох [25]. Реалистический подход И. Т. Фролова принимает проблему смерти как органическую часть жизни личности, отвергая непродуктивное стремление квалифицировать инаковые пути интерпретации смерти как безудержную фантазию. Обоснованным видится стремление исследователей этого направления к междисциплинарному панорамному [18] исследованию феномена смерти. Танатологи данного склада вплотную притягивают концепции, выросшие на материале западных направлений танатологии и «психологии глубин».

Психоаналитическая танатология

(В. Штекель, З. Фрейд, С. Шпильрейн, К. Г. Юнг, К. Кереньи, Ф. Мерелл-Вольф, Р. Моуди, П. Калиновский, А. Форд, Э. Кюблер-Росс, С. и К. Гроф, Д. Хэлифакс и др.) обобщает исследования клинической смерти и сопровождающих ее изменённых состояний сознания. Этот класс концепций апеллирует к бессознательному как совокупности психических процессов, операций и состояний, не представленных явным образом в сознании субъекта. Считается, что изменённые состояния сознания воспроизводят глубинный архаический пласт последнего, а деятельность бессознательного активизируется в состоянии сна [30]. С активизацией бессознательного связывается (это представляется неясным) возможность изучения основной природы обычной смерти [21]. Из изучения состояния клинической смерти делается вывод о личном посмертном существовании, о возможности введения человеческой психики в регрессивные состояния, подтверждающие теорию реинкарнации [22]. Онто-гносеологически сходные концепции Р. Моуди и П. Калиновского подвергнуты критике представителями как философско-научных [1; 7], так и религиозно-философских кругов [5; 24]. Суть этой критики можно свести к утверждению об онтологическом несоответствии формы и содержания данных концепций, когда речь идёт не о попытке изменения структуры религиозной веры, а об отказе «от одной веры в пользу другой» [7, с. 123] – идеологии реинкарнации. Не вполне согласуются результаты регрессивной терапии Р. Моуди и с психоделическими

исследованиями (С. и К. Гроф., Д. Хэлифакс, Э. Кюблер-Росс и др.). В ходе сеансов психоделической терапии не находят подтверждения тезис о реинкарнационной окраске переживаний пациентов [8; 9].

Однако, и регрессивный метод, и психоделическая терапия, и исследования коллективного бессознательного (К. Г. Юнг) вскрывают фундаментальные закономерности функционирования человеческой психики. Они соотносятся с результатами «визионерского» (прямое вхождение в культурно-этнографический контекст) направления западной антропологии (К. Кастанеда, Ф. Доннер, Т. Абеляр и др.). Глубоко проникая в психологию смерти, психоаналитическая танатология ориентирует на постижение частной эсхатологии в ракурсе эзотерического и мистического опыта.

Религиозно-идеалистическая танатология включает феномен смерти в число сущностных характеристик человека (И. Брянчанинов, К. Х. Клемен, П. Флоренский, С. Роуз, А. Кураев, П. Неллас и др.), коренным образом меняя онтологию человеческого существа. Естественная смерть мыслится как разрыв в искажённом, «замутнённом» человеческой жизнью облике бытия [23, с. 110–111]. Трансцендентно утверждённое состояние смерти предназначено к снятию «неистинности» бытия путём праведного выживания в смерти – для нового обретения полноты бытия (*метафизика перехода*).

Иное понимание смерти в рамках этого направления даёт концепция инаковости смерти в сравнении с жизнью [15], когда смерть может трактоваться как начало отличного от жизни бытия (*метафизика двоичности бытия*). В метафизике двоичности бытия смерть есть следствие невидимых (на уровне феноменологии жизни) и лишь теоретически выстраиваемых сил. Моделью служит религиозно-мифологическая область трансцендентного знания о смерти. Данная исследовательская установка ориентирована на обобщённое исследование религиозно-метафизической области знания.

Религиозно-идеалистическая танатология фиксирует онто-гносеологическое различие трансцендентального и трансцендентного осмысления смерти. Принципиально разделяя опыт реальной и клинической смерти, религиозная метафизика оценивает «посмертие» спиритистской и психоаналитической танатологии как опыт тонко-телесного, душевного состояния субъекта в чувственно неосязаемой

трансцендентальной области нашего пространственно-временного континуума [6; 24; 26]. В целом религиозно-идеалистическая танатология гносеологически дуалистична и соотносит посмертие с духовно-изолированной сферой абсолютного (*метафизика инобытия*). В этом отношении крайне интересен религиозно-философский взгляд на мистериальный [27, с. 143–145; 17] опыт смерти, сближающий её с эзотерической танатологией.

Эволюционно-спиритуалистическая танатология пытается снять противоречие между научно-рационалистическим понятием смерти как естественного конца существования белкового тела и религиозно-идеалистическими учениями, включающими в свой состав учения о душе на путях прогрессизма (эволюционизма) и спиритуализма (трансцендентализма). Основываясь на ранней мистической волне (Э. Леви, Э. Сведенборгом), это движение мысли в XIX – н. XX вв. приводит к формированию течений неоспиритуализма (А. Кардек, Л. Дени), восточного, теософского (Е. Блаватская, А. Безант, Е. Рерих [4], В. Клизовский и др.) и западного, оккультного, (Р. Штайнер, М. Гурджиев, Д. Форчун и др.) направлений.

Онтологической особенностью спиритизма является стремление редуцировать понятие духовности к трансцендентальной области – уровню сверхчувственной материальности. При этом понятие трансцендентности профанируется, последовательно упрощая весь комплекс сущностных связей и характеристик области абсолютного. Это сводит на нет аутентичный смысл донаучной метафизики смерти, а решение частноэсхатологической проблематики приобретает вид иммортализма ноосферного типа. Этот онтологический перекокс современных теософско-оккультных концепций отражается в подмене принципа синтеза науки, философии и религии (Е. П. Блаватская) на реализацию необоснованной синкретики и профанации донаучных форм метафизики смерти. Этот синкретизм показательно присутствует в идеологии реинкарнизма, который, как онтологически несбалансированную эволюционно-спиритуалистскую модель метафизики смерти следует отделять от традиционной модели реинкарнации.

Тезис о реинкарнации, трансмутации и пермутации (перевоплощения душ) является основополагающим для теософского и антропософского учений, согласно которым все

люди – «искры» одного источника жизни и не единожды в него возвращаются. Комплекс подобных архаических представлений о смерти философски осмысливается широким спектром танатологических концепций. Это и теософия (Е. П. Блаватская, А. Безант, Е. Рерих и др.), и антропософия (Р. Штайнер и др.), и интегральный традиционализм (Р. Генон, Ю. Эвола, М. Элиаде и др.), и теология (П. Флоренский, К. Клемен, А. Кураев и др.), и психоаналитика (К. Г. Юнг и постюнгианцы), и современные религиозно-эзотерические концепции (Д. Бейнс, Д. Мелхиседек, Ю. Мамлеев, А. Дугин и др.). Но психология реинкарнизма не является определяющей для всего их состава и требует отдельного анализа, выходящего за рамки настоящего исследования.

Религиозно-эзотерическая танатология представлена концепциями исследователей и сторонников эзотеризма (Р. Генон, М. Гендель, Г. О. Мёбес, Ю. Эвола, М. Элиаде, Ю. Мисима, К. Кастанеда, Д. Бейнс, Д. Мелхиседек, Ю. Мамлеев, А. Дугин, М. Лайтман и др.). Данный подход реанимирует холистски-целостное отношение к проблеме смерти. Исследователи отмечают изменение современных научных установок, которые, в отличие от классических, не абсолютизируют смерть тела, поскольку оно не изолировано, а связано с вселенной [2, с. 234]. Смерть оценивается как рождение в области, отличной от физической [3], мгновение в потоке сознания при переходе на другой план существования [2, с. 224], ступень к бессмертию через сознание [20].

Религиозно-эзотерический традиционализм (Р. Генон, А. Дугин, Е. Головин, Ю. Мамлеев и др.) основывается на представлениях о человеке как манифестации («проявлении»), в которой смерть является переломной точкой, знаменующей начало возвратного движения проявленного материального тела от материальности к духовным структурам Абсолютного бытия. Увязывание смерти с деманифестацией Абсолюта является основой для разработки концепций вечного возвращения, космического обновления [16, с. 159–184], мистериальности священного года [16, с. 177–208], онтологии смерти как онтологии Воскресения, точки преодоления разрыва годового цикла [11; 12]. Это соотносится с выводами об основополагающем значении новогоднего праздника в индоевропейском [14] и более позднем – скифском [29, с. 187–191] мифе и ритуале.

Базируясь на материалистической трактовке смерти, феноменологические и психоаналитические концепции переносят внимание на её культурологические и психологические измерения. Приближаясь к понятию духовного бессмертия, они не оперируют им, не выявляют его онтологические основания, структуру и роль этого понятия в общей картине культуры, за исключением социально-психологического аспекта. Психоаналитическая танатология создаёт глубокую умозрительную психологию смерти, отставляя в значительной мере без внимания «некритический» материал донаучной метафизики смерти. Это пытается преодолеть «визионерская» антропология, стремление которой к непосредственным контактам с исследуемым объектом так же усекает эвристику исследований. Причиной этого является тезис об отождествлении душевной и духовной деятельности с работой мозга, с сознанием.

К. Г. Юнг принимал расширенный тезис о коллективном бессознательном, связывая его с «потусторонним» душевным миром, постулируя «бездонность» исследуемых процессов, расширяя границы теоретического исследования донаучной метафизики смерти. Интегральный традиционализм Р. Генона осуществляет решительный шаг в этом направлении, постулируя наличие идеальной гносеологической цели в виде концепции изначальной традиции (*Traditiae Primordiale*). Это соотносится с концепцией Мономифа [13, с. 3–17], значительно расширяя эвристику и давая возможность создания интегральной модели, включающей и современные, и архаические варианты метафизики смерти.

Установка Р. Генона ориентирует не на оккультизм и синкретизм, а на эзотеризм, интеграцию и синтез. Характерное для интегрального традиционализма представление об эзотерическом ядре духовной традиции обуславливает осторожное отношение к любым неортодоксальным и модным интеллектуальным течениям. Полноценной эзотерической традицией является манифестационистская, архаическая подоплёка в живых религиозно-креационистских духовных традициях – мистические течения каббалы, суфизма, герметизма [12, с. 226]. Это обуславливает специфическое понимание мифологических реалий.

Таким образом, онтологизация смерти религиозно-идеалистической танатологией смещает к осмыслению её как одновременно-

го окончания бытия и начала инобытия вещи (метафизика двоичности бытия); трансцендентно утверждённого состояния достижения полноты бытия (метафизика перехода); следствия выстраиваемых теоретически сил (метафизика инобытия). Наличие (вариантов) метафизики перехода и инобытия сближает религиозно-идеалистическую танатологию с религиозно-эзотерической, исследующей метафизику смерти как переход и инобытие в наиболее широком традиционно-культурном диапазоне. Однако, контекстуально-смысловой конфликт с современностью осложняет философскую ретрансляцию и интеграцию теоретических положений последней. Онтологически несбалансированные попытки снятия этого конфликта активно-эволюционной им-мортологией и эволюционно-спиритуалисти-

ческой танатологией профанизируют аутентичную область донаучной метафизики смерти. В нашей классификации легко различимы *рационалистическая* и *нерационалистическая* трактовки феномена смерти. Рационалистическая трактовка минимизирует исследовательские возможности и саму проблему жизни-смерти-бессмертия. Нерационалистическая постановка проблемы, представленная религиозно-идеалистическим и религиозно-эзотерическим направлениями, оказалась эвристически наиболее потенциальной для нашего исследования. На основе нерационалистических трактовок и их традиционных религиозно-мифологических оснований сформирована *метафизика Преодоления* [19] – интегральная динамическая модель архаического восприятия феномена смерти.

Список литературы

1. Амосов Н. М. В загробную жизнь не верю // Комсомольская правда. 22 марта 2003.
2. АУМ. Синтез мистических учений запада и востока. Т. 1–3. М., 1990. Т. 1. С. 234, 267, 322, 336. Т. 1. С. 234.
3. Бейнс Д. Тайная наука физического и духовного преобразования человека. Дубна, 1994. 192 с.
4. Бернюкевич Т. В. О рецепции буддийских идей в философии России конца XIX – первой половины XX вв. // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 153–163.
5. Борисов С. Б. Символы смерти в русской ментальности // Социс. 1995. № 2. С. 58–63.
6. Брянчанинов И. Слово о смерти. М., 1991. 320 с.
7. Вишев И. В. На пути к практическому бессмертию. М., 2002. 324 с.
8. Гроф С., Хэлифакс Д. Человек перед лицом смерти. М., 1996. 244 с.
9. Гроф С. Области человеческого бессознательного. М., 1994. 278 с.
10. Демидов Д. Б. Феномены человеческого бытия. Минск, 1999. 180 с.
11. Дугин А. Г. Абсолютная Родина. М., 1999. 752 с.
12. Дугин А. Г. Философия традиции. М., 2002. 624 с.
13. Зубко Г. В. Миф как составная часть общечеловеческого духовного фонда // Вестн. Московского ун-та // Востоковедение. 2001. Сер. 13. № 3. С. 3–17.
14. Кёйпер Ф. Б. Я Труды по ведийской мифологии. М., 1986. 196 с.
15. Клемен К. Жизнь мёртвых в религиях человечества. М., 2002. 224 с.
16. Конец Света (эсхатология и традиция). М., 1997. 408 с.
17. Кураев А. Раннее христианство и переселение душ / предисл. В. К. Шохина. М., 1996. 188 с.
18. Лаврин А. П. Хроники Харона. М., 1993. 511 с.
19. Мацына А. И. Смерть как онтологическая категория. (Метафизика смерти): дис. ... канд. филос. наук. Челябинск, 2006. 150 с.
20. Мелхиседек Д. Древняя Тайна Цветка Жизни. Киев, 2000. Т. 1.
21. Мерелл-Вольф Ф. Пути в иные измерения. Киев, 1993. 384 с.
22. Моуди Р. Жизнь до жизни. Жизнь после жизни. Киев, 1994. 352 с.
23. Неллас П. «Кожаные ризы» // Человек. 2000. № 5. С. 99–111; № 6. С. 76–95, 110–111.
24. Роуз С. Душа после смерти. М., 1992. 240 с.
25. Рязанцев С. Танатология – наука о смерти. СПб., 1994. 384 с.
26. Сороковиков А. Победа над последним врагом. М., 2003. 110 с.
27. Тибетская книга мёртвых. М., 1995. 224 с.

28. Фёдоров Н. Ф. Из материалов к третьему тому «Философия общего дела» // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 126–183, 166.
29. Шишло Б. «Народы Севера» Геродота и скифские ритуалы // Степи Евразии в древности и Средневековье. СПб., 2003. С. 187–191.
30. Юнг К. Г. Психология бессознательного. М., 1996. 317 с.

References

1. Amosov N. M. V zagrobnuju zhizn' ne verju // Komsomol'skaja pravda. 22 marta 2003.
2. AUM. Sintez misticheskikh uchenij zapada i vostoka. T. 1–3. M., 1990. T. 1. S. 234, 267, 322, 336. T. 1. С. 234.
3. Bejns D. Tajnaja nauka fizicheskogo i duhovnogo preobrazovanija cheloveka. Dubna, 1994. 192 s.
4. Bernjukevich T. V. O recepcii buddijskikh v filosofii Rossii konca XIX – pervoj poloviny XX vv. // Voprosy filosofii. 2011. № 4. S. 153–163.
5. Borisov S. B. Simvoly smerti v russoj mental'nosti // Socis. 1995. № 2. S. 58–63.
6. Brjanchaninov I. Slovo o smerti. M., 1991. 320 s.
7. Vishev I. V. Na puti k prakticheskomu bessmertiju. M., 2002. 324 s.
8. Grof S., Hjelifaks D. Chelovek pered licom smerti. M., 1996. 244 s.
9. Grof S. Oblasti chelovecheskogo bessoznatel'nogo. M., 1994. 278 s.
10. Demidov D. B. Fenomeny chelovecheskogo bytija. Minsk, 1999. 180 s.
11. Dugin A. G. Absoljutnaja Rodina. M., 1999. 752 s.
12. Dugin A. G. Filosofija tradicii. M., 2002. 624 s.
13. Zubko G. V. Mif kak sostavnaja chast' obshhechelovecheskogo duhovnogo fonda // Vestn. Moskovskogo un-ta // Vostokovedenie. 2001. Ser. 13. № 3. S. 3–17.
14. Kjojper F. B. Ja Trudy po vedijskoj mifologii. M., 1986. 196 s.
15. Klemen K. Zhizn' mjortvyh v religijah chelovechestva. M., 2002. 224 s.
16. Konec Sveta (jeshatologija i tradicija). M., 1997. 408 s.
17. Kuraev A. Rannee hristianstvo i pereselenie dush / predisl. V. K. Shohina. M., 1996. 188 s.
18. Lavrin A. P. Hroniki Harona. M., 1993. 511 s.
19. Macyna A. I. Smert' kak ontologicheskaja kategorija. (Metafizika smerti): dis. ... kand. filos. nauk. Cheljabinsk, 2006. 150 s.
20. Melhisedek D. Drevnjaja Tajna Cvetka Zhizni. Kiev, 2000. T. 1.
21. Merell-Vol'f F. Puti v inye izmerenija. Kiev, 1993. 384 c.
22. Moudi R. Zhizn' do zhizni. Zhizn' posle zhizni. Kiev, 1994. 352 s.
23. Nellas P. «Kozhanye rizy» // Chelovek. 2000. № 5. S. 99–111; № 6. S. 76–95, 110–111.
24. Rouz S. Dusha posle smerti. M., 1992. 240 s.
25. Rjazancev S. Tanatologija – nauka o smerti. SPb., 1994. 384 s.
26. Sorokovikov A. Pobeda nad poslednim vragom. M., 2003. 110 s.
27. Tibetskaja kniga mjortvyh. M., 1995. 224 s.
28. Fjodorov N. F. Iz materialov k tret'emu tomu «Filosofija obshhego dela» // Voprosy filosofii. 1993. № 1. С. 126–183, 166.
29. Shishlo B. «Narody Severa» Gerodota i skifskie ritualy // Stepi Evrazii v drevnosti i Srednevekov'e. SPb., 2003. S. 187–191.
30. Jung K. G. Psihologija bessoznatel'nogo. M., 1996. 317 с.

Статья поступила в редакцию 11 мая 2013 г.

Валентина Сергеевна Морозова
кандидат философских наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: morozova1550@mail.ru

Потенциал региональных культур Забайкальского края РФ и Северо-Восточного региона КНР как ресурс соразвития приграничных территорий¹

Статья затрагивает вопросы приграничного сотрудничества РФ-КНР в условиях межкультурного взаимодействия. В работе представлена специфика процесса соразвития приграничных территорий РФ-КНР в контексте использования потенциала их региональных культур. Автор предлагает осмысление приграничья не только как транзитной территории, но как места встречи и взаимодействия двух цивилизаций. Выявлена сущность и специфика потенциала культурных ресурсов Забайкальского края РФ и Северо-Восточного региона КНР, факторы их формирования. На основе социокультурного подхода предложен вариант описания культурно-цивилизационного потенциала приграничных территорий РФ-КНР как самобытного социокультурного феномена. Автор, исследовав процессы взаимодействия региональных культур приграничных регионов РФ-КНР, обращает внимание на культурный потенциал региона как важный фактор формирования нового уровня соразвития России и Китая в социокультурном пространстве приграничья. Использование методов компаративистики и герменевтики позволило проанализировать работы как отечественных, так и зарубежных авторов, что наряду с результатами полевых исследований сделало возможным оценить положительную динамику процессов соразвития российско-китайского приграничья и векторов её дальнейшего развития.

Ключевые слова: региональная культура, ресурсный потенциал, социокультурное пространство приграничья РФ-КНР, соразвитие.

Valentina Sergeevna Morozova
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: morozova1550@mail.ru

Regional Cultures Potential of Zabaikalsky Krai (Russia) and Dongbei (China) as a Resource for Border Areas Co-development

The article deals with the issues of Russia-China cross-border cooperation in conditions of intercultural interaction. The paper presents the specificity of Russia-China border areas co-development in the context of regional culture capacity usage. The author offers the interpretation of the borderland not only as a transit area, but as a place of meeting and interaction between the two civilizations. The author also detected the essence, the specificity and the potential of Zabaikalsky krai (Russia) and Dongbei (China) cultural resources and identified the factors of their formation. Based on sociocultural approach, it is possible to offer the option of describing culture-civilization potential of Russia-China border regions as a distinctive sociocultural phenomenon. The author investigated the interactions of Russia-China border areas regional cultures and paid attention to the cultural regional potential as an important factor in the formation process of a new Russia-China co-development level in the sociocultural space of the borderland. The use of comparative studies and hermeneutics allowed us to analyze authentic sources, which coupled with reliance on the results of field studies made it possible to assess the positive dynamics of Russia-China border areas co-development processes and the vectors of its further development.

Keywords: regional culture, resource potential, socio-cultural space of Russia-China border areas, co-development.

¹Статья подготовлена в рамках научного исследования, поддержанного Советом по грантам Президента РФ МК-3689.2013.6, а также при финансовой поддержке государства в лице Министерства образования и науки РФ.

Культурно-цивилизационные особенности регионального варианта национальных культур в современных условиях межкультурного взаимодействия становятся всё более привлекательным ресурсом в плане территориального развития. В этой связи, использование потенциала региональных культур России и Китая может быть рассмотрено как ресурс со-развития их приграничных территорий. Необходимо отказаться от мысли, что приграничные регионы выполняют лишь роль транзитных территорий. Реализация стратегии соразвития РФ и КНР способна вывести межрегиональные отношения двух стран на новый уровень, который расставит приоритеты, имеющие долгосрочный характер, ориентированный на соразвитие приграничных регионов обеих стран.

В этом контексте должен учитываться не только экономический потенциал территорий, но и специфика ресурсов их региональных культур как уникальная система культурного своеобразия конкретной территории, сложившейся под воздействием ряда факторов, главными из которых принято считать культурно-исторический и социально-политический. Взаимодействие приграничных территорий РФ-КНР формирует так называемое «культурное приграничье», структурируемое приграничными социокультурными сетями, где взаимообуславливающую роль играют региональные культуры контактирующих территорий. Это сложное взаимодействие соседствующих культур предполагает их соразвитие путём наполнения каждой новыми свойствами [1, с. 189].

Особое геополитическое положение Забайкальского края РФ и Северо-Восточного региона КНР позволяет говорить о специфическом характере взаимодействия региональных культур в социокультурном пространстве приграничья, представленного, прежде всего, как пространство, формирующееся не только общностью совместного исторического компонента, обладания обширными природными богатствами, но и сходными условиями для соразвития [2, с. 256]. Это пространство, насыщенное разнообразными типами и формами культурных практик, в результате которых создаётся сам феномен культуры региона, выражающийся и в этнокультурном ландшафте территорий, и в более объёмном региональном культурном пространстве, которое специфицируется вертикальной (культура составляющих частей региона) и горизонтальной (этноконфессиональная практика) структурой.

В регионе Дунбэй 东北 (аутентичное название территории Северо-Востока КНР) традиционно проживает большое количество национальных меньшинств, которые принадлежат к разным группам народов: монгольской, алтайской, тунгусо-маньчжурской. Данные народы на момент образования Китайской Народной Республики находились на разных стадиях политического, экономического, социального и культурного развития. Это не могло не сказаться на особенностях формирования внутренней системы региональной культуры рассматриваемой территории. Так, например, эвенки и ороконы вели полукочевой образ жизни и сохраняли элементы родоплеменной организации, а самый многочисленный народ Дунбэя – маньчжуры, имели опыт собственной государственности (империя Цин) [8, с. 149].

Сегодня в этом регионе насчитывается более 10 млн чел., не относящихся к государственнообразующему этносу Китая – 汉族 (ханьцзу). Эта полиэтничность детерминирует особенности региональной культуры рассматриваемой территории и выступает главным фактором осуществления национального политического курса по сохранению и защите традиционной культуры коренных народов китайского приграничья.

Конец XX века отмечен большим прорывом в разных областях жизнедеятельности населения Северо-Востока Китая. В частности стремительное развитие получила социокультурная и экономическая составляющая. Однако процесс этот далёк от завершения, и сегодня культурное строительство этой территории сохраняет особенности мозаики своей традиционной культуры, находясь в процессе непрерывных изменений. Сохранение культурного наследия региона, выражающегося в соединении традиций коренного населения и т. н. «культуры чернозёма» – важная стратегическая цель руководства страны. Данная модель широко освещается в средствах массовой информации (СМИ) приграничных регионов Китая с тем, чтобы на примере Дунбэя в других приграничных регионах Китая поддерживались традиции региональной культуры. Лишь в этом случае будет сохранён культурный потенциал, который не только займёт важное место в процессах межкультурного взаимодействия и сотрудничества с приграничными территориями России, но и в будущем станет прочным фундаментом для новых путей соразвития приграничных территорий РФ-КНР.

Ещё одной специфической чертой культуры региона Дунбэй стало смешение отдельных черт культуры кочевников северных окраин страны и традиционной аграрной культуры Великой китайской равнины. В соответствии с делением на культурные зоны, Северо-Восток принадлежит к культурному району «ху», объединившему рыболовную, охотничью, кочевническую и аграрную культуры. Именно на основе данных культурных систем было сформировано то культурное пространство современного Дунбэя, которое мы рассматриваем сегодня.

Кроме этого, Северо-Восток Китая имеет специфическую культурную характеристику, выраженную высокой степенью трансляции и закрепления элементов русской культуры. В подтверждение этому факту укажем на наличие вдоль границы так называемых «русских деревень». Этот феномен «островков» жизни русского населения и сейчас представлен, например, национальной волостью Шивей – местом компактного проживания русских. Это позволяет утверждать, что потомки русского населения в социокультурном пространстве китайского приграничья и сейчас связывают свою жизнь с традициями русской культуры.

Что касается архитектурных строений Северо-Востока – многие крупные города этого региона впитали в себя русские культурные черты. Так, строительство города Харбин (административного центра провинции Хэйлуцзян) было инициировано в 1898 г. Именно в это время началось и строительство Китайско-Восточной железной дороги. На протяжении длительного времени Харбин имел синоним «русского города» в Китае. И сегодня в его центральной части сохранились такие значимые постройки, как Софийский собор (недействующий храм Харбинской и Маньчжурской епархии Китайской православной церкви), здание бывшего универмага купца Чурина. Также можно говорить и о трепетном сохранении русского квартала – квартала русских эмигрантов, и о возвращении в конце XX века названия улицы Гоголя и т. д.

Культурно-цивилизационный потенциал Северо-Востока Китая предстаёт как гармоничное сочетание культурных ресурсов его составляющих. Поэтому его современное осмысление невозможно без описания их характеристик, представляемых как система «приграничного пояса открытости», где наиболее

важными компонентами выступают культурные особенности провинции Хэйлуцзян и Автономного района Внутренняя Монголия.

Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ). Строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) предопределило распространение русского языка и других элементов русской культуры в культурном пространстве данной территории. Несомненно, проживание здесь русского населения способствовало трансляции и закреплению русской культуры на приграничных территориях и далее их отражению не только в материальной, но и духовной системе ценностей жителей Дунбэя.

В процессе современного развития АРВМ важное место отводится и культурному строительству с целью развития сферы региональной культуры на основе сохранения наследия культуры степи. Китайские исследователи считают, что этнокультурные ресурсы АРВМ – это «культурный капитал» для развития национального региона в целом [7, с. 28].

Остановимся подробнее на городе Маньчжоули – наиболее значимом городе АРВМ, который по праву получил статус «цивилизационного порта общегосударственной важности». Его культурная специфика исторически связана с Россией. Она являет собой феномен региональной культуры как соединение традиционной культуры ценностей приграничного населения Китая и отдельных элементов русской культуры (как материальной, так и духовной). Историческая практика показывает, что процессы культурной диффузии, повлекшие за собой трансляцию и закрепление образцов русской культуры в социокультурном пространстве китайского приграничья, проходили в целом безболезненно как для России, так и для Китая. Поэтому можно сказать, что элементы соразвития приграничных территорий исторически уже имели место быть в социокультурной практике двух стран.

Выделяются два уровня проявлений вышеуказанных процессов:

- видимый (историческое и культурное богатство коренных народов, проявляющееся взаимозакреплением их ценностных ориентаций);

- невидимый (специфика становления культуры степи, отражающаяся традиционным складом ума, устойчивостью стереотипов национального поведения) [7, с. 4].

Культурно-историческая география региона способствовала формированию её приграничной континентальной природы и сформировала данную территорию как место трансляции и результативного закрепления отдельных элементов культуры России.

Провинция Хэйлунцзян. Приграничные регионы РФ-КНР обладают не только выгодным геополитическим положением, но и удобно соединяются между собой разными видами транспорта (железнодорожного, воздушного, автомобильного). В этом смысле провинция Хэйлунцзян характеризуется как одна из самых доступных в сфере приграничного туризма между Россией и Китаем.

Наличие уникальных особенностей этнокультурного ландшафта данной территории позволяет говорить и о большом его ресурсном потенциале. Вдоль границы сосредоточено большое количество культурно-исторических и природных объектов (древние Айгунские поселения, топографический музей Амура). Они демонстрируют не только элементы духовной культуры, но и те культурные черты, которые зафиксированы древней простотой русских деревень, обширными природными пастбищами и возможностями экотуризма по китайскому приграничью. Природная граница между двумя государствами сохранила уникальность национальных обычаев, искусства и культуры, особенностей кухни (употребление в пищу преимущественно растительных компонентов), религиозных верований. Национальные меньшинства, проживающие здесь (дауры, хэчжэ), заняты традиционными промыслами и ремёслами, охотой. Такие локальные особенности образа жизнедеятельности приграничного населения создают огромный потенциал для развития туристических сфер России и Китая.

Сохранение функционирования «живого тела региональной культуры» осуществляется сегодня в процессе реализации культурной политики КНР в отношении приграничных территорий. Власти рассматривают её не как статическое сохранение уникальности культуры, но как динамику культурных ценностей, носителями которых выступает приграничное население. В этом ключе начинает развиваться и современное стратегическое культурное партнёрство двух стран, в результате которого каждый народ заимствует лучшее из соседней культуры. Поэтому процессы культурной диффузии – это не только жизненная сила как

свойство самой культуры, но и средство взаимопроникновения и закрепления. В этой связи очень важен дальнейший поиск точек соприкосновения [3, с. 35–38] двух региональных культур – Забайкальского края РФ и региона Дунбэй КНР.

Сегодня ключевая роль во взаимодействии Забайкальского края РФ с приграничными территориями КНР связывается с перспективной реализацией планов развития Дальнего Востока и Сибири РФ, а также с учётом тех идей и концепций, которые заложены в программе развития провинций Северо-Восточного региона КНР, Автономного района Внутренней Монголии и Синьцзяна. В ходе визита в Москву Председателя КНР Ху Цзиньтао акцент был сделан на поиске взаимовыгодных и эффективных способов взаимодополняемости стратегий соразвития приграничных регионов РФ-КНР. Данная мысль также была зафиксирована в Совместном российско-китайском отчёте по итогам визита в июне 2009 г. При успешном претворении в жизнь данных идей и концепций результаты будут способствовать интересам народов двух стран, что позволит не только укрепить их дружбу, но и послужит стимулом к дальнейшему взаимовыгодному сотрудничеству в российско-китайском приграничье, а это в свою очередь повысит уровень взаимодействия в разных сферах и приведёт к совершенствованию форм взаимовыгодного партнёрства.

Характеризуя *культурный потенциал Забайкальского края*, можно определить уровень его конкурентной значимости, в основе которого лежит определение степени уникальности конкретного вида ресурса, в нашем случае – культурного [8, с. 157]. Типологически мы можем отнести ресурсы региональной культуры Забайкальского края ко второму уровню конкурентоспособности, при котором край рассматривается как регион, обладающий культурным потенциалом, уникальным для нашей страны.

Сегодня Забайкальский край славится своей толерантностью и поликонфессиональностью. Как отмечает краевед А. В. Жуков, «это и место проникновения буддизма в Россию (самые ранние сведения о нём относятся к 1252 г.), и место проживания старообрядцев (семейских), большой пласт казачьей православной культуры и интересные для исследования центры Иудаизма и Ислама [5]».

Анализ региональных культурных ресурсов Забайкальского края доказывает наличие большого объема уникальных культурных ресурсов и позволяет выделить его наиболее важные стороны:

– укоренённость культурных традиций населения приграничного региона;

– специфичное толерантное взаимодействие и взаимовлияние этнических культур края, обеспечивающее этноконсолидацию и интеграцию;

– высокая активность представителей регионального сообщества в формировании системы культуры, возможность использования опыта сохранения и форм трансляции культурных ценностей региона.

Наиглавнейшим качеством культурных ресурсов Забайкальского края становится так называемый этнокультурный полилог, представляющий собой многонациональный этнический состав региона, в котором преобладают такие народности, как буряты, русские, татары, украинцы, белорусы, армяне. Однако в настоящее время этнокультурный ландшафт приграничья, опосредованный культурами этих народностей, преобразуется. Вместе с традиционными формами культур населяющих территорию этносов можно стать свидетелем и новых форм, нацеленных на активизацию экономической составляющей приграничных регионов. Таким образом, региональная культура в приграничном социокультурном пространстве является таким же ресурсом, как газ, нефть, золото. Однако она вынуждена быть ориентированной не только на сохранение своей самобытности, но и становиться тем ресурсом, с помощью которого возможно сораствление приграничных территорий РФ-КНР, что в свою очередь открывает новые возможности и для сораствления взаимодействующих культур.

В частности, претворяется в жизнь Градообразующий социокультурный проект: «Туристический историко-этнографический комплекс «Чингисхан – Чита»» (музей под открытым небом). Структура комплекса подразумевает: размещение старообрядческого («семейского») комплекса, с демонстрацией типовых усадеб семейских, помещений для занятий традиционными ремёслами и семейской кухней; эвенкийского комплекса, в состав которого включаются чумы, лабазы, эвенкийская утварь; казачьего комплекса, где будут демонстрироваться несколько усадеб, церковь,

здание правления, административные, хозяйственные строения; комплекса современных этнических культур, где для освещения полной картины этнического многообразия Забайкалья будут представлены татары, украинцы, белорусы, узбеки, армяне, башкиры, казахи, евреи, немцы, корейцы, китайцы и другие этносы, проживающие на территории края.

Определяя региональную культуру как один из важнейших факторов развития приграничных регионов, нельзя обойти стороной и туристические ресурсы края, способные стать одним из важнейших факторов развития региона. С каждым годом к ним возрастает туристический интерес. Вместе с тем, деятельность властей региона по активизации усилий в этом направлении всё ещё остаётся мало эффективной. Сегодня на территории Забайкальского края интенсивно развиваются лишь некоторые, немногочисленные туристические направления. Безусловно, преобладает практика выездного международного туризма, что обусловлено соседством Забайкальского края с такими странами, как Китай и Монголия. Вместе с тем необходимо делать акцент на специфике внутреннего туризма по районам Забайкалья с его уникальными природными, туристско-рекреационными ресурсами. Так, край славится Забайкальским национальным парком, Байкальским, Баргузинским и Сохондинским заповедниками. Все эти ресурсы вполне могли бы представить перспективное направление развития для создания «туристического имиджа» края. Можно обратиться к количественным показателям на начало 2011 года: 2 биосферных заповедника; 14 комплексных и зоологических заказников; более 60 памятников природы, имеющих региональное или национальное значение; свыше 600 геологических памятников (Ламский горный массив, скала «Полосатик», урочище «Чарские Пески», сосновый бор «Цирик-Нарасун» и др.). Превосходные минеральные источники и лечебные грязи представлены в лечебно-оздоровительных местностях и курортах Забайкалья: Дарасун, Молоковка, Кука, Шиванда, Ямаровка, Ургучан, Ямкун, бальнеолечебницы Былыра, Олентуй, Карповка и др. [5].

На открытии Дней юго-восточных районов Забайкальского края экс-губернатор Р. Ф. Гениатулин обратил внимание специалистов в частности и на то, что Забайкалье – это «не медвежий угол». Результаты исследования, представленные в данной работе, также дока-

зывают этот факт. Сосредоточив в себе огромный интеллектуальный и культурный потенциал, Забайкальский край претендует, таким образом, на собственную идентичность не только в рамках своей страны, но и на международном уровне, в частности во взаимодействии с Китаем. Региональная культура Забайкалья рассматривается как «богатое, многокрасочное полотно», способное своей сущностью нивелировать или сгладить те противоречия, которые возникают в процессе взаимодействия с приграничными территориями. Мы можем также говорить о большом потенциале культурного многообразия Забайкальского края, который даёт возможность развития территории не только в рамках своего региона, но и в современной системе международных отношений РФ-КНР.

Таким образом, социокультурное пространство приграничного взаимодействия РФ-КНР детерминировано не только такими факторами, как культурные особенности многочисленных этносов, природные, экономические и социальные условия, но и возможным ресурсом использования потенциала культур приграничных регионов, что позволяет говорить о стремлении к взаимодействию и соразвитию.

Необходимость выработки принципиально нового подхода к выбору приоритетов развития культуры, в том числе, на региональном уровне, где ключевым моментом являются культурные ресурсы граничащих территорий, очевидна. Только в этом случае возможно использование того богатейшего культурного потенциала, который станет одним из важнейших ресурсов не только развития самой территории, но и формирования её положительного имиджа за рубежом.

Сегодня культурно-цивилизационный потенциал приграничных территорий РФ-КНР можно характеризовать как самобытный социокультурный феномен, позволяющий рассмотреть его в культурологическом измерении как специфическую целостность, интегрирующую субстанциональные характеристики: антропологические, материальные, социальные, культурные и пр. Как форма аккумуляции и трансляции культурных ресурсов, региональная культура приграничных территорий РФ-КНР, несмотря на очевидные унифицирующие и нивелирующие тенденции, открывает новые возможности и перспективы для соразвития приграничных регионов.

На сегодняшний день взаимопонимание особенностей культур и менталитетов между Россией и Китаем до конца ещё не достигнуто и имеет ряд трудностей, которые приводят к замедлению прогресса развития их сотрудничества [3], в том числе и в культурной сфере. Вместе с тем, уровень взаимозависимости между приграничными территориями РФ-КНР постоянно растёт, появляется всё больше совместных проектов. Так, можно назвать следующие из них:

- открытие Недели туристических обменов Китай – Россия в рамках Года российского туризма в Китае;

- создание туристического парка «Восточные ворота России Забайкальск – Маньчжурия» совместно с инвестиционными компаниями Китая и представителями министерства строительства КНР;

- строительство улиц в русском стиле в городах Хулуьбуир и Чжалантунь, разработкой проектов которых станут забайкальцы и т. д.

Всё это стимулирует межкультурное взаимодействие РФ-КНР и создаёт базу для соразвития приграничных территорий путём использования не только экономического ресурса, но и цивилизационного потенциала регионального варианта национальных культур.

Очевиден факт того, что в настоящее время Китай увеличивает сферы своего воздействия на российское приграничье, осуществляя данные процессы не только в сфере экономики и политики, но и в сфере культурного обмена между нашими странами. Трансляция элементов китайской культуры привносит новые специфические составляющие в культуру российского приграничья. Вместе с тем, происходит и обратный процесс заимствования определённых рациональных образцов русской культуры. Этот процесс обоюдного соразвития взаимодействующих территорий основан на культурном потенциале региональных культур приграничья. Китайский опыт говорит о том, что региональная культура в таком случае принимает и закрепляет в себе определённое количество нововведений, адаптируя их с позиций своих национальных ценностей, выраженных региональным компонентом. В таком виде очевидно их дальнейшее использование для активизации вектора процесса соразвития.

Список литературы

1. Воронченко Т. В., Соколевских Н. Н. Трансформация культуры пограничья в эпоху глобализации // Гуманитарный вектор. 2012. № 3-3. С. 187–192.
2. Гомбоева М. И., Спиридонова А. В., Осинский И. И., Добрынина М. И. Региональная культура: сущность, морфология и специфика бытования // Вестник Бурятского государственного университета. 2007. № 11. С. 255–259.
3. Ван Шицай: Обмены и слияние культур Северо-Восточного Китая и России: материалы XVIII Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2009. Т. 1. 320 с.
4. Дун Гуан. Соразвитие как способ интеграционного развития стран в условиях глобализации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. URL: http://journalnio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1225&Itemid=106 (дата обращения: 30.01.2013).
5. Жуков А. В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2011. 32 с.
6. Культура регионов России: Забайкальский край. URL: <http://www.culturemap.ru/index.php?region=289&topic> (дата обращения: 30.01.2013).
7. Ли Пин. Культурная регионализация в условиях межкультурного взаимодействия (на примере Автономного района Внутренней Монголии КНР). Чита: Поиск, 2008. 208 с.
8. Ли Пин. Культурная регионализация в условиях межкультурного взаимодействия (на примере Автономного района Внутренней Монголии КНР): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2007. 21 с.
9. Морозова В. С. Феномен региональной культуры в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия РФ-КНР. М.: Форум, 2011. 224 с.

References

1. Voronchenko T. V., Sokol'skih N. N. Transformacija kul'tury pogranič'ja v jepohu globalizacii // Gumanitarnyj vektor. 2012. № 3-3. S. 187–192.
2. Gomboeva M. I., Spiridonova A. V., Osinskij I. I., Dobrynina M. I. Regional'naja kul'tura: sushhnost', morfologija i specifika bytovanija // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 11. S. 255–259.
3. Van Shicaj: Obmeny i slijanie kul'tur Severo-Vostochnogo Kitaja i Rossii: materialy XVIII Mezhdunar. nauch. konf. «Kitaj, kitajskaja civilizacija i mir. Istorija, sovremennost', perspektivy». M.: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2009. T. 1. 320 s.
4. Dun Guan. Sorazvitie kak sposob integracionnogo razvitija stran v uslovijah globalizacii // Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. URL: http://journalnio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1225&Itemid=106 (data obrashhenija: 30.01.2013).
5. Zhukov A. V. Religioznoe mifotvorchestvo v obydennoj religioznosti naselenija Bajkal'skogo regiona: avtoref. dis. ... d-ra filoz. nauk. Chita, 2011. 32 s.
6. Kul'tura regionov Rossii: Zabajkal'skij kraj. URL: <http://www.culturemap.ru/index.php?region=289&topic> (data obrashhenija: 30.01.2013).
7. Li Pin. Kul'turnaja regionalizacija v uslovijah mezhkul'turnogo vzaimodejstvija (na primere Avtonomnogo rajona Vnutrennej Mongolii KNR). Chita: Poisk, 2008. 208 s.
8. Li Pin. Kul'turnaja regionalizacija v uslovijah mezhkul'turnogo vzaimodejstvija (na primere Avtonomnogo rajona Vnutrennej Mongolii KNR): avtoref. dis. ... kand. filoz. nauk. Chita, 2007. 21 s.
9. Morozova V. S. Fenomen regional'noj kul'tury v sociokul'turnom prostranstve prigraničnogo vzaimodejstvija RF-KNR. M.: Forum, 2011. 224 s.

Статья поступила в редакцию 19 марта 2013 г.

Юлия Олеговна Риккер
аспирант,

Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: yrikker@mail.ru

**Основные подходы
к исследованию понятия «гендерная идентичность» в истории науки**

В статье дан диахронный анализ трансформации существующих воззрений на проблему осмысления понятия «гендерная идентичность» как феномена социальной и культурной идентичности человека; рассмотрены важнейшие концепции в истории воззрений социогуманитарной мысли на проблему гендерной идентичности; проанализирован и обобщён опыт зарубежных и отечественных учёных, работающих в области гендерных исследований. Исходя из того, что гендерный аспект человеческого бытия формируется под влиянием социокультурного пространства, которое в свою очередь также формирует гендерный аспект бытия – замкнутый круг, формируемый их взаимовлиянием обуславливает то, за счёт каких механизмов конструируется социально приемлемая гендерная идентичность, какие культурно обусловленные гендерные стереотипы функционируют в обществе и каким образом они влияют на формирование гендерной идентичности. Автор приходит к выводу, что не биологический пол, а социокультурные нормы определяют понимание маскулинности и фемининности в конкретном обществе.

Ключевые слова: гендер, гендерная идентичность, мультиполярность, биполярность, андрогинность.

Yuliya Olegovna Rikker

Postgraduate Student,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: yrikker@mail.ru

The Main Approaches to the Study of the Concept of ‘Gender Identity’ in Science History

The paper gives a diachronic analysis of the transformation of the existing views on the interpretation problem of the term “gender identity” as a phenomenon of the social identity of a person. The most important concepts in the history of socio-humanitarian views on the problem of gender identity of a person are considered. The gender dimension of human life is influenced by socio-cultural space, which in turn also forms the gender dimension of existence. A vicious circle formed by their interaction specifies the mechanisms of formation of socially acceptable gender identity and culturally defined gender stereotypes that function in society and affect the formation of gender identity.

Keywords: gender, gender identity, multipolarity, bipolarity, androgyny.

Появление в научном дискурсе второй половины XX в. термина «гендер» обусловило формирование не только стойкого интереса к аспектам феномена пола человека, но и теоретическое многообразие трактовок различных форм гендерного бытия человека, в том числе и феномена гендерной идентичности. В данном исследовании предпринята попытка проанализировать существующие теории и подходы к понятию «гендерная идентичность» в диахронном аспекте, обобщить сильные стороны существующих толкований и дать собственное определение гендерной идентичности.

В условиях диахронного анализа трансформации взглядов на понятие «гендерная идентичность» представляется актуальным рассмотреть ряд методологических подходов.

Эссенциалистский подход к гендерной идентичности позволяет выделить характерные черты социо-культурно-биологической группы. В силу того, что эссенциалистский подход к гендерной идентичности формировался в рамках феминистской теории, то этой группой по умолчанию являлись женщины. По мнению Д. Батлер, «...подавляющее большинство теоретиков феминизма признаёт су-

ществование идентичности, обозначаемой понятием «женщины», которая не только задаёт собственные интересы и цели внутри феминистского дискурса, но и создаёт субъект, который должен быть представлен в политической сфере» [1, с. 297].

Женская идентичность выстраивается с позиции обратной женской идентичности в культуре патриархата путём отрицания мужского и признания женского как альтернативной позиции; при этом существует устоявшееся мнение относительно специфичности женского мышления.

Феминистский подход предполагает чёткое ограничение понятия «женщина» и «женственность», вследствие чего формируется значительная группа женщин, остающаяся исключением вследствие несоответствия этим понятиям. По мнению С. Бем, акцент делается на позицию обоснования неравенства и возможностей изменений существующей пололевой сегрегации [14, с. 598].

Р. Коннел, являясь автором структурно-конструктивистского подхода в гендерной теории, разработал такие понятия, как «гендерный порядок» и «гендерный режим». В научном труде «Гендер и власть. Общество, личность и сексуальная политика» им были предложены четыре парадигмы анализа гендерной идентичности в противовес двум классическим подходам – эссенциалистскому и феминистскому.

Марксистская парадигма базируется на теориях классового подхода, социального воспроизводства и двойных систем. Угнетение женщин в рамках данной теории рассматривается как воспроизводство капиталистических отношений в обществе.

Поло-ролевой подход иллюстрирует зависимость личности от социальной структуры, в рамках которой существуют определённые предписанные по признаку пола социальные роли, прививаемые индивиду в процессе социализации. Обе эти парадигмы в своём конструировании опираются на биологические различия в контексте сегрегации социокультурных аспектов интерпретации пола. Основным их минусом является отсутствие объяснения изменения поло-ролевых моделей и учёт самой возможности их трансформации.

Третья парадигма была названа Р. Коннелом «парадигмой гендерных категорий». Суть её заключалась в описании отношений неравенства между двумя социальными категори-

ями – мужчин и женщин. Гендерная идентичность определяется с позиции соответствия социального статуса воспроизводимого отношениями патриархата.

Четвёртая парадигма рассматривает гендерную идентичность как процесс взаимодействия исторически сложившихся социальных структур, где женственность и мужественность являются постоянно воспроизводимыми идентичностями. Данная теория получила название теории практик. По мнению Р. Коннела, в условиях патриархатного социального порядка вторична не только женственность относительно мужественности, но и вторичны варианты мужественности по отношению к гегемонной маскулинности. Таким образом, анализ «теории практик» применим не только к отношениям мужественности и женственности, но и к отношениям различных вариаций маскулинности.

В силу андроцентричности современного мира уместным будет заострить внимание на понятии «гегемонная маскулинность», введённом в терминологическое поле гендерных исследований Р. Коннеллом. Данное понятие описывает тип «правлящей» маскулинности, которая находится на иерархической вершине общества; разделяемая преобладающей частью общества, чувствующей единство по расовым, социальным, культурным и гендерным признакам [13, с. 597]. Гегемонная маскулинность – это идеальный паттерн, жёстко структурированный и социально поощряющий следование ему. По мнению М. Киммела, гегемонная маскулинность – это тип маскулинности мужчин, обладающих властью как над женщинами, так и над подчинёнными мужчинами (т. е. над теми мужчинами, модели маскулинности которых являются маргинализированными – это могут быть социальные, культурные, этнические и сексуальные меньшинства). В таком случае, гегемонная маскулинность не является только доминантной маскулинностью, тогда как доминантная фемининность не может быть гегемонной. Репрезентируется гегемонная маскулинность культом физической силы, агрессивностью, склонностью к насилию и подавлением эмоций [6]. По мнению М. Киммела, культурная обусловленность понятия «маскулинность» напрямую влияет на уровень насилия в обществе. Определение мужественности имеет существенное воздействие на склонность мужчин к насилию. Чем жёстче структурированы

в обществе маскулинные черты, чем сильнее дифференцированы понятия мужественности и женственности, тем выше в этом обществе уровень мужского насилия [6].

Доминантность маскулинности/феминности определяется, по меньшей мере, следующими основными признаками: разделяется подавляющей частью общества, задаёт границы социально приемлемого поведения, стремление соответствовать данной модели социально поощряется. Однако же, несмотря на существование подобных гендерных паттернов в любой культуре, на современном этапе развития общества всё чаще можно фиксировать несоответствие доминантной модели маскулинности/феминности в поведении индивидов.

Помимо теории Р. Коннела, интерес представляет перформативная теория гендерной идентичности, являющаяся результатом лингвистических исследований Д. Батлера.

Перформатив – это речевой акт, заключающий в себе смысл, равный действию. Заимствование понятия перформатив из языка привело к тому, что основной его смысл был возведён в ранг одной из теорий гендерной идентичности. В условиях исторического культурного контекста гендер, имея частое повторение, закреплённое многократностью использования, создаёт иллюзию естественности.

Эта особенность перформативов, а также соотносимость с действием, позволили использовать их в теории гендерной идентичности в ранних работах Д. Батлера и И. Кософски-Седжвика.

Согласно перформативной теории гендерной идентичности, не существует истинной природы женщины или истинной природы мужчины, вытекающих из их телесных особенностей. Гендер является результатом, или следствием многократных перформативных действий, осуществлённых в определённом культурном контексте, а видимость его естественности создаётся этим многократным повторением.

По мнению отечественных учёных (Е. В. Гредновской, И. С. Кона, Е. Р. Смирновой-Ярской, Л. Н. Ожиговой и др.), в настоящий момент как в рамках отдельных наук, использующих гендерный подход в изучении и анализе явлений, так и в самих гендерных исследованиях как отдельной области научного знания, отсутствует единство в понимании и определении понятия «гендерная идентичность».

Л. Н. Ожиговой была предпринята попытка выделить общие для гендерной идентичности принципы:

- гендер – одна из базовых характеристик личности в социокультурном и индивидуальном контексте. Его структура многокомпонентна и определяется четырьмя группами характеристик: биологический пол; гендерные нормы и поведение, гендерные стереотипы; гендерная идентичность;

- гендерная идентичность может быть концептуализирована как аспект самосознания, «...описывающий переживание человеком себя как представителя определённого пола»; это особый вид социокультурной идентичности личности;

- гендерная идентичность заведомо условна, связана с определённым контекстом и, следовательно, может быть представлена по-разному;

- гендерная идентичность является одной из сторон эго-идентичности в совокупности с другими её сторонами – профессиональной, этнической и др.;

- гендерное исследование будет носить характер междисциплинарности, активно привлекая методы гуманитарных и естественных дисциплин, в сочетании количественных и качественных стратегий, интерпретируя «...социальные, культурные, исторические, экономические, психологические явления в контексте гендерных экспектаций конкретного общества» [9, с. 31–32].

И. С. Кон определял современную теорию гендерной идентичности с точки зрения основных методологических позиций феминистского анализа гендера как структуры общественных отношений и отношений власти [8, с. 201].

По мнению Э. Гидденса, не биологический пол, а социокультурные нормы определяют, в конечном счете, психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Господствующий в общественном сознании образ маскулинности и феминности оказывается всего лишь характеристикой мужчин или женщин в текущей культуре [5, с. 39].

В настоящее время предпочтение отдаётся трём подходам в типологии гендерной идентичности – биполярному, андрогинному, мультиполярному.

Биполярный подход предполагает жёсткую дифференциацию гендерной идентично-

сти по признаку пола (мужчины обладают исключительно маскулинными характеристиками, а женщины – фемининными) [3].

В конце XX в. С. Бем пересмотрела биполярную модель гендерной идентичности. По её мнению, мужчины и женщины не обязаны соответствовать традиционным поло-ролевым моделям, и сочетание в поведении как маскулинных, так и фемининных характеристик, не является показателем отклонения. По мнению самой Бем, наиболее актуальна андрогинная модель гендерной идентичности, вбирающая в себя всё лучшее из других ролей [2]. Формирование того, что предполагается наделять эпитетами «мужской» или «женский», в своей сути не обладающего ни мужскими, ни женскими признаками, отмечается таковым образом за счёт маркеров, формируемых культурой, которые им придаются в зависимости от того, как они «объясняются и используются культурой, а их социальный смысл зависит от исторического и современного контекста.

Так, какие-либо гендерно окрашенные свойства личности общество может маркировать фемининными (как социально приемлемые для женщин), либо напротив – маскулинными (как социально приемлемые для мужчин).

Мультиполярный подход допускает существование нескольких вариантов гендерной идентичности в рамках одного пола. В контексте данного подхода можно выделить следующие основные компоненты – биологический пол и маскулинность/фемининность/андрогинность как социокультурные характеристики личности [3].

По мнению Л. П. Великановой, «... с точки зрения мультиполярной модели гендерной идентичности, её типология представлена шестью вариантами: андрогинным женским; андрогинным мужским; маскулинным женским; маскулинным мужским; фемининным женским; фемининным мужским» [3].

Наличие маскулинных черт предполагает «...совокупность «инструментальных» качеств личности и выраженность свойств, традиционно предписываемых мужчинам (независимость, напористость, властность и т. д.) [3].

Фемининный вариант предполагает «...«экспрессивные» характеристики личности: скромность, исполнительность, конформность, преданность, способность к состраданию, гибкость, эмпатия, склонность к кооперации и компромиссам» [3].

Маскулинность и фемининность большей частью обусловлены социальным контекстом при формировании [3].

Андрогинный вариант гендерной идентичности обладает примерно в равной степени и маскулинными, и фемининными качествами. Логично предположить, что «...представители этого типа личности воспитывались в ситуации менее жёстких нормативных требований, связанных с полоспецифичным поведением» [7]. Андрогинность является как существенным элементом социальной эволюции живого, включая человеческое, так и не менее существенным элементом мифологического сознания – как архетипический символ [4, с. 119]. Архетип есть символическая формула, которая начинает функционировать всюду там, где или ещё не существует сознательных понятий, или где таковые по внутренним или внешним основаниям вообще невозможны [12]. «...Бессознательное, как совокупность архетипов, является осадком всего, что было пережито человечеством, вплоть до его самых тёмных начал. Но не мёртвым осадком, не брошенным полем развалин, а живой системой реакций и диспозиций, которая невидимым, а потому и более действенным образом определяет индивидуальную жизнь. Однако это не просто какой-то гигантский исторический предрассудок, но источник инстинктов, поскольку архетипы ведь не что иное, как формы проявления инстинктов» [11, с. 131].

Подобная вариативность предоставляет возможность предположить, что «...динамические характеристики гендерной идентичности личности обусловлены сложным процессом взаимодействия биологического и социокультурного влияния с ценностными ориентациями и жизненными смыслами, направленными на удовлетворение базовых потребностей личности (стремление к внутренней согласованности, самоактуализации) вне зависимости от половой принадлежности» [3]. Являясь одной из структур самосознания личности, гендерная идентичность играет определяющую роль в процессах адаптации и саморегуляции [3].

Концепция мультиполярности в контексте гендерной идентичности в итоге базируется на следующих идеях:

– первопричиной социальных, культурных, психологических характеристик личности является не биологический пол;

– гендерная идентичность как элемент эго-идентичности представляет собой многокомпонентную структуру, включающую в себя систему жизненных ценностей и целей; на современном этапе понимание этого понятия несводимо к дихотомии «маскулинности-феминности»;

– гендерная идентичность «...предполагает вариативность в рамках одного пола (маскулинный, фемининный и андрогинный вариант)»;

– Л. П. Великанова полагает что, «...андрогинность как форма гендерной идентичности является наиболее характерной и распространённой среди женщин и мужчин в современных социально-культурных условиях; именно она помогает самоопределению личности и обеспечивает ей чувство эмоционального комфорта» [3].

Обращение к истории науки позволило проследить трансформацию формирования воззрений на природу пола и выстраивания социальной иерархии маскулинного и фемининного от биологического детерминизма до социальной обусловленности.

На основании анализа рассмотренных выше концепций нам представляется, что гендерная идентичность – это один из аспектов социальной и культурной идентичности человека, характеризующих его как носителя маскулинного, фемининного или андрогинного типа характеристик; не биологически, а социально и культурно детерминированных, позволяющих с позиции определения и самоопределения гендерной атрибуции относить кого-либо к мужской или женской группе.

Данное определение отражает основополагающие идеи концепции мультиполярности в типологии гендерной идентичности и учитывает дифференциацию пола человека на биологический и социокультурный аспекты.

Ослабление жёсткой гендерной дихотомии и ломка традиционной системы гендерной поляризации приводит к тому, что личность приобретает всё больше возможностей в реализации того типа гендерной идентичности, который является результатом её индивидуального опыта, включающего не пассивное усвоение некоторых норм и требований гендерной роли, а творческое преобразование внутри личности.

Список литературы

1. Батлер Д. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск: Пропилеи, 2000. С. 297–298.
2. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004. С. 120.
3. Великанова Л. П. Мультиполярный подход в типологии гендерной идентичности. URL: klgtu.ru/magazine/2008_13/33.doc (дата обращения: 21.03.2013).
4. Голод С. И. Сексуальность, гендер и семья: социологическая интерпретация // Человек. 2004. № 4. С. 113–124.
5. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / пер. с англ. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
6. Киммел Майкл. Гендерное общество. URL: http://krotov.info/lib_sec/11_k/kim/mel.htm (дата обращения: 21.03.2013).
7. Клещина И. С. Гендерный подход и равноправие в межличностных отношениях. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kletsina/woman_37.html (дата обращения: 21.03.2013).
8. Кон И. С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. Маскулинность как история. Российский мужчина и его проблемы. (Лекции 1–3) // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под ред. М. М. Малышевой. М.: Academia, 2001. С. 189–209.
9. Ожигова Л. Н. Гендерный подход в социально-психологических исследованиях. Краснодар, 2001. С. 31–32.
10. Словарь гендерных терминов. URL: <http://www.owl.ru/gender/015.htm> (дата обращения: 02.04.2013).
11. Юнг К. Г. Структура Души // Проблемы души нашего времени. М., 1993. С. 131.
12. Юнг К.Г. Психологические типы. М.: Университетская книга; АСТ, 1996. 714 с.
13. Connell R. W. The Big Picture: Masculinities in Recent World History // Theory and Society. Vol. 22. № 5. Special Issue: Masculinities. October. 1993. P. 597.
14. Bem S. L. (1983). Gender Schema Theory // Sings. Vol. 8. № 4. P. 598–616.

References

1. Butler D. Gendernoe bespokojstvo // Antologija gendernoj teorii / pod red. E. Gapovoj, A. Usmanovoj. Minsk: Propilei, 2000. S. 297–298.
2. Bem S. Linzy gendera. Transformacija vzgljadov na problemu neravenstva polov. M.: ROSSPJeN, 2004. S. 120.
3. Velikanova L. P. Mul'tipoljarnyj podhod v tipologii gendernoj identichnosti. URL: klgtu.ru/magazine/2008_13/33.doc (data obrashhenija: 21.03.2013).
4. Golod S. I. Seksual'nost', gender i sem'ja: sociologicheskaja interpretacija // Chelovek. 2004. № 4. S. 113–124.
5. Giddens Je. Transformacija intimnosti. Seksual'nost', ljubov' i jerotizm v sovremennyh obshhestvah / per. s angl. SPb.: Piter, 2004. 208 s.
6. Kimmel Majkl. Gendernoe obshhestvo. URL: http://krotov.info/lib_sec/11_k/kim/mel.htm (data obrashhenija: 21.03.2013).
7. Klecina I. S. Gendernyj podhod i ravnopravie v mezhlichnostnyh otnoshenijah. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kletsina/woman_37.html (data obrashhenija: 21.03.2013).
8. Kon I. S. Menjajushhiesja muzhchiny v izmenjajushhemsja mire. Maskulinnost' kak istorija. Rossijskij muzhchina i ego problemy. (Lekcii 1–3) // Gendernyj kalejdoskop: kurs lekcij / pod red. M. M. Malyshevoj. M.: Academia, 2001. S. 189–209.
9. Ozhigova L. N. Gendernyj podhod v social'no-psihologicheskikh issledovanijah. Krasnodar, 2001. S. 31–32.
10. Slovar' gendernyh terminov. URL: <http://www.owl.ru/gender/015.htm> (data obrashhenija: 02.04.2013).
11. Jung K. G. Struktura Dushi // Problemy dushi nashego vremeni. M., 1993. S. 131.
12. Jung K.G. Psihologicheskie tipy. M.: Universitetskaja kniga; AST, 1996. 714 s.
13. Connell R. W. The Big Picture: Masculinities in Recent World History // Theory and Society. Vol. 22. № 5. Special Issue: Masculinities. October. 1993. P. 597.
14. Bem S. L. (1983). Gender Schema Theory // Sings. Vol. 8. № 4. P. 598–616.

Статья поступила в редакцию 25 апреля 2013 г.

Хоу Линь

аспирант,

Забайкальский государственный университет
(Хух-Хото, КНР), e-mail: houlin0618@hotmail.com

Алёна Александровна Стремительская

аспирант,

Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: mora-amor@mail.ru

Даосизм как фактор гармонизации современного китайского общества

Статья посвящена исследованию даосизма в условиях современного китайского общества, в котором, несмотря на технический прогресс, продолжает возрастать интерес к религии как богатому культурному наследию человечества. Исследуются различные аспекты даосизма, раскрывается смысл основных категорий (дао, ци и др.), на основе которых базируется указанное религиозно-философское течение. Авторы статьи уделяют внимание представлениям личности о научных, философских и религиозных картинах мироздания, назначении и смысле жизни человека, многообразии форм знаний и особенностям их функционирования в XXI в., которые являются определяющими тенденциями в развитии интеллекта людей. В заключении авторы приходят к мысли, что даосизм является уникальным эко-этическим мышлением, направленным на гармонизацию отношений «человек–природа», а также «человек–человек» (обретение человеком гармонии с самим собой).

Ключевые слова: даосизм, этика, цигун, пять запретов, философия.

Hou Lin

Postgraduate Student,

Transbaikal State University

(Huhehaote, People's Republic of China), e-mail: houlin0618@hotmail.com

Alena Aleksandrovna Stremitskaya

Postgraduate Student,

Transbaikal State University

(Chita, Russia), e-mail: mora-amor@mail.ru

Taoism as a Harmonization Factor of Contemporary Chinese Society

The article is devoted to Taoism in contemporary Chinese society in which under conditions of the technological progress interest to religion as a rich cultural heritage of mankind is increasing. The authors investigate various aspects of Taoism and develop the meaning of the key categories (tao, chi etc.) that are the basis of this religious-philosophical tradition. The article also concentrates on the individual perception of scientific, philosophical and religious worldview, purpose and meaning of human life, diversity of knowledge and their functioning in the 21st century. All these features are the main trends of the development of human mentality. The authors come to the conclusion that Taoism is a unique eco-ethical thinking aimed at harmonization of relations "human-nature" and "person-person" relations (a person is in harmony within him/ herself).

Keywords: Taoism, ethics, qigong, five prohibitions, philosophy.

Даосизм является традиционным китайским учением, которое включает в себя религиозные, мистические аспекты, а также систему гаданий и медитационной практики, и представляет собой религиозно-философское течение.

Даосизм возник в Китае одновременно с учением Конфуция в виде самостоятельной религиозно-философской доктрины [1, с. 83]. Основателем философии даосов считается древнекитайский философ Лао-цзы. Исследователи расходятся во мнениях, определяя то, кем был

он Конфуцию – старшим современником или же его учеником. Ханьские учёные полагали, что под псевдонимом «Дао дэ цзин», который приписывается легендарному мудрецу Лао-цзы (дословно – «Старый учитель»), скрывается реальное историческое лицо – философ из рода Ли по имени Дань или Эр. Согласно принятой в Китае легенде «Дао дэ цзин» был написан Лао-цзы перед его путешествием куда-то на запад и оставлен им стражнику на границе. Впоследствии эта легенда стала неотъемлемой частью культа Лао-цзы, обусловив его иконографию – в виде мудреца-старца, едущего верхом на буйволе. Основной идеей этого произведения является понятие «Дао». В ней описывается естественный порядок вещей, в который нельзя допускать вмешательства. Невмешательство, другими словами недеяние, является ключевым понятием у мудреца Лао Цзы.

Дао – дословно «путь» – есть важнейшая и универсальная для всей китайской философии категория. Однако в различных философских школах и направлениях она имеет принципиально различные толкования, чем и объясняется множественность и многообразие предлагаемых в научной литературе вариантов терминологических переложений оригинального термина: «подход», «функция», «закономерность», «принцип», «правда», «абсолют» и т. д.

Обыкновенно различают даосизм как определённый стиль философской критики (дао цзя) и даосизм как совокупность духовных практик (дао цзяо), но это деление достаточно условно. Под *дао цзя* подразумевают преимущественно доциньский даосизм, связываемый с текстами, авторство которых приписывается Лао-цзы и Чжуан-цзы.

Как мы все знаем, «рождение, старость, болезнь и смерть» является природной закономерностью эволюции человеческой жизни, поэтому здоровье и долголетие – стремление человека. Китайцы с древних времён относились к элементу «Фу» (счастье), «Лу» (жалование), «Шоу» (долголетие) как к трём сокровищам. В древнюю эпоху, когда был дефицит медицинских услуг, здоровье и долголетие являлись ценностями жизни, бесконечным стремлением людей.

В даосизме, как в китайской традиционной религии, бессмертие является первоначальной целью, это привлекало многих верующих. Считается, что человек – самый умный и чувственный из животных. Народная жизнь и

развитие через культурный обмен сформировали общество и государство. Поэтому человека как наименьшую единицу общества нельзя оставлять без внимания. В данном учении у всех людей есть возможность стать бессмертными. Но чтобы добиться этого, нужно поддерживать своё здоровье и накопить много добрых дел в своей жизни. В некоторых даосских писаниях пишется о том, что нельзя убивать и разрушать, например, в книгах «Тай Шан Гань Ин Пянь» и «Заповеди Тай Шан Лао Цзюня» [6, с. 175].

Этика даосизма и даосская практика здоровья связаны друг с другом. Одна из основных категорий даосского учения – У син (пятичленная структура: дерево, огонь, металл, земля и вода). Считается, что эти пять элементов формируют наше тело и наш мир, каждый из них может порождать друг друга, например, дерево порождает огонь, огонь–землю, земля–металл, металл–воду, вода–дерево. Кроме того, каждый элемент противостоит другому: дерево побеждает землю, земля–воду, вода–огонь, огонь–металл, металл–дерево. Если сбалансировать их, то человек не будет болеть, именно поэтому даосизм хорошо используется в традиционной китайской медицине и гадательной практике. По смыслу эти пять элементов сопоставимы с пятью чувствами (гнев, радость, страдание, страх, любовь) и с органами (сердце, печень, селезёнка, лёгкие и почки).

Даосизм связывает человеческое тело с Вселенной, и таким образом складывается идеал «единства человека и Вселенной». Считалось, что в организме человека происходит сужение Вселенной, изменения с ног до головы соответствуют изменениям на земле. Здоровье зависит от окружающей среды, и поэтому её нужно защищать.

Ци является одной из важных категорий даосизма. Ци можно понимать как «эфир», «воздух», «дыхание» и «энергия». Разделяется Ци на три смысловые уровни – универсальная субстанция Вселенной (космологический), наполнитель человеческого тела (антропологический) и психический центр или сердце (психологический). Ци породило Инь и Ян, а от Инь и Ян произошли пять элементов, то есть Ци – бескачественное первовещество, соответствовавшее первой фазе развития Вселенной. В традиционной китайской медицине Ци участвует в жизнедеятельности организма и поддерживает функциональную активность органов. Вдыхать

воздух называется «Ци». Движение Ци уподобляется движению по кругу без начала и конца, которое нельзя нарушать никому. Ци, двигаясь по внутренностям человека, согревает его плотные органы *чжан* и полые органы *фу*, а снаружи увлажняет кожу через поры.

Считается, что воздействием на меридианы можно изменить циркуляцию Ци и тем самым вызвать физиологические изменения в человеческом теле. Представления о такого рода воздействиях нашли широкое применение в акупунктуре и боевом искусстве – Цигун. Цигун – это китайское искусство саморегуляции организма, оздоровительная система. Применяется для поддержания психического и телесного здоровья, способствует духовному пониманию истинной природы человека. Он включает в себя китайские боевые искусства, медитацию и гимнастические управления, направленные на освобождение от телесных зажимов и энергетических. Может использоваться в качестве релаксации и альтернативного лечения при стрессах и болезнях, а также для улучшения иммунитета, настройки работы органов и их систем. Именно использование пищи влияет на функции организма и несёт профилактическую функцию при заболевании. В древней китайской книге народной медицины «Бэньцао ганму» («Компендиум лекарственных веществ») говорится об оздоровительной диете, например: диета лечебная (добавление в пищу лекарственного вещества, чтобы улучшить иммунитет либо очистить человеческий организм), уменьшение количества еды (изменение количества употребления пищи в определённое время и пост). Но все эти диеты зависят от природного режима, а не произвольные. Можно отрегулировать диету в зависимости от сезона. В наши дни при быстром темпе жизни люди очень нагружены, и многие игнорируют важность физической закалки. Во времена восточной династии Хань самый знаменитый медик Древнего Китая – Хуа То разработал гимнастику для оздоровления «У Цинь Си». Это один из наиболее древних комплексов цигун, известных в наше время. Комплекс направлен на поддержание тела в хорошей физической форме до преклонных лет жизни. Он осуществляет оздоровление тела через игру пяти животных: «шаг тигра», «шаг медведя», «шаг оленя», «шаг обезьяны» и «шаг птицы».

В даосских традиционных боевых искусствах самым известным является Тай Цзи Цю-

ань. Он популярен в Китае как оздоровительная гимнастика. Тай Цзи представляет собой разновидность ушу, но отличается от него особой утончённостью и более глубоко проработанной философской составляющей. Тай Цзи Цюань состоит из плавных медленных движений, которые должны выполняться в расслабленном состоянии. При этом практика учит достигать высокой концентрации на происходящем, и практикующий может моментально отреагировать на изменение внешней ситуации.

Кроме этого, в настоящее время, Тай Цзи Цюань выступает как один из самых эффективных способов контроля собственного психоэмоционального состояния, «сбрасывание» напряжение. Каждое движение в этом боевом искусстве должно быть осознанным, а это само по себе является и прекрасной тренировкой для ума, и одной из самых трудных, но результативных медитаций. Упражнения, основанные на максимальной концентрации человека на работе мышц и собственных ощущениях, не только избавляют от стресса, но развивают внимательность, собранность. Человек учится контролировать и управлять собственными эмоциями, становится более осознанным не только во время тренировки, но и на протяжении дня.

Китайский известный писатель Лу Синь сказал, что китайский корень в даосизме. Даосизм не только идеология, он включает в себя многие аспекты жизни, ценностей, морали, связан с решением идеологических и теоретических проблем, он как социальная сущность и часть общественной жизни, к которой нельзя терять внимание. Даосизм ориентирован на людей. Люди, живущие в определённом историческом этапе, их мышление и образ жизни неизбежно зависят от уровня развития естественных наук на данном историческом этапе. Даосизм и наука имеет особое отношение, даосизм соглашается с науками. В древней китайской культуре, науке – везде можно найти следы даосизма. Процесс развития этой идеологии, на самом деле является процессом взаимного продвижения даосизма и научных технологий, они влияют друг на друга.

«Пять Запретов» являются самыми центральными заповедями даосизма: не убить (в том числе себя), не украсть, не развратить, не врать, не лгать и не принимать алкоголь. Кроме этих, в «Тай Шан Лао Цюнь Цзин Люй» (Закон Тай Шан Лао Цюнь) ещё записано 18 запретов,

например: не будь эготистом, не высокомерничай, не копи драгоценности, не стремись к личной выгоде, не обижай слабых и старших, не клеветай, не портить чужие удачи, не бросай друзей, не лови животных и птиц и т. д. Это имеет больше практическое значение в процессе построения общества. Когда личные материальные интересы превыше всего, индивидуализм, поклонение деньгам, гедонизм появляется непрерывно, за деньги и благо люди могут игнорировать всех, в конечном итоге, всё это приведёт к моральному разложению общества. Чтобы построить гармоничное общество, нужно копить массовое национальное богатство, одновременно нужно устранить эти отрицательные факторы. Закон только может наказывать зло после совершённого преступления, но не может принимать меры предосторожности. А даосские законы могут использоваться, как ценные идеологические ресурсы могут использоваться для того, чтобы улучшить себя и души всех членов общества, повысить моральные области и осуществлять ценности человека.

В отношении между людьми даосизм двигает взаимную выгоду, помощь бедным людям. Любовь является распространённым явлением в человеческих отношениях. Благодаря даосской концепции взаимопомощи и взаимной выгоды, честности и братства в истории был положительный социальный эффект. Если это можно интегрировать в социальные моральные системы, все виды социальных отношений между людьми могут стать наилучшими.

Даосизм выступает «Дао Фа Цзы Жань», это значит, что Дао следует естественности. «У Вэй» можно перевести как «не деяние». Согласно Лао-Цзы, «если кто-либо хочет овладеть миром и манипулировать им, того постигнет неудача. Ибо мир – это священный сосуд, которым нельзя манипулировать. Если же кто хочет манипулировать им, уничтожит его. Если кто хочет присвоить его, потеряет его».

Люди являются частью природы, должны любить её, жить в соответствии с законами природы и хорошо относиться к ней, но нельзя произвольно нарушить природу. В настоящее время люди рассматривают природу как объект для людей, получают из неё всё, что угодно, а в результате – плохое экологическое состояние, серьёзные повреждения, эрозии почв, опустынивания земель, загрязнение окружающей среды, парниковый эффект, озоновые дыры. Всё это угрожает выживанию человечества, так что

люди только и ждут безжалостного наказания природы. Ф. Энгельс говорил, что мы правим природой не как завоеватели над различными народами, не как люди, стоявшие вне природы, а наоборот; все мы принадлежим к природному миру вместе с нашей плотью, кровью и умом, существуем в природе. Правила природы в том, что мы сильнее, чем все другие животные, способны распознавать и правильно применять законы природы [5, с. 496].

Даосская экологическая этика и марксистская классика совпадают в вопросах об экологическом кризисе, что «антропоцентрический» принцип является неправильным. Даосская экологическая этика может вдохновить нас на исправление отношений между человеком и природой, чтобы понять важность и необходимость человека быть в гармонии с природой и, следовательно, сознательно поддерживать экологическое равновесие в природе.

По взгляду европейцев, отношения даосизма и науки являются противоположными, но по отношению к древней научной технике древнего Китая Нидэм Джозер говорил: «Даосская философия содержит политический коллективизм, религиозный мистицизм и идею бессмертия, но характеристика его учения имеет широкое отношение к науке, в связи с этим его научную важность нельзя оставлять без внимания. Кроме этого, даосизм действует по своему закону, и именно он – источник химии, минералогии, ботаники и фармакологии в восточной Азии. Даосизм вобрал в себя всеобщность изменений и превращений, и это является самым важным в научном сознании» [6, с. 176].

Даосизм – уникальное эко-этическое мышление, у которого мы можем ещё поучиться. Центром даосизма является бережное отношение и любовь ко всем видам жизни. Даосская философия ориентирована на людей, а не на людей с человеческой жадностью. «Общие дела» выступают в гармонии между человеком и природой.

Даосская философия способствует продвижению патриотизма, поддержанию интересов населения, распространению правды в стране, ценностей и идеалов бессмертных. Осуществление даосского убеждения в жизни, поддержание даосского духа полезно для того, чтобы решить все виды путаницы в мире, сознания жизни, сублимации жизни. Образ жизни даосов имеет важное значение.

В даосизме есть стремление к гармоничному обществу. Путь к справедливости, равенству, честности, экологической гармонии, религиозности – всё это совпадает с гармоничным обществом. Суть культуры даосизма должна быть полезным справочным материалом для построения социалистического гармоничного общества [7, с. 598].

Таким образом, когда мы изучаем материалы об отношениях между наукой и даосизмом

и их процессах, не трудно понять двойственный характер даосских верующих – они верят в религию, но на основании естественного закона, т. е. никогда не забывают о научной теории. Они продвигают научный процесс религиозными идеалами, их вера и мечты о бессмертии позволяют людям воссоединиться с природой и находить жизненную тайну, дают людям возможность долголетия. Бессмертие не достигается, но меры к обретению бессмертия полезны.

Список литературы

1. Астапов С. Н., Бурлуцкая Е. В., Бурлуцкий А. Н. История религий: учеб. пособие. М.: Дашков и К, Академцентр, 2009. С. 80–85.
2. Васильев Л. С. История религий Востока. М.: Университет, 1998. С. 35–40.
3. Дубровская О. Н. Древние религии мира. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. С. 228–231.
4. Пушнова Ю. Б. История мировых религий: краткий курс лекций. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2005. С. 34–36.
5. Энгельс Ф, Маркс К. Собрание сочинений. Т. 20. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=134417> (дата обращения: 19.04.2013).
6. 英) 李约瑟 《中国科学技术史》 第二卷-科学思想史 – 科学出版社1990 стр. 175–176 / Нидэм Джозер. История китайской научной техники. Т 2. История научного идеала, 1990. С. 175–176.
7. 《道藏》 第32册 第597-598页。 / Дао Цзан. Т 32. С. 597–598.

References

1. Astapov S. N., Burluckaja E. V., Burluckij A. N. Istorija religij: ucheb. posobie. M.: Dashkov i K, Akademcentr, 2009. S. 80–85.
2. Vasil'ev L. S. Istorija religij Vostoka. M.: Universitet, 1998. S. 35–40.
3. Dubrovskaja O. N. Drevnie religii mira. M.: RIPOL KLASSIK, 2003. S. 228–231.
4. Pushnova Ju. B. Istorija mirovyh religij: kratkij kurs lekcij. M.: VLADOS-PRESS, 2005. S. 34–36.
5. Jengel's F, Marks K. Sobraenie sochinenij. T. 20. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=134417> (data obrashhenija: 19.04.2013).
6. 英) 李约瑟 《中国科学技术史》 第二卷-科学思想史 – 科学出版社1990 str. 175–176 / Nidjem Dzhozer. Istorija kitajskoj nauchnoj tehniki. T 2. Istorija nauchnogo ideala, 1990. S. 175–176.
7. 《道藏》 第32册 第597-598页。 / Dao Czan. T 32. S. 597–598.

Статья поступила в редакцию 13 мая 2013 г.

Рустэм Альбертович Ярцев
кандидат технических наук, доцент,
Уфимский государственный авиационный
технический университет
(Уфа, Россия), e-mail: rust-66@yandex.ru

Научное исследование: «суд разума» или «эволюционный отбор»?

Настоящая статья посвящена анализу аргументации С. Тулмина против существования универсального метода научного познания. Сложность проблем науки и неоднозначность критериев отбора научных решений не означают отсутствия такого метода, а аналогии, устанавливаемые автором между развитием науки, отправлением правосудия и эволюционным процессом, не являются корректными для исследуемого вопроса. Так, «суд разума» в интерпретации С. Тулмина не выходит за рамки отдельной научной «юрисдикции» с её специфическими законами, а «эволюционная форма исторического объяснения» сводит методы науки к участвующим в отборе видовым признакам, тогда как универсальный метод переходит границы между научными дисциплинами и не эволюционирует. Устанавливается, что развитие концепции «суда разума» приводит к открытию данного метода, если принять, что правовым аналогом последнего является общая процедура организации судопроизводства, зафиксированная в законодательстве развитых стран. Перечисляются основные этапы указанной процедуры, соответствующие основным обязательным этапам научного исследования.

Ключевые слова: наука, научное познание, эволюция, универсальный метод, исследование, аналогия, суд.

Rustem Albertovich Yartsev
Candidate of Engineering Science, Associate Professor,
Ufa State Aviation Technical University
(Ufa, Russia), e-mail: rust-66@yandex.ru

Scientific Research: “the Court of Reason” or “Evolutionary Selection”?

The present article is concerned with the analysis of Stephen Toulmin’s argumentation against the existence of a universal method of scientific cognition. It is shown that the complexity of scientific problems and the ambiguity of the selection criteria of scientific solutions do not imply the absence of such a method, and parallels between the development of science, administration of justice and the evolutionary process found by S. Toulmin are not valid for the matter under inquiry. Thus, the “court of reason” according to S. Toulmin does not go beyond a particular scientific “jurisdiction” with its specific laws, and “the evolutionary form of historical explanation” reduces scientific methods to the specific characters involved in the selection, whereas the universal method goes over the line between scientific disciplines and does not evolve. It is stated that the concept development of “judgment of reason” leads to the discovery of this method, if we accept that the juridical analogue of the latter is the general procedure for the Court, recorded in the legislation of developed countries. The article lists the main steps of this procedure, corresponding to the main mandatory stages of scientific research.

Keywords: science, scientific knowledge, evolution, universal method, study, analogy, litigation.

Одним из выдающихся представителей философии науки является, как известно, С. Тулмин, чей труд «Человеческое понимание» [5] находится в числе «наиболее фундаментальных работ современного постпозитивизма» [4, с. 10]. Проблема, которую С. Тулмин решал, разрабатывая свою концепцию, заключалась в философском обосновании теоретических из-

менений, происходящих в ходе развития науки [5, с. 75]. Решая эту проблему, он пытался найти «средний путь» между двумя крайностями – «абсолютизмом», который утверждает существование исторически инвариантных принципов научного познания, и «релятивизмом», отрицающим всякую историческую преемственность рациональных стандартов науки [5, с. 101].

Несмотря на то, что полученное С. Тулминым решение является ценным для философии и избегает обеих указанных крайностей, оно всё же не находит «золотой середины» между ними. Так, обнаруживая рациональность причин, приводящих к замене одной научной концепции другой, С. Тулмин всё же придерживается, в первую очередь, историзма и «обосновывает по существу релятивистский подход» [4, с. 12], в соответствии с которым, например, отрицается универсальный метод научного познания [5, с. 181]. Данный вывод противоречит результатам, полученным автором настоящей статьи [8; 9], согласно которым «абсолютистский подход» в равной степени обоснован существованием универсального познавательного метода науки, являющегося, в отличие от её специальных методов, исторически инвариантным. Поэтому статья написана в целях научной полемики с аргументацией С. Тулмина и преодоления возникших разногласий по данному вопросу, важность которого для философии неоспорима.

Релятивистские выводы об универсальном научном методе вытекают непосредственно из концепции развития науки, к которой С. Тулмин пришёл, разрабатывая, по существу, тот же социологический подход, что и Т. Кун [2]. Правда, в результате у него получилось, что научное познание в каждой предметной области представляет собой эволюционирующую «интеллектуальную инициативу», которая направляется активностью специалистов, объединённых в сообщество и взаимодействующих через информационный обмен. По способу производства научных знаний такое сообщество неоднородно, потому что каждые 5–6 лет в науку приходит новое поколение выпускников вузов, которое пересматривает доминирующие здесь методологические нормы и формирует новую культурно-историческую среду на основе собственных рациональных стандартов. Тем самым наука дифференцируется на «рациональные предприятия» [5, с. 107], каждое из которых фактически автономно осуществляет и генерацию («нововведение»), и последующий «отбор» научного знания [5, с. 233]. А раз так, то нет и никакой общенаучной причины, которая заставляла бы все эти «предприятия» «отбирать» в качестве универсального один и тот же метод.

Свою концепцию С. Тулмин вводит весьма оригинально, опираясь на аналогии в таких, казалось бы, далёких друг от друга областях,

как наука, право и животный мир. Однако, любая аналогия корректна лишь тогда, когда связываемые ею объекты адекватны во всех свойствах, существенных для проводимого исследования, или, что то же самое, когда любыми различиями между объектами-аналогами можно пренебречь. Поэтому наша цель теперь – проверить корректность аналогий С. Тулмина, что позволит на научной основе преодолеть имеющиеся разногласия по вопросу об универсальном методе.

Начнём с аналогии между наукой и правом. Прежде всего, С. Тулмин проводит параллель между рациональностью научного исследования и судебного разбирательства, называя первое «судом разума» и требуя от него столь же беспристрастного применения рациональных методов познания. При этом авторство идеи «суда разума» С. Тулмин приписывает себе и П. Хербсту, датируя её возникновение началом 50-х гг. прошлого века [5, с. 59]. Со своей стороны, мы также поддерживаем идею «суда разума» как имеющую большое значение для философского осмысления научного познания. Соответствие методологии науки правилам ведения судебного процесса, на наш взгляд, обусловлено тем, что справедливое разрешение конфликтов в суде невозможно без установления истинного положения дел. Другими словами, беспристрастный поиск истины можно рассматривать как обязательный этап или необходимое условие справедливости судебных решений.

Однако, авторство С. Тулмина данной идеи вызывает большие сомнения. Уже М. Полани в 1962 г., т. е. за десять лет до выхода книги С. Тулмина, указывает на аналогию между научным открытием и вынесением «трудного судебного решения», имеющую большое значение для теории познания [3, с. 315]. Но гораздо раньше идея «суда разума» использовалась в немецкой классической философии. Так, К. Фишер отмечает, что И. Кант «любил сравнивать свою критическую задачу с судейской, а спор философских направлений с процессом», «который оказалось невозможным прекратить попытками эклектической мировой сделки» [6, с. 3936]. И в подтверждение этих слов мы находим у самого И. Канта мысль о том, что «наши споры надлежит вести не иначе как в виде процесса» [1, с. 625], который должен завершиться вынесением приговора [1, с. 626]. Конечно, вопрос о научном характере его сочинений заслу-

живает отдельного рассмотрения. Однако уже теперь ясно, что И. Кант стремился к решению философских проблем на рациональной основе и что свой метод исследования он выводил из аналогии с судебным процессом.

Заслуга С. Тулмина видится, таким образом, не в открытии, а в развитии данной аналогии. Например, он проводит параллель между правовой юрисдикцией и конкретной культурно-исторической средой, выделяя такие важные различия права и науки, как чёткое разграничение юрисдикций и наличие для последних общего способа решения проблем, который позволяет учитывать аргументы, возникшие в других юрисдикциях [5, с. 99]. С существованием первого из этих различий мы согласны. Границы каждой юрисдикции чётко устанавливаются её законодательством, положения которого сформулированы явным образом, относятся к каждому субъекту права в данной юрисдикции и обязательны для него. Учёный же, действующий в культурно-исторической среде некоторого «рационального предприятия», гораздо более свободен в выборе базисных положений и обязан декларировать лишь ту их часть, которая составляет непосредственный предмет исследования. Другими словами, многие познавательные стандарты такой среды не являются обязательными нормами, формулируются нечётко или действуют по умолчанию. А это и приводит, на наш взгляд, к размытости границ «научных юрисдикций», что подтверждается исследованиями на стыке различных школ и направлений.

Хотя данное различие носит объективный характер и, по-видимому, неустранимо, оно всё же не является препятствием для решения вопроса об универсальном методе научного познания. Ведь отсутствие формулировки такого метода ещё ничего не говорит нам о его реальном существовании среди неявно принятых норм науки, каковыми являются, например, этические принципы [9, с. 65]. Отсюда следует, что второе различие также несущественно для нашего исследования, как и первое, поскольку относится не к сравниваемым объектам, а к уровню имеющихся знаний о них. Логично предположить, что если бы наличие явных и чётких методологических предписаний общего характера было столь же важным для науки, как и для права, вследствие чего философия науки и теория права оказались бы сопоставимы по числу задей-

ствованных специалистов, то общепризнанный универсальный метод науки мог бы быть выработан уже на сегодняшний день.

Однако, мы знаем, что С. Тулмин отрицал существование данного метода [5, с. 181], придавая второму выделенному им различию объективное толкование. Отсюда следует, что, придерживаясь аналогии между юрисдикцией и средой, между судами первой и исследованиями второй, между судебными делами и научными проблемами [5, с. 107], он всё же не считал полностью адекватными используемые в двух этих сферах методологии поиска истины. Область действия научных принципов и процедур С. Тулмин ограничивал рамками «рационального предприятия», т. е. уподоблял их только тем судебным положениям, которые действуют исключительно в границах собственной юрисдикции. Но есть и другие положения права, которые по своему действию выходят за пределы какой-либо одной юрисдикции и, следовательно, являются общими для различных юрисдикций: к таким положениям, например, относится упомянутый выше метод, обеспечивающий историческую преемственность рациональной аргументации в юрисдикциях. Более того, подобный метод, рациональность которого носит общий, внеисторический характер, можно обнаружить и в сфере науки – достаточно вспомнить, что многие авторитетные исследования сопровождают постановку проблемы обзором известных решений, которые были получены в различных «рациональных предприятиях» иногда даже со времён античности. При этом его, конечно, нельзя принимать за универсальный метод науки, поскольку для решения новых проблем, не имеющих исторических аналогов, данный метод неприменим. Важно другое: существование таких общенаучных методов опровергает корректность методической аналогии С. Тулмина, поскольку область их применения не адекватна отдельно взятой юрисдикции права.

Причины, которыми С. Тулмин объясняет свой вывод об отсутствии универсального метода науки, состоят в сложности её концептуальных проблем, не позволяющей выработать подобный метод [5, с. 230], а также в отсутствии общепринятых «чётких критериев отбора» научных концепций во времена их переоценки [5, с. 233]: последнее хорошо согласуется с теорией «научных юрисдикций», коммуникация между которыми затруднена.

Оба аргумента, как представляется, критики не выдерживают. Ведь сложность проблем характерна не только для науки, но и для права, где этот фактор не помешал установлению метода, применимого в любой юрисдикции. В области права нет и чёткого содержательного критерия «отбора» решений: есть только общий критерий, чёткость применения которого в каждом конкретном случае определяет суд. Такой же общий критерий, на наш взгляд, нужно выявить и в сфере науки, описав его как составную часть универсального метода познания.

Почему же С. Тулмин, несмотря на возможности имеющейся у него аналогии, прошёл мимо признаков использования данного метода в науке? Мы можем только предположить ответ на этот вопрос: скорее всего, «отвлекающим фактором» для С. Тулмина послужили особенности общего права англо-саксонской правовой системы, которое он прежде всего имел в виду, когда разрабатывал указанную аналогию [5, с. 100]. Ведь это право, как известно, основывается на прецедентах судебной практики, используемых в качестве образца при разбирательстве по аналогичным делам. Поэтому внимание С. Тулмина было сосредоточено не на изучении законодательства в различных юрисдикциях с целью выявления общих положений, а на его применении к конкретным случаям внутри юрисдикций, когда единственно возможной связью последних видится аналогия между разбираемыми делами и их прецедентами. И если, как он, считать все «процедуры научного объяснения» аналогами положений закона, действующих строго внутри соответствующих юрисдикций, то любую из данных процедур мы будем рассматривать в качестве уникального явления конкретной среды, вследствие чего вопрос о существовании универсального метода у нас даже не может возникнуть.

Между тем сам автор «Человеческого понимания» отмечает, что прецедентный метод не всегда применим, и «при отсутствии точно сформулированных законов или прецедентов следует реконструировать основные конституционные принципы, которые соответствовали бы требованиям новой ситуации и учитывали бы более глубокие социальные функции этих законов и прецедентов» [5, с. 245]. «Таким образом, в конечном юридическом контексте логика становится слугой тех фундаментальных

человеческих целей, которые составляют само право» [5, с. 240]. Если придерживаться не усечённой, а полной аналогии между методами науки и права, то отсюда ясно, что интересующий нас здесь вопрос следует решать, попытавшись сформулировать основные принципы научного познания и отыскивая среди них внеисторический метод, логика которого также является «слугой фундаментальных человеческих целей», преследуемых данным видом когнитивной практики. Методологические успехи права, а также общие корни рациональности в судебном и научном познании, обуславливаемые здравым смыслом человеческой природы [7], должны внушать нам определённый оптимизм на этом пути.

Что же касается аналогии между наукой и животным миром, то С. Тулмин переносит на науку принятый в биологии эволюционный подход, выдвигая гипотезу о том, что теория Дарвина представляет собой частный случай «более общей формы исторического объяснения» [5, с. 143]. Согласно данной гипотезе наука у С. Тулмина подразделяется на отдельные дисциплины точно так же, как животный мир — на виды, и первые «содержат исторически развивающиеся популяции понятий, подобно тому как органические виды содержат популяции организмов» [5, с. 148]. При этом «популяция» понятий каждой дисциплины включает независимые «семейства» понятий, принимаемые различными «рациональными предприятиями» науки [5, с. 142].

Как и в животном мире, развитие научных «популяций» по С. Тулмину определяется последовательно действующими факторами двух видов — новообразованием и отбором: сначала учёные как «носители интеллектуальной традиции» предлагают научному сообществу новые разработки, а затем сообщество, находящееся под влиянием «авторитетных референтных групп», принимает некоторые из предложенных «нововведений», доказавшие свою предпочтительность, для «модификации коллективной концептуальной традиции» [5, с. 133, 150, 263]. В идеале отбор здесь должен носить интеллектуальный характер, т. е. критерием предпочтительности концепций должны быть рациональные основания, устанавливаемые беспристрастным «судом разума» [5, с. 225]. Таким образом, если материалом естественного отбора являются особи видовой популяции, их «изменчивые формы и черты» [5,

с. 144], то отбор интеллектуальный относится к совокупности «идей и методик», предложенных учёными в качестве «нововведений» [5, с. 147].

Это последнее соответствие, которое связывает методы науки с видовыми признаками конкретных особей, также является у С. Тулмина неадекватным, потому что ни один общий, а тем более универсальный метод, претендующий на принадлежность любому «семейству понятий», любой научной «популяции», нельзя считать результатом эволюционного процесса, т. к. данная «форма исторического объяснения» описывает происходящие изменения строго в пределах каждого конкретного вида «организмов». По степени общности указанный метод аналогичен, скорее, самому алгоритму эволюции, который не является видовым признаком реальной особи и не участвует в эволюционном отборе. Следовательно, прежде чем отрицать существование универсального метода научного познания, С. Тулмин должен был, по крайней мере, убедиться в том, что алгоритм (или «механизм») эволюции не может претендовать на роль такого метода. И с этим последним выводом мы бы согласились, потому что научные задачи не всегда настолько сложны, чтобы в ходе любого исследования обязательно требовалось осуществлять генерацию и отбор различных вариантов решения. Однако он предпочёл рассматривать общие методы науки в качестве конкретных видовых признаков, что, как и при сопоставлении первых с частными законами права, нарушает корректность используемой аналогии.

С. Тулмин также оставляет без внимания тот факт, что его книга содержит немало указаний на существование универсального метода в науке. Например, даётся краткое описание общей задачи научного исследования: «если мы постараемся полностью понять истинный характер стоящей перед учёным задачи – избрести лучшие понятия и процедуры объяснения, – только в этом случае мы сможем с полной осведомлённостью критиковать его достижения» [5, с. 231]. Другое дело, что автор при этом никак не объясняет возникающее расхождение между теми познавательными принципами науки и её философии, которых он придерживается. Ведь если считать, что в сфере науки вопрос об истинности теоретических положений теряет смысл и от учёного здесь требуется только «изобретение лучшего», то неясно, почему для философской теории вдруг оказывается важным понимать «истинный характер»

научной деятельности, да ещё достигать при этом всей полноты необходимого знания. Появление данного различия особенно удивляет ввиду того, что свою философию С. Тулмин выстраивал, руководствуясь декартовым принципом методологического сомнения [5, с. 49], характерным для научной традиции.

Другим указанием служит выявляемое автором соответствие эволюционного подхода в науке методу К. Поппера «как диалектической последовательности “гипотез” и “опровержений”», описание которого «сразу же можно вновь интерпретировать в эволюционных терминах» [5, с. 148]. Данный метод мы уже разобрали [8], выяснив, что он противоречит некоторым общим требованиям научного познания, например, принципу скептицизма [8, с. 162]. Однако для С. Тулмина общий характер метода и его сходство с алгоритмом эволюции не послужили толчком к пересмотру собственной позиции по рассматриваемому вопросу. Он игнорирует и такие указания на внеисторический характер некоторых общенаучных принципов, как важность идеалов объяснения [5, с. 158], существование процедур самокритики [5, с. 171], «нормальных» процедур дисциплинарного развития [5, с. 258] и др.

Невнимание ко всем этим свидетельствам, скорее всего, объясняется увлечением С. Тулмина своими аналогиями, в некорректности которых для нашей задачи мы уже убедились. Кроме того, он был решительно настроен против догматизма в науке, справедливо полагая, что ни один её метод нельзя объявлять универсальным без доказательства [5, с. 66, 231]. Однако догматизмом будет и необоснованное отрицание такого метода. Доводы же С. Тулмина на этот счёт, рассмотренные выше, мы считаем неубедительными. Таким образом, ничто не препятствует нам искать универсальный метод научного познания, тем более что идея его существования выглядит очень правдоподобно и известна уже давно [5, с. 33].

Когда же С. Тулмин утверждает, что «учёные, принадлежащие другому времени, другой культуре, не только по-разному видели миссию своей дисциплины, но и имели полное на это право» [5, с. 255], он фактически отказывается от поисков методологического единства в науке и абсолютизирует её культурно-историческое, а также дисциплинарное дробление. Между тем на многочисленных примерах известно, что любой дееспособный человек, оказавшись в

иной культурной среде, через некоторое время интеллектуально адаптируется к ней и начинает более или менее успешно решать её типовые задачи. На наш взгляд, это доказывает, что при всём разнообразии человеческих культур их рациональные основы строятся на некоторых фундаментальных принципах, инвариантность которых обусловлена единством природы человека. Благодаря этим принципам, которые мы и называем здравым смыслом [7], человек способен познавать достижения различных культур универсальным методом, составляющим неясное «ядро» любой научной методологии. Дело, следовательно, заключается в том, чтобы выявить данный метод и описать его хотя бы с приблизительной точностью.

Неоценимую помощь здесь, на наш взгляд, оказывает представление о научном исследовании как «суде разума»: словами М. Полани можно сказать, что «эта аналогия проливает свет на одну из важнейших проблем теории познания» [3, с. 315]. Однако юридическим прообразом универсального метода науки является не порядок исполь-

зования прецедентов в различных правовых юрисдикциях, как это следует из теории С. Тулмина, а общая процедура организации судопроизводства, зафиксированная в законодательстве развитых стран. Так, в работе [9] на примере законодательства Российской Федерации мы показываем, что данная процедура включает постановку вопроса, беспристрастное рассмотрение доказательств каждой из сторон процесса, их объективную оценку и вынесение законного, обоснованного решения, которое в дальнейшем может быть пересмотрено с учётом вновь открывшихся обстоятельств [9, с. 63–64]. Там же показывается, что эти задачи соответствуют основным обязательным этапам научного исследования [8, с. 163]. Концепция «суда разума» открывает, таким образом, новые возможности для философии и методологии науки, касающиеся изучения гипотезы о существовании её универсального познавательного метода, в качестве которого, как мы установили выше, не может выступать метод эволюционного отбора.

Список литературы

1. Кант И. Соч. в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
2. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с.
3. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 345 с.
4. Сивоконь П. От неопозитивизма к постпозитивизму: эволюция философского эволюционизма С. Тулмина // Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. С. 5–22.
5. Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 328 с.
6. Фишер К. История новой философии. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 15547 с.
7. Ярцев Р. А. Может ли мировоззрение быть научным? // Философская мысль и философия языка в истории и современности: сб. науч. ст. Уфа: Восточный ун-т, 2008. С. 224–233.
8. Ярцев Р. А. О научном и ненаучном познании // Вестн. ЯГУ, 2010. № 2. С. 161–166.
9. Ярцев Р. А. О значении демаркации научного познания // История науки и техники. 2012. № 4. Спецвыпуск № 1. С. 62–67.

References

1. Kant I. Soch. v 6 t. M.: Mysl', 1964. T. 3. 799 s.
2. Kun T. Struktura nauchnyh revoljucij. M.: AST, 2003. 605 s.
3. Polani M. Lichnostnoe znanie. M.: Progress, 1985. 345 s.
4. Sivokon' P. Ot neopozitivizma k postpozitivizmu: jevoljucija filosofskogo jevoljucionizma S. Tulmina // Tulmin S. Chelovecheskoe ponimanie. M.: Progress, 1984. S. 5–22.
5. Tulmin S. Chelovecheskoe ponimanie. M.: Progress, 1984. 328 s.
6. Fisher K. Istorija novoj filosofii. M.: Direktmedia Publishing, 2008. 15547 s.
7. Jarcev R. A. Mozhet li mirovozzrenie byt' nauchnym? // Filosofskaja mysl' i filosofija jazyka v istorii i sovremennosti: sb. nauch. st. Ufa: Vostochnyj un-t, 2008. S. 224–233.
8. Jarcev R. A. O nauchnom i nenauchnom poznanii // Vestn. JaGU, 2010. № 2. S. 161–166.
9. Jarcev R. A. O znachenii demarkacii nauchnogo poznanija // Istorija nauki i tehnik. 2012. № 4. Specvypusk № 1. S. 62–67.

Статья поступила в редакцию 15 мая 2013 г.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА SOCIAL WORK

УДК 321.6/8
ББК66.2

Бальжит Балдандоржиевна Дамбаева
заместитель руководителя,
Министерство образования, науки
и молодёжной политики Забайкальского края
(Чита, Россия), e-mail: Kimova@mail.ru
Светлана Зандараевна Кимова
кандидат педагогических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: Kimova@mail.ru

Взаимодействие семьи и образовательного учреждения как механизм обеспечения социальной безопасности детей в современных социокультурных условиях¹

Современная социокультурная ситуация развития общества характеризуется динамичностью, изменчивостью, неопределённостью. Сегодня мы наблюдаем сложную трансформацию социальных и культурных норм, которые несколько десятилетий назад казались незыблемыми. Следует признать, что сегодня взросление детей происходит в существенно изменившихся условиях. Современная теория и практика даёт основания утверждать необходимость поставить под сомнение, а затем и заново сконструировать основные базовые понятия, связанные с детством. Мы сталкиваемся с социальной ситуацией, в которой обнаруживаются новые гендерные роли, новые идентичности, новые культурные практики, изменившаяся конфигурация семьи, возникают новые общности, частично как ответ на новые возможности сетевых взаимодействий через Интернет. В центре всех этих, порой противоречивых и неоднозначных изменений, находится ребёнок. Масштабы и острота существующих проблем в сфере детства, возникающие новые вызовы, интересы будущего страны и её безопасности настоятельно требуют от органов государственной власти Забайкальского края, органов местного самоуправления, гражданского общества принятия неотложных мер для улучшения положения детей и их защиты.

Ключевые слова: детство, социальная безопасность, семья, образование, здоровье.

Balzhit Baldandorzhiyevna Dambayeva
Deputy Head,
Ministry of Education, Science and
Youth Policy of Zabaikalsky Krai
(Chita, Russia), e-mail: Kimova@mail.ru
Svetlana Zandaraevna Kimova
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: Kimova@mail.ru

Interaction between Family and Educational Institution as a Mechanism to Ensure Social Security of Children in Contemporary Sociocultural Conditions

Modern social and cultural situation of society development is characterized by dynamism, variability and uncertainty. Today we are witnessing transformation of complex social and cultural norms that seemed to be stable a few decades ago. It should be admitted that today children are growing up in significantly changed conditions. Modern theory and practice give grounds to assert the need

¹Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, № 6.3634.2011.

to question and then re-construct the main basic concepts associated with childhood. We confront with a social situation in which there are new gender roles, new identity, new cultural practices that have changed configuration of the family. New communities arise in part as a response to the new opportunities of network interactions over the Internet. A child is in the center of all these contradictory and ambiguous changes. The range and severity of the existing childhood problems new challenges that arise and the interests of the future of the country and its security should make public authorities, local authorities and civil society of Zabaikalskykrai take urgent measures to improve the situation of children and their protection.

Keywords: childhood, social security, family, education, health.

Решение первоочередных задач развития детей в современных социокультурных условиях, анализ современных ожиданий семьи, общества и государства позволяет констатировать, что эти ожидания в концентрированном виде отражаются на деятельности образовательных учреждений и тех инновационных процессах, которые там происходят. Вместе с тем эффективность этих процессов определяется мерой включённости и мерой ответственности с одной стороны образовательного учреждения (учителей, воспитателей, администрации), с другой – родителей за обеспечение благополучной и яркой жизни ребёнка. Этот тип взаимоотношений подразумевает принятие обеими сторонами взаимных обязательств (договорённостей) и готовности к совместному действию.

Безусловно, на первое место выходит приоритет безопасности и здоровья (физического и эмоционального благополучия), выступающий ключевым критерием качества жизни населения, в том числе детей [1].

Данные общероссийской статистики показывают, что в настоящее время в школу приходят около 15 % детей, которых можно считать абсолютно здоровыми, в то время как 15 лет назад эта цифра составляла всего 40 %. Это говорит о том, что многие первичные проблемы со здоровьем возникают у детей уже в дошкольном возрасте. Поэтому задача и родителей, и школы всесторонне содействовать полноценному физическому развитию ребёнка, обеспечивать качественное и здоровое питание, соблюдать возрастные нормы развития, закреплять у детей осознанное отношение к здоровому образу жизни как лично значимой и жизненно важной ценности. Только в этом случае при всесторонней поддержке семьи деятельность образовательных учреждений будет в области здоровьесбережения и здоровьеразвития иметь положительные эффекты.

В Забайкальском крае активно и последовательно осуществляется реализация меропр-

ятий по охране здоровья и содействию здоровому образу жизни, включающих мероприятия в сфере медицинского обслуживания и оздоровления детей, улучшения качества и условий питания и др. Обоюдная задача образовательных учреждений и семьи – развитие у детей привычки к здоровому образу жизни, личной ответственности за своё здоровье. Школа без родителей проблему формирования здорового образа жизни, включая и популяризацию здорового питания, решить не сможет.

Безопасность детей – это стратегический ориентир международной политики в области защиты прав детей во всём мире. Вопросы обеспечения комплексной безопасности образовательных учреждений в 2012 г. решались Министерством образования Забайкальского края в рамках реализации мероприятий краевой программы «Обеспечение комплексной безопасности учреждений системы образования Забайкальского края на 2010–2012 годы».

Помимо здоровья и безопасности детей не менее важным для семьи, общества и государства является личностная успешность каждого ребёнка, которая включает в себя и успешность в учебной деятельности, и достижения ребёнка в различных направлениях внеурочной деятельности. Во многом это связано с реализацией закреплённого в конституции права личности на доступное и полноценное образование. В связи с этим следует констатировать, что главной задачей современной образовательной политики России выступает достижение нового современного качества дошкольного, общего и профессионального образования.

Одной из острых проблем по обеспечению доступности качественного образования детей, актуальной для всех регионов России, является предоставление дошкольного образования для детей от 1 года до 7 лет. За последние годы на государственном уровне дошкольному образованию уделяется значительное внимание. Об этом свидетельствуют принимаемые

нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней. Главное преимущество учреждений, оказывающих услуги дошкольного образования, – это наличие детского сообщества, благодаря которому создаётся пространство социального опыта ребёнка, без чего невозможно его дальнейшее бесппроблемное продвижение на пути обучения и социальных контактов. Дошкольное воспитание как первая ступень образования, на которой закладываются основы личной успешности, является важнейшим институтом поддержки семьи в деле воспитания и развития ребёнка. В крае проживает 107 744 ребёнка дошкольного возраста. В настоящее время услуги дошкольного образования предоставляет 781 учреждение.

Проведённый анализ показал, что за 3 года на территории края дополнительно создано 6 644 места для детей дошкольного возраста. Два социальных института – семья и дошкольное учреждение – имеют решающее значение для социализации дошкольника, формирования его личности, в связи с этим главной целью любого дошкольного учреждения является создание условий для психологического комфорта ребёнка, предъявляя единые требования в детском саду и семье со стороны взрослого окружения. Для достижения данной цели в дошкольных образовательных учреждениях осуществляется развитие социальных и творческих инициатив – родительские комитеты, которые являются координационными центрами общения. Кроме того, созданы Попечительские советы и Управляющие советы – это добровольные некоммерческие организации, деятельность которых направлена на совместное решение различных проблем, возникающих у педагогов детского сада, родителей воспитанников и администрации, в связи с организацией воспитательно-образовательного процесса в детском саду, направленных на удовлетворение потребностей детей дошкольного возраста. В целях эффективного развития ребёнка в детских садах проводятся: родительские тренинги, дискуссии, психологические разминки, круглые столы, устные журналы, практикумы, родительские вечера, родительские чтения, родительские ринги и традиционные родительские собрания. Таким образом, организация разного рода совместных дел родителей и педагогов приближает семью к детскому саду и стимулирует эффективное взаимодействие семьи и детского сада.

Вместе с тем, продолжает оставаться актуальной задача обеспечения детей дошкольного возраста дошкольным образованием. И здесь неопределимый вклад может внести семья, включаясь в развитии вариативных форм дошкольного образования – групп кратковременного пребывания, семейных групп, частных центров развития, присмотра и оздоровления детей дошкольного возраста и др.

Школьный этап жизни ребёнка является этапом формирования определённых взглядов, убеждений, системы ценностей человека. Сеть общеобразовательных учреждений Забайкальского края представлена 615 общеобразовательными учреждениями. Контингент учащихся дневных школ в 2012 г. составил 131989 учащихся.

Обеспечение прав граждан и государственных гарантий на получение общедоступного и качественного бесплатного общего образования является одним из основных принципов государственной политики в области образования, закреплённых в национальной образовательной инициативе «Наша новая школа», Комплексе мер по модернизации общего образования на 2011–2015 годы, новых ФГОС общего образования 2-го поколения.

Приоритетной задачей повышения качества регионального образования является создание современных условий в школах. Модернизация общего образования в Забайкальском крае осуществляется по следующим направлениям: приобретение оборудования, транспортных средств, проведение капитальных и текущих ремонтов, энергосбережение, повышение квалификации педагогов и др. Так, в 2011 г. уровень оснащённости школ в соответствии с современными требованиями увеличен с 30 до 40 %, за счёт поступления средств из федерального бюджета в бюджет Забайкальского края в размере 280592 тыс. р.

В настоящее время всем вам известно, что в общеобразовательные учреждения вводятся новые федеральные государственные образовательные стандарты 2-го поколения (ФГОС). Введение ФГОС определяет необходимость конструктивных изменений в содержании и организации образовательного процесса в школе. В связи с этим, и педагогам, и родителям необходимо переосмыслить подходы к особенностям организации образовательного процесса в школе, результатам образовательной деятельности и способам оценки образовательных достижений учащихся.

Родителям предстоит вместе с детьми пройти путь от традиционного представления об образовании как набору определённых знаний и умений к пониманию того, что достижения ребёнка, выпускника оцениваются не только в предметных областях, как это было раньше, но в области метапредметных и личностных результатов. Иными словами, выпускник по окончании школы должен не только обладать определённой суммой предметных знаний, но и уметь общаться, работать в группе, презентовать свою работу и быть готовым к успешной социализации в обществе, получать новые знания постоянно. Родители не должны оставаться сторонними наблюдателями в процессах, касающихся изменений в образовании. Различные социально-экономические условия не смогут гарантировать «равные условия выпускников» на получение качественного образования на средней ступени обучения. От активной гражданской позиции родителей, их включённости в образование детей во многом зависит будущее их детей.

За последние три года в Забайкальском крае проводится системная работа по обеспечению равного доступа к качественному образованию в обычных образовательных учреждениях детям-инвалидам. Необходимым условием реализации данного направления является создание универсальной безбарьерной среды, позволяющей обеспечить полноценную интеграцию детей-инвалидов в общество. В Забайкальском крае количество детей-инвалидов остаётся значительным и составляет 2437 детей школьного возраста. На условиях софинансирования для создания универсальной безбарьерной среды выделено из федерального бюджета 5 238 200 р., из муниципальных бюджетов – 3 561 800 р.

Создание комфортных условий для обучения, воспитания, развития детей и подростков в образовательных учреждениях – это совместная задача государства, органов местного самоуправления, педагогического и родительского сообществ, социальных партнёров школы. В связи с этим в настоящее время особое значение приобретает активная позиция родителей, представителей общественности, социальных партнёров в рамках деятельности Попечительских, Управляющих советов, Советов отцов, оказывающих активное содействие в решении актуальных проблем улучшения оснащения и инфраструктуры образовательных учреждений.

Говоря словами Д. А. Медведева (Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа»), современный облик школы – это «умное», современное здание, позволяющее эффективно организовывать проектную деятельность, занятия в малых группах, самые разные формы работы с детьми.

Ещё одним параметром оценки благополучия и продуктивности развития и взросления ребёнка является его социальная успешность, которая заключается в способности несовершеннолетнего стать полноценным, активным участником социальных отношений, занять активную жизненную позицию, определиться с жизненной траекторией. В связи с этим ключевой задачей образовательных учреждений становится создание условий для позитивной и успешной социализации детей, подростков, молодёжи. С этим связана задача профилактики отклоняющихся, противоправных, разрушающих форм поведения и жизнедеятельности [2].

Социализация детей в изменяющихся социокультурных условиях возможна через апробацию различных социальных практик и взаимодействий в учреждениях дополнительного образования детей.

Многовариантность сети учреждений дополнительного образования детей края даёт возможность детям заниматься творчеством по 10 направлениям деятельности в соответствии со своими желаниями, интересами, потенциальными возможностями: техническому, научно-исследовательскому, художественно-эстетическому туристско-краеведческому, эколого-биологическому, физкультурно-спортивному, спортивно-техническому и др. [3].

Средний показатель занятости детей всеми видами дополнительного образования по Забайкальскому краю составляет 84,3 %. Данный показатель по Российской Федерации – 72,2 %, СФО – 68 %.

Известно, что лучшим средством профилактики отклоняющихся форм поведения детей и подростков является включение их в социально полезные и личностно значимые виды деятельности.

Занятость детей «группы риска» системой дополнительного образования в 2012 году составляет 3809 (80,9 % от общего количества учащихся, состоящих на учёте).

Участие в деятельности различных кружков, студий, секций, клубов даёт возможность ребёнку проявить свои задатки и предрасполо-

женности, развить способности, заявить о своих талантах и тем самым определить свою траекторию социальной успешности. Это должны сознавать родители и способствовать тому, чтобы ребёнок научился продуктивно организовывать своё свободное время, свой досуг направлять на собственное развитие и самореализацию. Содействие родителей, их непосредственное участие в организации детского досуга является эффективным механизмом повышения социальных эффектов образования.

По итогам 2011–2012 учебного года школьники Забайкальского края участвовали в 29 всероссийских мероприятиях и заняли 44 призовых места (в том числе 11 первых мест).

Из 102 финалистов Санкт-Петербургской олимпиады победителями и призёрами заключительного этапа стали 7 выпускников образовательных учреждений Забайкальского края.

Развивается система поддержки художественно-одарённых детей. За последние 3 года региональной и президентской премией награждено 15 детей из 10 территорий Забайкальского края. Более 30 детских творческих коллективов (1200 школьников) были направлены на отдых и оздоровление в детские оздоровительные санатории «Дарасун», «Кука», ДСОЛ «Байкальский бор» Республика Бурятия, г. Анапа Краснодарский край. Лучшие детские художественные коллективы представляли Забайкальский край и были поощрены путёвками в ВДЦ «Океан», ВДЦ «Орлёнок», на Губернаторскую и Президентскую ёлки.

Не менее важным для семьи, общества, государства является будущая профессиональная успешность выпускника, предпосылки которой начинают складываться в школе и определяются семейными традициями и ценностными ориентациями. Современная ситуация развития общего образования связана с предъявлением серьёзных требований к выпускнику школы, который должен на этапе выхода из образовательного учреждения совершать серьёзный выбор своей дальнейшей образовательной траектории, готовность к определению которой есть продукт совместной деятельности школы и семьи, обоюдно

несущих ответственность за адекватность выбора выпускником профессионального и жизненного направлений развития. В образовательных учреждениях Забайкальского края сложились модели содействия будущей профессиональной успешности выпускника:

- профильное обучение и предпрофильная подготовка;
- внутришкольные программы содействия личностно-профессиональному самоопределению выпускников школ;
- сетевое взаимодействие профильных школ, классов;
- дистанционное обучение школьников по профильным предметам;
- открытие профильных классов совместно с вузами и др.

Одним из аспектов будущей профессиональной успешности выпускника является высокий результат в освоении общеобразовательных и профильных дисциплин, что фиксируется в рамках ГИА и ЕГЭ. Результаты государственной (итоговой) аттестации по-прежнему остаются одним из основных критериев оценки деятельности общеобразовательных школ. Качественная подготовка и успешная сдача экзаменов, получение документа о завершении ступени общего образования – самый важный для многих родителей критерий результативности деятельности образовательного учреждения.

Завершая анализ актуального состояния и приоритетов взаимодействия семьи и образовательных учреждений в современных социокультурных условиях, хотелось бы выразить уверенность в том, что родители, семья будут ведущими социальными партнёрами образовательных учреждений в решении задач воспитания, развития, образования детей и подростков; в том, что родительское осознание ответственности за судьбу собственного ребёнка будет возрастать и выражаться в конструктивных формах взаимодействия с педагогическим сообществом и образовательными учреждениями; в том, что родители осознают свою роль в решении задач образования подрастающего поколения и станут активными социальными партнёрами в реализации образовательной политики России.

Список литературы

1. Лига М. Б. Здоровье и качество жизни: грани взаимодействия // Сибирский социологический вестник. Барнаул, 2009. С. 152–159.
2. Лига М. Б., Павлова Н. С., Щеткина И. А. Социальная безопасность молодёжи: организационно-управленческое обеспечение. М., 2012.
3. Захарова Е. Ю. Естественные и социальные факторы формирования экологической культуры человека и общества // Учёные записки Забайкальского гос. гум.-пед. ун-та. 2010. № 4 (33).
4. Лига М. Б., Батомункуева А. Д. Формирование управленческих компетенций учащихся гимназии. Чита: ЗабГГПУ, 2012.

References

1. Liga M. B. Zdorov'e i kachestvo zhizni: grani vzaimodejstvija // Sibirskij sociologicheskij vestnik. Barnaul, 2009. S. 152–159.
2. Liga M. B., Pavlova N. S., Shhetkina I. A. Social'naja bezopasnost' molodjozhi: organizacionno-upravlencheskoe obespechenie. M., 2012.
3. Zaharova E. Ju. Estestvennye i social'nye faktory formirovanija jekologicheskoy kul'tury cheloveka i obshhestva // Uchjonye zapiski Zabajkal'skogo gos. gum.-ped. un-ta. 2010. № 4 (33).
4. Liga M. B., Batomunkueva A. D. Formirovanie upravlencheskih kompetencij uchashhihsja gimnazii. Chita: ZabGGPU, 2012.

Статья поступила в редакцию 14 апреля 2013 г.

Людмила Герасимовна Гуслякова
доктор социологических наук, профессор,
Горно-Алтайский государственный университет
(Горно-Алтайск, Россия), e-mail: guslyakova@mail.ru

Виталистская модель социальной работы как основа интеграции лиц с ограниченными возможностями в общество¹

Современная стратегия социальной работы ориентируется на то, чтобы лица с ограниченными возможностями могли оптимизировать собственные усилия по изменению жизненной ситуации. В соответствии с этим становятся приоритетными те модели практики социальной работы, которые позволяют социальному работнику помогать лицам с ограниченными возможностями формировать и реализовать свои личностные и социальные ресурсы. Среди этих моделей особое место занимает виталистская модель социальной работы, методологической основой которой является социологическая концепция жизненных сил человека, его индивидуальной и социальной субъектности. В такой модели социальной работы при анализе проблем инвалидности исходят из целого ряда новых подходов: во-первых, дифференцируются ряды характеристик жизненного пространства среды обитания человека с ограниченными возможностями развития; во-вторых, выделяются группы показателей, относящиеся к характеристике жизненного потенциала человека. Перспективность этих подходов обусловлена тем, что в XXI веке для системы представлений о социальной защите населения, социальной безопасности, общественной практики принципиальное значение приобрела группа проблем формирования, сохранения и реабилитации жизненных сил человека и особенно лиц с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: инвалид, социальная работа, социальная помощь, социальная поддержка, виталистская модель социальной работы, жизненные силы, жизненное пространство.

Lyudmila Gerasimovna Guslyakova,
Doctor of Sociology, Professor,
Gorno-Altai State University
(Gorno-Altai, Russia), e-mail: guslyakova@mail.ru

Vitalist Model of Social Work as a Basis for Integration of Persons with Disabilities into Society

The current strategy of social work is focused on the fact that persons with disabilities can optimize their efforts to change the situation. In line with this priority are the models of social work practice, which allow social workers to help people with disabilities to create and realize their personal and social resources. Among these models, a vitalist model of social work is of special interest, its methodological basis is a sociological concept of vitality of a man, his individual and social subjectivity. Analyzing the disability issues, a number of new approaches are taken into account. First, some features of the living space of the disabled people environment are differentiated. Second, groups of indicators related to the characteristics of human life potential are distinguished. These approaches are considered to be perspective due to the fact that in the 21st century the problems of formation, preservation and rehabilitation of the vital forces of men, especially people with disabilities, are very crucial in the systems of social protection, social security and social practice.

Keywords: disabled person, social work, social assistance, social support, vitalist model of social work, life forces, living space.

Современная стратегия социальной работы ориентирует социальных работников на то, чтобы помочь клиентам, в том числе лицам с ограниченными возможностями, оптимизировать собственные усилия по изменению ситуации, возникшей на личностном или со-

¹Работа выполнена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» по теме «Качество жизни как основа обеспечения социальной безопасности России в XXI веке»

циальном уровнях. Принципиально важно то, что способность человека к воспроизводству и совершенствованию своей жизни во всех сферах общества связывается, с одной стороны, с естественными основами индивидуально-личностной и общественной жизни людей, а с другой – с развитостью культуры социальной жизни, фундаментом которой выступает не только общественный интеллект, но и признание необходимости постоянно сохранять и учитывать биопсихосоциальную природу человека, естественные и психические основы его жизни [1; 3; 4]. В соответствии с этим становятся приоритетными те модели практики социальной работы, которые позволяют социальному работнику помогать лицам с ограниченными возможностями формировать и реализовать свои личностные и социальные ресурсы. Среди этих моделей особое место занимает виталистская модель социальной работы, методологической основой которой является социологическая концепция жизненных сил человека, его индивидуальной и социальной субъектности [2].

Основные положения концепции жизненных сил человека можно представить следующим образом:

– жизненные силы человека как биопсихосоциального существа есть его способность воспроизводить и совершенствовать свою жизнь в условиях специфического жизненного пространства;

– процесс воспроизводства жизни человека характеризуется через взаимодействие его жизненных сил и жизненного пространства жизни;

– взаимодействие жизненных сил и жизненного пространства человека характеризуется тремя уровнями: во-первых, уровнем «слепого», природного взаимодействия; во-вторых, уровнем взаимодействия с помощью систем культурных символов; в-третьих, уровнем творчески преобразующего взаимодействия жизненного потенциала человека и среды его обитания, жизненного пространства;

– деятельность человека дифференцируется на всех уровнях социальной организации – от организации индивидуальной, групповой активности до институциональной, общественной [1; 3].

Такое видение жизненных сил человека определяет подход к решению проблем их защиты на всех уровнях социальной организации, во всех формах реализации, видах осуществления.

В соответствии с концепцией жизненных сил человека исходным положением для выявления сущности, содержания и объёма социальной работы является признание объективной необходимости поддержания, обеспечения субъектной роли каждого индивида в обществе в процессе его жизни, удовлетворения его потребностей, а также поддержания среды его жизнеобеспечения и деятельного существования. Осуществление этой субъектной роли зависит, с одной стороны, от самосовершенствования отдельного человека, его личностных качеств, уровня развития, способностей к эффективным действиям во всех основных сферах общественной жизни, а с другой – от совершенствования общественной организации, социального управления и планирования, согласования интересов и действий разных слоёв общества, личностей, социальных институтов. Такой подход с необходимостью требует комплексного, целостного видения жизни человека и общества и, как следствие, соответствующей организации практики.

Развитость жизненных сил социального субъекта связывается с мерой его включённости как субъекта жизнеосуществления в существующие социальные отношения, с мерой его субъектности в социокультурном развитии общества определённого типа.

В рамках теории социальной работы жизненные силы и субъектность человека соотносятся с естественными (природными) и социальными условиями его бытия, природной и социальной средой обитания. При этом существенное значение отводится, соответственно, жизненным силам человека и среде его обитания (социальной и природной). Причём, принципиальное значение придаётся определению уровня развития жизненных сил населения, организованного в пространстве разными поселениями, хозяйственно-экономическими и административными единицами, природно-географическими, экологическими или социально-экономическими законами.

Социальная работа как практическая деятельность в главном направлена на поддержание, развитие и реабилитацию индивидуальной и социальной субъектности, которые в единстве характеризуют жизненные силы человека. Социальная субъектность понимается в теории социальной работы как накопление и реализация индивидом своей способности к жизнеосуществлению во всех основных сферах общества, а также как развитость способности

человека к самопомощи. Человек становится чаще всего клиентом социальной работы, когда происходит «сбой» в реализации его субъектности, либо индивидуальной, либо социальной, либо и той и другой. И тогда возникает необходимость поддержки и реабилитации его жизненных сил. Практическая эффективность социальной помощи в рамках такой стратегии осуществления социальной работы обеспечивается, с одной стороны, системным видением единства естественной, природной и социокультурной основ индивидуальной и социальной жизни, а с другой – последовательным учётом индивидуально-личностных особенностей человека, специфики его жизнеосуществления на каждом из её основных этапов.

Система социальной защиты, обеспечивающая долговременную защищённость населения и позволяющая гражданам получить право на гарантированный доход в случае инвалидности, болезни представляет собой неотъемлемую черту современной экономики, чтобы создать такую систему, нужен интегрированный и скоординированный подход к проводимой в стране экономической и социальной политике, этот подход и обеспечивает социологическая концепция жизненных сил человека.

Социологическая концепция жизненных сил человека способствует комплексному видению проблем социальной работы, предполагающему взаимодополняемость психосоциальной и структурной социальной работы. Психосоциальная работа ориентирована на оказание помощи лицам с ограниченными возможностями с учётом их индивидуально-личностных особенностей, личных проблем, а структурная социальная работа предполагает решение проблем социальной помощи на социально-групповом и общественно-институциональном уровнях (в частности, адаптацию к социальным условиям лиц с ограниченными возможностями).

Проблемы социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями в обществе в последнее время являются объектом пристального внимания и учёных, и политиков. Особое место эти проблемы занимают в теории и практике социальной работы.

Среди глобальных направлений развития социальной работы, ориентированных на социальную помощь и поддержку лиц с ограниченными возможностями, можно выделить следующие:

– объединение экологии и социальной работы для сохранения социального здоровья населения;

– регулирование соотношения государственного и добровольно-частного обеспечения социальных программ по поддержке лиц с ограниченными возможностями;

– обеспечение благосостояния лиц с ограниченными возможностями;

– организацию паллиативной помощи;

– совершенствование методик и технологий социальной работы с клиентами, попавшими в сложную жизненную ситуацию;

– выявление специфики организации социальной работы в разных типах поселения;

– профилактику насилия в семье, особенно по отношению к детям;

– поддержку перемещённого населения, особенно беженцев, имеющих детей;

– помощь лицам, оказавшимся в районах локальных войн;

– борьбу с бедностью;

– организацию достойной жизни для лиц с ограниченными возможностями и др.

Среди региональных направлений развития практики социальной работы с лицами с ограниченными возможностями необходимо учитывать:

– *во-первых*, источники, объёмы и принципы финансирования социальных проектов, направленных на социальную поддержку и помощь лицам с ограниченными возможностями в регионе;

– *во-вторых*, критерии определения социального положения лиц с ограниченными возможностями, нуждающихся в разных формах социальной помощи;

– *в-третьих*, наличие системы учреждений социальной работы, а также технологии оказания социальной помощи, реализуемой различными типами социальных служб;

– *в-четвёртых*, полномочия федеральных, региональных и муниципальных органов социальной защиты, их дифференциацию и интеграцию;

– *в-пятых*, характер и формы самозащитной деятельности лиц с ограниченными возможностями;

– *в-шестых*, полномочия государственных и негосударственных структур, включённых в процесс социальной защиты лиц с ограниченными возможностями, механизм их взаимодействия;

– *в-седьмых*, наличие негосударственных структур, участвующих в социальной защите лиц с ограниченными возможностями.

В настоящее время в решении многих важных социальных проблем российского общества играет «третий сектор», деятельность которого направлена на создание широкого спектра услуг населению, причём извлечение прибыли не является основной целью. Формирование «*третьего сектора*» обусловлено прежде всего тем, что наиболее активные члены общества стремятся внести свой вклад в решение стоящих перед ним проблем. Большинство организаций, входящих в «третий сектор», созданы для решения задач, которыми занимаются и государственные, и муниципальные органы. К числу этих задач относятся: забота о малообеспеченных, больных, социальных неблагополучных гражданах, лицах с ограниченными возможностями и т. д.

Для организаций «третьего сектора» в настоящее время характерно привлечение добровольцев, разработка и реализация инвестиционных проектов решения социальных проблем, а также участие в государственных и муниципальных программах, направленных на развитие науки, природоохранительную деятельность, благоустройство территорий и т. д. Знакомство с зарубежным опытом показывает, что благотворительные организации лучше, чем государственные и муниципальные справляются с уходом за престарелыми и инвалидами, с помощью бездомным, лечением от алкоголизма, наркомании и т. п. Усилия многих общественных организаций направлены на формирование ситуаций вовлечения в социальный процесс целевых групп населения – женщин, подростков, пенсионеров и т. д. Наиболее активные люди сами создают организации, деятельность которых направлена на преодоление сложных ситуаций и решение социальных проблем. Как правило, это делается в тесном взаимодействии с органами власти.

Подобное партнёрство «третьего сектора» и власти необходимо, т. к. представители каждого сектора имеют разные возможности и ресурсы для участия в решении проблем социальной сферы. Подобное партнёрство выгодно каждой из сторон в отдельности и всем в целом. Это доказывают и успешные примеры конструктивного взаимодействия «третьего сектора» и государственных (муниципальных)

структур в сфере социальной поддержки разных групп населения, в том числе лиц с ограниченными возможностями.

В настоящее время необходимо выходить на новый уровень сотрудничества государства и «третьего сектора». В частности, в регионе наиболее актуальными формами участия организаций «третьего сектора» в реализации государственных и муниципальных социальных программ, направленных на поддержку лиц с ограниченными возможностями, является совместная разработка социальных программ, выполнение заказа на реализацию конкретных социальных проектов.

Для человека, ставшего инвалидом, начинается новый этап жизни: деформируются привычные жизненные стереотипы, нарушается сложившаяся система социальных контактов, меняется общественный статус личности, появляются барьеры на пути осуществления важнейших биологических и социальных потребностей. Общество вынуждено тратить значительные материальные средства, компенсируя исключение инвалидов из основной сферы жизнедеятельности – труда. Дети-инвалиды лишены доступных здоровым сверстникам каналов получения информации: скованные в передвижении и использовании сенсорных каналов восприятия, они не могут овладеть всем многообразием человеческого опыта.

В поле зрения социальной работы попадает всё многообразие социальных аномалий и методов её ликвидации в жизнедеятельности социальных субъектов всех типов и видов. При этом анализируются особенности функционирования и развития социального субъекта, а также динамика его эволюции в состоянии преодоления аномалий, перехода из одного качества в другое. И то и другое используется в социальном проектировании, разработке и осуществлении проектов, ориентированных на преодоление социальных аномалий в деятельности субъектов общественной жизни различных степеней общности – от личности, контактной группы до больших социальных групп, общества в целом. На этой концептуальной основе формируются специфические технологии социальной работы, весьма близкие к технологиям социально-терапевтической деятельности, в частности, кризис-интервентная модель психосоциальной помощи людям, имеющим различные проблемы, в том числе и разные формы инвалидности.

На этой основе возникает и новая перспектива развития виталистской модели социальной работы, направленной на совершенствование организации помощи нуждающимся, поддержку физического, психического и социального здоровья человека. Именно на этой методологической основе социальная работа может обрести формы и содержание, адекватные требованиям современного общества. В связи с этим существенно важна разработка базовых характеристик (показателей) развитости жизненных сил человека, представляющих не только физическое здоровье, физическую силу человека, но и возможности его психики, социального потенциала, общественных связей, умений, навыков, знаний.

Таким образом, в виталистской модели социальной работы при анализе проблем инвалидности исходят из целого ряда новых и традиционных подходов к пониманию всего комплекса задач гарантирования социальной поддержки разных групп населения. Во-первых, дифференцируются ряды характеристик жизненного пространства среды обитания человека с ограниченными возможностями развития. При этом следует иметь в

виду, что могут существовать аномалии, деградация (деформация) всех основных сфер жизнеосуществления человека. Во-вторых, выделяются группы показателей, характеристики собственно жизненных сил, жизненного потенциала человека, его индивидуальной и социальной субъектности как способности воспроизводить, совершенствовать и осуществлять свою жизнь в определённом жизненном пространстве, конкретном социально-территориальном поле, социально-историческом пространстве-времени. При этом также выделяется развитость субъектности индивида, личности, каждого социального субъекта в основных сферах жизни общества, его способности активно, результативно, безопасно, цивилизованно, культурно действовать в различных сферах жизнедеятельности [3]. В соответствии с этим в XXI в. для системы представлений о социальной защите населения, социальной безопасности, общественной практики принципиальное значение приобрела группа проблем формирования, сохранения и реабилитации жизненных сил человека, и особенно лиц с ограниченными возможностями.

Список литературы

1. Григорьев С. И. Основы виталистской социологии XXI века: учебник. М.: Гардарики, 2007. 236 с.
2. Гуслиякова Л. Г. Виталистская модель теории и практики социальной работы: монография. Барнаул: Азбука, 2006. 196 с.
3. Гуслиякова Л. Г., Григорьев С. И. Социология для социальной работы. М.: Магистр-Пресс, 2002. 224 с.
4. Лига М. Б. Обеспечение социальной безопасности и социальные риски // Трансграничье в изменяющемся мире. 2010. № 1. С. 40–46.

References

1. Grigor'ev S. I. Osnovy vitalistskoj sociologii XXI veka: uchebnik. M.: Gardariki, 2007. 236 s.
2. Gusl'jakova L. G. Vitalistskaja model' teorij i praktiki social'noj raboty: monografija. Barnaul: Azbuka, 2006. 196 s.
3. Gusl'jakova L. G., Grigor'ev S. I. Sociologija dlja social'noj raboty. M.: Magistr-Press, 2002. 224 s.
4. Liga M. B. Obespechenie social'noj bezopasnosti i social'nye riski // Transgranich'e v izmenjajushhemsja mire. 2010. № 1. S. 40–46.

Статья поступила в редакцию 22 января 2013 г.

Марина Борисовна Лига
доктор социологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: m-liga@inbox.ru

Социальная безопасность и качество жизни: концептуальный анализ¹

Раскрываются актуальные проблемы социальной безопасности и социальной поддержки молодёжи. Обращается внимание на то, что построение и эффективное функционирование системы социальной безопасности как состояния защищённости личности, социальной группы, общности от угроз нарушения их жизненно важных интересов, прав, свобод находятся в непосредственной зависимости от социальной политики государства. Выявляются закономерности взаимодействия качества жизни и социальной безопасности. Доказывается, что актуальной является политика обеспечения социальной безопасности, ориентированная на достижение достойного качества жизни, открывающая широкие возможности для сохранения устойчивого существования и функционирования социальных субъектов, удовлетворения и реализации необходимых потребностей и интересов, усиления способности к эффективному предотвращению или устранению различного рода рисков.

Ключевые слова: социальная безопасность, качество жизни, социальная политика, образование, здравоохранение.

Marina Borisovna Liga,
Doctor of Sociology, Professor,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: m-liga@inbox.ru

Social Security and Quality of Life: Conceptual Analysis

Urgent problems of social security and social support of young people are revealed. The paper highlights the fact that construction and efficient operation of the social security system as a condition of security for an individual, a social group, common threat of violation of their vital interests, rights, and freedom are directly dependent on social policy. The regularities of interaction between quality of life and social security are identified. It is proved that the current policy of providing social security focuses on achieving a decent quality of life, gives opportunities to ensure sustainable existence and functioning of social actors, satisfaction and implementation of essential needs and interests, and to enhance the ability to effective prevention or elimination of various kinds of risks.

Keywords: social security, quality of life, social policy, education, healthcare.

Проблема обеспечения социальной безопасности находится в центре внимания общественных и государственных деятелей, учёных, всех граждан. Сегодня эта проблема стала объектом самого пристального изучения в различных областях научного знания: философии, социологии, экономики, политике, экологии, медицине, педагогике и др.

На современном этапе развития, когда человечество столкнулось с новыми проблемами: демографической, экологической, энергетической, продовольственной – изменилось и содержание понятия «социальная безопасность». Сегодня

при создании системы социальной безопасности необходимо учитывать многие инновационные процессы, связанные с глобализацией, регионализацией, изменением нравственного потенциала общества, возникновением новой экономики, основанной на знаниях, информации.

Большинство учёных едины в одном: прежде чем решать проблемы обеспечения политической, экономической, социальной стабильности, необходимо в первую очередь обеспечить соблюдение и защиту прав и свобод личности, обеспечение индивидуальной безопасности, лежащей в основе всего остального.

¹Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, № 6.3634.2011.

Особенно актуальна проблема обеспечения социальной безопасности для России, в связи с тем, что сегодня ей угрожают такие процессы, как:

– превращение страны в сырьевой придаток Запада, ориентация на развитие добывающих отраслей;

– географическое положение, которое требует больших затрат ресурсов, прежде всего энергоносителей;

– ориентация экономики на массовое ресурсоёмкое производство, тогда как актуальным становится интенсивное ресурсосберегающее и наукоёмкое производство;

– изменение социальной структуры российского общества, из которой исчезает средний класс. Возникает новая модель социальной структуры, представленная двумя социальными группами: элитарным классом и основной массой населения. Стихийное исчезновение среднего класса имеет серьёзные экономические и социальные последствия. Средний класс – основной источник платёжеспособного спроса, на него ориентирована экономика страны. Исчезновение этого класса означает сокращение экономического производства, вступление экономики в период стагнации [5].

Таким образом, социальная безопасность России характеризуется высоким уровнем социального риска, который проявляется:

– в отсутствии общенациональной модели, стратегии развития;

– ориентации на потребление, материальное благополучие;

– неспособности осмыслить происходящие в обществе процессы, дать на них объективные, правильные ответы. «Отчуждённость, заброшенность маленького человека, став нормой его жизни, ещё не получила адекватного культурного ответа. Даже Чернобыль, шоковая терапия, дефолт и другие мегариски последних десятилетий всё ещё осваиваются человеком улицы в терминах традиционной культуры как беды, несчастья и напасти. Долготерпение, эта основа устойчивости прежнего российского общества, губительно в современных условиях» [1, с. 425.];

– существовании деструктивной модели общества, ориентированной на регресс и демодернизацию;

– наличии рисков во всех сферах жизнедеятельности общества;

– отсутствии ощущения безопасности, жизни в условиях рисков, незащищённости.

Несмотря на свою значимость и актуальность проблема социальной безопасности остаётся теоретически мало разработанной. Хотя за последние два десятилетия как зарубежными учёными, так и отечественными в этом направлении сделано немало. В настоящее время идёт процесс становления новой отрасли социологического знания, которая получила название – социология безопасности. Определены её объект, предмет, категории, принципы (В. Н. Кузнецов). Предмет социологии безопасности – это анализ отношений, возникающих между людьми; изучение связей и факторов, влияющих на соблюдение правил и норм; осмысление взаимосвязи субъектов и объектов социальной безопасности со средой безопасности. К числу принципов социологии безопасности В. Н. Кузнецов относит всеохватность, равноправие партнёров, солидарность. На сегодняшний день, как считает В. Н. Кузнецов, «в отечественной социологии создана серьёзная теоретическая, методологическая и эмпирическая база для социологического анализа институтов, процессов, структур обеспечения безопасности человека, народа, общества и государства, социальных систем различной природы» [4, с. 148].

В мировой социологической литературе феномен безопасности, риска, угрозы получили разработку в трудах Н. Лумана, М. Дугласа, Э. Гидденса, У. Бека, М. Кастельса и др.

Среди отечественных учёных, в работах которых анализируются проблемы безопасности, можно назвать работы Г. Осипова, В. Кузнецова, Г. Силласте, Н. Лапина, Г. Яновского, В. И. Добренькова и др.

В науке сложились различные подходы к изучению социальной безопасности. Во-первых, концепции, рассматривающие проблемы социальной безопасности в контексте рисков, вызов, угроз, опасностей. Этот подход получил всестороннюю разработку в творчестве зарубежных социологов. Во-вторых, концепции, в которых социальная безопасность становится самостоятельным объектом научного исследования.

В современной западной социологической литературе необходимость изучения рисков осознана давно. Это привело к возникновению социологии риска нового направления в развитии общей теоретической социологии.

По мнению Бека, центральным вопросом современной цивилизации становится риск и

способы его предотвращения, минимизации и управления. У. Бек доказывает, что сама современная технология производит риск, который детерминируют происходящие в социальной среде процессы. Причинами возникновения рисков Бек считает стремление людей к богатству, риски не ограничены пространством и временем. Хотя более всего подвержены рискам бедные страны, поскольку богатые страны могут огородить себя от рисков, созданных ими самими с помощью различного рода технологий. Причём, они выигрывают от продажи технологий, предотвращающих возникновение или преодоление рисков. Но никто не застрахован от рисков, поскольку действует «эффект бумеранга», вследствие которого побочные эффекты риска «отскакивают назад даже к центрам их создания. Агентов модернизации самих настойчиво засасывает в водоворот опасностей, которые они выпускают на волю и из которых извлекают выгоду» [6, с. 496].

К числу особенностей риска У. Бек относит то, что он создаётся в социальной системе; риск проверяет социальную систему на прочность, выживаемость; развитие риска, его настоящее и будущее зависят от экспертов и экспертного знания. Кроме этого риски непредсказуемы, многочисленны, не поддаются контролю, не воспринимаются органами чувств, глобальны. Следовательно, по Беку риск есть результат развития самого общества. Риски создают сами люди, сами люди становятся их жертвами, сами люди начинают искать пути предотвращения рисков. Под воздействием рисков меняются нормы, ценности, мировоззрение. Нормой жизни становится безопасность.

Э. Гидденс рассматривает риск на уровне социальных систем. По его мнению, человек окружён социальными и технологическими рисками. В отличие от У. Бека, Э. Гидденс обращается к проблеме выявления механизмов предотвращения риска. Поскольку риск создаёт свои среды, которые воздействует на людей, то основным механизмом предотвращения риска он называет доверие. Доверие понимается им как условие снижения и минимизации риска. Проблему безопасности Э. Гидденс трактует очень узко. С его точки зрения безопасность есть специфический набор минимизированных опасностей. Учёный вводит понятие «человек риска». Это человек, живущий в условиях современного общества, которое создано им самим.

Э. Гидденс пишет: «Современность есть культура риска. Этим я не хочу сказать, что социальная жизнь по своей сути более опасна, чем прежде; для большинства людей это не так. Понятие риска скорее имеет фундаментальное значение для способа организации социального мира как непрофессиональными актёрами, так и техническими специалистами. Современность снижает общую рискованность определённых сфер и форм жизни, однако в то же время она привносит новые параметры риска, которые были прежним эпохам в основном или совершенно неизвестны» [6, с. 493]. По мнению П. Штомпки, Э. Гидденс обозначил механизмы преодоления риска, отнеся к ним:

- сосредоточенность на повседневных занятиях и сознательное блокирование тревожности;
- оптимизм в преодолении опасностей;
- последовательная борьба против выявленных источников опасности [4, с. 127].

В основе концепции риска Н. Лумана лежит его положение об обществе как самовоспроизводящей и самоопределяющейся системе. Н. Луман выделял три типа общества: архаические общества, общества высокой культуры и современные глобальные общества. Современное общество, которое учёный понимает как общество, охватывающее весь населённый мир в одну гигантскую систему, само создаёт риски. Его социальные, технологические и природные системы становятся производителями рисков. Современное общество создаёт неподвластные контролю действия, ускоряющие общественные изменения, порождающие ситуации риска. Н. Луман, используя шкалу «настоящее – будущее», оценивает последствия риска для нынешнего и будущего этапов развития общества. Он считает, что риск – это результат решения самих людей и его последствия различны для тех, кто принимает решения, и для тех, кого этот риск непосредственно касается. Социолог видит путь предотвращения рисков в изменении отношения общества с окружающей его средой. Это возможно с помощью использования технологических достижений. Технологические возможности позволят обществу добиться высокого уровня независимости от природной среды. Что же касается морали, ценностных ориентаций, то их учёный не учитывает. Он считает, что глобальному обществу нет дела до морали, ценностей, религии. В своей концепции Н. Луман обращается к пробле-

ме социальной помощи. Он рассматривает её в историческом аспекте. Так, в архаическом обществе помощь понималась, как обязанность помогать или отдавать излишки. В основе помощи в обществе высокой культуры лежит принцип ожидания, здесь помощь понимается не как обязанность общества. В «современном обществе» создаются специальные системы для организации и оказания помощи.

В концепциях У. Бека, Э. Гидденса социальная безопасность не является предметом специального исследования, в центре внимания этих учёных находятся проблемы риска, причины и последствия его возникновения, механизмы преодоления. По их мнению, риск – это норма. Безопасность рассматривается как условие предотвращения рисков. Они поднимают вопрос о необходимости формирования стратегии управления рисками на основе их познания.

Большинство авторов, занимающихся изучением риска, пишут о том, что риск с одной стороны выполняет разрушительную, дестабилизирующую функцию, общество в условиях риска ориентировано на выживание, самоограничение. С другой же стороны риск есть средство мобилизации человеческих ресурсов, средство развития их активности, творческих способностей. Поколение людей, выросших в условиях риска, воспринимает его как нормальное состояние.

Проблема угрозы получила разработку в социологии П. Штомпки. Учёный вводит в научный обиход понятие «социальная травма». Он выделяет шесть стадий травматического состояния:

1. Прошлое состояние общества, благоприятствующее возникновению травмы.
2. Травматические события как таковые, их содержание, существо травмы.
3. Противоречивые толкования прошлого, его символическое осмысление.
4. Травматические симптомы как разделяемые большинством образцы поведения и общепринятые мнения.
5. Посттравматическая адаптация.
6. Завершающая стадия, которая наступает с окончанием переходного периода [9, с. 48–49]. С точки зрения П. Штомпки любые социальные изменения несут в себе риски и угрозы, т. к. идёт процесс ломки старых ценностей, норм, идеалов, рушатся старые представления о социальной реальности. Исходя из этого, учёный доказывает, что любые социальные изменения – это культурные травмы.

Среди отечественных учёных могут быть выделены работы А. В. Мозговой, Е. В. Шлыковой, А. И. Городничей, М. Ю. Елимовой, В. И. Зубкова. Их работы посвящены концептуальным, методологическим и методическим вопросам риска, механизмам его преодоления в обеспечении социальной безопасности. В частности, в исследованиях О. Н. Яницкого предпринята попытка дать оценку нынешнего положения России с позиций теории риска. В. Н. Кузнецов определяет риск как «геокультурный феномен, представляющий в превращённой форме правила запрета в динамике перемен от ситуации неопределённости в направлении желательных изменений с учётом фактора времени и реального масштаба» [4, с. 127].

В рамках второго направления анализируются структурные компоненты, индикаторы социальной безопасности, критерии её сохранения, выделяются уровни и типы социальной безопасности.

В современной отечественной социологической литературе существуют различные подходы к анализу социальной безопасности: функциональный, синергетический, институционный, ценностный, организационный, правовой. Среди выделенных подходов право на существование имеет, на наш взгляд, синергетический подход, объединяющий все остальные. Все эти аспекты социальной безопасности взаимосвязаны и взаимообусловлены. Нельзя говорить о функциях социальной безопасности, не касаясь её институтов, вряд ли можно анализировать социальную безопасность, затрагивая только ценностные ориентации. Социальная безопасность как сложная многоаспектная и многоуровневая система включает различные элементы: субъекты, объекты, задачи, основные направления, приоритеты, ресурсы, формы, методы, средства, функции, институты.

Учёными выделены следующие уровни социальной безопасности: международная, европейская, государственная, региональная, муниципальная. Анализируются угрозы социальной безопасности. Выделяются различные виды и типы этих угроз (потенциальные и актуальные, объективные и субъективные), их источники (природные, социальные, технологические). Нам представляется, что все угрозы: и природные, и техногенные, и технологические, и продовольственные – это социальные угрозы,

т. к. в основе их возникновения лежит деятельность самого человека, все они угрожают благополучию и устремлениям самого человека, и наконец, сам человек должен будет предпринять усилия для их предотвращения [2].

Социальная безопасность, на наш взгляд, должна включать в себя систему механизмов и методов, направленных на защиту жизненно важных интересов, реальное обеспечение социальной безопасности людей и систему мер, направленных на достижение достойного качества жизни.

По нашему мнению, социальная безопасность – это такое состояние социальной сферы, при котором обеспечивается её устойчивое состояние, оптимальное удовлетворение потребностей, достойное качество жизни, создание условий для развития личности.

Одним из недостатков существующих концепций социальной безопасности является отсутствие механизмов её достижения и обеспечения. Проблема механизмов предотвращения угроз и обеспечение социальной безопасности сегодня недостаточно разработана в научной литературе. Возникает естественный и закономерный вопрос о том, что может, образно говоря, стать «тем рычагом», который сможет повысить качество жизни и обеспечить социальную безопасность. Очень часто к числу таких механизмов относят совершенствование нормативно-правовой базы, формирование культуры безопасности, экономический рост. Ряд авторов считает, что достижение социальной безопасности возможно только через решение внешнеполитических проблем, проблем окружающей среды. Другие учёные связывают решение проблем обеспечения социальной безопасности с изменением в налоговой политике государства. Современная налоговая политика, которая даёт средства на социальные программы и содержание бюджетной сферы, несовершенна. Её несовершенство заключается в том, что, отвлекая средства, она оказывает тормозящее влияние на развитие экономики. А экономика, по их мнению, – тот рычаг, который позволит повысить качества жизни. Если не удастся изменить механизмы налоговой политики, то выход, как они считают, надо искать в инвестициях и дотациях. Инвестиции и дотации помогут компенсировать отрицательное воздействие налоговой политики. Все названные выше механизмы не затрагивают самого человека и как объекта, и как субъекта со-

циальной безопасности. Нам представляется, что при определении механизмов обеспечения социальной безопасности следует обращаться к самому человеку, создавать условия, способствующие его развитию. Обратимся к характеристике такого пути обеспечения социальной безопасности, как экономический рост. Следует заметить, что экономический рост может стать механизмом обеспечения социальной безопасности только в том случае, если он будет ориентирован на обеспечение достойного качества жизни. Однако такой экономический рост возможен только при наличии высокого образовательного и здравоохранительного уровня населения.

В. Н. Ковалёв к числу механизмов обеспечения социальной безопасности относит проведение социологического мониторинга. Данные мониторинга необходимы при разработке программ развития социума, при оценке их реализации. Необходимость использования мониторинга для обеспечения социальной безопасности обусловлена и тем, что даёт возможность охватить всю социальную сферу, оценить результативность социальной политики со стороны её качественных показателей. Кроме того, «несомненное преимущество мониторинга заключается в его способности систематически наращивать, интегрировать необходимые данные по широкому кругу стандартных социальных показателей и создавать на этой основе постоянно обновляющиеся многопредметные информационные банки данных» [3, с. 136]. Но одного мониторинга для обеспечения социальной безопасности недостаточно, нужны и экономические, и социальные, и медицинские механизмы. Мы считаем, что мониторинг следует рассматривать как вспомогательный механизм в политике обеспечения социальной безопасности.

На наш взгляд, основными механизмами обеспечения социальной безопасности станут образование и здравоохранение. Образование и здравоохранение – это отрасли, развивающие, сохраняющие и поддерживающие человеческий потенциал. Значимость этих сфер актуализируется в связи с изменением движущих сил развития общества, с появлением нового типа экономики – «экономики знаний», возрастанием роли интеллекта, знаний, информации.

Важнейшей целью развития цивилизации было и остаётся стремление к обеспечению достойного качества жизни. Рассмотрение об-

разования и здравоохранения как механизмов, способных обеспечить достойное качество жизни, а через него и социальную безопасность, связано с тем, что в постиндустриальную эпоху эти сферы призваны сыграть ведущую роль в жизнедеятельности общества.

Проблема обеспечения социальной безопасности через достижение достойного качества жизни не получила достаточного освещения в современной литературе. Хотя, как нам представляется, – это единственный путь, следуя которому можно создать условия, необходимые для достижения социальной безопасности. Существуют различные пути достижения высокого качества жизни населения. Это может быть путь количественного и качественного экономического роста, который был проделан развитыми постиндустриальными странами. Такой путь развития предлагается многими учёными и для России. По их мнению, ориентация на экономический рост приведёт к спасению экономического и научно-технического потенциала страны, расширению ресурсного потенциала страны. Но сегодня, когда движущей силой развития общества становится человеческий капитал, достижение высокого качества жизни возможно только через развитие образования, здравоохранения. Поиск путей обеспечения достойного качества жизни должен идти от социальной сферы к сфере экономической.

Обеспечение достойного качества жизни может осуществляться по следующим направлениям. Во-первых, поддержка экономически слабых слоёв населения. Во-вторых, защита населения от различного рода социальных рисков: пенсионное обеспечение по старости, инвалидности и потере кормильца, поддержание минимального дохода семьи, страхование от безработицы, болезни и т. п. В данном случае задачей становится смягчение ударов социальных рисков. Эти два направления ориентированы на решение текущих задач, на сохранение и поддержание жизненного уровня населения. В-третьих, решение таких социальных проблем, как формирование среднего класса, модернизация образования и здравоохранения, экологические проблемы. Все эти задачи ориентированы на будущее, на повышение качества жизни как основы социальной безопасности. В-четвёртых, регулирование сверхдоходов отдельных граждан посредством введения прогрессивного налогообложения.

В мировой практике состояние социальной безопасности оценивается по шкале, включающей в себя двадцать показателей. В число этих показателей входит соотношение доходов 10 % самых богатых и 10 % самых бедных; доля населения, живущего на пороге бедности; разница между минимальной и средней заработной платой; уровень безработицы, преступности, потребления наркотиков и алкоголя, коэффициент депопуляции, старения населения, средняя продолжительность жизни.

Ряд авторов к числу индикаторов состояния социальной безопасности относят доверие (Ф. Фукуяма, Э. Гидденс, Н. Луман, Ф. Штайлман, В. Н. Кузнецов и др.). Ф. Фукуяма пишет: «Доверие есть возникающее в рамках определённого сообщества ожидание того, что члены данного сообщества будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепризнанными нормами. Последние могут относиться к сфере «фундаментальных ценностей» – о природе Господа или справедливости, но охватывают и вполне светские понятия, такие как профессиональные стандарты и кодексы поведения. Так, мы вправе рассчитывать, что врач умышленно не причинит нам вреда, т. к. предполагается, что он обязан соблюдать клятву Гиппократова и определённые профессиональные нормы» [8, с. 134]. Доверие возникает на основе экономического благополучия нации, существующих в обществе норм и ценностей.

По степени доверия Ф. Фукуяма делит всех на общества «с высоким уровнем доверия» и «общества с низким уровнем доверия». Первую группу стран образуют Япония, США и Германия. Эти страны характеризуются экономическими успехами, причины которых он видит в доверии. Доверие, способствуя экономическому успеху, выступает и индикатором социальной безопасности. Вторая группа стран – это Франция, Италия, страны Восточной Европы и бывшего СССР, которые отличаются низким уровнем экономического развития, а стало быть, и низким уровнем социальной безопасности. Мы понимаем, что такое разделение стран несколько условно и относительно, как условен и относителен сам принцип классификации. Думается, что постановка вопроса об уровне доверия как основе классификации социумов должна ориентировать исследователя прежде всего на выявление объективных и субъективных критериев этого прин-

ципа, на изучение условий и средств, которые обеспечивают формирование определённого доверия внутри страны. Нам представляется, что выделение доверия в качестве индикатора социальной безопасности должно быть дополнено ещё и рядом других показателей. Это важно сделать ещё и потому, что доверие как показатель носит субъективный характер.

А. Н. Сухов выделяет такие характеристики состояния социальной безопасности, как продолжительность и качество жизни. По его мнению, высокая продолжительность жизни и её качество свидетельствуют о достаточном уровне социальной безопасности. И наоборот [7].

Заслуживают внимания критерии социальной безопасности, выделенные В. Н. Ковалёвым. Он предлагает всё социальное пространство разделить на четыре зоны: зона социального благополучия, зона социального риска, зона социальной угрозы, зона социальной деградации. Каждая из зон измеряется по таким критериям, как: демографическая ситуация и охрана здоровья; трудозанятость, профессия, квалификация; образование и социальная адаптация; уровень и качество жизни; жилищно-бытовая обеспеченность; доступ к информации и ценностям культуры; охрана материнства и детства; социальное обеспечение и обслуживание; охрана окружающей среды; личная безопасность и неприкосновенность [2]. Предложенная методика оценки социальной безопасности интересна. Однако нам представляется важным высказать ряд замечаний. Во-первых, мы не можем согласиться с тем, что в числе критериев названо качество жизни. Качество жизни (и об этом неоднократно шла речь) – это основа социальной безопасности. Только обеспечив достойное качество жизни населения, может добиться социальной безопасности. Во-вторых, не ясен процесс дальнейшей обработки показателей. В-третьих, непонятно, что лежит в основе оценки – статистические данные или результаты социологических исследований.

Связующим звеном между качеством жизни и социальной безопасностью становится социальная политика. В современной социологической литературе существуют различные концепции социальной политики. Среди этих концепций следует назвать такие, как концепция знания как нового способа достижения достойного качества жизни, концепция среднего класса и «шведская модель».

В целом, все эти модели социальной политики ориентированы на развитие человеческого потенциала, творческой инициативы, формирование постматериалистических ценностей, достижение высокого качества жизни. Современные процессы, происходящие в мире, подтвердили жизненность и правильность данных моделей социальной политики. Реализация и результаты, достигнутые государствами, использующими эти модели, ещё раз доказали, что основными механизмами достижения высокого качества жизни и социальной безопасности будет образование и здравоохранение.

Повышение качества жизни должно рассматриваться как важнейший приоритет развития современной цивилизации, как общечеловеческая идея, способная повлиять на весь ход развития мира. Приоритетом должны стать каждый конкретный человек и его семья. Ясно, что необходимы целенаправленные действия со стороны государств по повышению уровня благосостояния, поддержки семьи, здоровья населения, уровня его образованности. Общество обязано создать условия для раскрытия творчески-созидательного потенциала личности. Показателем успеха такого курса будет социальная безопасность.

Качество жизни и социальная безопасность – это два понятия, представляющие разные стороны одного и того же процесса. Поэтому качество жизни нерасторжимо связано с социальной безопасностью. Образование и здравоохранение являются важнейшими факторами, определяющими развитие экономики, поскольку именно от них зависит формирование производительной силы общества – человека. Поэтому главным приоритетом в развитии государства и общества должна быть сфера образования и здравоохранения. Выделение здоровья в качестве одного из механизмов обеспечения социальной безопасности обусловлено тем, что в мировой практике уровень и динамика здоровья, продолжительность жизни ставятся на первое место при определении условий жизнедеятельности человека, поскольку рассматриваются как базисная потребность человека, главное условие его жизнедеятельности. Поэтому не только без развитой экономики не может быть качественной современной системы образования и здравоохранения, но наоборот, без развитой системы образования и здравоохранения не может быть развитой экономики. Средства, вложенные в

образование и здравоохранение, являются одновременно и самым эффективным вложением в экономику.

Для сегодняшней России наиболее вероятны три пути её развития. Первый путь связан с превращением страны в сырьевую базу, источник дешёвой рабочей силы для развитых стран Запада и Востока. Этот путь развития приведёт к свёртыванию наукоёмких производств, росту национального долга, оттоку капитала и людских ресурсов за рубеж, одностороннему развитию топливно-энергетического и сырьевого комплекса.

Второй вариант связан с идеологией устойчивого развития, в основе которого лежит формирование потребительского общества и обеспечение высокого уровня доходов. Но при выборе этого пути Россия будет повторять развитие Запада второй половины XX века.

И, наконец, третий путь, ориентированный на создание постиндустриального общества. Он предполагает формирование новой системы ценностей, превращение знаний, интеллекта, информации в движущую силу развития общества, в человека как главный стратегический ресурс развития общества. Гуманизация всех сфер общественной жизни, обращение к человеку, повышение его образовательного и здравоохранительного потенциала – всё это позволит обеспечить достойное качество жизни, а на его основе обеспечить состояние социальной безопасности.

Только та концепция социальной безопасности, в основу которой будут положены образование, здравоохранение, способна защищать и развивать жизненные силы социальных субъектов, обеспечивать такое качество социальных отношений, при котором все члены общества должны ощущать отсутствие угроз своей жизнедеятельности.

Список литературы

1. Волков Ю. Г. Социология. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 576 с.
2. Захарова Е. Ю. Экологическая культура социо-, натур- экосистемы. Чита: ЗабГГПУ, 2011.
3. Ковалёв В. Н. Социология управления социальной сферой: учеб. пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2003. 240 с.
4. Кузнецов В. Н. Социология безопасности. М.: Ин-т. соц. и полит. исследований РАН, 2003. 880 с.
5. Ларионов И. К. Социальная теория: общие основы и особенности России: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Дашков и К, 2005. 244 с.
6. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
7. Социальная психология безопасности. М.: Академия, 2002. 256 с.
8. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Acadimia, 1999. С. 123–163.
9. Ядов В. А. Теоретическое осмысление трансформаций «пост-коммунистических» стран в приложении к России // Социология и современная Россия / под ред. А. Б. Гофмана. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 188 с.

References

1. Volkov Ju. G. Sociologija. Rostov n/D: Feniks, 2005. 576 s.
2. Zaharova E. Ju. Jekologičeskaja kul'tura socio-, natur- jekosistemy. Chita: ZabGGPU, 2011.
3. Koval'jov V. N. Sociologija upravljenija social'noj sfěroj: učeб. posobie dlja vuzov. M.: Akademičeskij Proekt, 2003. 240 s.
4. Kuznecov V. N. Sociologija bezopasnosti. M.: In-t. soc. i polit. issledovanij RAN, 2003. 880 s.
5. Larionov I. K. Social'naja teorija: obshhie osnovy i osobennosti Rossii: učeб. posobie. 2-e izd. M.: Dashkov i K, 2005. 244 s.
6. Ritcer Dzh. Sovremennye sociologičeskie teorii. 5-e izd. SPb.: Piter, 2002. 688 s.
7. Social'naja psihologija bezopasnosti. M.: Akademija, 2002. 256 s.
8. Fukujama F. Doverie. Social'nye dobrodeteli i sozidanie blagosostojanija. Novaja postindustrial'naja volna na Zapade. Antologija / pod red. V. L. Inozemceva. M.: Acadimia, 1999. S. 123–163.
9. Jadov V. A. Teoretičeskoe osmyslenie transformacij «post-kommunističeskikh» stran v prilozhenii k Rossii // Sociologija i sovremennaja Rossija / pod red. A. B. Gofmana. M.: GU VShJe, 2003. 188 s.

Статья поступила в редакцию 6 мая 2013 г.

Ирина Анатольевна Щеткина
кандидат социологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: irinasocio@mail.ru

Качество жизни как показатель социального развития региона¹

В процессе масштабных преобразований практически всех сфер жизнедеятельности общества изучение качества жизни населения позволяет получить представление об уровне социального развития регионов России. Оценка качества жизни населения на региональном уровне даёт возможность определять механизмы перехода к социальной политике, направленной на улучшение качества жизни жителей как значимой цели, от достижения которой будет зависеть будущее. В статье представлен анализ результатов мониторинга качества жизни населения Забайкальского края. Дается характеристика отдельных показателей качества жизни населения региона. Категория «качество жизни» рассматривается в контексте социального развития региона. В статье делается вывод о необходимости разработки концепции качества жизни в рамках неклассической социологии. Результаты проведенного исследования доказывают необходимость организации систематически осуществляемых научно-исследовательских работ по проблемам качества жизни населения. Основной целью исследований должно стать обеспечение эффективности реализации механизмов регулирования социального развития региона.

Ключевые слова: качество жизни, мониторинг, показатели качества жизни, социальное развитие региона.

Irina Anatol'evna Shchetkina
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: irinasocio@mail.ru

Quality of Life as Indicator of Social Development of the Region

In the process of large-scale transformations of all spheres of society activities, life quality studying of the population allows researchers to receive the idea of social development level of the Russian regions. Life quality assessment of the population at the regional level enables to define the mechanisms of transition to a social policy aimed to improve the residents' life quality as a significant goal and the future will depend on its achievement. The paper presents the results of the population life quality monitoring in Zabaikalsky krai. It deals with the characteristic of some indicators of life quality in Zabaikalye. The category 'life quality' is considered in the context of social development of the region. In conclusion, the author emphasizes the need to develop the concept of life quality in non-classical sociology. The results of the study demonstrate the need to arrange research on the population life quality systematically. The main purpose of the research should be providing the effectiveness of the regulation mechanisms of social development of the region.

Keywords: life quality, monitoring, life quality indicators, social development of the region.

В начале XXI в. основной целью социально-экономического развития государств стало обеспечение достойного качества жизни населения. Реализация данной цели детерминирует становление новой парадигмы социального управления на всех уровнях: федеральном, региональном, муниципальном.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. подчёркивается, что Российская Федерация сосредоточивает свои ресурсы и усилия в первую очередь на повышении качества жизни российских граждан путём гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспе-

¹Работа выполнена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» по теме «Качество жизни как основа обеспечения социальной безопасности России в XXI веке».

чения. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан, как отмечается в Стратегии, являются:

- снижение уровня социального и имущественного неравенства;
- стабилизация численности населения в среднесрочной перспективе;
- коренное улучшение демографической ситуации в долгосрочной перспективе.

Повышение качества жизни российских граждан гарантируется путём обеспечения личной безопасности, а также доступности комфортного жилья, высококачественных и безопасных товаров и услуг, достойной оплаты активной трудовой деятельности.

В начале XXI в. основной целью социально-экономического развития государств стало обеспечение достойного качества жизни населения. Реализация данной цели детерминирует становление новой парадигмы социального управления на всех уровнях: федеральном, региональном, муниципальном.

Изучение проблем качества жизни, начавшееся в западной науке в середине 1950–1960-х гг., привело к формированию различных теоретико-методологических подходов к разработке данного понятия: философского, социологического, экономического, экологического, психологического, медицинского. Однако ни один из выделенных подходов не позволяет осуществить комплексный, всесторонний анализ качества жизни, определить категориальный статус этого понятия.

На наш взгляд, большое научное значение имеет анализ качества жизни в контексте неклассической социологии, а именно социологической концепции жизненных сил, индивидуальной и социальной субъектности человека. Качество жизни населения в контексте данной неклассической концепции – «это характеристика уровня организации жизненного пространства и степени развитости жизненных сил населения, его индивидуальной и социальной субъектности» [4, с. 71].

Социальные изменения, осуществляемые в последние десятилетия XXI в., повлекли за собой формирование нового отношения к вопросу обеспечения достойного качества жизни населения, привели к повышению роли регионов в регулировании темпов социального развития территорий. Региональные органы власти в своей деятельности всё больше внимания уделяют вопросам обеспечения достойного качества

жизни населения, используя различные инновационные технологии, формы и методы. Активное участие в решении задачи достижения достойного качества жизни принимают жители регионов. Особую актуальность и важность в настоящее время приобретает оценка качества жизни населения регионов. Измерение качества жизни населения позволяет выявить аспекты, характеризующие направления структурных преобразований; оценить мероприятия социальной политики, охарактеризовать уровень социального развития региона [5]. Оценка качества жизни населения на региональном уровне даёт возможность определять механизмы перехода к социальной политике, направленной на улучшение качества жизни жителей как значимой цели, от достижения которой будет зависеть будущее.

Несмотря на активную разработку вопросов качества жизни представителями различных научных школ и направлений востребованными остаются эмпирико-социологические исследования качества жизни населения регионов современной России. В связи с этим в Забайкальском крае с 2004 г. осуществляется мониторинг объективных и субъективных индикаторов качества жизни населения. Так, в 2004 г. в нескольких субъектах, входящих в состав Сибирского федерального округа, в том числе в Читинской области (ныне Забайкальский край), рабочей группой было проведено межрегиональное социологическое исследование «Социальное благополучие, жизненный потенциал и общественные настроения населения Сибири в начале XXI века». Некоторые вопросы данного исследования были использованы для оценки качества жизни населения региона.

В 2006 г. в 5 регионах Сибири, в том числе в Читинской области (ныне Забайкальский край), рабочей группой было проведено межрегиональное социологическое исследование «Социальная напряжённость и социальная безопасность населения регионов Сибири в 2006 г.», отдельные вопросы которого позволили оценить качество жизни населения региона.

С 2011 года Лабораторией качества жизни ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет» ежегодно осуществляется оценка отдельных субъективных индикаторов качества жизни на основе анкетирования населения Забайкальского края. Предметом изучения выступает удовлетворённость материальным положением, работой, жильём, здоровьем, жизнью в целом и др.

Результаты социологических исследований позволяют оценить материальное положение граждан. На вопрос «Оцените, пожалуйста, уровень своего материального достатка. Как Вы живёте?» были получены следующие ответы (респондентам необходимо было выбрать только один вариант ответа) (табл. 1).

Таблица 1

Оценка материального достатка, %

Варианты ответов	2004 г.	2012 г.
Средне (на питание, одежду, крайне необходимые вещи, оплату коммунальных услуг денег хватает, но на покупку дорогостоящих вещей приходится долго копить)	61,6	61,3
Бедно (на скромное питание денег хватает, а на приобретение одежды и других вещей, а также оплату коммунальных услуг – нет)	24,8	17,7
Обеспеченно, зажиточно (есть денежные накопления и возможность покупать практически всё необходимое для жизни)	8,7	9,4
Очень бедно (денег не хватает даже на питание и оплату коммунальных услуг)	3,5	4,5
Очень хорошо, богато (не отказываю себе ни в чём, денежные накопления постоянно прирастают)	1,4	1,0
Затрудняюсь ответить	–	6,1

Результаты первичного анализа данных показывают, что значительное количество респондентов оценивают своё материальное положение как среднее, и эта ситуация не изменяется в последние годы. Второе место по популярности занял вариант «бедно», наблюдается незначительное снижение популярности данного варианта ответа. Далее следует вариант «обеспеченно, зажиточно». Незначительное количество респондентов отметили варианты «очень бедно» и «очень хорошо, богато».

Таким образом, в зависимости от субъективной оценки респондентами своего благополучия, было выделено пять социальных групп:

- группа с очень хорошим уровнем благополучия;
- группа с относительно хорошим уровнем благополучия;
- группа со средним уровнем благополучия;
- группа с низким уровнем благополучия;
- группа с очень низким уровнем благополучия.

Ответы на вопрос «Оцените по пятибалльной системе свою удовлетворённость отдельными аспектами» позволили определить уровень удовлетворённости профессией, жильём, состоянием здоровья, отношениями в семье, жизнью в целом респондентов. Ответы на этот вопрос распределились следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Оценка удовлетворённости отдельными аспектами жизни, %

Баллы	2004 г.	2012 г.
<i>Удовлетворённость работой, профессией</i>		
«4»	30,8	33,9
«3»	27	18,2
«5»	22,1	20,7
«1»	10,4	–
«2»	9,7	9,7
Нет ответа	–	17,5
<i>Удовлетворённость жильём</i>		
«3»	27,4	21,8
«4»	26,9	38,0
«5»	17,0	22,1
«1»	15,4	–
«2»	13,3	13,4
Нет ответа	–	4,7
<i>Удовлетворённость состоянием своего здоровья</i>		
«4»	35,2	39,9
«3»	32,5	25,9
«5»	13,8	18,1
«2»	11,3	10,4
«1»	7,2	–
Нет ответа	–	5,7
<i>Удовлетворённость отношениями в семье</i>		
«4»	38,8	32,8
«5»	36,1	42,0
«3»	17,2	17,0
«2»	4,7	4,6
«1»	3,3	1,9
Нет ответа	–	1,7
<i>Удовлетворённость жизнью в целом</i>		
«4»	37,7	41,4
«3»	36,5	22,9
«5»	11,4	17,2
«2»	8,6	9,0
«1»	5,7	–
Нет ответа	–	9,5

Одним из индикаторов благополучия населения является удовлетворённость/неудовлетворённость своей профессией, работой. Удовлетворённость профессией, работой есть субъективная оценка индивидом личного уровня профессионализма, возможностей продвижения по карьерной лестнице, улучшения своего материального положения и духовного состояния по сравнению с другими людьми.

Как можно заметить, большинство респондентов оценивают свою удовлетворённость работой, профессией достаточно высоко – на «4» балла и выше (в сумме 52,9 % в 2004 г. и 54,6 % – в 2012 г.). Наблюдается незначительная положительная динамика по данному показателю качества жизни.

Иначе выглядит оценка удовлетворённости населения жильём – на «4» и выше балла оценили данный аспект 43,9 % респондентов в 2004 г. и 60,1 % – в 2012 г. Таким образом, удовлетворённость населения жильём значительно выросла за последние несколько лет.

При оценке качества жизни следует обратить внимание на такой показатель, как здоровье. «Здоровье – это биологическое, психическое, социальное и духовное функционирование организма, характеризующееся отсутствием болезненных изменений, позволяющее человеку удовлетворять свои потребности и реализовывать возможности в определённой среде посредством приспособительных и адаптационных механизмов, заложенных в организме» [4, с. 153]. Следует обратить внимание на то, что большинство респондентов отмечает достаточно высокую степень удовлетворённости состоянием своего здоровья. Так, в «4» и выше баллов оценили свою удовлетворённость здоровьем 49 % респондентов в 2004 г. и 58 % – в 2012 г.

Результаты первичного анализа полученных данных показывают, что большинство респондентов оценивает удовлетворённость отношениями в семье достаточно высоко («4» и «5» баллов отметили 74,9 % респондентов в 2004 г. и 74,8 % – в 2012 г.). Именно этот индикатор качества жизни населения имеет самый высокий уровень.

Удовлетворённость жизнью – это субъективная оценка личностью уровня реализации своих материальных и духовных потребностей, степени комфортности проживания. Удовлетворённость жизнью во многом зависит от самого человека, его внутреннего мира, ценностных установок и мотиваций, уровня жизни. Однако детерминированность удовлетворённостью жизни этими факторами, как объективными, так и субъективными, носит относительный характер.

По мнению российских учёных Е. В. Давыдовой и А. А. Давыдова, это «можно объяснить следующими причинами:

– большинство людей психологически предрасположено сравнивать собственные условия жизни с условиями жизни людей, имеющих более высокий уровень;

– большинство людей под воздействием социального окружения склонны к подавлению ощущения неудовлетворённости;

– ожидания и цели обычно значительно корректируются обстоятельствами жизни;

– выражение неудовлетворённости в определённой степени не зависит от жизненного опыта человека;

– жизнь в предпочтительных условиях располагает к формированию новых оценочных стандартов и более благоприятна для выражения критики и неудовлетворённости» [2, с. 23].

Как можно заметить, удовлетворённость жизнью также оценивается высокими баллами значительным числом респондентов. На «4» и «5» баллов данный показатель оценивают 49,1 % в 2004 г. и 58,6 % – в 2012 г.

Таким образом, результаты первичного анализа полученных данных показывают, что удовлетворённость населения отдельными аспектами жизни в целом выросла за последние годы.

Исследование мнений населения Забайкальского края позволило выявить наличие положительных изменений качества жизни населения региона, определённых и при анализе объективных показателей за последние несколько лет. Так, изучение статистических данных в экономической сфере региона свидетельствует об улучшении материального положения населения. Это подтверждается такими данными, как увеличение реальных денежных доходов жителей региона; снижение численности населения, находящегося за «чертой бедности»; увеличение уровня трудовой занятости населения и др.

Социокультурная сфера региона характеризуется положительной динамикой изменения различных показателей [1]. По мере поступательного развития общества возрастают требования к объёму знаний, расширяется потребность в повышении образовательного уровня населения. Образование в современных условиях является движущей силой общественного развития, своеобразным социальным лифтом, индикатором личностной мобильности. Последние годы наблюдается динамичное развитие образовательных уч-

реждений профессиональной подготовки по ряду индикаторов, среди которых рост численности студентов, приём и выпуск и т. д. Отмечается рост удовлетворённости населения качеством образования, происходит расширение доступности услуг отдельных учреждений культуры (музеи, библиотеки, театры).

В сфере социальной безопасности следует отметить расширение спектра услуг, предоставляемых учреждениями социального обслуживания, снижение востребованности населением услуг, предоставляемых учреждениями социальной защиты населения и др.

Социально-бытовая сфера также динамично развивается: отмечается увеличение площади жилищ, приходящейся в среднем на одного жителя, наблюдается положительная динамика в благоустройстве жилья, особенно по таким аспектам, как наличие канализации, водопровода, центрального отопления и др.

Наряду с положительными трансформациями в Забайкальском крае отмечается ряд негативных аспектов. В экономической сфере идёт рост концентрации доходов в группе состоятельных граждан, увеличивается озабоченность населения такими потенциальными угрозами, как безработица, увольнение с работы и др. Сфера здравоохранения и общественного здоровья населения характеризуется снижением уровня здоровья населения, сопровождающимся ростом уровня заболеваемости по отдельным классам болезней (болезни органов сердечно-сосудистой системы, кровообращения и др.). В сфере социальной безопасности можно отметить рост правонарушений, прежде всего материального характера. Вызывает опасение ухудшающаяся экологическая обстановка в отдельных районах Забайкальского края [3].

Таким образом, результаты мониторинга качества жизни населения Забайкальского края позволяют отследить динамику социального развития региона, а также разработать рекомендации для субъектов социального управления территорией. Среди рекомендаций следует отметить необходимость оптимизации процесса взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления и социальных учреждений региона, деятельность которых способствует повышению качества жизни населения. Особое внимание следует обратить на необходимость форми-

рования и совершенствования нормативно-правовой базы обеспечения достойного качества жизни населения в Забайкальском крае. В последнее время актуализировались вопросы разработки комплексной целевой программы повышения качества жизни населения Забайкалья. Кроме того, важным становится проведение экспертизы реализуемых в регионе целевых социальных программ на предмет их эффективности в решении проблем качества жизни населения. Следует также отметить необходимость создания межведомственного регионального информационно-методического центра мониторинга качества жизни населения, который бы инициировал проведение комплексного мониторинга показателей качества жизни населения региона. Результаты подобных мероприятий позволили бы повысить эффективность выбора механизмов обеспечения достойного качества жизни населения края. Требуется также обратить внимание на информирование населения об уровне социального развития региона, а также механизмах повышения качества жизни, в том числе о содержании социальных программ и проектов, ходе их реализации в регионе. Наконец, следует отметить необходимость организации систематически осуществляемых научно-исследовательских работ по проблемам качества жизни населения региона, основная цель которых – опережающее научное прогнозирование и обеспечение эффективности реализации механизмов регулирования социального развития Забайкальского края [4].

В заключение следует сказать, что проведённые исследования подтверждают необходимость мониторинга показателей качества жизни населения на региональном уровне. В процессе масштабных преобразований практически всех сфер жизнедеятельности общества, коренной трансформации социальной жизни оценка качества жизни населения позволяет получить представление об уровне социального развития в регионах России, о влиянии проводимых социальных реформ на жизнь общества, определить потенциальные возможности и перспективы функционирования социальных субъектов разного уровня (от индивида и семьи до отдельного региона или страны в целом). Всё это способствует поиску правильных механизмов оптимизации условий обеспечения достойного качества жизни населения [5].

Список литературы

1. Гомбоева М. И., Спиридонова А. В., Осинский И. И., Добрынина М. И. Региональная культура: сущность, морфология и специфика бытования // Вестник Бурятского государственного университета. 2007. № 11. С. 255–259.
2. Давыдова Е. В., Давыдов А. А. Измерение качества жизни. М., 1993. 52 с.
3. Захарова Е. Ю. Технологические аспекты решения социоэкологических проблем. Проблемы соотношения естественного и социального в обществе и человеке: сб. ст. II Междунар. науч. конф. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2011. № 2. С. 53–59.
4. Лига М. Б., Щеткина И. А. Качество жизни: организационно-управленческий аспект: монография. Новосибирск: Наука, 2011. 295 с.
5. Лига М. Б., Щеткина И. А. Методология и методика оценки качества жизни. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2011. 138 с.

References

1. Gomboeva M. I., Spiridonova A. V., Osinskij I. I., Dobrynina M. I. Regional'naja kul'tura: sushhnost', morfologija i specifika bytovaniya // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 11. S. 255–259.
2. Davydova E. V., Davydov A. A. Izmerenie kachestva zhizni. M., 1993. 52 s.
3. Zaharova E. Ju. Tehnologicheskie aspekty reshenija sociojekologicheskikh problem. Problemy sootnoshenija estestvennogo i social'nogo v obshhestve i cheloveke: sb. st. II Mezhdunar. nauch. konf. Chita: Izd-vo ZabGGPU, 2011. № 2. S. 53–59.
4. Liga M. B., Shhetkina I. A. Kachestvo zhizni: organizacionno-upravlencheskij aspekt: monografija. Novosibirsk: Nauka, 2011. 295 s.
5. Liga M. B., Shhetkina I. A. Metodologija i metodika ocenki kachestva zhizni. Chita: Izd-vo ZabGGPU, 2011. 138 s.

Статья поступила в редакцию 27 апреля 2013 г.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTURAL STUDIES

УДК 377(510)
ББК 74.5(5Кит):71

Маргарита Ивановна Гомбоева
доктор культурологии, профессор,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com
Надежда Николаевна Замощникова
кандидат педагогических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: nadezhdanick@mai.ru
Го Сянь
аспирант,
Забайкальский государственный университет
(Цицикар, КНР), e-mail: 17386255@qq.com

Культурное наследие и социокультурные факторы, влияющие на процесс модернизации профессионального образования Китая¹

Системой профессионального образования современного Китая являются идеология, статистика и основные тренды. В июле 2010 г. были опубликованы основные принципы Программы долгосрочного развития образовательной реформы КНР, которые обозначали начало современного этапа развития реформы профессионального образования в стране. Формулируя четыре главные задачи реализации реформы профессионального образования, такие как строительство современной системы профессионального образования; создание производства и механизма сотрудничества в области образования с предприятиями на основе внедрения инноваций, обновление системы управления профессионального образования в ситуации системных изменений; развитие системы социальной справедливости, идеологи реформ исходили из основной цели программы: построить современную систему профессионального образования для вступления страны в новый этап развития инновационной экономики. За два с половиной года ситуация с модернизацией профессионального образования существенно изменилась. Конечно, в Китае есть свои проблемы, пробелы и недоработки в модернизации образования, но в целом организация изменений, внедрение инноваций на порядок выше, чем в России. Не последнюю роль в этом играет целевая установка в обществе в целом и у элиты в частности создать что-то существенно значимое и нужное для страны. Из системы подготовки профессиональных кадров в Китае можно было бы позаимствовать культуру администрирования, организацию и культуру управления изменениями. В первой части статьи приведены статистические данные, отражающие приоритетные тенденции в развитии профессионального образования современного Китая. Во второй части статьи показано, как в КНР преодолевается проблема недостатка квалифицированных специалистов производственно-технического профиля, технической интеллигенции по причине сохранения пренебрежительного отношения к профессиональному образованию.

Ключевые слова: культурное наследие, социокультурные факторы модернизации, модернизация образования, профессиональное образование, профессиональная компетенция, программа модернизации профессионального образования.

¹Статья публикуется по результатам реализации государственного задания № 6.3777.2011 «Культурное наследие и идентичность в условиях трансграничья».

Margarita Ivanovna Gomboeva

Doctor of Culturology, Professor,

Transbaikal State University

(Chita, Russia), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

Nadezhda Nikolaevna Zamoshnikova

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,

Transbaikal State University

(Chita, Russia), e-mail: nadezhdanick@mai.ru

Guo Sin

Postgraduate Student,

Transbaikal State University

(Tsitsihar, People's Republic of China), e-mail: 17386255@qq.com

Cultural Heritage and Socio-Cultural Factors of the Problem of Vocational Education Modernization in China

Ideology, statistics and trends are the system of vocational education in modern China. The basic principles of the program of China educational reform long-term development were published in July 2010. It signified the beginning of the modern stage of vocational education development in the country. The main objective of this program is the construction of modern vocational education system for the country entry into a new stage of an innovative economy development. Respectively, ideologists of the reform formulated four main tasks of its realization such as construction of modern system of professional education, creation of production and the cooperation mechanism in the field of education with the enterprises on the basis of introduction of innovations, updating of professional education control system in a situation of system changes; development of system of social justice. The situation with the modernization of vocational education has changed significantly over the past two years. Certainly, there are problems, gaps and shortcomings in the field of education modernization in China, but in general, the organization of changes, introductions of innovations is much higher than in Russia. Additionally, the society's and the elite's target attitude – to create something truly meaningful and necessary for the country – is very important in this situation. It would be possible to borrow administrative culture, organization and culture of change management from the system of professional training in China. The first part of this article contains the statistical data reflecting the priority trends in the vocational education's development in modern China. The second part of this article shows how to overcome the problem of the lack of qualified specialists for technological profile, the lack of the technical intellectuals connected with the negligence to professional education.

Keywords: cultural heritage, socio-cultural factors, vocational education, professional competence, program of modernization of vocational education.

За последние годы (1997–2013) в Китае возросло осознание важности профессионального образования и той роли, которую оно играет в развитии государственной экономики. В конце XX в. для выпускников школ современного Китая получение профессионального образования было недостаточно престижно. Несмотря на системные изменения в сфере образования и модернизационные эффекты, страна ощущала острую нехватку квалифицированных специалистов производственно-технического профиля, дефицит технической интеллигенции, недостаток в высококвалифицированных рабочих кадрах, и при этом в обществе всё же устойчиво сохранялось пренебре-

жительное отношение и к профессиям данного уровня, и к профессиональному образованию в целом. И это на фоне того, что ещё в недавнем прошлом Китая был недолгий этап, когда быть рабочим считалось почётным, а изучать технические науки похвальным. Тогда работник производственно-технической сферы мог беспрепятственно, благодаря собственному потенциалу и трудолюбию, достичь звания мастера, должности начальника цеха, начальника завода и даже руководителя государства. По мнению китайских студентов, обучающихся длительное время в университетах России, молодые китайцы начала 90-х гг. не стремились к добровольному выбору профессионального образо-

вания. Выбирая учебное заведение, китайские родители предпочитали отдать своего ребёнка в простую среднюю школу или даже в платное негосударственное высшее учебное заведение, приграничные с Китаем региональные вузы России, Монголии и Кореи, чем сделать выбор в пользу техникума, пусть даже и хорошо себя зарекомендовавшего.

Начиная с 1998 г., по всей стране наблюдался заметный спад количества поступающих в профессиональные учебные заведения студентов. Если сравнивать с 1997 г., в 2001 г. соотношение числа новопоступивших и уже обучающихся снизилось и составило 23 к 14 % [2, с. 114].

Имелись издержки и в системе управления. В центральных органах власти и муниципалитете большинство отделов не имело полномочий управлять и организовывать сектор профессионального образования, этими полномочиями изначально обладал соответствующий орган в самом профессиональном учебном заведении. Общий объём инвестиций в профессиональное образование был очень низок, но в десятки раз выше, чем в России. В доле финансирования профессионального образования из бюджета из года в год наблюдалась тенденция к снижению, например, с 1997 г. эта доля снизилась с 11,5 % до 8,4 % в 2001 г. Имел место резкий спад в профессиональном развитии всей системы образования.

Недооценка значения профессионального образования как в жизни общества, так и для карьеры конкретного человека имела глубокие исторические и культурные корни. Отношение китайцев к профессиональному образованию определяется традиционными смыслообразующими ценностями и социально значимыми представлениями о личной и семейной репутации, об общественной иерархии и социальной статусности.

Так, одна из китайских газет в 2006 г. сообщала, что по результатам проведённого пресс-центром «Новая волна» и центром социальных исследований «Китайской молодёжной газеты» совместного опроса на тему «Почему в наше время так мало желающих работать “синими воротничками”», 38,8 % опрошенных ответили, что причина кроется в низком заработке, 21,8 % признались, что их не устраивает статус работников физического труда, а оставшиеся 20,5 % опрошенных заявили, что даже если бы их устраивала заработная плата, то и тогда они вряд ли бы согласились состоять в роли рабочих [3].

Устойчивость энциклопедичности образовательных традиций Китая имела ряд преимуществ, которые были его недостатком. «Она (система образования) расширяла общий кругозор отдельных лиц, развивая широкие философские понятия – вместе с тем не могла создать узких специалистов в отдельных отраслях науки, особенно прикладной. Несмотря на то, что китайцы изобрели основы алгебры¹, положили начало алхимии (а, следовательно, и химии), были хорошо знакомы с астрономией, к тому же мы знаем гениального механика-практика Чжу-гэ Ляна и великого хирурга Хуа-ду, но среди них мы не можем назвать ни одного математика-теоретика или естествоведов. Зато прекрасных поэтов и философов в Китае было больше, чем в какой-либо другой стране земного шара» [3, с. 76].

И в современном Китае на рубеже тысячелетий профессиональный выбор человека во многом зависел от национально окрашенного понимания статуса и престижа той или иной профессии. Участники социологического опроса (58,8 %) признались, что основной причиной низкого статуса рабочих специальностей, пусть даже высокотехнологического профиля, считают отсутствие престижа и *потенциала для развития личности* в данной отрасли труда [2, с. 1].

В июле 2002 г. Государственный Совет провёл научно-практическую конференцию, материалы которой были опубликованы под названием «Государственный совет активно продвигает реформу развития профессионального образования». Эта конференция проходила в самом начале XXI в., когда проблемность и противоречивость профессионального образования столкнулась с многочисленными трудностями и проблемами становления инновационной экономики страны. Поэтому вопрос о проблемах профессионального образования стал предметом проведения многочисленных специальных и профессиональных конференций под эгидой Государственного Совета.

После широкомасштабного обсуждения проблемы в контексте общей политики образовательных реформ и открытости китайского общества идеологами страны было принято решение об учреждении специальной программы и закона «О профессиональном образовании в Китайской Народной Республике» с реализацией, внедрением современных достижений и передового опыта современного производства

¹Автор статьи, вероятно, ошибся поскольку известно, что основоположником классической алгебры считают Аль-Хорезми.

в систему профессионального образования. На основе анализа новой ситуации в системе профессионального образования в зарубежных странах и новых проблем профессионального образования в Китае был создан специальный комитет и разработана стратегия «усиленного развития профессионального образования» в стране с конкретной дорожной картой мероприятий и финансирования.

Последующие заседания третьего пленума ЦК КПК и Народного собрания приняли решение о необходимости повышения квалификации профессиональных кадров.

В стране было разработано национальное ноу-хау каскадной, мультипликационной системы подготовки кадров на (государственных) национальных, совместных с иностранными (по преимуществу с немецкими) фирмами и частных предприятий. По существу сложилась система, уникальная для Китая, в основе её – межотраслевые учебные центры профессионального образования, созданные на крупных национальных предприятиях. На самом деле в Китае был реализован аналог немецкой системы образования, с упором на практические, производственные площадки. В Германии основные занятия проводятся в лабораториях и цехах учебных центров заводов.

По следующей схеме был модернизирован крупнейший в Китае автомобильный гигант страны – Первый Чанчуньский завод (FAW). Эта крупная корпорация сегодня занимается производством, научным исследованием, сбытом, внешней торговлей в сфере автопрома. Сегодня завод имеет совместное производство и лицензионные проекты с крупнейшими автопроизводителями – Audi, Mazda, Toyota, Volkswagen, Volvo. Более того, Чанчунь в 1996 г. утверждён цилиньским правительством в качестве технико-экономической зоны освоения инновационной экономики. Важнейшим направлением работы зоны считается развитие национальной автоиндустрии. В проекте задействованы несколько десятков заводов по производству автомобилей и комплектующих, несколько крупных оптовых рынков, ремонтные мастерские и станции технического обслуживания. Всего на территории зоны работает более 600 предприятий, которые и создают самый мощный в стране потенциал для развития автоиндустрии. Из семи крупнейших машиностроительных центров страны Чанчуньский считается самым перспективным.

Залогом успеха FAW стало тесное сотрудничество с ведущими автопроизводителями мира, в учебных центрах которых прошли переподготовку тысячи китайских специалистов. Процесс обучения можно представить в виде ряда схем (рис. 1–3).

В традиционной системе образования учреждения профессионального образования представляют собой самостоятельные структуры для подготовки будущих кадров, большая часть которых набирается из малообеспеченных семей и из сельскохозяйственных районов. Необходимые базовые компетенции будущие специалисты приобретают в стенах центров профессионального обучения крупных государственных предприятий, например ЦПО Чанчуньского автозавода. Отработав положенное время и не получив рекламаций, лучшие специалисты направляются за дополнительными профессиональными компетенциями на стажировочные площадки совместных предприятий, где должны отработать не менее 5 лет, иначе они обязаны компенсировать расходы на их обучение в ЦПО и на стажировочных площадках.

С 1991 г. был создан ряд совместных предприятий с Volkswagen, на которых совместно с иностранными специалистами и появился феномен, называемый современным китайским автопромом. В настоящее время вокруг Чанчуньского первого автозавода образована сеть совместных предприятий и сервисных служб с такими гигантами, как Toyota, Mazda, сеть, которая располагает 46 дочерними предприятиями, из которых 30 – в полной собственности корпорации. Среди них: FAW Jiefang Automobile Company, FAWER Automobile Parts Company, FAW Car Company, FAW Haima Motor Co (Hainan Mazda), Tianjin FAW Xiali Automobile Company, Changchun FAW Sihuan Automobile Company, FAW-Volkswagen Automobile Company, Tianjin FAW Toyota Motor Company. Успешно переобученные на зарубежных заводах специалисты стали инновационным двигателем частного бизнеса [6, с. 39].

Отработав 5 лет, лучшие специалисты направляются на стажировку на зарубежные автомобильные концерны стран-партнёров для получения инновационных компетенций (рис. 2).

Таким образом, данная схема обучения без отрыва от производства представляет собой непрерывность жизненного цикла профессиональных компетенций с инновационной составляющей (рис. 3).

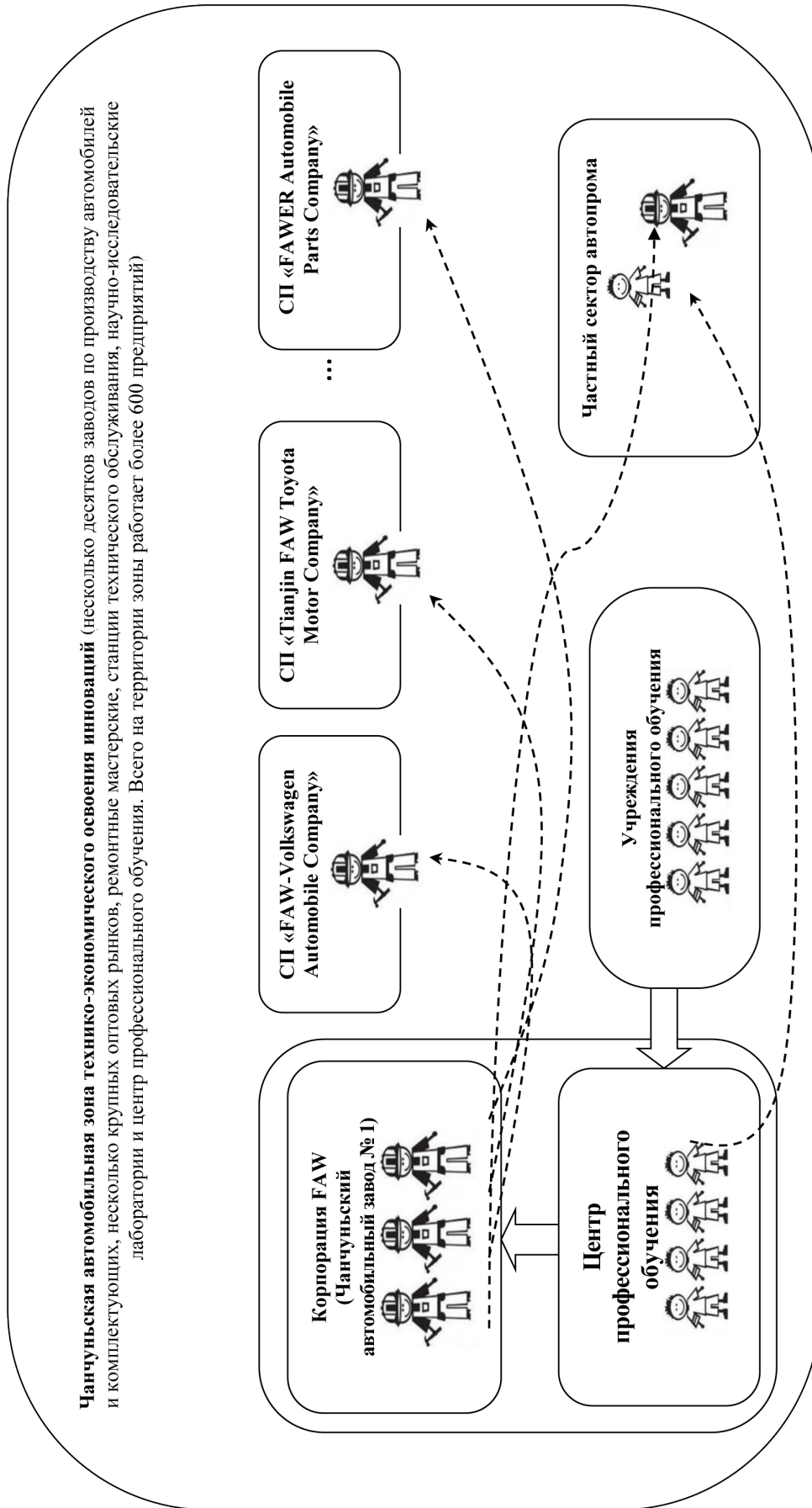

Рис. 1. Интеграция учреждений профессионального обучения в производственный цикл

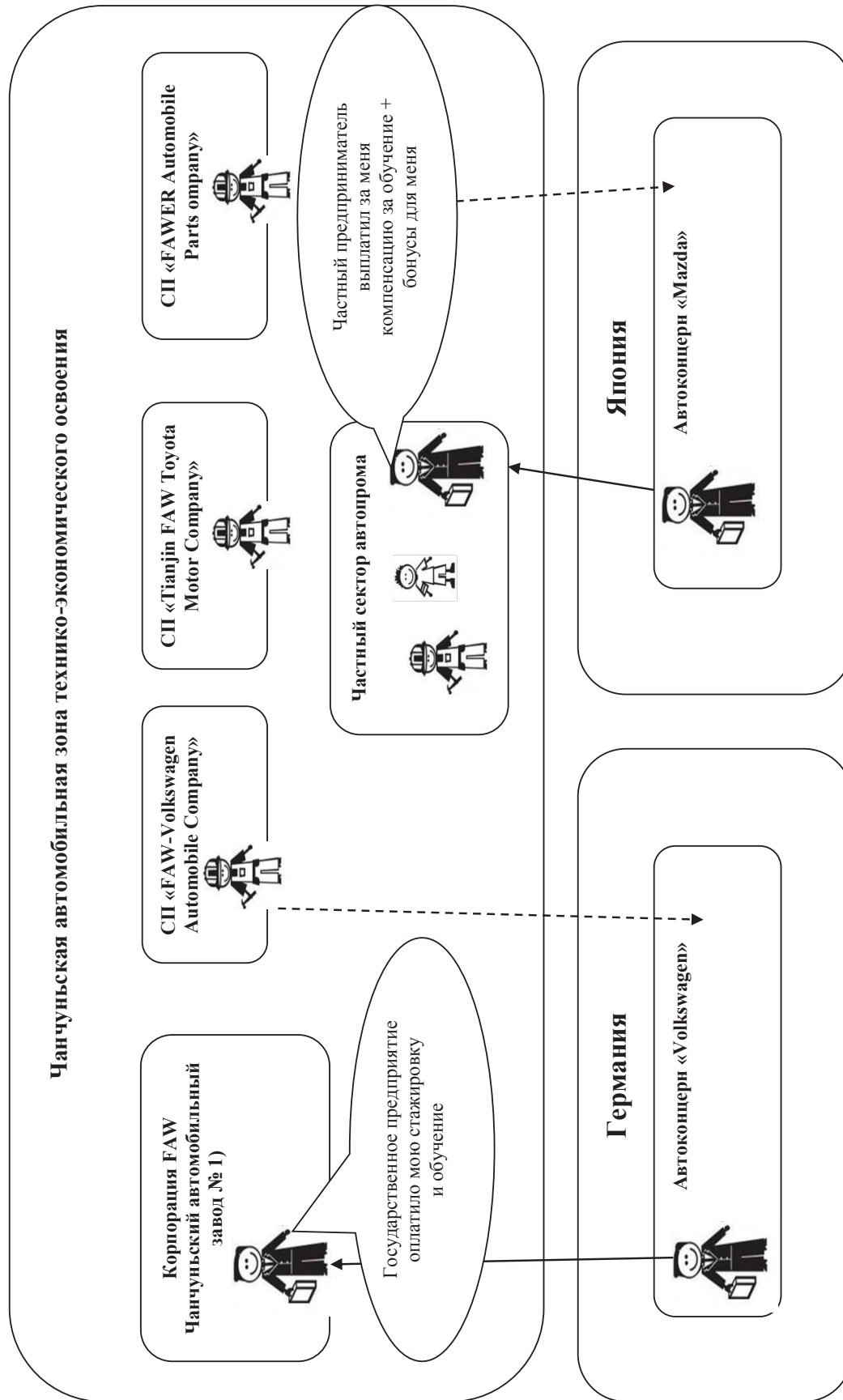

Рис. 2. Непрерывное производственное обучение в поисках инноваций

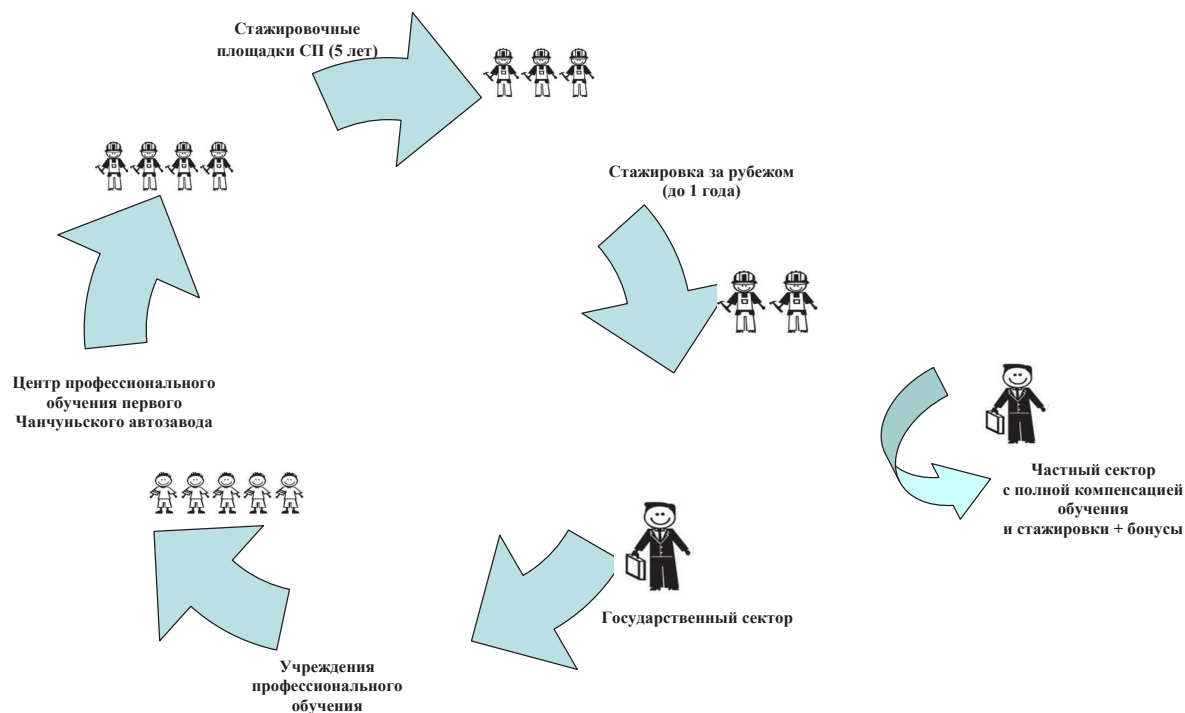

Рис. 3. Жизненный цикл профессиональных компетенций с инновационной составляющей

Необходимо отметить, что предметом особого внимания со стороны как государственного сектора в лице научно-исследовательских промышленных центров, так и со стороны частного сектора становятся специалисты, успешно прошедшие стажировку на зарубежных автоконцернах. Если специалист уходит на частное производство, то последние обязаны компенсировать всё его обучение и предоставить различные бонусы в виде высокой зарплаты, кредитов и т. д. От этих специалистов ожидают, что они смогут внедрить новые технологические, маркетинговые, производственные решения, заменив копирование зарубежных брендов, распространённое на данном этапе в китайском автопроме.

В результате внедрения данных схем повысился уровень профессионализма кадров и трудоустройства, скорость внедрений инновационного продукта и развития инновационного предпринимательства. Страна постепенно начала предотвращать угрозы демографических рисков, стремясь обратить демографический потенциал не только в ресурсные количественные преимущества, но и придать объёмам инновационные перспективы.

Эта серия управленческих решений XXI в. в Китае получила название как серия умных решений, «активно развивающих профессиональное образование», повлёкших за собой новые

требования и к его содержанию. В 2005 г. после Национальной профессиональной конференции по вопросам образования профессиональное образование вступило в новую стадию развития. В ноябре 2005 г. Государственный Совет вновь созвал общенациональную конференцию профессионального образования, издав «Государственный совет по активному решению вопросов о развитии профессионального обучения», далее определил стратегическое «позиционирование профессионального образования в качестве важной основы экономического и социального развития, а профессиональное образование как ключевое звено образовательной стратегии страны». В первую очередь были озвучены проблемы и задачи: необходимость развития профессионального образования с китайской спецификой, создание и усовершенствование современной системы профессионального образования с китайской спецификой; постепенное увеличение государственных инвестиций в сферу профессионального образования, в том числе и из частных предприятий, при этом был чётко обозначен план вложений «Одиннадцатой пятилетки», обеспечение которой составило 10 млрд юаней.

В качестве целей профессионального образования на данном этапе развития реформы на уровне личности были объявлены: развитие индивидуальных способностей, запросов каждого человека, помощь семьям, имеющим одарённых

детей; на уровне системы образования – укрепление материально-технической базы, обновление содержания профессионального обучения путём «политики четырёх реформ», «четырёхлетнего плана» и «четырёх проектов» и других конкретных и практических мер по обеспечению развития профессионального образования.

В октябре 2007 г. семнадцатый съезд партии выдвинул ещё одну Программу развития потенциала системы профессионального образования в общей стратегии «Приоритетного развития образования и укрепления трудового потенциала». Именно в данной программе был имплицитно социкультурный смысл необходимости активного развития профессионального образования, которая рассматривалась как основа улучшения уровня и качества жизни народа и как условие строительства будущего страны в условиях всемирной конкуренции.

Стратегия профессионального обучения наделила профессиональное образование и обучение новым историческим значением и социально значимым смыслом, новая администрация не только содействовала быстрому развитию профессионального образования, инновационно ёмких сфер экономики страны, но и существенному преобразованию человеческого потенциала. С 2005 г. профессиональное обучение набирает обороты, происходит расширение количества учащихся, в то же время образование существенно изменяет сферу объектно ориентированного образования. Во-первых, каждое учебное заведение обязано проводить набор на расширенный спектр специальностей (был увеличен и модернизирован список профессий); во-вторых, расширить свой контингент за счёт охвата населения сельских и западных регионов; в-третьих, осуществлять обучение на основе интегрированных в производство форм профессионального обучения.

В китайских газетах 2013 г. пишут, что с «2005 г. профессионально-техническое образование добросовестно придерживается образовательной политики партии и государства, обеспечивая качественное образование и нравственное воспитание каждого отдельного индивида для полномасштабной реализации качественного образования, для того чтобы воспитать высококвалифицированных работников и технический персонал; основываясь на рыночной, социальной, промышленной, сельскохозяйственной отраслях организовывать учебные заведения, углубляя образовательную реформу, содействуя и работе и учёбе» [1].

В Китае широко распространён опыт европейских стран проведения конкурсов профессий и соревнований профессионалов в различных сферах. В отличие от европейских стран, Всенародный конкурс профессиональных навыков в Китае проводит «вступительные экзамены на общее образование и экзамены профессионального характера». Это важно, учитывая образовательный ценз сельских абитуриентов.

Государственные учебные заведения в полной мере развивают значимость различных отраслей и предприятий, а активно развивающееся частное образование содействует китайско-иностранному сотрудничеству и обмену между государствами; поддерживается как краткосрочное обучение, так и академическое образование, предварительное профессиональное обучение и повышение квалификации, а также активно поддерживается система непрерывного обучения.

В июле 2010 г. были опубликованы уточнённые идеологические принципы и финансовые механизмы реализации Программы долгосрочной образовательной реформы, рассчитанной до 2020 г. Сформированы четыре главных принципа реализации инфраструктуры профессионального образования: проведение реформы школьной системы; содействие строительству современной системы профессионального образования; создание межотраслевого производства и механизма сотрудничества в области производства и образования; укрепление системы управления; углубление целесообразности и практической пользы международных обменов и сотрудничества.

Девиз данной программы выражен в слогане: «Из одного источника довольствоваться двумя плодами», т. е. построить современную систему профессионального образования, уделяя особое внимание профессионализму каждого для вступления страны в новую эру развития науки.

К июлю 2011 г. была сформирована правовая система, обеспечивающая механизм устойчивости эффектов модернизации системы профессионального образования, включающая основные законы: «Закон о профессиональном образовании» (как основа), «Закон об образовании», «Трудовое право» и дополнения к законам, административные регламенты, правила, дорожные карты; а также провинциальные и местные положения о развитии профессионального образования в каждой конкретной провинции на основании учёта потребностей конкретной экономики.

Результаты реализации управленческой воли политической и деловой элиты страны по данному вопросу, учитывающие особенности национального наследия, свидетельствуют о стимулировании экономического роста [7, с. 47]. Эти результаты можно сгруппировать следующим образом:

1. Макропоказатели влияния изменений системы профессионального образования. Статистические данные показывают, что с 2001 по 2012 гг. уровень выпускников профессионально-технических училищ достиг 726,5 млн чел., средняя продолжительность обучения в сфере профессионально-технического образования для основной рабочей силы возросла на 21 %. Поражает процент трудоустройства выпускников, востребованность выпускников средних специальных учреждений, системы профессионального образования в целом. За пять последних лет число выпускников профессиональных учебных заведений, приступивших к работе на производстве, составило 635 570 000 чел. В сфере информационной технологии – 515 910 000 чел., в сфере финансовой торговли – 195 480 000 чел., 180 690 000 чел. – в области медицины и здравоохранения, 1 101 000 чел. – в сфере транспорта, в сфере животноводства и рыболовства – 104 970 000 чел., в области культуры и искусства – 91 090 000 чел., 69 330 000 чел. закрепились в сфере строительства, 34 280 000 чел. – в области энергоресурсов, в сфере сохранения окружающей среды насчитывается 25 880 000 чел. Общее число трудоустроившихся выпускников за последние пять лет составляет 80 % от общего количества. В том числе, по итогам 2011 г. 66 % выпускников профессиональных учебных заведений трудоустроились на частных предприятиях [2, с. 124].

На 2013 г. число высококвалифицированных рабочих кадров Китая возросло с 1860 млн в 2004 г. до 2631 млн, что бесспорно является выдающимся показателем развития и профессионального образования, и показателем его востребованности в экономике страны.

Проблемы с трудоустройством выпускников связаны с неполной загруженностью. Статистика показывает, что более 95 % выпускников в первые шесть лет рабочей деятельности находятся на уровне начальной частичной занятости, в 2011 г. число выпускников, пользующихся государственным страхованием, составило 86 %, что выше, чем стартовая зарплата в 1500 юаней (55,2 %). За последние три года число выпускников, приступивших к работе

спустя полгода после окончания, составило 87,6 %, среднемесячный доход – 2 171,3 юаней. Эти оба показателя продолжают расти.

Ежегодные проверки занятости населения выпускников показывают, что 60 % выпускников находят работу, 35 % учащихся находят работу в том же городе, где заканчивали обучение. Вывод, который позволяет сделать статистическая выборка в 2500 выпускников профессиональных учреждений Цицикара, заключается в том, что трудоустройство выпускников затруднено отсутствием количества мест соответствующего профиля.

2. Реформирование профессионального образования имело значительные социально-экономические и важнейшие социокультурные эффекты, которые оказали существенное влияние на социальные настроения, экономическую ситуацию. Например, реформа сопровождается созданием системы политических мер по обучению студентов из бедных семей посредством выделения целевых субсидий, стипендий, государственных грантов, государственных стипендий, студенческих займов и различных стажировок. Поскольку это страна с преобладающим сельским населением, то 90 % учащихся со средним образованием и 20 % учащихся с высшим образованием пользуются подобными привилегиями. Начиная с 2009 г., государство проводит политику бесплатного образования для семей из деревень и малообеспеченных семей. Статистические данные показывают, что начиная с 2007 г., государство неуклонно увеличивает объём финансовых инвестиций, тем самым пытается решить проблему образовательного ценза в семьях с низким уровнем дохода. В рамках государственного финансирования общий коэффициент финансирования стипендиальной базы высшего профессионального образования с 2007 года с 0,3 % возрос в настоящие 3 %, количество государственных грантов с 3 % возросло до 20 %, доля государственных грантов в среднем профессиональном образовании увеличилась с 5 % до 90 %, охватывая всех студентов в сельской местности с низким уровнем дохода. Кроме этого, были созданы государственные мотивационные стипендии, которые составляют 5000 юаней в год на одного студента. С 2007 г. выплаты по государственным грантам с 1500 юаней увеличились до 3000 юаней.

3. Кардинально меняется структура системы образования в целом. Целью реализации реформы образования является эффективное улучшение структуры трудоустройства, зна-

чительное увеличение этого показателя для выпускников системы профессионального образования, а также содействие процессу популяризации высшего образования. Согласно статистике процент учащихся в средних учебных заведениях составляет 48,89 %, тогда как в высших заведениях их число достигает 47,67 % от общей массы учащихся. Одной из важнейших задач КНР является преодоление отсталости качества жизни сельского населения. Сегодня из 100 профессиональных учебных заведений страны 50 расположены в экономически слабо развитых регионах. Исходя из этих задач, в 1000 уездных центрах планируется создание профессиональных учебных заведений.

4. Создана новая идеология и сложилась устойчивая практика межотраслевого взаимодействия и сотрудничества учебных заведений с производством, с потенциальными работодателями. С 2001 г. более 20 провинций (автономных округов и уездов) и 459 предприятий-гигантов установили взаимовыгодные отношения с более 3000 средними и высшими учебными заведениями. В течение пяти лет количество выпускников системы профессионального обучения и образования из сельской местности составило более 300 млн чел.

5. Национальное культурное наследие и достояние стало предметом ещё одной проблемы, которую решает реформа профессионального образования. Под лозунгом сохранения наследия и национального творчества все профессиональные образовательные учреждения, осуществляющие подготовку кадров для системы национальной культуры, были ориентированы на современные системы воспроизводства культурного наследия, в том числе цифровыми технологиями. Для различных отраслей национальной культуры и народного искусства

были подготовлены кадры по 65 видам новых специальностей в новых учебных заведениях. Кроме этого, по неполным статистическим данным в существующих средних и высших учебных заведениях были открыты более 50 новых специальностей информационно-технологического профиля по поддержанию всех видов народного искусства новыми возможностями технических достижений Китая. По существу развивается система социокультурной преемственности и популяризации нематериального культурного наследия страны, что играет немаловажную роль в развитии традиционной культуры и продвижении культурного наследия страны на рынок арт-бизнеса.

Сублимированный результат инновационного обновления содержания профессионального образования Китая мир увидел в экспозициях Китая на Всемирной выставке «Экспо-2010» в Шанхае. Он в очередной раз продемонстрировал результаты национального подхода к профессиональному образованию. Создатели «Свитка» с помощью высоких технологий придали классической картине современное звучание. «Свиток» ненавязчиво позволяет ощутить, насколько далеко Китай продвинулся со времени создания этой картины и как много ещё он может достичь. Синтез компьютерной анимации и традиционной живописи позволил создать одну из самых запоминающихся и многозначительных достопримечательностей китайского павильона на «Экспо-2010» [7].

Таковы результаты реализации конкретной программы модернизации профессионального образования в стране, в которой национальное наследие, ещё в конце XX в. недостаточно позитивно влияющее на положительный имидж умных рабочих профессий, было системно преодолено.

Список литературы

1. Боровская Н. Е. Опыт модернизации системы среднего профессионального образования в КНР. Модернизация профессионального образования: теория, опыт, проблемы / сост. и науч. ред. Т. Ю. Ломакина. М.: Институт теории и истории педагогики РАО, 2012. С. 46–64.
2. Го Синь. Центры профессионального образования Чанчуньского автомобильного завода // Художественное образование: традиции и современность. Чита, 2011. С. 39.
3. Иванова Ю. В., Яковлева Н. Ф. Традиционная живопись в современной культуре Китая // Учёные записки ЗабГУ. 2010. № 4(33).
4. Китайская молодёжная газета. 2007. № 267. С.5.
5. Материалы Национальной профессиональной конференции по вопросам образования. Пекин, 2005 // Национальная стратегия Приоритетного развития образования и укрепления трудового потенциала. Пекин, 2007.
6. Мэн Цзы и ученики. Мэн Цзы – Гао Цзы Шан. Ч. 7. [Б.м.], [б.г.] 355 с.

7. Чжунго тунци няньцзянь – 2010. (Китайский статистический ежегодник. 2010, 2011, 2012 гг.). Пекин, 2011 (диск-версия).
8. Шкуркин П. Образование и школа в Китае // Вестн. Азии. Харбин. 1922. № 48. С. 76.

References

1. Borevskaja N. E. Opyt modernizacii sistemy srednego professional'nogo obrazovanija v KNR. Modernizacija professional'nogo obrazovanija: teorija, opyt, problemy / sost. i nauch. red. T. Ju. Lomakina. M.: Institut teorii i istorii pedagogiki RAO, 2012. S. 46–64.
2. Go Sin'. Centry professional'nogo obrazovanija Chanchun'skogo avtomobil'nogo zavoda // Hudozhestvennoe obrazovanie: tradicii i sovremennost'. Chita, 2011. S. 39.
3. Ivanova Ju. V., Jakovleva N. F. Tradicionnaja zhivopis' v sovremennoj kul'ture Kitaja // Uchjonye zapiski ZabGU. 2010. № 4(33).
4. Kitajskaja molodjozhnaja gazeta. 2007. № 267. S.5.
5. Materialy Nacional'noj professional'noj konferencii po voprosam obrazovanija. Pekin, 2005 // Nacional'naja strategija Prioritetnogo razvitija obrazovanija i ukreplenija trudovogo potenciala. Pekin, 2007.
6. Mjen Czy i ucheniki. Mjen Czy – Gao Czy Shan. Ch. 7. [B.m.], [b.g.] 355 s.
7. Chzhungo tunczi njan'czjan' – 2010. (Kitajskij statisticheskiy ezhegodnik. 2010, 2011, 2012 gg.). Pekin, 2011 (диск-версия).
8. Shkurkin P. Obrazovanie i shkola v Kitae // Vestn. Azii. Harbin. 1922. № 48. S. 76.

Статья поступила в редакцию 25 мая 2013 г.

Маргарита Ивановна Гомбоева
доктор культурологии, профессор,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

Надежда Николаевна Замошникова
кандидат педагогических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: nadezhdanick@mai.ru

**Методики измерения эффективности научно-исследовательской деятельности
в вузе и их функциональная определённость в системе обеспечения
внутренних гарантий качества¹**

Авторы статьи в соответствии с требованиями системы менеджмента качества вуза осуществили анализ организации управления научно-исследовательской деятельностью ЗабГГПУ, подвели итоги НИР прошедшего года. Основная цель статьи заключается в определении операционной значимости и функциональной определённости основных методик измерения эффективности НИР подразделений вуза. Исследование было основано на качественной методологии, сочетающей возможности экспертного анализа существующих в практике оценки деятельности вузов основных методик мониторинга эффективности НИР вуза. Результаты НИР вуза были исследованы с позиции следующих четырёх методик определения эффективности НИР: методики определения соответствия аккредитационным показателям эффективности НИР и статусу вуза; мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования; методологии ранжирования и рейтингования образовательных учреждений НФПК; методологии агентства по контролю качества образования и развитию карьеры (АККОРК) на основе обеспечения внутренних гарантий качества на уровне образовательных программ вуза. В статье сделан вывод о том, что все использованные методики определения эффективности НИР имеют функциональную определённость, обеспечивая в долгосрочной перспективе управляемость мотивационной составляющей ППС вуза на основе полученных валидных данных.

Ключевые слова: мониторинг эффективности вуза, научно-исследовательская деятельность, определение эффективности научно-исследовательской деятельности в вузе, показатели эффективности, методики определения эффективности образовательного учреждения.

Margarita Ivanovna Gomboeva
Doctor of Culturology, Professor,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

Nadezhda Nikolaevna Zamoshnikova
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: nadezhdanick@mai.ru

**Techniques of Measurement of Research Activity Efficiency
in Higher Education Institution and their Functional Definiteness
in the System of Internal Quality Assurance Providing**

According to quality management system requirements of higher education institution, the authors of this article carried out analysis of organization of scientific research management in ZAB-SHPU, summed up the scientific research results of the last year. The main purpose of this paper is determination of the operational importance and functional definiteness of the main techniques of

¹Статья публикуется по результатам реализации государственного задания № 8.8111.2013. Информационная система «Научно-исследовательская работа профессорско-преподавательского состава вуза».

the scientific research efficiency measurement of the university departments. The research is based on qualitative methodology combining the expert analysis of the main techniques for monitoring of research activity efficiency in higher education institution. The results of university research activity were investigated by the four determination techniques of the scientific research efficiency: techniques of determination of compliance to accreditation indicators of scientific research efficiency and higher education institution status; monitoring of the efficiency of the higher education organizations; methodologies of the educational institution ranking and rating by the National Foundation for Professional Training (NFPT); methodologies of the Agency for Higher Education Quality Control and Career Development (AHEQCCD) based on the providing internal quality assurances at the level of university educational programs. The authors come to the conclusion that all used determining techniques of scientific research efficiency are functionally defined. It provides long-term control of the motivational component of the university professors and teaching staff (PTS) on the basis of valid data.

Keywords: monitoring of the university effectiveness, scientific research, determination of scientific research efficiency in higher education institution, efficiency indicators, methodology of determining of the educational institution effectiveness.

В 2013 г. Россия может отметить двадцатилетие модернизации образования и пятилетие интенсивного реформирования высшего профессионального образования, результаты которых ещё не подвержены научному анализу. Социальная целесообразность и перспективность ряда мероприятий пока ещё не очевидны, 2012–2013 учебный год для коллектива бывшего Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета был чрезвычайно сложным, вуз был присоединён к Забайкальскому государственному университету. Процесс присоединения сопровождался структурными, институциональными изменениями и по существу так же, как и для других присоединяемых вузов [1, с. 146], явился вариантом поглощения. Прошедший учебный год прошёл под влиянием результатов мониторинга эффективности вузов РФ, проведённого министром Д. В. Ливановым, по результатам которого объединённый вуз оказался в списке вузов «с признаками неэффективности». Коллективы объединённых вузов активно обсуждали результаты вышеупомянутого мониторинга, однако на заседаниях Учёного совета нового вуза данный вопрос не подвергался системному изучению. Задачи руководства сводились к умиротворению процесса присоединения. В состав объединённого Учёного совета не были введены представители научно-педагогических работников бывшего гуманитарно-педагогического вуза.

В преддверии нового учебного года возникла необходимость проанализировать результаты НИР на основе существующих методик и определить слабые места в орга-

низации и управлении научно-исследовательской деятельностью вуза. В первом квартале 2012 г. управлением научными программами, проектами и грантами преподавателям гуманитарно-педагогического университета была поставлена задача *обеспечения новых результатов исследования, имеющих существенное значение для обновления образовательных программ ФГОС и обеспечивающих личные достижения ППС вуза*. Для структурных подразделений, осуществляющих управление НИД, ректоратом была актуализирована задача предоставления условий, необходимой инфраструктуры и предпосылок, определяющих сохранение устойчивости ведущих научных школ (психолого-педагогической, социологической, археологической, эколого-биологической, филологической и др.) и обретение конкурентоспособности ППС вуза среди учёных России. В целях развития личной мотивации преподавателей, направленной на обеспечение качества образовательного процесса, деканатами факультетов была определена задача систематического повышения индивидуальных достижений преподавателей вуза: повышение личного индекса цитируемости работ, объёма грантового и привлечённого финансирования на собственные исследования, наличие исследовательской программы как основы образовательной программы уровня магистратуры, аспирантуры.

Как известно, ведущей тенденцией в области обеспечения гарантий качества высшего образования становится переход от процедур внешнего контроля качества за счёт соблюдения принципов государственных систем аккредитации к общественно-профессиональной

аккредитации, предполагающей наличие внутренней системы качества, совершенствования самооценки (самообследования) вузов на основе определённой модели менеджмента качества [3; 4]. Данный переход является постепенным и достаточно длительным по времени, целесообразность обеспечивается за счёт перераспределения ответственности за качество и оценку качества в вузы, что приводит и к существенной экономии ресурсов, выделяемых на проведение внешней экспертизы, и к оптимизации процессов деятельности. В настоящий период определение эффективности результатов НИР за 2012 г. можно произвести на основе четырёх методик определения сбалансированных показателей, каждая из которых имеет разные цели, однако в совокупности они обеспечивают многомерный анализ состояния науки в вузе:

- методики определения соответствия аккредитационным показателям эффективности НИР и статусу вуза;

- мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования;

- методологии ранжирования и рейтингования образовательных учреждений НФПК;

- методологии агентства по контролю качества образования и развитию карьеры (АККОРК) на основе обеспечения внутренних гарантий качества на уровне образовательных программ вуза.

Основная и первая методика определения эффективности НИР вуза основана на системе аккредитационных показателей и выявляет степень соответствия вуза университетскому статусу. Методология рейтингования образовательных учреждений, разработанная Национальным фондом подготовки кадров, используется для формирования рейтингов образовательных учреждений, а система показателей обеспечения внутренних гарантий качества АККОРК – для оценки качества проектирования и реализации образовательных программ.

Основные аккредитационные показатели можно представить в виде таблицы (табл. 1), в которой указаны значения показателей, достигнутых вузами за 2012 г., и непосредственно пороговые значения.

В 2012 г. вуз проходил аккредитацию отдельных образовательных программ: магистратуры и аспирантуры. При прохождении аккредитации образовательных программ измеряются показатели всего вуза. Индекс соответствия показателей подразделений бывшего

гуманитарно-педагогического вуза аккредитационным показателям за 2011 г. составил 1,68, что говорит о том, что значения большинства из них выше критериальных (индекс равен 1, если значения показателей образовательной организации совпадают с критериальными).

Таблица 1

Основные аккредитационные показатели

<i>Показатели</i>	<i>2012 г.</i>	<i>Пороговые значения</i>
Процент преподавателей, имеющих учёную степень и/или учёное звание	72	60
Количество УГС, по которым реализуются ООП	8	7
Количество отраслей наук по специальностям аспирантуры	13	4
Процент аспирантов, защитившихся в течение года после окончания аспирантуры	18,6	25
Количество УГС по программам ДПО	4	2
Среднегодовой контингент по программам переподготовки	109	100
Количество отраслей наук, по которым осуществляется НИР	12	4
Среднегодовой объём финансирования НИР по каждой УГС	2,71	3
Количество публикаций в ведущих журналах (на 100 человек ППС)	56,81	5
Число отраслей наук, по которым проводятся конференции	7	4

Самым проблематичным для достижения является показатель обеспечения среднегодового объёма финансирования по каждой УГС. Число укрупнённых групп специальностей составляет 8 единиц, из которых необходимый объём финансирования имеет одна УГС – образование и педагогика. По трём УГС есть положительная динамика роста объёмов финансирования НИР: естественные, гуманитарные и социальные науки. Существенное недофинансирование имеют такие направления, как сфера обслуживания, экономика и управление, культура и искусство, физико-математические науки. Финансирование НИР, детализированное по источникам поступления, показало (рис. 1), что присутствует несоответствие финансирования НИР аккредитационным показателям, основными проблемами являются неравномерность структуры источников финансирования (min

внебюджетных фондов) и необеспеченность УГС денежными средствами (рис. 2) в соответствии с аккредитационными показателями (3 млн ежегодно по каждой из 8 УГС). К очередной аккредитации факультеты должны подготовиться к расчёту необходимого объёма финансирования по каждой УГС. Решение данной проблемы возможно при условии детализации пороговых показателей для научных школ, обеспечивающих ОПОП на основе распределённой системы привлечения средств на НИР и управления мотивационной составляющей ППС по привлечению средств посредством введения элементов и принципов эффективного контракта для ППС и привязки всей процедуры аттестации ППС вуза к данному показателю. Показатель общего объёма финансирования на одного ППС не утратил актуальности в системе показателей рейтингования вузов и применяется для определения

рейтинга вуза (НФПК), определения эффективности деятельности НИР вуза (показатели Совета ректоров РФ).

Кроме лицензионных показателей, которые актуальны в период прохождения процедур государственной аккредитации, эффективность НИР вуза рассматривается на основании мероприятий дорожной карты: «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки». Министерство образования РФ подготовило распоряжение Правительства РФ о проведении мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования. Основным лицензионный показатель определения эффективности НИР вуза – объём финансирования на единицу ППС остался на уровне 2012 г. Следует отметить, что на основе данных за 2012 г. можно сделать вывод, что этот показатель выше, чем аккредитационный, но снизился по сравнению с 2010–2011 гг.

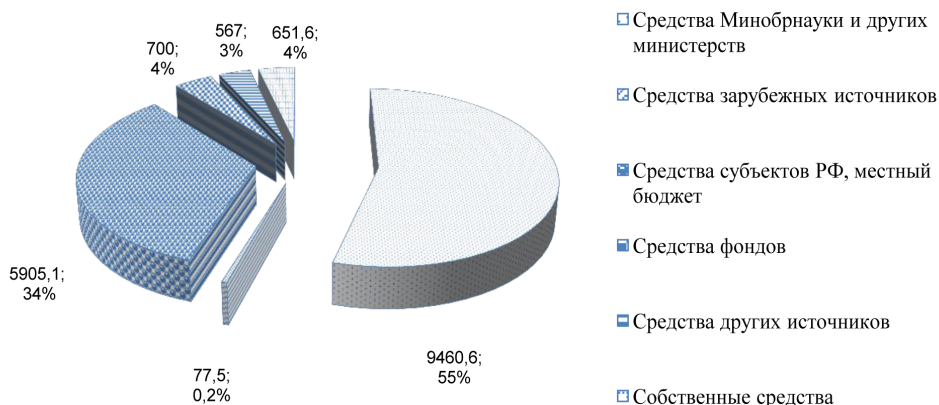

Рис. 1. Финансирование НИР, детализированное по источникам поступления

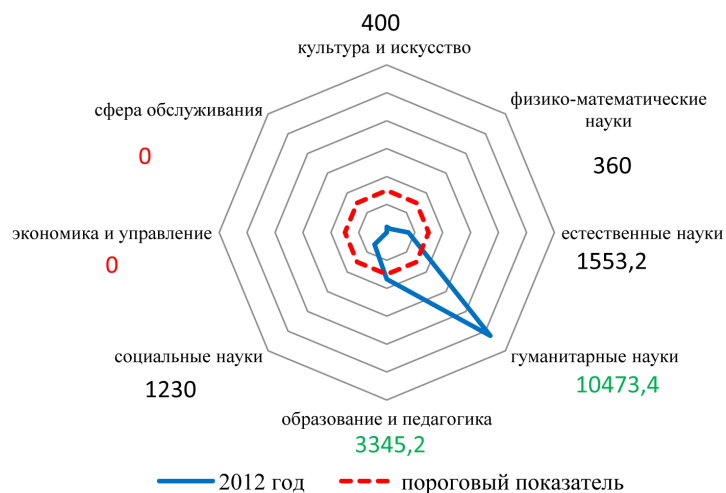

Рис. 2. Финансирование НИР в соответствии с УГС

Третья методика определения эффективности НИР вуза основана на системе методологии ранжирования и рейтингования образовательных учреждений, разработанной в НФПК. В соответствии с проведённым НФПК исследованием наш вуз относится к группе «Другие вузы». На основании таблицы (табл. 2), в которой приведены показатели, достигнутые в 2012 г., и данные по категории «Другие вузы» (среднее и максимальное значения) за 2011 г.,

можно чётко проследить слабые места в НИР ППС вуза. Так же, как и в предыдущих исследованиях на основе показателей эффективности НИР мы видим, что у вуза основные проблемы – это недостаточное финансирование научно-исследовательской деятельности и недостаточное количество публикаций, входящих в международные базы научных публикаций, и, соответственно, достаточно небольшое количество цитирований работ ППС вуза.

Таблица 2

**Основные показатели рейтингования ОУ МОН (НФПК).
Система показателей эффективности НИР**

<i>№ п/п</i>	<i>Индикаторы</i>	<i>2012 г.</i>	<i>Среднее по группе «Другие вузы» (2011 г.)</i>	<i>Max по группе «Другие вузы» (2011 г.)</i>
1	Доля расходов на научные исследования	0,05	0,014	0,1
2	Доля ППС с учёной степенью кандидата и доктора наук	0,704	0,67	0,87
3	Количество цитирований на одного ППС в РИНЦ	0,86	0,39	1,67
4	Количество публикаций на одного ППС в РИНЦ	0,57	0,54	2,13
5	Количество публикаций на одного ППС в Scopus	0,04 (14)	0,03	0,22
6	Количество публикаций на одного ППС в Web of Science	0,023 (8)	0,03	0,17
7	Доля доходов от научных исследований	0	0,07	0,36
8	Количество российских исследовательских грантов (РГНФ, РФФИ)	2	13	53
9	Сумма российских исследовательских грантов (РГНФ, РФФИ)	650 000,00	18 284 700,00	3 226 000,00
10	Доля студентов очной формы обучения, участвовавших в НИР	0,22 (723 из 3362)	0,43	0,87

На основании полученных данных был сделан вывод о необходимости увеличения числа публикаций, входящих в международные базы данных Scopus и Web of Science, а также, по возможности, в более равномерном распределении источников финансирования. Всё это в конечном итоге влияет на конкурентоспособность ППС и вуза в целом.

Четвёртая система определения показателей эффективности НИР вуза основана на показателях обеспечения внутренних гарантий качества на уровне образовательных программ на основе методологии агентства по контролю качества образования и развитию карьеры (АККОРК) – ведущей независимой экспертной организации в сфере профессионального образования в России. И именно данная методика носит качественный харак-

тер, вникает в существо изменений НИР вуза и ППС, прощупывает актуальность и внедряемость результатов НИР в образовательный процесс, т. е. в подготовку кадров. В гуманитарно-педагогическом университете ежегодно проводился конкурс НИР на средства внутренних грантов. Основными номинациями являлись «Командировки», «Монографии», «Мастер-классы», «Высокорейтинговые статьи», «Инициативные исследования». За счёт средств внутреннего гранта были реализованы дополнительные проекты НИР: «Молодой педагог вуза: профессиональные и исследовательские компетенции», «Высшая средняя школа Китая в условиях современных реформ образования», «Современные проблемы социальной философии». Опубликовано ряд учебных пособий и монографий, оплачено

обучение ряда преподавателей в аспирантуре, командировки для защит диссертаций, 651,6 тыс. р. внутренних средств вуза были использованы на поддержку инфраструктуры организации НИР. Например, для издания двух рейтинговых журналов («Учёные записки», «Гуманитарный вектор»), входящих в список ВАК, из средств вуза было направлено 250,693 тыс. р. Заключён договор о сотрудничестве с Научной электронной библиотекой. На сайте НЭБ выставлены электронные версии научных журналов «Гуманитарный вектор» и «Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского», а также сборники материалов ежегодных международных конференций («Природоохранное сотрудничество Забайкальского края (Россия), автономного района Внутренняя Монголия (КНР) и Восточного Аймака (Монголия) в трансграничных экологических регионах», «Международное сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: проблемы и перспективы», «Филологическое образование и современный мир» и т. д.).

В прошедшем учебном году НИД преподавателей вуза организовывалась за счёт привлечения внешнего финансирования. Гуманитарно-педагогическая составляющая вуза имела финансирование за счёт средств гранта Президента РФ (600 тыс. р.), пяти проектов по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., двух научно-исследовательских программ, выполняемых в рамках РГНФ (700 тыс. р.), и тридцати научно-исследовательских работ, выполняемых в рамках Государственного задания Министерства образования и науки РФ вузу на общую сумму 5 млн 960 тыс. р.

В отличие от предыдущих методик, АККОРК уделяет большое внимание непосредственно культуре организации и управления НИР вуза, что выражается в таком показателе, как доля использования результатов НИР в образовательном процессе и в системе организации управления образовательной деятельности в ОУ. Содержание показателей рассматривается не в контексте конкретно анализируемого года, а просматривается динамика изменения процесса в целом, хотя бы в течение трёх последних лет. С помощью качественных методик анализа осуществляется комплексное исследование состояния и перспектив полу-

ченных показателей при различных сценариях. Например, рассмотрим показатели эффективности НИР и управления эффективностью НИР за 2010–2012 гг. Совокупная эффективность была определена следующим образом. В 2010 г. в рамках научно-исследовательской работы преподавателей реализовывалось 63 проекта на сумму 33369,4 тыс. р. Из них 8 % проектов посвящены управлению образовательным процессом, наиболее крупные проекты в этой области: «Теоретические основы и перспективы использования информационных систем в управлении высшим учебным заведением», «Разработка модели непрерывного дистанционного повышения квалификации педагогов на основе распределённой системы ресурсных центров и образовательных учреждений». На финансирование проектов в сфере управления образовательным процессом затрачено 28 % средств от общей суммы расходов на НИР, 92 % научно-исследовательских работ были посвящены проблемам образовательного процесса, финансирование которых составило 72 % от общих средств на НИР. Наиболее значимые проекты: «Оценка состояния и динамика ботанического разнообразия Даурии в условиях изменяющегося климата и разработка сети ключевых ботанических территорий», «Адаптация панкреатической секреции к различным белковым добавкам и её коррекция ферментным препаратом», «Закономерности и механизмы развития ДВС-синдрома и морфология органов при метаболическом ацидозе», «Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке», «Языковая картина мира и творческая личность в условиях трансграничья», «Кризис современной российской культуры: стратегии его преодоления в общественном сознании». В 2011 г. на финансирование 74 проектов в рамках НИР было затрачено 33441 тыс. р., из них 8 % от общего числа проектов связаны с управлением образовательным процессом, объём их финансирования составил 27 % от общей суммы средств, выделенных на НИР, остальные проекты были посвящены непосредственно образовательному процессу. Большинство проектов первой группы являлись продолжением начатых в 2010 г. Среди проектов, связанных с образовательным процессом, наиболее значимыми являются: «Кризис современной российской культуры: стратегии его преодоления в обще-

ственном сознании», «Эколого-экономическая и социокультурная асимметрия в регионе Внутренняя Азия», «Монтаж в искусстве как актуальный механизм презентации действительности в современной культуре», «Социальные стандарты качества жизни: индексы и индикаторы в условиях кризиса», «Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке», «Качество жизни: организационно-управленческий аспект». Научно-исследовательская работа в 2012 г. (58 проектов) была профинансирована 17361,8 тыс. р. Снижение объёма финансирования связано с завершением Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Соответственно, уменьшился процент проектов, связанных с управлением образовательным процессом – 1 % с финансированием в 3 % от общей суммы на НИР. Остальные проекты были посвящены образовательному процессу, среди них наиболее существенные проекты: «Онтология современных языков культуры в условиях постиндустриального общества», «Снижение показателей психологической адаптации как следствие длительного проживания населения в регионе экологического неблагополучия», «Организационно-управленческое обеспечение социальной безопасности молодёжи в условиях трансграничья», «Русская литература в Китае: вербализация культурных смыслов», «Качество жизни как основа обеспечения социальной безопасности России в XXI веке».

Таким образом, за 3 года (2010–2012) в рамках НИР было реализовано 195 проектов. Из них 6 % были посвящены управлению образовательной деятельностью, однако, объём средств, затраченный на них, составил 22 % от общего финансирования научно-исследовательской работы преподавателей. Это неплохой результат, но он не является конкурентоспособным.

Как известно, НИР вуза – это основа проектирования инновационного содержания образовательных программ нового поколения. Этот показатель является и основным процессом внедрения результатов НИР в образовательную практику. Его принято рассматривать на примере определения доли использования результатов защищённых кандидатских и докторских диссертаций в образовательном процессе и в системе организации управления образовательной деятельностью

в ОУ. За отчётный период 2010–2012 гг. было защищено 84 кандидатских и 10 докторских диссертаций. Из них 17 кандидатских и 3 докторских защищены в 2010 г., 37 кандидатских и 2 докторских в 2011 г., 30 кандидатских и 5 докторских в 2012 г. соответственно, 19 % от общего числа диссертаций, защищённых за 3 года, связаны с исследованием проблем управления образовательной деятельностью, результаты остальных диссертаций в той или иной мере затрагивают различные вопросы образовательного процесса. По результатам анализа защищённых за последние 3 года диссертаций можно сделать вывод о том, что процент диссертаций, связанных с вопросами управления образовательной деятельностью, снизился с 29 % в 2010 г., до 19 % в 2011 г. и 13 % в 2012 г.

Следует отметить, что увеличилась доля использования результатов научных публикаций (монографий, научных статей, научных докладов) в образовательном процессе по профилю специальности и в системе организации управления образовательной деятельностью на факультетах. За последние три года преподавателями и сотрудниками вуза было опубликовано 2169 статей и тезисов и 134 монографии. В 2010 г. было опубликовано 44 монографии и 719 статей и тезисов, в 2011 г. – 43 монографии и 722 статьи и тезисов, в 2012 г. – 47 монографий и 728 статей и тезисов соответственно. Таким образом, можно сделать вывод о том, что количество публикаций сохраняется примерно на одном стабильном уровне, с небольшим возрастанием. Кроме того, с каждым годом количество статей ВАК и РИНЦ от общего количества публикаций увеличивается. Научные публикации, связанные с вопросами управления образовательной деятельностью, составляют приблизительно 7 % от общего числа публикаций, с незначительными отклонениями по годам. За период с 2010 по 2012 гг. было опубликовано больше 20 статей, входящих в индекс международного цитирования Scopus и Web of Science, большую часть статей составляют публикации по физике и математике. Практически 93 % публикаций освещают вопросы образовательного процесса по соответствующим профилям специальности.

Таким образом, использованные методики определения эффективности НИР имеют конкретные функции, связанные с необходи-

мостью лицензирования, рейтингования и ранжирования вуза среди других вузов страны, качественной определённости состояния основных профессиональных образовательных программ. Только в совокупности они дают возможность проанализировать состояние и определить перспективы НИД на основе полученных данных.

Список литературы

1. Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность. Предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск, 2012. С. 146.
2. Дорожная карта «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки». М., 2012.
3. Методология рейтингования образовательных учреждений профессионального образования НФПК. URL: <http://ranking.ntf.ru/DswMedia/metodologiya.pdf> (дата обращения: 05.05.2013).
4. Документированная процедура ДП 02-04 «Научная работа». URL: <http://www.zabspu.ru/index.php?d=850> (дата обращения: 05.05.2013).

References

1. Anisimova A. A., Echevskaia O. G. Sibirskaja identichnost'. Predposylki formirovanija, konteksty aktualizacii. Novosibirsk, 2012. S. 146.
2. Dorozhnaja karta «Izmenenija v otrasljah social'noj sfery, napravlennye na povysenie jeffektivnosti obrazovanii i nauki». M., 2012.
3. Metodologija rejtingovanija obrazovatel'nyh uchrezhdenij professional'nogo obrazovanija NFPK. URL: <http://ranking.ntf.ru/DswMedia/metodologiya.pdf> (data obrashhenija: 05.05.2013).
4. Dokumentirovannaja procedura DP 02-04 «Nauchnaja rabota». URL: <http://www.zabspu.ru/index.php?d=850> (data obrashhenija: 05.05.2013).

Статья поступила в редакцию 25 мая 2013 г.

Лариса Юрьевна Николаева
кандидат искусствоведения,
Восточно-Сибирская государственная академия
культуры и искусств
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

Художественный феномен пластики Даши Намдакова

Статья посвящена творчеству гениального художника, рождённого в Забайкальском крае, Даши Намдакова. О художнике, чьи работы выставляются в лучших музеях мира, написаны искусствоведческие эссе лучшими аналитиками мира в данной сфере (см. сайт Даши Намдакова, рубрика «Публикации»). Однако, редакция нашего журнала попросила Ларису Николаеву, искусствоведа из Улан-Удэ, опубликовать статью об истоках вдохновения Д. Намдакова. В статье раскрывается природа художественного феномена скульптурной пластики художника: наличие академического образования, укоренённого в семейном воспитании великолепного владения формами национального искусства, а также того, что придает творчеству гениальность. Это дар творца, визуализирующего энергию искусства, дар, имеющий трансперсональные истоки.

Ключевые слова: классическая скульптура, художественный феномен, визуальное искусство, визуализация энергии искусства.

Larisa Yur'evna Nikolaeva
Candidate of Art Criticism,
East Siberian State Academy of Culture and Arts
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

The Artistic Phenomenon of Dashi Namdakov's Plastic Art

The article is devoted to creative work of Dashi Namdakov, an artist of genius from Zabaykalsky krai. His works are exhibited in the best museums of the world and many art criticism essays by the best analysts of the world in this sphere are written about him (see Dashi Namdakov's website, the heading "Publications"). This paper reveals the nature of the artistic phenomenon of Namdakov's plastic art: academic education, magnificent possession of national art forms rooted in family education, the factors that make his creative work so great. It is a gift of the creator visualizing the art energy, the gift having transpersonal roots.

Keywords: classical sculpture, artistic phenomenon, visual art, visualization of art energy.

Напрягшись всем телом, каждым мускулом, пантера оборачивается назад, бешеный бык, изогнув шею, бросается вперёд на невидимого противника, оттолкнувшись от земли, летит могучий конь. Рядом сказочные капризные принцессы, таинственные шаманы и буддийские монахи. Описывая увиденное, вдруг останавливаешься на банальности перечисленного. Может быть, услужливая память предлагает литературные клише? Но нет, бык действительно бешеный, а конь могучий. Может быть, сами скульптурные образы представляют собой набор общих мест? Или мы сталкиваемся с «трудностями перевода» с языка пластического на язык вербальный? И здесь мы всту-

паем на ещё один виток общих рассуждений: что если дело не в скульптуре, а в ещё одном проявлении «болезни языка», невозможности сказать о том, что невыразимо?

Творчество Даши Намдакова ставит, в первую очередь, проблему отсутствия и необходимости суждения. Общее впечатление, которое возникает у зрителя, воспитанного на классической скульптуре, при первом взгляде на произведения иранского, или скифо-сибирского, или скандинавского звериных стилей и Даши Намдакова, пользуясь выражением Кеннета Кларка, – эстетический шок.

Основой классической скульптуры является тело человека. Деформация человеческо-

го тела именно в скульптуре воспринимается наиболее болезненно. Со времён Поликлета скульптура рассказывает и показывает ясность сочленения частей тела. Отсюда, в том числе, нагота, литературность поз, жестов. Современная скульптура в отказе от литературности предоставляет большую свободу сырому, необработанному материалу, подражает созданным ветром, водой и воздухом формам, которые почти нерасчленены, ни о чём не говорят, поэтому – бесформенны. Но форма, даже бесформенная, легко сводима к неким геометрическим телам – шару, кубу, яйцу, фалу и т. п., в свою очередь имеющим обширную литературу как архетипы и символы, тем не менее, вынесенную за скобки.

Может быть, немота скульптуры – родовая травма, которую удалось преодолеть?

Каменные идолы и бронзовые бляхи древних культур ни о чём не рассказывают и ничего не изображают. Другими словами, древние образы не соотносятся ни с чем, что находится вне их. Они являют собой то, что они есть – нечто сакральное, то, что надо воспринимать, ни о чём не спрашивая. Сакральным был и материал скульптуры – камень, металл. Древняя скульптура множественна, политеистична, иерархична. Строго говоря, и образы Даши нельзя назвать символическими, т. к. символ всегда отсылает к тому, что стоит за ним.

Основным магическим свойством изображений с древности является их способность оживать, оживление, соответственно, создание произведений искусства входило в жреческие функции. Этот «процесс» тесно связан с представлением о душе, которая есть не только у людей, но и у животных.

Наделение неподвижной скульптуры жизненной силой, энергией происходит не только при обращении к образам традиционной культуры, которые обладают данной силой, будучи тотемами, духами местности или предков и т. п. Творить – значит вдыхать жизненную силу в новые формы. Дело не в том, что бык, или ворон, или шаман являются образами, имеющими сакральную энергию по традиционным представлениям бурят, а в том, что данные формы (скульптуры Даши Намдакова), похожие на быка, ворона или шамана, обладают таинственной силой воздействия на людей, не знакомых с древними тюрко-монгольскими верованиями, возможно, потому, что корень всех магических представлений

един. Словно нечто, глухо ворочающееся в глубинах нашего подсознания, принимает облик этих существ.

Тюрко-монгольская демонология включала самые разнообразные персонажи: одновременно видимые и невидимые, тяжёлые и невесомые, телесные и бестелесные, оборотни могли принимать женский или мужской облик. Хотя не каждый человек обладал способностью их увидеть, реальность их не вызывала сомнения, как и печальные последствия встречи с ними. Полулюди – полуживотные или полурастения, половиннотелые, одноглазые монстры – родственны фантастическим образам Даши.

В классическом понимании форма совпадает с границей между материей (материалом) и пространством. Связь древнего искусства с магией вызывает другие качества формы. В древней бронзе форма создаётся как внешняя пустотелая оболочка. Поверхность металла, поверхность тела совпадают со скелетом – рёбра, позвоночник обтянуты кожей – металлом. Ведь скелет – это не каркас, вокруг которого наращена пластическая масса, а костная поверхность, полая внутри. Если обозначены мускулы, они не кажутся, а являются стальными жгутами. В древности же отобранные технические приёмы литья и выразительные средства пластики имеют взаимозависимое происхождение и сегодня неразличимы. Использование их Даши меньше всего является наивностью стилизатора, а отражает сходные цели и образы. В ретроспекции, благодаря Даши, художественно-магическое мышление древних мастеров становится ближе к нам.

Например, вера в то, что именно кости, череп представляют собой основу, на которую может нарасти субстанция жизни – мускулы, тело. Пересчитывание костей шамана – один из эпизодов его путешествия по трём мирам. Нисчезающему материальному остатку соответствует бессмертный идеальный – душа – сулдэ, которая обитает в верхнем мире и возрождается в среднем, среди живых существ. Сулдэ может войти в тело животного или человека, и эта амбивалентность делает родственными тела человека и животного, даже изоморфными, обуславливает их переход друг в друга. Архетипом является образ, в котором черты человека и животного совмещены. Примеров тому в древнем искусстве множество.

Представление бурят о сулдэ воплотилось в ритуале забивания овец – голой рукой разорвав

диафрагму и аорту, чтобы освободить душу. Табу запрещало забой скотины ударом по голове или перерезанием горла, т. к. душа животного от испуга может спрятаться в мясе и вместе с ним быть съеденной людьми [2]. Во время шаманского жертвоприношения на берёзовом шесте вывешивали шкуру лошади, снятую с головой – зухэли. Кожа и кости, приносимые в жертву, считались целым животным. Зухэли «должен подняться на небо и, приобретя там кости и мускулы, отнятые от животного во время его жертвоприношения и ритуальной трапезы, вернуться на землю» [2, с. 56]. Это возвращение было бы невозможно без освобождения сулдэ.

Даши, например, может взять основой скульптуры череп животного или раковину. Использование фрагментов реальности, включение в произведение рельефа поверхности свойственно первобытной скульптуре. Следуя за перетеканием и столкновением плоскостей как волн, образующих гребни, он изображает не выветренные древние останки, а живую кожу, внутри которой, проступая, обозначаются кости. Экспрессия пластики Даши выражает этот рост костей изнутри. Именно поэтому кожа-шкура изображается практически без шерсти, тела животных кажутся нагими. Их некогда живая шкура истлела, то, что покрывает их ирреальную плоть – скорее тонкая чувствительная плёнка. Они рождаются на наших глазах. Эта их неукоренённость в нашей жизни выражена и в странной на цыпочках постановке фигур. Они кажутся невесомыми, несмотря на свой реальный вес: Царица стоит на коготках, ноги коней необычайно тонки, либо не касаются земли, да и ноги людей (шаманов и девушек) больше напоминают птичьи коготки. Архаическая душа, воплощённая в этих нагих телах, – эротична. Её исток в нерасчленённости космоса и хаоса. (Изначально в мировом океане плавают отцовский серебряный столб и золотое материнское чрево (алтан умай, мунген бахана), от случайной встречи которых произошли первые люди [2, с. 21]. Эротика возникает на пересечении инстинкта продолжения жизни новых созданий и заинтересованного ошупывающего взгляда зрителя. Не страсть и не вожделение, а тактильное ощущение, возбуждение безразличием.

Понятия «телесность» и «пластичность» взаимосвязаны. Пластику понимают как один из методов работы в скульптуре, где объём (тело, масса) одновременно растёт изнутри и стёсывается снаружи – притирается к миру,

тело и мир – антагонисты. Основные категории классической скульптуры исходят из визуальных впечатлений равновесия масс, геометрической соразмерности частей целого. Разные точки зрения, являясь проекциями на разные плоскости, дополняют визуальную информацию о предмете. В восприятии произведений бронзового литья особую роль играют тактильные ощущения. Тёмный тяжёлый металл матово поблёскивает на выпуклых местах, кажется, что он отполирован множеством прикосновений рук и даже хранит их тепло. Невольно тоже хочется прикоснуться кончиками пальцев, с опаской, как прикасаются, поглаживают прирученного дикого зверя, и бронза обжигает холодом. Фактура, теплота, даже вес складываются в ментальной картинке. Толщину металла видно по «резаным» ранам открытой пасти, глаз. Фигуры уплощены, делая явным отсутствие внутренних ступеней.

Главная задача «видящего» Даши – «картографировать неведомое», делать его доступным нашему восприятию, т. е. набрасывать карту неведомого, чтобы выделить его из непостижимого [1, с. 47]. От тел, сродни телам Микеланджело, тоскующим по собственной бессмертной душе, до энергетических сгустков, почти не имеющих оболочки.

Картография неведомого основана на иерархии душ, на их неоднородности. Высокая сулдэ может быть завоёвана на поле брани или защищена. Доспехи воинов сродни панцирям неведомых животных т. е. то, что должно отличать человека от животного роднит их по аналогии. Их пластика сродни животной, почти как четвероногие, они низко распластаны по горизонтали. Иногда воины больше похожи на спасающихся, тогда они более слабы и поэтому более человечны. Но некоторые похожи на описание колдуна Булвер-Литтона: «Если бы вы сумели вообразить какую-нибудь громадную змею, превращённую в человека, но в человеческом обличье сохраняющую былую змеиность, то вам легче было бы составить себе представление [о нём]: широкий и плоский лоб, изящно сужающийся книзу овал лица скрывает силу смертоносной челюсти, продолговатые, большие, внушающие ужас глаза, искрящиеся и зелёные, как изумруды, а ко всему ещё и какое-то жестокосердное спокойствие, будто идущее от осознания колоссальной мощи» [3, с. 224].

Магические образы имперсональны. Среди них особое место принадлежит Чингисхану.

Спокойно сидящая фигура с разведёнными в сторону руками трактована более обобщённо. Его сосредоточение также имеет магическую природу – под ладонями подразумевается парящий в воздухе «левитирующий» меч. Это персонаж, воплощающий сулдэ целого народа.

В скульптуре «Воспоминание о будущем» полые части, отверстия играют «формообразующую» роль. Длинная щель носа, прорези глаз и рта дают ощущение наполненной пустоты, магнетическим способом удерживающей оболочку. «Рассудок имеет дело с инструментами, создающими энергию, но ему никогда не удаётся уловить то, что мы лучше инструментов – мы организмы, создающие энергию. Мы – капля энергии, поэтому не так уж сложно понять, что капля энергии может создать вмятину на другой капле энергии». Эти вмятины бывают двух типов. «Один вогнутый, другой – в виде расщелины. Каждый тип вмятины даёт свой эффект. Вогнутость – это временная черта и даёт временный сдвиг, а рас-

щелина становится глубокой постоянной чертой кокона и приводит к постоянному сдвигу», излучающему энергию [1, с. 117].

Способы визуализации энергии не являются взаимоисключающими. Изобразительный, визуальный эквивалент концентрации энергии для вечной жизни древнеегипетская культура увидела в геометрических телах, являющихся противоположностью натуральности костных останков и деформации разрывов. В названии скульптуры Даши «Степная Нефертити» точно выражена связь с египетской геометризацией форм как аккумуляции энергии: вытянутый конус шеи, яйцеобразная форма головы. Скульптор доводит до крайнего геометризма, решая ухо в виде спирали и очерчивая контур лба прямыми углами.

Душа, воплощённая в металле, создаёт парадоксальный императив вещественности, непреложность завершённости как явленности.

Список литературы

1. Кастанеда К. Огонь изнутри. Сила безмолвия / пер. с англ. Карлос Кастанеда. М.: София, 2006. 528 с.
2. Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 128 с.
3. Уилсон К. Оккультное / пер. с англ. М.: Эксмо; СПб.: Митгард, 2006. 800 с.

References

1. Kastaneda K. Ogon' iznutri. Sila bezmol'vija / per. s angl. Karlos Kastaneda. M.: Sofija, 2006. 528 s.
2. Manzhigeev I. A. Burjatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy: opyt ateisticheskoy interpretacii. M.: Nauka, 1978. 128 s.
3. Uilson K. Okkul'tnoe / per. s angl. M.: Jeksmo; SPb.: Mitgard, 2006. 800 s.

Статья поступила в редакцию 25 мая 2013 г.

Ван Пин

аспирант,

*Забайкальский государственный университет
(Чифэн, Китай), e-mail: van.pin@mail.ru*

Влияние русской художественной школы на развитие китайской традиции живописи маслом

Автор пишет о влиянии традиций русского и советского реализма на китайское искусство второй половины XX в. В статье говорится о взаимодействии русского и китайского искусства, путях реформирования художественного образования в Китае во второй половине XX в. Внимание акцентируется на описании и анализе творчества и методических систем преподавания русских художников-педагогов П. П. Чистякова и К. М. Максимова. На основе данных систем обучения технике живописи воспитывались многие художники-реалисты как в России, так и в Китае. Русская система художественного образования легла в основу художественного образования Китая, а русский реализм стал методом выражения духовных смыслов китайского традиционного искусства.

Ключевые слова: реализм, метод, творческий метод, методика, методическая система, живопись, художественный приём, китайская живопись маслом.

Wang Ping

Postgraduate Student,

Transbaikal State University

(Chifeng, People's Republic of China), e-mail: van.pin@mail.ru

Influence of the Russian Art School on Development of the Chinese Tradition of Oil Painting

The author writes about the influence of traditions of the Russian and Soviet realism on the Chinese art of the second half of the 20th century. The article tells about interaction of the Russian and Chinese art and ways of reforming of art education in China in the second half of the 20th century. Description and analysis of creativity and methodical teaching systems of the Russian artists-teachers P. P. Chistyakov and K. M. Maksimov are focused on. Many realist artists both from Russia and China were trained on the basis of these systems of painting techniques. The Russian system of art education underlay art education in China, and Russian realism became a method of expression of spiritual meanings in the Chinese traditional art.

Keywords: realism, method, creative method, technique, methodical system, painting, artistic device, Chinese oil painting.

Китайская живопись маслом есть результат культурных контактов с Западом. Масляной технике Китая не более 100 лет, а официальные школы художественного образования в Китае открылись только в начале XX в. Многие китайские студенты изучали масляную технику в западных школах (Франция, Италия, Англия) и в России. Однако самостоятельной системы преподавания этой техники в Китае не было. На процесс её становления и развития в середине и второй половине XX в. сильное влияние оказала русская реалистическая школа [1]. Это влияние определило и направления в развитии современной китайской

живописи, и сохранившиеся до сегодняшнего дня основные методические установки в практике художественного преподавания [2; 3].

Особое влияние на становление китайской системы художественного образования оказали: русский художник и педагог П. П. Чистяков (1832–1919) со своей педагогической системой и методикой преподавания и советский художник и педагог К. М. Максимов (1913–1994), который с 1955 по 1957 гг. преподавал масляную технику в Китае и стал фактически проводником российского художественного метода в культуре страны.

Влияние педагогической системы и методики преподавания П. П. Чистякова на развитие китайской традиции живописи маслом.

В 1954 г. на праздновании Первого мая в Москве присутствовала китайская делегация. Её представляли художники Цзян Фэн, Ван Чжао Вэнь, Сай Чжухун, Ван Шилан и министр культуры Ми Ги. Встреча оказалась знаменательной, поскольку после возвращения делегации в Пекин Министерство культуры взяло чёткий курс на реформирование художественного образования и популяризации русского искусства в Китае. Так, существенный вклад в популяризацию и пропагандирование русского искусства в Поднебесной сделал Известный китайский журнал «Искусство», существовавший в период с 1954 по 1959 гг. Почти в каждом номере журнала содержался материал, посвящённый теории или истории русского искусства.

Вообще, 50–60-е гг. XX в. представляются нам наиболее плодотворными в межкультурном диалоге между КНР и СССР. В этот период в Китае процветали и были очень популярны русский и советский стили в искусстве, в том числе и архитектуре.

В 1952 г. Китайская Академия искусств Джун Ян (ZhongYang) и Академия искусств СССР обменялись работами своих студентов. Китайская сторона в числе прочих получила картины П. П. Чистякова, а также материалы и аудиозаписи его лекций. В 1955 г. в Пекине состоялся Государственный совет преподавания изобразительного искусства, на котором было принято решение о популяризации системы Чистякова в Китае.

Творчество и педагогическая деятельность П. П. Чистякова в значительной мере определила судьбу реалистической школы живописи не только в России конца XIX – начала XX вв., но и повлияла на живопись маслом в Китае. Методы этого талантливого художника и педагога вполне сопоставимы с методами знаменитых мюнхенских художественных школ.

Каким же образом сформировалась эта знаменитая система преподавания – столь эффективная и результативная – прославившая Чистякова на весь мир?

Будучи сыном крепостного крестьянина, П. П. Чистяков, тем не менее, сумел поступить в Петербургскую Академию художеств. Это стоило ему огромных трудов. Но с ещё

большими трудностями он столкнулся в годы обучения: в Петербурге он жил у дальних родственников, скудно питался. Работать приходилось много: занятия в академии были по утрам и вечерам, в остальное время он давал частные уроки, выполнял случайные заказы – это давало хоть какие-то средства на жизнь.

Первоначальное обучение, согласно царившим в то время правилам преподавания, состояло из копирования с гипсовых слепков и известных гравюр. В первом классе Академии художеств рисовали карандашом с оригиналов головы, во втором – обнажённые фигуры и т. д. Копии рассматривались как средство выработки вкуса учащихся. Относились к этому очень серьёзно. Наиболее отличившихся молодых художников отправляли на практику за границу, но и там они опять же начинали с копирования.

Академическая методика, которая состояла в постоянном рисовании гипсов и однообразном копировании известных гравюр, была не по душе Чистякову. Блестяще освоив школу рисования, он много работает самостоятельно. Осваивая профессиональное мастерство, он всегда доходил до самой сути задания или упражнения собственным разумом, далеко не всегда доверяясь учителям. Его не удовлетворяла система академического рисунка, послушно следующего внешней видимости форм, чуждого объективных законов природы и живой динамики. Его также не удовлетворяли академические принципы, ограничивающие цвет пределами условной раскраски и подчинявшие его светотеневой, тональной проработке форм; шаблонные композиционные схемы, не способные вместить новое содержание. А самое главное – Чистяков пришёл к выводу, что в системе академического преподавания присутствует огромный разрыв между профессиональной подготовкой и художественным воспитанием. Таким образом, уже в годы академического обучения были заложены основы будущей знаменитой системы Чистякова, и уже в те годы он начал применять новые подходы на своих уроках.

Успехи в учёбе и победы на академических выставках открывают перед молодым художником новые возможности – его посылают в Европу продолжить обучение. После возвращения он получает должность адъюнкт-профессора, т. е. рядового преподавателя в Академии, а также звание академика за те картины, которые написал в Европе.

Уже к концу своего пребывания в Академии Чистяков был не только блестящим учеником, но и известным в Петербурге педагогом. Многочисленные частные уроки создали ему в столице славу прекрасного учителя. Но основным и наиболее серьёзным педагогическим достижением молодого Чистякова была его работа в Рисовальной школе Общества поощрения художеств. Здесь он выделялся как весьма талантливый и самобытный учитель. К его советам и мнениям прислушиваются талантливые молодые художники. К нему шли учиться, вернее, доучиваться даже выпускники, окончившие Академию художеств с золотыми медалями.

К этому времени даже в стенах Академии всё больше людей начинали понимать, что установившаяся некогда система обучения художников устарела и уже не может, как когда-то, давать блестящие результаты. Вот что пишет по этому поводу И. Е. Репин: «Ах, если бы Вы видели, что за отвратительная подлость прodelьвается там над молодым поколением юношей, под видом строгой академической школы!! Это систематическое притупление всех человеческих чувств, добра и красоты способно сделать их никуда не годными людьми. ... Поощряется в сочинениях та отжившая рутина, давно заброшенная, за которую бы следовало исключать молодых людей, ибо это признак бездарности и слабого таланта. Всякое же проявление настоящего чувства, любви к искусству давится и вандалски презирается!! Одна есть светлая точка в академии – это Чистяков. ... А уж вот учитель, так учитель!» [5, с. 122].

Существовавшая в Академии методика преподавания рисунка сводилась к выработке техники и обучению определённым приёмам. С одной стороны, это позволяло быстро выполнять любой рисунок или этюд, но, с другой стороны, делало процесс художественного творчества исключительно механическим. Чистяков ни как художник, ни как педагог не мог мириться с той системой, которая сложилась в Академии. Метод бессознательного копирования с оригиналов, которое господствовало в Академии, мастер отвергал категорически и считал главным недостатком в системе преподавания.

Чистяков был уверен в том, что залогом успеха любого дела является постоянное обновление и стремление вперёд, нельзя стоять

вечно на том, что некогда стало основой успеха. По мнению Чистякова, лучшим учителем, источником мастерства и вдохновения для художника является природа. По этому поводу он писал: «Изучение рисования, строго говоря, должно... начинаться и оканчиваться с природы; под натурой мы разумеем здесь всякого рода предметы, окружающие человека» [5, с. 437]. М. А. Врубель, тоже разочаровавшийся методами преподавания в Академии, которые сводились к обучению безжизненным штампам и схемам, методику Чистякова называл формулой живого отношения к природе.

Большое значение Чистяков придавал технике и упорному труду. Далеко не всё даётся одними только способностями: художника, который не овладел техникой и мастерством рисунка, Чистяков сравнивал с оратором без языка – он ничего не способен передать: без техники, считал он, невозможно рассказать людям о своих переживаниях, мечтаниях, увиденной красоте.

Но с другой стороны, одной только техники мало. Картина – это не фотография, а художник не может быть копировальщиком действительности. «Так натурально, даже противно»; или того хлеще: «И верно, да скверно!» – иронизировал Чистяков, оценивая слишком уж, на его взгляд, реалистичные работы. Искусство не может быть мёртвой копией с природы, искусство – это продукт человеческого духа, души и отражает в себе то лучшее, благодаря чему человек выше всего стоит на земле.

Чистяков жёстко критиковал так называемое «эстетическое баловство». Красивая форма должна быть наполнена глубоким содержанием, а это требует от художника постоянного личностного самосовершенствования и самоотдачи. Искусство призвано выражать лучшее, что есть в мире, и лучшее, что есть в человеке. Без этого даже самое отточенное мастерство способно производить только картины пустышки.

Чистяков не останавливался на обязательных по службе классных занятиях. В отличие от большинства других преподавателей он, если видел в человеке задатки и желание заниматься, приглашал его для дополнительных уроков в свою мастерскую, которая была открыта для всех желающих. Кроме того, он вёл группы и кружки вне стен Академии, давал письменные отзывы и рекомендации тем художникам, которые не могли приехать для

личной встречи с ним в Петербург. Желаящих учиться у Чистякова было много, хотя он и выдвигал очень серьёзные требования. «Будет просто, как попишешь раз по сто, – говорил он, заставляя учеников вновь и вновь переделывать работу, и добавлял – Простота даётся не просто. Простота – высота!».

Сознавая невозможность совмещать труд художника и педагогическую деятельность, Чистяков выбрал последнюю. Признание его педагогического таланта более чем заслуженно, но оно подчас несколько умаляет непосредственный источник успеха, а именно напряжённую работу Чистякова как художника. Несмотря на сравнительно небольшое количество завершённых им картин, современники всё же усматривали в его творчестве начало истинно русской исторической живописи. Его, пожалуй, самые известные картины «Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Тёмного в 1433 году срывает с князя Василия Косого пояс, принадлежавший некогда Дмитрию Донскому» и «Патриарх Гермоген отказывает полякам подписать грамоту» отражают драматичные эпизоды, оказавшие серьёзное влияние на ход русской истории. Выдающийся художник, прославивший себя картинами на исторические темы, В. М. Васнецов напишет Чистякову: «Надо помнить, что русская историческая настоящая живопись началась с Вашей Софьи Витовтовны. Дай Вам Бог помощи и силы создать нам что-либо опять истинно художественное и русское» [5, с. 270].

Много времени посвящает Чистяков решению сложных задач композиции и рисунка. Тщательно записывает и систематизирует свои мысли о живописи, происхождении искусства, его месте и роли в обществе.

Чистяков был уверен в том, что рисование должно стать одним из обязательных общеобразовательных предметов: «Рисование при уездных училищах и в гимназиях должно быть обязательно наравне с прочими предметами» [5, с. 436], поскольку «рисование как изучение живой формы есть одна из сторон знания вообще; оно требует такой же деятельности ума, как науки, признанные необходимыми для элементарного образования» [5, с. 437].

По его мнению, преподавание рисования следует выстраивать по всем законам и правилам этого искусства, несмотря на то, что в цели общеобразовательной школы и не входит подготовка профессиональных художников. Со

знанием дела мастер подробно и обстоятельно описывает последовательность обучения: «Черчение и рисование начинается с изображения проволочных линий, углов, геометрических фигур и тел, за которыми следует рисование геометрических фигур, сделанных из картона или дерева, и с гипсовых орнаментов, причём, даётся понятие об ордерах архитектуры. Оканчивается оно изучением частей и маски головы, целой головы с анатомией, пейзажа и перспективы – это можно считать нормой гимназического курса» [5, с. 437]. Объясняет ключевые моменты техники рисования: правила перспективы, понятие о горизонте, точке зрения, схода, об отдалении и картинной плоскости. Указывает на необходимость предварительного уяснения учащимися устройства того, что он рисует.

Достоинством системы преподавания Чистякова была также методологическая целостность всех её элементов, глубокая внутренняя логика выстраивания последовательности обучения: от рисунка – к светотени, затем к цвету и, наконец, к созданию композиции.

Огромное значение мастер придавал цвету: «Рисунок дело рассуждения и пр. Живопись, цвета – дело чувств и умения глядеть просто и списывать» [5, с. 368]. Под «списыванием» Чистяков понимал умение правдиво «списать почерк» жизни, её живую динамику. В цвете он видел важнейшее средство образной выразительности, раскрытия содержания произведения.

Итог обучения художника Чистяков полагал в сочинении картины, т. е. в умении осмыслить явления окружающей действительности, обобщить свои знания и впечатления в убедительных образах и создать картину, выражающую идейную концепцию автора и те проблемы, которые реально волнуют общество: «идеи общества задают живопись и всё вообще» [5, с. 397]. Художнику, считал Чистяков, всегда важно испытывать волнение по поводу происходящих событий и уметь выразить это волнение пластическими средствами изобразительного искусства. А для этого нужна хорошая школа, профессиональная подготовка. Актуальная мысль не может быть донесена до зрителя неумелыми, грубыми руками. Решая ту или иную тему, художник каждый раз должен варьировать свои художественные средства, обновлять их, находить адекватный сюжету и образам пластический язык. «По сюжету и приёму» – любимое выражение Чистякова.

Чистяков считал, что искусство очень близко науке, что настоящий мастер всегда владеет знаниями, что наука в своём высшем проявлении переходит в искусство. Мастер делал упор на научное обоснование и аргументирование своего подхода. Подобные идеи вполне созвучны материализму и реализму, на которых собственно и зиждется вся его система обучения. Его подход представляет собой системный процесс, основанный на подробном рассмотрении живой природы и жизни. Чистяков всегда настаивал на том, что принцип реализма – это получение новых, свежих ощущений из наблюдения за природой, жизнью, и обучал этому своих студентов, требовал от них изображать объекты творчески, не увлекаясь объективизмом, а изображать качества объектов.

Большую ценность представляют мысли и наработки Чистякова, касающиеся взаимоотношений наставника с учениками. По его мнению, важнейшими функциями искусства являются познавательно-воспитательные. Для того, чтобы реализовать их в полной мере, необходимо найти нужный подход к каждому ученику, а это невозможно без знания и понимания его характера, уровня подготовки и развития. Нельзя подходить ко всем с одной меркой. Тем более, не следует прибегать к методам насилия: не надо запугивать ученика, напротив, стремиться вызвать в нём веру в себя, чтобы он самостоятельно исправлял свои ошибки и преодолевал сомнения. В педагоге ученики должны видеть не только строгого учителя, но прежде всего друга. «Настоящий, развитой, хороший учитель палкой ученика не дует; а в случае ошибки, неудачи и пр. старается осторожно разъяснить суть дела и ловко навести ученика на путь истинный!» [5, с. 429].

У Чистякова было безошибочное чутьё на характер и масштаб художественного таланта. Эта его способность и бережное отношение к любому дарованию дали удивительные результаты. Достаточно сказать, что его учениками были В. М. Васнецов, М. А. Врубель, В. Д. Поленов, И. Е. Репин, В. А. Серов, В. И. Суриков и др. Чистяков как будто предвидел, что выйдет из того или иного начинающего художника при условии серьёзного отношения к делу, и всегда умел настоять на этом серьёзном отношении.

Правила, приёмы преподавания техники изобразительного искусства Чистякова можно назвать совершенной системой, которая весьма продуктивна и в иной национальной худо-

жественной системе. Так, например, система Чистякова оказала мощное влияние на формирование китайской художественной традиции.

С 1952 по 1962 г. Комитет культуры КНР набирал и отправлял группы китайских студентов в СССР для изучения изобразительного искусства. С этого времени система Чистякова стала популярна во всех художественных образовательных учреждениях страны. Система Чистякова помогла в самые короткие сроки построить систему художественного образования в Китае, а техника реализма помогла достигнуть высочайшего уровня китайского традиционного искусства.

Первые китайские художники, обучавшиеся по системе П. П. Чистякова в СССР: Ло Гонглю, Ли Тяньсян, Цюань Шаньши, Ли Ганн, Дэн Шу, Го Шао Ган, Фэн Чжэнь, Су Гао Лис – все они примерно в одно время закончили Государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина в Ленинграде. Расскажем о них подробнее.

Профессор *Ло Гонглю* обучался в СССР с 1955 г. по 1958 г. После возвращения на Родину профессор преподавал в Художественной Академии Китая, был деканом факультета изобразительного искусства, затем главой Академии, членом правления художественного совета Китая, президентом комитета художников Китая, членом комитета культуры Китая. Затем он становится профессором Художественной Академии и советником Комитета изобразительных искусств Китая. Он был профессором Центральной академии изящных искусств, почётным членом Всекитайской федерации изучения искусства, советником Китайской Ассоциации художников. Многие картины Ло Гонглю посвящены войне с Японией и революционной истории Китая. Замечательно то, что он первым в Китае рискнул сделать политическую тематику объектом изображения в живописи.

Ло Гонглю был председателем комиссии, которая работала над выбором дизайна денежной купюры и монеты «юань». Победил именно его вариант дизайна. Монета, созданная по проекту Ло Гонглю, входит в число редких монет мира и представляет большую культурную ценность.

Ли Тяньсян обучался в СССР с 1955 по 1958 г. Получил диплом с отличием. Его выпускная работа 1953 г. называлась «Детская библиотека». Она отражала новую, инициирован-

ную государством тенденцию в развитии китайского общества – образование для простых людей, начиная с детского возраста. Когда он вернулся на Родину, руководил второй студией живописи маслом в Художественной Академии Китая. С 1985 г. был деканом изобразительных искусств Шанхайского университета.

Для Ли Тяньсяна характерен художественный поиск истины, добра и красоты, а также глубокое единство совершенной художественной формы и содержания, нерасторжимость эстетической и образовательной функций, гармоничное соединение эмоционального и рационального.

Цюань Шаньши (обучение в СССР с 1954 по 1960 гг.). После возвращения в Китай преподавал в Академии изобразительных искусств г. Чжэ Цзян (сейчас называется Китайская Академия изящных искусств). Он работал на кафедре изобразительного искусства и в управлении по академическим вопросам, был деканом, преподавателем живописи маслом, на третьей студии обучал студентов, аспирантов и молодых преподавателей.

Го Шао Ган обучался в СССР с 1955 по 1960 гг. После возвращения на Родину преподавал в Гуанчжоу в Академии изобразительных искусств. Работал заместителем директора и служил в китайской Ассоциации художников. В провинции Гуандун был председателем художников. В 1992 г. работал в государственном художественном совете. В 1996 г. был назначен почётным президентом Международной Ассоциации художников. С 1999 г. ему присвоено звание почётного профессора русской Академии Художеств им. И. Е. Репина, был награждён медалью А. С. Пушкина.

Фэн Чжэнь, как и многие другие китайские художники 6 лет училась в Ленинградском государственном академическом институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина с 1956 г. Окончила его с выдающимися достижениями. В 1962 г. Фэн Чжэнь обучалась в Центральной Академии художеств. Затем работала в Центральной Академии изобразительных искусств преподавателем народного искусства, живописи маслом. Была профессором отделения народного искусства.

В 2007 г. Фэн Чжэнь была приглашена как член жюри на третью Международную выставку искусства (г. Гуанлин, провинция Шаньси), а в 2008 г. побывала в России на совместной выставке художников. В 2008 г. Фэн Чжэнь ра-

ботала в жюри на четвёртой Международной выставке искусства (г. Инь Чуан, провинция Нин Ся).

Су Гао Ли учился в СССР с 1960 по 1966 гг. В Академии художеств им. И. Е. Репина окончил студию К. С. Мельникова. Вернулся в Китай и преподавал в Центральной академии изящных искусств. Там же в Академии изобразительных искусств назначен заместителем директора второй студии живописи. Был профессором и консультантом Ассоциации китайских художников. В 1997 г. на семинаре, организованном государственной Комиссией по образованию и преподаванию, был представлен альбом с его картинами, который был рекомендован для повсеместного использования в художественном образовании Китая.

После своего возвращения в Пекин, Ханчжоу, Нанкин, Гуанчжоу выпускники Государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина были распределены в ряд институтов искусства и занимались обучением. Они распространяли художественные приёмы и методы русской и советской художественной системы.

Влияние педагогической деятельности и методики преподавания К. М. Максимова на развитие китайской традиции живописи маслом.

Другой русский художник, оказавший сильное влияние на становление и развитие традиций китайской живописи маслом, – К. М. Максимов. Народный художник России, дважды лауреат Государственной премии СССР, профессор живописи. В 1955–1957 гг. жил и работал в Китае, где создал блестящую серию акварелей и живописных полотен, преподавал живопись, вёл мастер-класс в Пекине. Его пребывание в Поднебесной оказало существенное влияние на развитие искусства в этой стране. На основе дальнейшей разработки чистяковской методики преподавания мастер стал фактическим основоположником системы современного художественного образования в Пекинском художественном университете, которое до него хотя и существовало, но, тем не менее, не имело чётко структурированной и оформленной методической системы.

Чаще всего на картинах К. М. Максимова можно увидеть сцены труда и образы русской природы. В разных жанрах он воплощал свои наблюдения и размышления о жизни и духовном мире своих современников. Ему принад-

лежат как большие тематические композиции, запечатлевшие знаменитых людей страны, так и портреты, поражающие своим глубоким психологизмом. Натюрморты и пейзажи Максимова наполнены весенним солнцем и задумчивой тишиной осени. Мир, отражённый художником, – это не простое воспроизведение ситуаций и фактов действительности, а воспроизведение образной характерности, вызывающей сложное и утончённое эстетическое переживание.

Многие работы художника выполнены в технике акварели. Его акварельная живопись привлекает внимание смелым и ярким выражением самых разнообразных чувств и настроений. Манеру мастера отличает наполненность форм, энергичные мазки и широкие заливки. Его тонкое прозрачное письмо и чистота тона сочетаются со сложной фактурностью, многослойностью и плотностью красочной поверхности.

Как и Чистяков, Максимов категорически не приемлет метод копирования. Он утверждает, что «автоматическое копирование предметов действительности не способно передать жизненные «переливы» и тем более не может быть названо творчеством» [3, с. 313].

Максимов также внёс коррективы в методические приёмы преподавания рисунка и живописи. Вот те ключевые моменты его системы, используемые им для преподавания китайским студентам:

- 1) постоянная практика и тренировка с целью выработки техники художественного письма;
- 2) введение в китайское академическое обучение системы пленэров, которая была не знакома китайской традиционной живописи: «Выход на пленэр» был следующим необходимым этапом «узнавания» реального [6, с. 313].

Задачи преподавание, которые Максимов ставил перед китайскими учащимися:

- 1) рисовать с натуры и быть внимательным, постоянно анализировать свою работу с целью выявления ошибок и их исправления;
- 2) умение отображать реальное соотношение цветов;
- 3) обязательное создание эскиза рисунка;
- 4) анализ своего рисунка как объекта.

Система обучения живописи Максимова предполагала тщательное изучение натуры, которое, по его мнению, поможет преодолеть «декоративизм» китайской традиционной живописи и даст толчок к развитию реалистического направления в культуре современного Китая. Вместе с

тем он стремился к сохранению самобытности китайского искусства, постоянно повторяя своим ученикам, что «изучение и копирование произведений западно-европейских и русских мастеров не предполагает отказа от наследия классического китайского искусства» [4, с. 47].

Методика преподавания живописи, воспринятая воспитанниками Максимова в Пекинской Академии, впоследствии была использована ими в других китайских художественных университетах. Именно они реформировали методы преподавания в специализированных художественных вузах Китая, определили пути и направления развития китайской реалистической живописи в XX в. Среди учеников Максимова, учившихся у него живописи маслом, немало выдающихся китайских мастеров. Они знамениты как художники, приносят пользу своей стране, занимая высокие посты.

Фэн Фа Чи работает в Ассоциации художников Китая, советник общества «Сюй Пэй Хон», Международной художественной ассоциации исследований. Является почётным президентом Института искусств в Пекине. Его ученик *Чжан Цзянь Цзюнь* был принят в 1985 г. в Ассоциацию художников за выдающиеся достижения в живописи. В 1995 г. основал Общество китайской живописи маслом. Чжан Цзянь Цзюнь два десятилетия руководит Академией современной живописи маслом в г. Си Ан.

Художник *Цзинь Шан И* в 1955 г. учился на курсе Максимова в Центральной Академии изобразительных искусств, где освоил основные правила формы и цвета. Его дипломная работа 1957 г. называлась «Восхождение». Это была картина маслом, написанная в историческом жанре, изображавшая героический переход Красной армии Китая через гору Му Ши Та Гэ в провинции Сы Чуань для решающей битвы с врагами революции.

В настоящее время Цзинь Шан И является председателем союза художников Китая.

Другой ученик Максимова, современный художник – *Цзинь Шан И* как последователь европейской классической живописи воплотил сущность её благородной духовной философии в конкретных условиях современного Китая, сочетав её с традицией народного китайского искусства и духовности. Он открыл китайскую неоклассическую школу живописи, успешно работает и отражает стремление к идеальному сочетанию традиционного и современного китайского искусства.

Хоу И Минь – известный художник, скульптор, профессор Центральной академии изобразительных искусств. Он работал заместителем директора Департамента декоративно-прикладного искусства в Центральной академии изобразительных искусств, первый вице-президент Китайского общества «Цюй Хо». Является исполнительным директором Ассоциации китайских художников, председателем фонда «У Цзо Жэнь»? Национального международного салона изящных искусств. Он принадлежит первому поколению китайских художников, педагогов художественного образования. Один из четырёх дизайнеров денежной купюры «юань». Является одним из пионеров нового направления в декоративно-прикладном искусстве. Его отличает универсальность в художественном творчестве, стремление к интеграции китайского и русского искусства.

К сожалению, с конца 50-х вплоть до конца 80-х гг. сотрудничество двух стран было затруднено из-за обострившихся политических разногласий. Китайская сторона перестала направлять студентов в Союз. В 1957 г. Китай покинул К. М. Максимов. Было принято решение создать свою систему преподавания, используя опыт и знания тех, кто уже получил художественное образование. Появилась Академия изобразительных искусств Китая. Было предписано в короткий срок адаптировать советскую систему художественного образования к китайским традициям. Так, например, ввели написание дипломных работ по образцу советской художественной школы. Таким образом, русско-советская система художественного образования легла в основу художественного образования Китая, а русский реализм стал методом выражения духовных смыслов китайского традиционного искусства.

Список литературы

1. Ван Кэвэнь, Бернюкевич Т. В. Факторы, этапы становления и развития русской культуры Харбина // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 05(96). С. 105–110.
2. Иванова Ю. В. Традиции искусства в Китае // Русское и китайское изобразительное искусство в контексте времени. Чита–Харбин. 2008. С. 21–32.
3. Ли Чунхуэй. Об особенностях и преимуществах китайской традиционной живописи // Русское и китайское изобразительное искусство в контексте времени. Чита–Харбин. 2008. С. 32–38.
4. Максимов К. М. Выступление на заседании союза художников // Искусство. 1955. № 7. С. 47.
5. Чистяков П. П. Письма. Записные книжки. Воспоминания. 1832–1919. М.: Искусство, 1953. 593 с.
6. Чэнь Чжэн Вэй. Традиции русской реалистической школы в китайской живописи (1950–1976) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 61. 2008. С. 311–314.

References

1. Van Kjevjen', Bernjukevich T. V. Faktory, jetyapy stanovlenija i razvitija russkoj kul'tury Harbina // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 05(96). S. 105–110.
2. Ivanova Ju. V. Tradicii iskusstva v Kitae // Russkoe i kitajskoe izobrazitel'noe iskusstvo v kontekste vremeni. Chita–Harbin. 2008. S. 21–32.
3. Li Chunhujej. Ob osobennostjah i preimushhestvah kitajskoj tradicionnoj zhivopisi // Russkoe i kitajskoe izobrazitel'noe iskusstvo v kontekste vremeni. Chita–Harbin. 2008. S. 32–38.
4. Maksimov K. M. Vystuplenie na zasedanii sojuza hudozhnikov // Iskusstvo. 1955. № 7. S. 47.
5. Chistjakov P. P. Pis'ma. Zapisnye knizhki. Vospominanija. 1832–1919. M.: Iskusstvo, 1953. 593 s.
6. Chjen' Chzhjen Vjej. Tradicii russkoj realisticheskoi shkoly v kitajskoj zhivopisi (1950–1976) // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. № 61. 2008. S. 311–314.

Статья поступила в редакцию 20 декабря 2012 г.

Го Синь
аспирант,

Забайкальский государственный университет
(Цицикар, КНР), e-mail: 17386255@qq.com

Социокультурные факторы, определяющие статус профессионального образования в Китае

В данной статье автор осуществляет культурологический анализ актуальной для Китая проблемы: необходимость повышения статуса профессионального образования в современном китайском обществе. В ходе исследования темы автором были выявлены социокультурные факторы, сформировавшие определенное отношение китайцев к профессиональному образованию. К ним автор относит те представления и ценности, которые, по его мнению, являются значимыми элементами китайского национального менталитета: личная и семейная репутация, представления об общественной иерархии и др.

Автор анализирует особенности традиционной китайской культуры и национальный китайский менталитет, применяя принцип историзма и сравнительно-исторический метод. Он выявляет, что традиционно для китайцев характерна недооценка роли профессионального образования в развитии страны. Эта обстоятельство значительно понижает престиж профессиональных кадров и делает выпускников, получивших профессиональное образование, неконкурентоспособными на рынке труда.

Ключевые слова: профессиональное образование, менталитет, традиционная китайская культура, ценности, «личная репутация», социальная иерархия.

Guo Xin

Postgraduate Student,

Transbaikal State University

(Qiqihar, People's Republic of China), e-mail: 17386255@qq.com

Socio-Cultural Factors Defining the Status of Vocational Education in China

In this article the author carries out culturological analysis of an urgent problem for China: a need for increase of vocational education status in modern Chinese society. During the subject research, the author has revealed the socio-cultural factors which created a certain relation of the Chinese to vocational education. These factors include representations and values which are significant elements of the Chinese national mentality: personal and family reputation, ideas of public hierarchy, etc.

The author analyzes the peculiarities of traditional Chinese culture and the national mentality using the principle of historicism and a comparative-historical method. He reveals that the Chinese traditionally underestimate the role of vocational education in development of the country. This fact causes the loss of occupational prestige and makes the graduates having vocational education uncompetitive in the labor market.

Keywords: vocational education, mentality, traditional Chinese culture, values, “personal reputation”, social hierarchy.

За последние годы в Китае возросло осознание важности профессионального образования и той роли, которую оно играет в развитии государственной экономики. Однако, несмотря на острую нехватку квалифицированных специалистов производственно-технического профиля, в обществе всё же сохраняется пре-

небрежительное отношение к профессиональному образованию. В результате углублённого исследования данной проблемы мы выяснили, что недооценка профессионального образования и роли хорошо подготовленных специалистов в данной сфере имеет глубокие исторические и культурные корни.

Отношение китайцев к профессиональному образованию определяется теми представлениями и ценностями, которые мы рассматриваем как значимые элементы китайского национального менталитета: личная и семейная репутация, представления об общественной иерархии и др.

Традиционная китайская культура и феодальный строй на протяжении тысячелетий сдерживали развитие индивидуализма в китайском менталитете, влияя тем самым, в том числе и на особенности системы образования. Культурные традиции на протяжении всей китайской истории находились в постоянном развитии, система ценностей и внутренние устремления народа, постепенно приспосабливаясь к экономической ситуации, обуславливали нежелание людей идти по пути профессионального образования.

Так, одна из китайских газет в 2006 г. сообщала, что по результатам проведённого пресс-центром «Новая волна» и центром социальных исследований «Китайской молодёжной газеты» совместного опроса на тему «Почему в наше время так мало желающих работать “синими воротничками?”», 38,8 % опрошенных отвечают, что причина кроется в низком заработке; 21,8 % признаются, что их не устраивает статус работников физического труда; оставшиеся 20,5 % опрошенных заявляют, что даже если бы их устраивала заработная плата, то и тогда они вряд ли бы согласились быть в роли рабочих. Из чего следует очевидный вывод, что в Китае профессиональный выбор человека напрямую зависит от статуса и престижа той или иной профессии. Участники упомянутого опроса (58,8 %) признались, что основной причиной низкого статуса физического труда считают отсутствие потенциала для развития в данной отрасли труда [8, с. 1].

В недавнем прошлом Китая был недолгий этап, когда быть рабочим считалось почётным, а изучать технические науки похвальным. Тогда работник производственно-технической сферы мог беспрепятственно, благодаря собственному потенциалу и трудолюбию, достичь звания мастера, должности начальника цеха, начальника завода и даже руководителя государства. В настоящее же время работник физического труда встречает множество препятствий, в частности, образовательный ценз, необходимость наличия определённого уровня образования и др. Отличившийся рабочий мо-

жет занять лишь место бригадира, в лучшем случае – должность старшего мастера. Традиционно работники физического труда в Китае получают низкую заработную плату, дурное обхождение и не имеют никаких возможностей социального и профессионального продвижения, поэтому китайцы не стремятся к добровольному выбору профессионального образования. Выбирая учебное заведение, китайские родители предпочитают отдать своего ребёнка в простую среднюю школу или даже платное негосударственное учебное заведение, чем сделать выбор в пользу техникума, пусть даже и хорошего себя зарекомендовавшего.

Одним из значимых факторов, определивших отношение китайцев к профессиональному образованию, стало представление о личной репутации, которое, несомненно, является одним из типичных, традиционных особенностей китайской психологии и культуры.

Китайцы очень дорожат «личной репутацией» и «добрым именем». Знаменитый китайский писатель Лу Сюнь пронизательно отмечает, что репутация является руководящим моральным принципом китайской традиционной культуры. В традиционном китайском понимании, «личная репутация» в большей степени выражает всеобщее признание и положение в обществе, которое человек приобретает благодаря своим достижениям. Под «личной репутацией» понимается поступательное «восхождение» человека на протяжении всей его жизни, которое является результатом как общественного мнения, так и упорного труда и непрерывного саморазвития. Представление о «личной репутации» содержит в себе стремление человека к самовозвышению и преувеличению собственной важности в глазах других людей. «Личная репутация» в китайском понимании есть то, что о человеке могут сказать и подумать другие люди в той или иной ситуации.

Человек находится в сложной системе социальных взаимоотношений, и в процессе своего личностного становления невольно втягивается и встраивается в систему традиционных для этого общества обычаев. Поведение индивида оценивается обществом, и согласно этому формируется его социальная роль, закрепляется статус и положение. Сравнивая западную и азиатскую культуры, исследователи указывают на некоторые стереотипы поведения, в которых, на их взгляд, выражается своеобразие национального менталитета. Например, в

китайской традиции принято сначала писать и называть фамилию, а лишь затем имя, тогда как в западных странах сначала называют имя, демонстрируя таким образом личную индивидуальность.

Китайцы, держа ребёнка на руках, обращают его лицом к своему лицу, тогда как на Западе в большинстве случаев ребёнка поворачивают лицом к окружающим. Так, с малых лет на Западе ребёнка противопоставляют обществу, учат его самостоятельности. В Китае же ребёнок познаёт мир не самостоятельно, а на примере своих родителей и окружающих его людей. Подобным же образом западные родители поступают и в дальнейшем: например, с малого возраста приучают ребёнка спать отдельно, в своей собственной кровати. Если речь идёт о выборе университета или профессии, западный ребёнок самостоятельно принимает решение и решение это никак не связано с тем, что в китайском понимании называется «личной репутацией», в частности с тем, что могут сказать или подумать окружающие люди. В Китае же родители ребёнка, выдержавшего экзамены в лучший вуз страны, начинают чувствовать себя более уверенными в обществе, будто их собственный социальный статус повысился. Данный пример также показывает нам, что «личная репутация» в китайском понимании – это не только общественное положение, но и то удовлетворение, которое приносит человеку «доброе имя».

В то же время отметим, что в традиционном конфуцианском понимании «личной репутации» тот человек, который занимается любимым делом с малых лет и достигает мастерства в своей деятельности, постепенно теряет уважение и значимость в глазах окружающих. Поэтому в сложившейся обстановке, когда, с одной стороны, трудоустройство выпускников затруднено отсутствием соответствующего количества мест, а с другой стороны, существует нехватка квалифицированных и высокооплачиваемых специалистов в сфере профессионально-технических знаний, родители и абитуриенты по-прежнему не стремятся изменить ситуацию и найти решение в сфере профессионального образования. Непосредственную связь с «личной репутацией» индивида имеет его статус, то есть «личная репутация» определяет социальное положение человека в обществе.

Как мы уже отмечали, в китайском менталитете, с одной стороны, не достаёт осозна-

ния индивидуальности и собственного «я», с другой стороны, превалирует представление о социальной иерархии и соотношении себя с определённой группой людей или каким-либо социальным слоем. Носитель китайского менталитета отождествляет свою личность, своё «я» со статусом и определяет себя по принадлежности к тому или иному социальному слою. В среде чиновнической аристократии было распространено выражение «десять лет у холодного окна», что означало долгую, упорную и безотрывную учёбу, корпение над книгами ради того, чтобы, пройдя через трудности и лишения, стать выше других людей, подняться над массой и управлять ею. Поэтому разделение на две основных категории населения – чиновников-управленцев и простой народ, подчинённых, является ключевым элементом китайской культуры. Углубляясь в историю, находим упоминание об этой сложной социальной структуре в «Ли Цзи» («Записки о совершенном порядке вещей, правления и обрядов») эпохи Чжоу (1027 – ок. 250 гг. до н. э.), где говорится: «Простой народ не постигает этикета, бедствия не настигают тех, кто постиг этикет» [5, с. 89]. Под теми, кто «постиг этикет», понимаются учёные мужи. Чёткое разделение на два социальных слоя – образованную знать, составлявшую высший слой общества, и простой народ, не обладавший книжным знанием, а передававший практические навыки и умения из поколения в поколение, обозначилось уже на раннем этапе исторического развития китайской культуры.

Учёная знать имела ряд классовых привилегий. В «Книге этикета» эпохи Чжоу даётся более конкретный пример того, что имеется в виду в словах «бедствия не постигают учёных мужей» [9, с. 45]. В разделе «Приказ уголовных дел» (подраздел «Помощник начальника уголовного приказа») перечисляются восемь категорий граждан, для которых существует возможность обсуждения наказания и снижения тяжести вины в уголовном порядке. Вот как они звучат: «1) обсуждение вины родственника высокопоставленного лица с целью снижения его наказания; 2) обсуждение вины близкого друга императора с целью снижения его наказания; 3) обсуждение вины добродетельного человека, совершившего преступление, с целью снижения его наказания; 4) обсуждение вины человека, обладающего необычными способностями и талантами, с целью снижения его на-

казания; 5) обсуждение вины заслуженного лица с целью снизить ему наказание; 6) обсуждение вины знатного лица с целью снизить ему наказание; 7) обсуждение вины человека, находящегося на государственной службе, и снижение его наказания за выслугу; 8) обсуждение вины человека, находящегося на военной службе у государства, с целью снижения его наказания. Таким образом, во время эпохи Чжоу граждане, принадлежавшие одной из этих восьми категорий, попадали под указ о смягчении наказания. В случае, если они провинились перед законом, судебная тяжба проходила в отдельном порядке, и провинившиеся, как правило, получали менее строгое наказание.

Образованные чиновники получали выгоды от своего положения в обществе. Начиная с древности, когда считалось, что среди всех возможных путей только путь книжного образования способен привести человека на вершину социальной иерархии, вплоть до настоящего времени, когда общество в Китае разделено на классы партийных деятелей и рабочих, сохраняется убеждение, что, достигнув высокого положения, человек начинает получать выгоды от него. В недавнем прошлом, например, высокопоставленным партийным чиновникам и их родственникам в Китае были доступны дефицитные товары, о которых все прочие могли только мечтать. «Материальное благополучие представлялось важнейшей задачей управления, которое подразумевало высокие моральные приоритеты правителя, гуманные средства воздействия, заботу о народе» [1, с. 100].

В обществе, где в центре всех желаний лежит стремление занять высокий пост и главенствующее положение, основную роль играют отношения между людьми, такие как «благородный – простолюдин», «старший – младший», «родственник – незнакомец» и т. д. Понятие индивидуальности и равноправия стирается и теряет всякую значимость в подобной системе человеческих взаимоотношений. Принцип «равенства всех перед законом» начинает казаться скорее номинальным, чем реально действующим. В сложившейся ситуации родители ожидают от своих детей поступления на работу в государственное учреждение или в органы государственного управления. Стремление к этому сидит глубоко в общественном сознании и направляет действия масс.

На фоне высокой оценки гуманитарного знания, формировавшего китайскую правящую элиту, явно просматривается недооценка профессионально-технических и естественных направлений в развитии науки.

Китайская нация испокон веков гордится своими богатыми природными ресурсами и обширными пространствами. Не в пример западным странам, опирающимся на торговлю и коммерцию, Китай всегда выживал и развивался за счёт сельского хозяйства. Так, в исторических хрониках династии Хань (206 до н. э. – 220 гг. н. э.) говорится, что «возделывание земли – есть корень жизни» [3, с. 179]. Население континентального Китая свободно опирается на своё сельское хозяйство, ведь на протяжении истории данного региона здесь сложилась сельскохозяйственная автократия, благодаря которой регион находится на полном самообеспечении.

В связи с тем, что предшественники современных китайцев находились в благоприятных для выживания условиях, основные силы они прилагали к тому, чтобы построить гуманное общество и облагородить его, а отнюдь не к изменению окружающих природных условий. Древние китайские философы во главу угла ставили мудрость человеческих взаимоотношений, указывая на то, что «мудрость состоит в осознании хороших и дурных поступков» [2, с. 91]. На протяжении тысячелетий в китайской культуре и на китайской политической арене главенствовало конфуцианство, которое занималось политической философией, а также вопросами норм поведения и морали. Китайцы настойчиво развивали науки, трактовавшие нормы социальных взаимоотношений, мало заботясь о понимании объективной реальности и прикладывая минимальные усилия к построению логического знания и системы естественных наук, что является главным признаком китайской гуманистической традиции. Это, в свою очередь, неизбежно сковало познание законов природы, развитие науки и техники.

В китайской традиции высокий вес имеет человеческая культура, гуманизм, а естественные науки играют второстепенную роль. Китайский теоретик-марксист Ли Дачжао даёт такую сравнительную оценку китайской и западной культуры: «Коренное отличие западной и восточной культур состоит в том, что культура западных стран стремится к активному действию, сосредотачивает в себе активное на-

чало, тогда как культура стран Восточной Азии стремится к покою и является средоточием пассивного начала» [6, с. 2]. История засвидетельствовала лишь одну религиозно-философскую школу, которая как-то способствовала развитию научно-технического прогресса в Китае – школу моистов. Главенствовавшее на протяжении какого-то времени ещё в доцинскую эпоху моистское течение хоть и дало толчок к зарождению теорий таких наук, как механика, оптика, геометрия, логика, но будучи в дальнейшем вытеснено конфуцианством и даосизмом, не получило дальнейшего развития и прекратило своё существование. Китай подарил миру несколько крупнейших изобретателей, напрямую подтолкнувших прогресс человеческой цивилизации своими научно-техническими изобретениями, но важные изобретения и производственные технологии того времени не получили достаточного одобрения и поддержки со стороны государства и общества. В сфере же образования принижалась роль естественно-научных и технических знаний, что не только тормозило развитие, но даже полностью вытесняло эти направления из сферы человеческого интереса. Так, например, научно-технические знания, направленные на изучение и преобразование природы, считались недостойными звания науки и часто именовались как «низменное занятие», «пустяковое учение», «исключительно мастерское, но ненужное искусство», утверждалось даже, что изучение ремесла и естествознания способны воспрепятствовать развитию личности.

В трактате «О небе и земле» Чжуан Цзы описывается интересный случай. Старец из уезда Ханьян набирал воду из колодца и приговаривал, что он скорее прокопал бы колодец самостоятельно до самой воды, чем стал бы использовать какие бы то ни было инструменты. Старец пускает в ход всё своё красноречие с чувством собственной правоты: «тот, кто берётся за инструмент, поступает лукаво, отвергая честный труд; тот, кто поступает лукаво, лукавит и в помышлении своём; лукавый помысел же оскверняет душу; без чистой души не быть твёрдому духу; а в ком нет твёрдого духа, в том не бывать и совершенству. Мне известно о выгоде инструмента, о котором ты говоришь, но использовать его я считаю позором» [10, с. 44]. Данный отрывок демонстрирует лишь малую толику того,

как на самом деле презирались естественные науки, ремёсла и изобретательство в Древнем Китае. Влияние подобной идеологии привело к тому, что интеллигенция в Древнем Китае в большинстве своём делала выбор в пользу прохождения системы государственных экзаменов для получения учёной степени и права поступления на должность или же предпочитала погрязнуть в изучении конфуцианства, доискиваясь до смысла канонических книг, но никак не опуститься до научных исследований, экспериментальной практики и рационализаторской деятельности. Всё это привело к постепенному уменьшению роли научно-исследовательской деятельности в Китае, а вследствие чего и к торможению научно-технического прогресса в стране.

В новейшее время возникла политика «усвоения заморских дел» [4, с. 176], что основано на идее использования научных достижений Запада для противостояния самому же Западу. Это хотя и породило интерес китайских национальных производителей к изучению технологий западного машиностроения, однако никак не изменило традиционного китайского мировоззрения и психологии: западные технологии назывались бесполезными, например, пароход называли «крайне примитивным судном», «глупым изобретением», а учиться чему-либо у Запада считали бесполезным и вредным занятием. Всё вышеизложенное в совокупности привело к торможению развития научно-технического прогресса в Китае.

На закрепившееся с древности отношение китайцев к профессиональному образованию повлиял также такой элемент китайского менталитета и культуры, как представление о семейной репутации.

В период феодализма под семейной репутацией понималось положение семьи в обществе и уровень образованности её членов. Ремесленники в исторических анналах Китая встречаются под названиями «мастера», «умельцы», «кустари», «рабочий люд», «мастеровые», «мастера всех специальностей» и др. На протяжении долгого времени, в период правления династий Шан (1764–1027 гг. до н. э.), Ся (ок. 2209–1766 гг. до н. э.), а также Западной Чжоу (1027–771 гг. до н. э.) ремесленникам разрешалось работать только при местных органах власти, из государственной казны выделялись средства на содержание таких сословий, как купцы и ремесленники. Все пред-

ставители сословия ремесленников, находясь в подчинении местных органов власти, были в крепостной зависимости у царствующего дома императора и княжеских семей. За государственными работниками было закреплено общее название «крепостные рабочие», поэтому мастера кустарного производства так же, как и торговцы, уже только за одно своё умение без какого-либо права выбора попадали в вассальную зависимость от аристократии. Ремесло передавалось от отца к сыну, и никто не имел права менять его на другое. Ремесленнический труд планировался исходя из запасов на складах, главным требованием было выполнить заказ к установленному сроку и соблюсти заданные нормы качества. Запрещалось пускать в ход изобретательство и стремиться усовершенствовать продукт или создать что-то новое, провинившиеся преследовались по закону и подлежали наказанию.

Во время эпохи Хань (206 до н. э. – 220 г. н. э.) труд ремесленников и торговцев стал рассматриваться как низменное занятие, что ещё более затормозило развитие данных отраслей. Положение начало меняться лишь только в период Восточной Хань (25–220 гг.), когда данные отрасли получили небольшое развитие. В период же правления династий Вэй (220–265 гг.), Цзинь (265–420 гг.) крепостное право в отношении торговцев и ремесленников было упразднено, что дало толчок развитию данных отраслей. Однако, освободившееся от крепостной зависимости торгово-ремесленническое сословие продолжало занимать низшее положение в обществе. По всему Китаю создавались государственные мануфактуры, на которых трудились мастерские на благо государства. Исторические записи сохранили строки народной песни: «Ремеслу мы не учились сами, были те, кто нас заставил, ведь с рождения мы в рабстве, и жёнам судьба прислужгой быть. Мы лишь на время в этом мире, его покинуть – без труда нам, но стыд позорный не оставить, он возложен и на сыновей. Свою судьбу не выбираем – судьба даётся свыше нам, и дело это не оставим, куда то же есть и жить хотим» [7, с. 226].

В период правления династии Юань (1271–1368 гг.) народ был принудительно разделён на классы, ремесленники были отнесены к классу мастеровых, который был близок к классу рабов. Ремесленник круглый год должен был с утра до ночи трудиться под чинов-

ничьим надзором, претерпевать презрительное отношение и ничего не получать взамен, кроме скудного пайка. Сменить место жительства или жениться без разрешения не позволялось. Во время эпохи Мин (1368–1644 гг.) права и положение ремесленников были несколько улучшены. Население было перераспределено на три сословия: гражданское, военное и мастерское, где под мастерскими целиком и полностью значилось всё ремесленническое сословие, стоящее на очень низкой ступени социальной иерархии и наследующее из поколения в поколение свой статус. В случае, если представитель ремесленнического сословия решался освободиться от своего статуса, было необходимо личное разрешение императора, что значительно затрудняло переход из сословия в сословие. Кроме того, ремесленникам запрещалось участвовать в государственных экзаменах, претендовать на учёную степень, государственную службу и возможность перейти в высшие слои аристократии.

Данная система просуществовала четыре с половиной столетия вплоть до 1645 г., когда правители династии Цин (1644–1911 гг.), подчинившись социально-экономической необходимости, объявили официальное освобождение класса ремесленников от повинности и причислили его к числу свободных людей. Однако система приписки населения к торгово-ремесленному сословию оставила в обществе глубокий след, ещё долго сохраняла своё влияние на массы и в значительной степени обусловила будущее социальное положение ремесленников и отношение к ним общества. По сей день мы наблюдаем, как ментально обусловленная, складывавшаяся веками недооценка роли и значения профессиональной деятельности, знаний и навыков влияет на ценностную ориентацию в китайском образовании. «Будет успех – будет и всё остальное», – так зачастую рассуждают в китайцы. Родители поучают своих детей: «Не будешь учиться, будешь работать на заводе!», а профессиональное образование рассматривают как наказание, которое принимают от безысходности. Многие современные родители не желают, чтобы их дети получали научно-техническое образование, а молодым людям ничего не остаётся, кроме как послушно следовать воле родителей.

Подытоживая вышеизложенное, сделаем вывод, что причины недостатка специалистов производственно-технической направлен-

сти скрыты глубоко в сознании китайского населения и его традиционной идеологии. Вопросы, затронутые в данной статье, требуют дальнейшего изучения, т. к. связаны с острейшими проблемами китайского общества и дальнейшим развитием КНР. Тем более они важны в связи с наметившейся в последнее время тенденцией: с развитием технической и материальной базы в сельском хозяйстве стало требоваться в два раза меньше рабочих рук. Примерно 200 млн китайцев не могут

трудоустроиться. Технический прогресс облегчил труд, но оставил без работы большую часть населения. Многие переезжают в города. Развитие и популяризация профессионального образования может помочь решить сложившуюся проблему занятости населения. Поддержка правительства способна повысить престиж профессиональных кадров и сделать выпускников, получивших профессиональное образование, конкурентоспособными на рынке труда.

Список литературы

1. Иванова Ю. В., Середина А. В. Материальное благополучие в традиционной системе ценностей китайского общества // Вестник Читинского государственного университета. Чита, 2012. № 7(86). С. 95–102.
2. Мэн Цзы и ученики. Мэн Цзы – Гао Цзы Шан. Ч. 7. [Б.м.], [б.г.]. 355 с.
3. Бань Гу. Хань Шу. (Записки эпохи Хань). [Б.м.], [б.г.]. 270 с.
4. Вэй Юнь. Хай Го Ту Джи. Гуанчжоу, 1841. 509 с.
5. Дай Дэ, Дай Шэн. Ли Цзи. (Записки о совершенном порядке вещей, правления и обрядов). Ч. 15. [Б.м.], [б.г.]. 300 с.
6. Ли Дачжао. Основные отличия между восточной и западной культурой. Шанхай, 1918. 630 с.
7. Лю Фу. Дунь Хуан Чжун Со. Пекин, 1925. 451 с.
8. Чжан Дунцин. Причина отсутствия выбора технической профессии // Новая волна, 19 июня. Пекин, 2006. 28 с.
9. Чжоу Вэньдань. Чжоу Ли. (Книга этикета эпохи Чжоу). Б.м., б.г. 799 с.
10. Чжуан Цзы и его ученики. Чжуан Цзы. Ч. 20. [Б.м.], [б.г.]. 179 с.

References

1. Ivanova Ju. V., Sereda A. V. Material'noe blagopoluchie v tradicionnoj sisteme cennostej kitajskogo obshhestva // Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta. Chita, 2012. № 7(86). S. 95–102.
2. Mjen Czy i ucheniki. Mjen Czy – Gao Czy Shan. Ch. 7. [B.m.], [b.g.]. 355 s.
3. Ban' Gu. Han' Shu. (Zapiski jepohi Han'). [B.m.], [b.g.]. 270 s.
4. Vjej Jun'. Haj Go Tu Dzhi. Guanchzhou, 1841. 509 s.
5. Daj Dje, Daj Shjen. Li Czi. (Zapiski o sovershennom porjadke veshhej, pravlenija i obrjadov). Ch. 15. [B.m.], [b.g.]. 300 s.
6. Li Dachzhao. Osnovnye otlichija mezhdv vostochnoj i zapadnoj kul'turoj. Shanhaj, 1918. 630 s.
7. Lju Fu. Dun' Huan Chzhuo So. Pekin, 1925. 451 s.
8. Chzhan Dunczin. Prichina otsutstvija vybora tehničeskoj professii // Novaja volna, 19 ijunja. Pekin, 2006. 28 s.
9. Chzhou Vjen'dan'. Chzhou Li. (Kniga jetiketa jepohi Chzhou). B.m., b.g. 799 s.
10. Chzhuan Czy i ego ucheniki. Chzhuan Czy. Ch. 20. [B.m.], [b.g.]. 179 s.

Статья поступила в редакцию 11 мая 2013 г.

Аюр Тумэнович Жанаев
аспирант,

Бурятский государственный университет
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: ayur_zhanaev@mail.ru

**Особенности концептуальной структуры бурятского
этнического сознания: субстанциональность и релятивизм
как характеристики культуры**

В статье предпринята попытка представить некоторые особенности концептуальной структуры бурятского этнического сознания в сравнительном аспекте на примере языкового материала. В европейском мышлении субстанция обладала характеристиками реальной сущности, которая позволяла верить в постоянство и стабильность физического и социального мира. В отличие от этого, восточная картина мира основана на принципе связи и изменчивости, а значение сущности есть движение, динамика и постоянное становление. В этой связи, а также на базе проделанного лингвистического анализа, автор в качестве специфических характеристик бурятского концепта (и/или понятия) выделяет его динамическую природу и неспособность концептуализации отвлечённого качества. По мнению автора, эти особенности необходимо учитывать при дальнейшем рассмотрении и интерпретации языкового материала.

Ключевые слова: концептуальные структуры, бурятский язык, категоризация, субстанциональная и релятивная картины мира.

Ayur Tumenovich Zhanaev

Postgraduate Student,

Buryat State University

(Ulan-Ude, Russia), e-mail: ayur_zhanaev@mail.ru

**Some Features of the Buryat Traditional Conceptual Cosmology:
Substantiality and Relativism as Characteristics of Culture**

The paper attempts to provide some features of the conceptual structure of the Buryat ethnic consciousness in a comparative perspective on the example of linguistic material. In European thinking, the substance had characteristics of real essence, which allowed believing in the permanence and stability of the physical and social world. In contrast, the Eastern world view is based on the principle of communication and variability. In this world the essence has the meaning of movement, dynamics and permanent formation. In this regard, as well as on the basis of linguistic analysis, the specific characteristics of the Buryat concept are its dynamic nature and inability to conceptualize abstract quality. According to the author, these features must be taken into account for further consideration and interpretation of the linguistic material.

Keywords: conceptual structures, the Buryat language, categorization, substantial and relative worldviews.

Согласно принятым логико-философским концепциям природа «западного» сознания имеет субстанциональный характер, при котором основа всех явлений приписывается некой обобщающей сущности, первооснове: Бог, дух, идея, материя. Традиционно данную часть следует начать с обращения к фигурам Платона и Аристотеля, считавшим, что субстанцией является идея (согласно первому) и, соответственно – материя. В обоих тезисах мир воспринимается производным от некой единой

первоосновы – субстанции, последующее разветвление которой определяло разнообразие мира. Идея, ставившая в логике формализма (математические изыскания и логические дефиниции Парменида, Пифагора, Платона) отдельную от материи сущность, составляла нечто наивысшего уровня. В другом случае, она (форма, идея) определялась как свойство или «предикат» материи, становясь сущностью второго порядка. Данная мысль отражается в концепциях Аристотеля, а также в материали-

стических гипотезах Левкиппа и Демокрита, утверждавших существование физически невидимых, но математически выводимых атомов, протяжённых в пространстве. Аристотель считал, что эти предикаты реализуются в различных «категориях». Субстанция, согласно этому воззрению, обладала характеристиками реальной сущности, которая позволяла верить в постоянство и стабильность [14, с. 8] физического и социального мира с зафиксированными в их рамках атрибутами и предрасположенностями. «Если допустить, что мир – это стабильное место, то вполне логично выработать определённые правила для понимания его закономерностей и вывести категории, которые отвечают этим правилам» [13, с. 152]. Постоянная сущность бытия стала фундаментом для выведения понятий, дефиниций, логических законов и естественных видов [14, с. 8].

Так, древние греки широко использовали категории и применяли их в качестве базы при исследовании и актуализации правил. Множество таких категорий относятся к предполагаемым качествам объекта: *твёрдость*, *белизна*, *мягкость*. Грамматика греческого и других индоевропейских языков способствует превращению признаков объекта в самостоятельный объект, например, посредством добавления суффикса *-ness* (англ.) или его эквивалента. Так, по мнению философа Дэвида Мосера (David Moser), такая закономерность может благоприятствовать мышлению о признаках как об абстрактных сущностях, которые затем могут быть использованы в теоретических объяснениях [13, с. 156]. Напомним, что, по мнению Платона, эти абстракции – ментефакты – были реальнее, чем признаки объектов физического мира. Забегая вперёд, отметим, что в современных европейских языках существуют лексемы со значением абстрактного качества, называющие не единственный признак, а целый набор признаков, характерный предмету, например польск. *bohaterstwo* ~ 'героизм', *amatorczyzna* ~ 'самодельность', *donkiszoteria*, *szachrajstwo*, *oszustwo* ~ 'мошенничество' [12, с. 34].

Анализ значения суффиксов показал, что в бурятском языке именные суффиксы именных основ (55 ед.) образуют понятия конкретного содержания. Помимо последних, существуют также суффиксы, обозначающие качества предметов в разных аспектах: обозначающие неполноту свойства, выражающего обладание/схожесть или склонность относительно значения основ-

ного именного слова (*-бар*, *-бар*, *-шиг*, *-бхи*); суффиксы характеристики предметов, свойства (*-рхаг*, *-рхуу*, *-лиг*, *-рхай*). Однако, из производных слов от именных основ только суффикс *-лиг*, может обладать абстрактным предметным значением полноты какого-либо свойства: *бая-лиг* 'богатство, сокровище' <*бая- богатство*, 'богатый'. Пласт слов со значением качества (которые большинство исследователей относит к классу прилагательных) имеет способность осуществлять функцию существительного в предложении. Дальнейший синтаксический анализ показал, что говорить об абстрактном характере этих имён не совсем справедливо, т. к. большинство из них вне контекста не обладает значением предметности, а будучи в связке с другим предметным именем, не является абстрактным обозначением в широком смысле слова. Оно лишь указывает на неопределённое лицо, предмет, обладающий данным признаком, что говорит о малой степени определённости. Во многих случаях значение абстрактных имён передаётся не самим именем качественным, а лишь путём соотношения обозначаемого им признака с каким-либо существительным в родительном падеже [1, с. 160]. Можно ли предположить, что качество в сознании носителей языка не обладает значением предметности и не может служить абстрактной категорией? В нашем понимании, ответ, вероятнее всего, положительный.

Особенностям ориентальной логики мысли было посвящено большое количество работ. Среди них особое место занимают синологи (D. L. Hall¹, R. T. Ames²; W. Eberhard³; D. Bodde⁴; M. Granet⁵; K. Gawlikowski, Ch. Hansen и др.) и другие исследователи-ориенталисты (S. Zapašnik, З. Морохоева, О. Тангад, Н. Nakamura). В работах этих учёных постулируется существование двух отдельных действительностей, условно называемых Востоком и Западом.

¹Thinking from the Han: Self, Truth, and Transcendence in Chinese and Western Culture (1998) David L. Hall, Roger T. Ames. State University of New York Press. 336 p.

²Anticipating China: thinking through narratives of Chinese and Western culture (1995) David L. Hall, Roger T. Ames. State University of New York Press. 336 p.

³Wolfram Eberhard. Guilt and Sin in Traditional China (1967) University of California Press. 141 p.

⁴Derk Bodde. Chinese Thought, Society and Science: the Intellectual and Social Background of Science and Technology in the Pre-modern China (1991) Focusing the familiar: a translation and Philosophical interpretation of the Zhongyong (2001) David L. Hall, Roger T. Ames. University of Hawai'i Press. 441 p.

⁵Гранэ М. Китайская мысль от Конфуция до Лаоцзы. М.: Алгоритм, 2008. 528 с.

Вместо субстанции восточная картина мира представляет небытие, пустоту: нирвана в буддизме, Небо и Дао в китайской картине мира. Субстанциональные понятия в этом мышлении не существуют – они имеют иную природу, содержанием которой является принцип связи [5, с. 31–32]. Здесь целостность связана с пустотой, поэтому она лишена смысла и представляет собой некую совокупность отношений и качеств этих отношений, и, в свою очередь, отношение, конкретная связь наделена сущностью, но при этом не может быть конечного целого [14, с. 11]. Воображаемая целостность мира заключается в том, что «любая его частица связана со всеми другими множественностью связей» [2, с. 56]. «Именно отношения, в которые вступают вещи, определяют сущность вещей. Нельзя представить свойства, которые могли бы существовать вне всяких отношений. <...> Такая картина мира не нуждается в категории субстанционального субстрата как онтологической основы, определяющей как отношения, так и сущность вещей» [5, с. 34]. Комбинации знаков имеют смысл «здесь и сейчас», не соотносятся с собой ввиду отсутствия всеобщего целого, поэтому не может быть абстрактных сущностей [5, с. 31].

Таким образом, в ориентальном мышлении категории не обладали смыслом, и мир (физический и социальный) воспринимался как продукт конкретной интеракции объекта с силами его окружения [16, с. 44–46]. Поэтому категории качества не обретают самостоятельную онтологическую сущность, отрываясь от определённого носителя, например может существовать *белизна лошади* или *белизна снега*, но не *белизна* как категория или абстрактная сущность [13, с. 153]. Анализ языкового инвентаря показывает, что именные основы со значением качества/признака не образуют абстрактную категорию. Последняя характеристика наглядно представлена в распространённом жанре народной поэзии «Юртэмсын гурбан» (~Три вещи вселенной), где в особой лирической форме представляются реализации конкретных качеств: *Уулада ургаһан һаглагар модон үндэр, / Уулын дунда Хаан-Тэнгэри үндэр, / Олоной дунда алдартай сэсэн үндэр (Раскидистое дерево, растущее на горе, – высокое, / Хаан-Тэнгэри (небо), виднеющийся среди гор, – высокий, / Известный среди людей мудрец – высокий; Үндэр тэнгэрин үнгэ сэбэр, / Үхин хүүхэнэй шарай сэбэр, Үнэн хүнэй һанаан сэбэр. (The color of high skies is*

clear, / The face of a little girl is clear, / The thoughts of a sincere man is clear). Как это видно из примеров, народная литература способствовала рассмотрению категории качества неотрывно от его носителя, т. е. возможно, не рассматривала качество как всеобъемлющий абстрактный объект. Как было сказано, в западной мысли такие эссенции-концепты позволяют предугадывать поведение независимо от контекста, в то время как в восточной традиции объекты обладают конкретными свойствами, которые вступают в интеракцию с окружающими обстоятельствами для дальнейшего действия.

Рассматривая абстрактные имена и стоящие за ними понятия, вероятно, мы имеем дело с глубинными различиями в организации и системе мышления представителей разных культурных ареалов. Выводы, сделанные на основе анализа концепций организации мышления цивилизационных ареалов, верифицированных на основе лингвистического материала, свойственны бурятскому этническому сознанию. Не будет ошибочным заключить, что процессы категоризации и концептуализации имеют качественно иную природу – отличную от таких языков, как, например, русский и английский. Вряд ли можно отрицать положения прототипической и экзemplарной теорий категоризации применительно к распознаванию и классификации конкретных объектов действительности, или, в дефиниции Рош, субординатного уровня. Проблема возникает при построении абстрактных понятий, содержанием которых в основном «являются качества, свойства вещей» [5, с. 31]. В таком ключе, классическая теория категоризации, выделяющая категории как таковые, отражает особую логику мышления, а значит, превращается в культуроспецифическую концепцию. Другими словами, классическая теория категоризации отражает иной способ когниции, а наука и философия как специфичные продукты западной цивилизации являются одной из причин, а возможно, и результатом такой когниции. Релятивная структура сознания носителя бурятского языка не позволяет мыслить в категориях метафоры «КАЧЕСТВО/ПРИЗНАК есть ОБЪЕКТ», поэтому язык, соответственно, не ощущает потребности выработки средств выражения данной когнитивной метафоры. Осознание когнитивной природы частей речи и особенностей их функционирования помогает понять и сущность языка и способа мышления.

На данном моменте исследования стоит задаться следующим вопросом: подразумевает ли отсутствие определённого грамматического репертуара и отсутствие соответствующих концептуальных репрезентаций? С одной стороны, не стоит забывать, что язык является *средством* выражения смысла [15, с. 3], а взаимопонимание также строится на присутствии фоновой информации, концептуальной картины мира, которые являются богаче языковой [6, с. 107]. Однако, путь от мысли к знаку имеет конкретно-ситуативный характер, при котором мысль находит своё конкретное выражение в одной из многочисленных форм языкового инвентаря. Поэтому, одновременно язык определяет форму конкретного высказывания в соответствии с определёнными регулярностями [8, с. 22]. Концептуальный анализ позволяет выявить особенности концептуальной структуры и значимость целого ряда языковых форм в языке, например, с помощью установления концептов с высоким статусом типа «объект», «признак», «процесс» [4, с. 13]. Возвращаясь к материалу нашего анализа, мы предполагаем, что отсутствие возможности выражения качества в форме концептов с высоким статусом со значением *объект* свидетельствует о невозможности репрезентации абстрактных понятий качества, что, как уже упоминалось выше, характерно для релятивистского типа мышления. Как считает Г. М. Костюшкина, «категориальный механизм мышления человека может быть восстановлен (смоделирован) через его язык, и в этом плане сам механизм категоризации в языке и мышлении идентичен» [3, с. 239].

Другим важным аспектом предыдущего обзора, а также проведённого выше анализа является тенденция восприятия мира как сбора абстрактных понятий со значением названия действия как процесса или результата, почти при полном, как уже говорилось, отсутствии понятий со значением абстрактного качества. Для интерпретации данного положения следует вновь обратиться к компаративным исследованиям в области философии, антропологии и иных дисциплин. Проведённый нами анализ роли суффиксов бурятского языка в производстве *nomina abstracta*, показал, что бурятский язык обладает высоким морфологическим потенциалом образования абстрактных слов. Следует отметить, что суффиксы отглагольных основ являются главным ресурсом для последних: *-аан (-ээн, -оон)*, *-ааһан (-ооһон, -өөһэн, -ээһэн)*, *-са, -ха (-хэ, -хо)*, *-хы, -даг, (-дэг, -дог)*,

-дал (-дэл, -дол), *-дан (-дэн)*, *-даһан (-дэһэн, -доһон)*, *-г, -га (-го, -гэ) ~ ган (-гон, -гэн) ~ -гаан (-гоон, -гөөн, -гээн)*, *-н/г, -л, -лга, (-лго, -лгэ) ~ -лган (-лгон, -лгэн)*, *-лта (-лто, -лтэ)*, *-ли, -м, -мта, -мжа (-мжэ, -мжо)*, *-р, -ри (-ра), -ша (-шо, -шэ)*, *-уул (-үүл)*, *-уули (-үүлү)*, *-уури (-үүри)*, *-б, -бари, -за (-зо, -зэ)*, *-гар (-гэр, -гир, -гор)*, *-уу (-үү)*, *-уун (-үүн)*. Абстрактные имена, образованные с помощью суффиксов от глагольных основ, главным образом, обозначают действие (*nomina actionis*) как процесс и результат, потенциальность совершения действия. В отдельных случаях обозначает психическое, физическое состояние, эмоции и чувства, которые с другой стороны можно также понимать как процесс и результат действия. В отдельную группу стоит также выделить непроизводные имена, а также словообразовательную пару со значением абстрактности.

Таким образом, тенденция восприятия мира как сбора абстрактных понятий со значением названия действия как процесса или результата, почти при полном отсутствии понятий со значением абстрактного качества (за исключением непроизводных слов со значением абстрактности) может быть интерпретирована как склонность восприятия мира в качестве пространства конкретных объектов и событий-отношений. Категории обозначаются существительными, отношения с другой стороны имплицитно или эксплицитно выражаются глаголом [13, с. 148]. Изучение значения транзитивных глаголов показывает вовлечение двух объектов и так или иначе соединяющее их действие (например *бросать*). Однако, указание на действие не гарантирует понимания реципиентом его отнесённости. Таким образом, неопределённая отнесённость глаголов в отличие от существительных определяет трудность его восприятия. Так, например, в процессе перевода труднее бывает идентифицировать глаголы, чем существительные, что объясняется высокой степенью относительности первых. Как пишет психолог, когнитивист Дедре Гентнер (Dedre Gentner), «глаголы обладают высокой реактивностью; существительные имеют тенденцию быть инертными» [10, с. 168], и не вызывает удивления факт того, что дети раньше усваивают существительные, чем глаголы [13, с. 149]. Основываясь на подобных фактах, отражающих специфику этих частей речи, он полагает, что данная особенность является универсальной и прослеживается во всех язы-

как мира. Однако, как оказывается, это далеко не так [13, с. 49]. Возрастные психолингвисты (Twila Tardif, Hiromi Morikawa, Anne Fernald) и другие выяснили, что в восточной Азии дети усваивают глаголы в том же темпе, что и существительные (в понимании традиционной лингвистики) и даже быстрее. По их мнению, этому способствуют несколько факторов. Например, глаголы в языках восточной Азии играют иную, более важную роль, чем в английском и других европейских языках. Глаголы в китайском, японском, корейском (также в бурятском) имеют тенденцию локализоваться либо в начале, либо в конце предложения. Такая позиция является относительно сильной. В английском, например, глагол чаще всего теряется где-то в середине предложения [13, с. 150]. Как показывают исследования, проведённые возрастными психолингвистами А. Ферналд (Anne Fernald) и Х. Моригава (Hiromi Morikawa), при воспитании американских детей матери открывают им мир как пространство с объектами, тогда как японские дети воспринимают мир отношений¹ [9, с. 637–656]. Если мы принимаем факт того, что семантический компонент обладает специфичной природой в каждом отдельном языке, то и гарантировать универсальность концептуальной структуры представляется трудным. С другой стороны можно постулировать раздельное существование семантической и концептуальной структур, однако, данные последних исследований отрицают такой дихотомический подход, подтверждая нераздельность и взаимообусловленность этих областей [11, с. 7–8].

Динамическое восприятие мира находит своё воплощение в представлении о Вселенной, подверженной постоянным изменениям и превращениям [7, с. 182], называемой носителем бурятского языка как *сансар*, *оршолон*, *унгэтэ юртэмсэ*. Понятие *оршолон(э)* (бренный мир, сансара, Вселенная) в своей сущности обозначает некое

¹Согласно их исследованиям американские дети в возрасте от 6 до 19 мес. обладают большим запасом слов, относящихся к разряду существительных, в отличие от японских детей того же возраста. Американские матери чаще всего используют модель типа «That's a car. See the car? You like it? It's got nice wheels», в то время как японские: «Here! It's a vroom vroom. I give it to you. Now give this to me. Yes! Thank you».

циклическое движение: *оршоло-* /v. *frrequentativa* от *оршоло-* /вращаться, кружиться, вертеться. Другое понятие *унгэтэ юртэмсэ* также обозначает изменчивость, непостоянство материального мира: «*Старики качают головами, глядя на череду лесовозов и скороспелых богачей: кто знает, что с ними станет в будущем, <унгэтэ юртэмсэ>*» [2, с. 6]. Понятие санскритского происхождения *сансар* обозначает череду перерождений, круговорот бытия. Переводчик Ламрима А. Кугявичус заменяет данный санскритский термин словом *круговерть* для наиболее полного понимания его русским читателем. В этой картине мира значение сущности есть движение, динамика и постоянное становление.

Перевод из одной системы в другую подразумевает утрату контекстуального целостного восприятия понятия. Так, меняется процессуально-динамическая природа таких понятий, как *залхуура-лга* (<*залхуура- лениться*) *лень, ленность*; *атаарха-л* (<*атаарха- завидовать*) *зависть*; *бодо-л* (<*бодо- думать, обдумывать*; *считать*) *мысль, мнение*; *ажа-г* (<*аги- наблюдать, следить, замечать*) *внимание, внимательность*; *тогт-уури* (<*тогто- устанавливаться, образовываться*) *устойчивость, постоянство*; *прочность*; *основательность* и т. д. Например, понятие *зори-г* в переводе на русский язык в значении *смелость* вынужденно приобретает характеристики абстрактного качества, утрачивая изначальную динамическую природу <*зори- стремиться к чему-л.* По этой причине, для полного понимания особенностей бурятского концепта и понятия необходимо отказаться от попыток переноса категорий, концентрируя внимание на деликатной внутренней структуре и его месте в концептуальной системе носителей языка.

Таким образом, мы предполагаем, что в качестве специфических характеристик бурятского концепта (и/или понятия) можно считать его динамическую природу и неспособность концептуализации отвлечённого качества. Данные характеристики являются отражением релятивной природы ориентального сознания, которую необходимо учитывать при дальнейшем рассмотрении конкретного языкового материала.

Список литературы

1. Дарбеева А. А. О субстантивном употреблении имён прилагательных в бурятском языке // Филология и история монгольских народов. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1957. С. 152–165.
2. Доржигушаева О. В. Экологическая этика буддизма: учеб. пособие. СПб., 2002. 62 с.
3. Костюшкина Г. М. Категоризация опыта высказывания // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. Ч. 1. С. 48–59.

4. Кубрякова Е. С. Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. / РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образ. и науки РФ. ТГУ им. Г. Р. Державина. М.; Калуга: Эйдос, 2007. С. 7–19.
5. Морохоева З. П. Пограничье в перспективе Евро-Азии // *Debaty IBI AL: Цивилизационный выбор и пограничье*. Варшава, 2011. Т. 4. С. 11–37.
6. Серебренников Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*. М., 1988. С. 87–107.
7. Шагдаров Л. Д. Буддийская лексическая система в современном бурятском литературном языке // *Вестн. БНЦ СО РАН*. 2011. № 3. С. 177–184.
8. Clark E. V. *Languages and Representations // Language and Mind: Advances in the Study of Language and Mind*. Massachusetts: The MIT Press, 2003. P. 3–15.
9. Fernald A., Morikawa H. Common themes and cultural variations in Japanese and American mothers' speech to infants // *Child Development*. Stanford, 1993. P. 637–656.
10. Gentner D. Some interesting differences between nouns and verbs // *Cognition and Brain theory*. Massachusetts, 1981. P. 161–178.
11. Gentner D., Worfian W. *Language and Mind: Advances in the Study of Language and Mind*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2003. P. 3–15.
12. Grzegorzczkowska R. *Zarys słowotwórstwa polskiego: słowotwórstwo opisowe*. Warszawa, 1984.
13. Nisbett R. E. *The Geography of Thought. How Asians and Westerners think differently ... and why?* New York., 2003. 288 p.
14. Hall D. L., Ames R. T. *Focusing the familiar: a translation and Philosophical interpretation of the Zhongyong*. University of Hawai'i Press. 167 p.
15. Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. Oxford University Press, 1992. 496 p.
16. Zapaśnik S. "Walczący islam" w Azji Centralnej. *Problem społeczny genezy zjawiska*. Wrocław: Wrocławska Drukarnia Naukowa PAN, 2006. 213 p.

References

1. Darbeeva A. A. O substantivnom upotreblenii imjon prilagatel'nyh v burjatskom jazyke // *Filologija i istorija mongol'skich narodov*. M.: Izd-vo vost. lit-ry, 1957. S. 152–165.
2. Dorzhigushaeva O. V. *Jekologicheskaja jetika buddizma: ucheb. posobie*. SPb., 2002. 62 s.
3. Kostjushkina G. M. Kategorizacija opyta vyskazyvanija // *Lingvisticheskie paradigmy i lingvo-didaktika: materialy H Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Irkutsk: Izd-vo BGUJeP*, 2005. Ch. 1. S. 48–59.
4. Kubrjakova E. S. *Konceptual'nyj analiz jazyka: sovremennye napravlenija issledovanija: sb. nauch. tr. / RAN. In-t jazykoznanija; Min-vo obraz. i nauki RF. TGU im. G. R. Derzhavina. M.; Kaluga: Ejdos, 2007. S. 7–19.*
5. Morohoeva Z. P. *Pogranich'e v perspektive Evro-Azii // Debaty IBI AL: Civilizacionnyj vybor i pogranich'e*. Varshava, 2011. T. 4. S. 11–37.
6. Serebrennikov B. A. *Kak proishodit otrazhenie kartiny mira v jazyke? // Rol' chelovechesko-go faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira*. M., 1988. S. 87–107.
7. Shagdarov L. D. *Buddijskaja leksicheskaja sistema v sovremennom burjatskom literaturnom jazyke // Vestn. BNC SO RAN*. 2011. № 3. С. 177–184.
8. Clark E. V. *Languages and Representations // Language and Mind: Advances in the Study of Language and Mind*. Massachusetts: The MIT Press, 2003. P. 3–15.
9. Fernald A., Morikawa H. *Common themes and cultural variations in Japanese and American mothers' speech to infants // Child Development*. Stanford, 1993. P. 637–656.
10. Gentner D. *Some interesting differences between nouns and verbs // Cognition and Brain theory*. Massachusetts, 1981. P. 161–178.
11. Gentner D., Worfian W. *Language and Mind: Advances in the Study of Language and Mind*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2003. P. 3–15.
12. Grzegorzczkowska R. *Zarys słowotwórstwa polskiego: słowotwórstwo opisowe*. Warszawa, 1984.
13. Nisbett R. E. *The Geography of Thought. How Asians and Westerners think differently ... and why?* New York., 2003. 288 p.
14. Hall D. L., Ames R. T. *Focusing the familiar: a translation and Philosophical interpretation of the Zhongyong*. University of Hawai'i Press. 167 p.
15. Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. Oxford University Press, 1992. 496 p.
16. Zapaśnik S. "Walczący islam" w Azji Centralnej. *Problem społeczny genezy zjawiska*. Wrocław: Wrocławska Drukarnia Naukowa PAN, 2006. 213 p.

Статья поступила в редакцию 24 марта 2013 г.

Юлия Валентиновна Иванова
доктор философских наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: ivanovayuv@gmail.com

Наталья Фёдоровна Яковлева
старший преподаватель,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: nnyakovleva@gmail.com

Традиционная живопись в современной культуре Китая

Авторы статьи доказывают, что китайская традиционная живопись «гохуа» сохраняет свою актуальность в современной культуре Китая. Это происходит благодаря таким качествам гохуа, как художественное совершенство, символическое содержание, историческая глубина, гуманистическая направленность. Авторы анализируют многообразные преломления традиционной живописи в современной культуре, способствующие развитию культурной индустрии Китая. Шедевры китайской живописи имеют в современном Китае многообразное коммерческое применение. Традиционная живопись служит основой художественных новаций, этномаркирующим фактором, коммерческим брэндом, базисом анимации, объектом инвестиций и др. Современные художники обогащают западную и китайскую живопись, синтезируя их традиции. Авторы резюмируют, что традиционный стиль живописи в Китае остаётся популярным как выражение этнического своеобразия, классической эстетики и богатства древней китайской культуры.

Ключевые слова: Китай, традиция, живопись, «гохуа», анимация.

Yuliya Valentinovna Ivanova
Doctor of Philosophy, Professor,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: ivanovayuv@gmail.com

Nataliya Fedorovna Yakovleva
Senior Lecturer,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: nnyakovleva@gmail.com

Traditional Chinese Painting in Modern Culture of China

The authors of the article prove that traditional Chinese painting known as Guohua remains relevant in contemporary culture of China due to its artistic excellence, deep symbolism, historic roots and humanistic orientation. The authors analyze multiple ways traditional painting is represented in modern culture and its contribution to the development of cultural industries in China. Masterpieces of the traditional Chinese painting are highly demanded. The traditional painting is the basis of artistic innovations, an ethnic mark, a commercial brand, a source of ideas in animation, an investing, etc. Contemporary artists combine Western and Chinese traditions making them deeper. The authors resume that the traditional Chinese painting remains alive as a way to save ethnic identity, classical aesthetics and treasures of Chinese culture.

Keywords: China, tradition, painting, guohua, animation.

Китайская традиционная живопись («гохуа») – древний вид искусства, сохраняющий свою актуальность и в настоящее время. Это, возможно, благодаря её многообразным, отточенным веками достоинствам – художественному совершенству, символическому

содержанию, исторической глубине, гуманистической направленности. Все эти качества придают традиционной китайской живописи герменевтическую ретроспективу, архетипическую значимость и этномаркирующие свойства. Поэтому традиции гохуа с древности

использовались в Китае для усиления идеологического и эмоционального воздействия на зрителя. Эта тенденция сохранялась и в последние столетия.

Большинство исторических и художественных музеев крупных городов Китая имеют постоянные экспозиции старинной живописи. Под стеклом в затемнённых (для лучшей сохранности и экономии электроэнергии) залах лежат или висят потемневшие свитки с картинами. При приближении посетителя автоматически включается свет, при удалении – приглушается. Экспонируемые картины сопровождаются всей необходимой информацией – указанием названия и автора работ, биографическими данными художников, характеристикой эпохи, хронологией династий, кратким очерком развития китайского искусства. Такие экспозиции неизменно пользуются вниманием посетителей, в том числе детей. В картинных галереях нередко проводятся школьные экскурсии. Дети внимательно слушают объяснения родителей и экскурсоводов, задают вопросы, фотографируют понравившиеся картины. Чувствуется, что интерес к культуре и истории Китая прививается младшему поколению систематически и глубоко укореняется в системе его ценностей.

В Китае существует система передвижных художественных выставок, которые переезжают из города в город, позволяя большому числу любителей живописи познакомиться с тематическими коллекциями. Это вносит разнообразие в экспозиции музеев, привлекает посетителей и увеличивает доходы музеев. Одним из примеров может служить выставка плакатов, посвящённая 90-летию Компартии Китая, которая проходила в Музее городского планирования в Шанхае (上海城市规划展览馆) в 2011 г. Многие из представленных на выставке плакатов выполнены в традициях классической китайской живописи и, несмотря на явную и частично устаревшую идеологическую направленность, до настоящего времени сохраняют своё очарование и художественную ценность.

Летом 2010 г. в Шанхайском художественном музее (Shanghai Art Museum) проводилась выставка «Наследие и творчество – гохуа против каллиграфии» («Legacy and Creations – Ink ArtvsInk Art»)¹. На выставке были показаны

¹Понятие «живопись тушью» (шуймохуа 水墨画) используется в Китае как синоним гохуа.

46 работ талантливых художников Гонконга, работающих с тушью в каллиграфии и живописи. Исторический обзор развития различных школ и мастеров этих видов изобразительного искусства сопровождался показом современных творческих поисков, новых интерпретаций древней традиции.

Художники экспериментируют со шрифтами, вводят в поле современной культуры древние стили иероглифики, привносят живописность в написание иероглифов, стирая границы между текстом и картиной. Например, в работах гонконгского художника Кань Тай Кеунга (Kan Tai Keung, 靳埭強) иероглифическая надпись при ближайшем рассмотрении оказывается сюжетной сценой: от иероглифов отслаиваются тонкие полупрозрачные графические изображения просёлочных дорог, деревьев, групп людей, плавно перетекающих друг в друга [1]. Кань Тай Кеунг говорил в одном из интервью: «Я верю, что в любую эпоху определённые вещи могут сохранять свою ценность в течение очень долгого времени, даже после прохождения этого периода. Китайская культура богата и глубока, и в ней есть много различных слоёв, которые могут проявляться в качестве шаблона, способа мышления или отношения к жизни. Это то, что передавалось нам из поколения в поколение» [23]. Старинная традиция сочетания живописи и каллиграфии прочитывается буквально и оказывается очень продуктивной, создавая современные зрелищные произведения, интересные представителям различных культур. Искусство туши выходит за рамки времени, играя важную роль в отображении разнообразия и самобытности китайского искусства, выходящего на международный уровень.

Экспозиция «Ink ArtvsInk Art» была частью культурной программы Всемирной выставки Экспо-2010 в Шанхае. Но это было не единственное использование живописного наследия на Экспо-2010. Одной из жемчужин выставки стала анимированная картина «Свиток». Выставленная в китайском павильоне, эта картина являлась частью экспозиции «Река мудрости», посвящённой историческим корням достижений современного Китая.

«Свиток» – это репродукция одного из самых известных произведений китайского классического искусства, картины китайского придворного художника эпохи династии Сун – Чжана Цзэдуаня (张择端 Zhāng Zéduān; 1085–

1145) «Праздник Цинмин на реке Бяньхэ»¹. Картина представляет собой свиток длиной в 5 м 28 см и высотой 25 см, на котором изображена повседневная жизнь Бяньцзина (Biànjīng), сунской столицы Китая². Праздник Цинмин (Qīngmíng) также известен как День поминовения усопших, Праздник чистого света и День душ. В этот день было принято посещать могилы предков или национальных героев, приводить надгробья в порядок, возлагать цветы и жечь бумажные «жертвенные деньги» в знак почтения памяти усопших. В Китае этот день связан с наступлением ясных и светлых дней. Считалось, что в Цинмин две противоположности янь и инь приходят в равновесие. Небо (ян, мужское начало) оплодотворяет землю (инь, женское начало), зарождается новая жизнь. Поэтому после дня поминания усопших начинаются народные гуляния, устраиваются пикники, запускаются воздушные змеи, жители путешествуют по загородной местности, любуются красотами природы. Этот обычай дал празднику ещё одно название – Праздник прогулки по первой траве. Повсюду идёт праздничная феерия: на реках плавают расписные лодки, до конца дня не замолкают флейты и барабаны. Формат этого праздника не изменился за долгие годы, разве что вместо десяти дней в эпоху династии Сун его празднование сегодня продолжается всего три дня: со 103 по 105 день после зимнего солнцестояния. Этот праздник является государственным в Китае и Тайване: в 2013 г. выходными были объявлены дни с 4 по 6 апреля [5].

Картина начинается с весенних пейзажей предместий столицы. По мере приближения к центру города пространство всё более насыщается изображениями людей и построек: городских стен, башен, мостов, различных зданий, сценами праздничной жизни столицы. На картине изображено 814 человеческих фигур, 28 лодок, 94 животных и 170 деревьев. Художественная целостность свитка обеспечивается единством темы, которому подчинены все сюжетные линии полотна, а также общностью настроения и стилистической манеры живописца [10].

¹Существует несколько вариантов русского перевода названия этой картины. Мы используем вариант, приведённый во «Всеобщей истории искусств». М.: Искусство, 1961. Т. 2. С. 375.

²Современное название города – Кайфэн, провинция Хэнань. Провинция Хэнань расположена на востоке центральной части Китая и считается одной из колыбелей китайской культуры.

Показанный на Экспо «Свиток» представляет собой увеличенную в двадцать пять раз версию этого шедевра. Как и оригинал, цифровая версия показывает население за его ежедневными занятиями: богатых и бедных, жителей города и окружающих его деревень. Здесь же можно видеть достижения науки и техники того времени. В дополнение к оригиналу все персонажи анимированы, они не только движутся, но и взаимодействуют друг с другом, демонстрируя общую гармонию жизни той эпохи, создавая впечатление, что души эпохи династии Сун ожили после почти тысячелетнего сна, обыгрывая одно из названий праздника Цинмин «День душ».

Анимация создаёт новое, временное измерение картины, для усиления воздействия которого кроме дневных сцен показана и ночная столица. Каждые две минуты день сменяется ночью, разворачивая перед нами картины преуспевающего средневекового города. Между экраном и зрителями течёт «цифровая река», показывающая вехи истории в том же самом стиле, как небольшие сценки из ежедневной жизни его жителей.

«Мы хотели позволить зрителям окунуться в прошлое, используя технологии будущего», – так описывают создатели «Свитка» свой замысел. Семидесяти сотрудникам шанхайской компании CrystalGC [21] под руководством Юй Чжэна (Yu Zheng) понадобилось почти два года, чтобы создать это произведение. Под особой охраной оригинальное произведение было доставлено из Запретного города (Гугун) на сканирование, которое заняло три месяца. Чтобы распараллелить работу, после завершения процесса сканирования все персонажи и предметы на картине были выделены в отдельные объекты. Используя 40 рабочих станций на базе PC и программное обеспечение Autodesk's 3dsMax, Adobe's AfterEffects и Photoshop, все объекты были заново перерисованы и снова помещены на картину командой художников. Для многих неподвижных объектов была добавлена анимация: ветки деревьев раскачивались на ветру, вода в реке текла и т. д. Все вместе они образовали задник основной анимации, на котором разворачивается основное действие картины.

Все персонажи были перерисованы как 3D модели, покрыты текстурами и покрашены, движение персонажей просчитывалось в 3DMax и занимало от трёх часов до двух дней в зависимости от важности персонажа.

Особой трудностью было создание правильной перспективы. Западное искусство и современное программное обеспечение использует понятие перспективы, которое во многом было чуждо китайской классической живописи [12, р. 69–72]. Используемые в ней соглашения об изображении предметов в пространстве оказались вызовом команде, к тому же анализ картины выявил, что картина распадается более чем на десять фрагментов с собственной «перспективой». Чтобы сохранить стиль оригинала и дать зрителю современное ощущение пространства, художники использовали технику размывания точек схода, случайным образом сдвигая предметы с явно выраженной перспективой.

Некоторые элементы исходной картины, например, Мост радуги, нарисованы с нарушением законов физики, поэтому сделать так, чтобы передвижение персонажей по такому мосту выглядело естественным, представляло сложную художественную задачу.

Отдельной проблемой оказался небольшой размер оригинала, для 25-кратного увеличения пришлось существенно увеличить детализацию всей картины, тем более что техника рисунка на шёлке делает изображение слегка расплывчатым. Работая в программе «Photoshop», команда цифровых художников добавила текстуру к каждому дереву, строению, дала каждому персонажу уникальное одеяние и собственное выражение лица, более того выражение лиц персонажей меняется. Чтобы достоверно показать жизнь провинции, команда художников провела значительное время в провинции Хэнань, изучая пейзажи, консультируясь с экспертами в области костюмов, утвари и построек того времени.

Для показа панорамного изображения использовалось 12 проекторов, потому дополнительной проблемой была стыковка изображений от соседних проекторов. Чтобы добиться бесшовного изображения и синхронизации работы проекторов, команде пришлось написать для них собственное программное обеспечение, о сложности которого говорит получение авторами в ходе работы трёх патентов в этой области.

Рендеринг картины осуществлялся на кластере, состоящем из 50 компьютеров, просчёт одного кадра занимал 15 секунд для 3D персонажа и около полутора минут для сложных сцен. Только рендеринг картины занял около пяти месяцев [13, р. 46–48].

Таким образом, создатели «Свитка» добились высокие технологии в классическую картину, чтобы сделать её интересной современной аудитории, сумев при этом подчеркнуть достоинства оригинала. «Свиток» ненавязчиво позволяет ощутить, насколько далеко Китай продвинулся со времени создания этой картины и как многого ещё он может достичь. Синтез компьютерной анимации и традиционной живописи позволил создать одну из самых запоминающихся и многозначительных достопримечательностей китайского павильона на Экспо-2010.

Анимация – создание мультфильмов – является ныне одним из наиболее популярных видов практического применения традиционной живописи. В современном Китае в большом количестве выпускаются сказочные и исторические мультипликационные фильмы, нарисованные в стилистике гохуа. Они пользуются большой популярностью как в Китае, так и за рубежом, побеждают в международных кинофестивалях. К производству таких фильмов привлекаются лучшие режиссёры, художники и музыканты.

Истории развития анимации посвящены экспозиции ряда музеев. Например, в Шанхае с 2010 г. работает Музей комиксов и анимации, посвящённый истории развития и современным достижениям данных жанров в Китае и других странах. В музее можно узнать о разных видах мультипликации, увидеть портреты и отпечатки рук выдающихся китайских художников-аниматоров, интерьер их рабочих кабинетов, эскизы к известным мультфильмам. На втором этаже находится интерактивная зона, где посетители могут не только посмотреть мультфильмы и приобрести диски с классическими произведениями китайской анимации, но и порисовать известных персонажей на бумаге и компьютере, обучиться лепке любимых героев из полимерной глины, попробовать разные способы создания звуковых эффектов. В музее ведётся большая научная работа, проводятся тематические мероприятия. Экспозиция музея подчёркивает преемственность между новыми видами изобразительного искусства и традиционными, показывает огромную роль живописи гохуа как источника национальной самобытности и поэтического вдохновения в творчестве современных художников.

Подобный музей планируется построить и в Ханчжоу [2]. Выбор города не случаен:

именно здесь с 2004 г. проводится ежегодный Китайский международный фестиваль комиксов и анимации (CICAF) [18], на котором вручаются солидные награды авторам лучших китайских и зарубежных анимационных фильмов, в том числе начинающим, подающим надежды. Программа фестиваля насыщена разнообразными мероприятиями. Грандиозные церемонии открытия и закрытия фестиваля сочетают музыку, танцы, дефиле мультперсонажей в красочных костюмах, видеофрагменты популярных мультфильмов. Приглашённые знаменитости рассказывают о своём творчестве и раздают поклонникам автографы. В рамках фестиваля проводятся городской мультпарад и разные конкурсы, например, конкурс озвучивания мультфильмов и косплей-супершоу. О масштабе событий можно судить по конкурсу карикатур, который в 2013 г. собрал более 32000 работ из 41 страны мира [16].

Фестиваль носит не только развлекательный, но и деловой характер: на территории 80000 м² проводится выставка технологий анимации, выставка игрушек и другие мероприятия. Здесь же проходит ярмарка профессий: представители предприятий китайской анимационной отрасли на месте отбирают претендентов на сотни вакансий. Комитет CICAF предоставляет возможности для общения и ведения переговоров для всех участвующих специалистов и предприятий. В 2012 г. различные бизнес-мероприятия привлекли гостей и участников из 61 страны мира, в том числе 461 компанию и более 2 млн посетителей [17]. Деловых контрактов было подписано на сумму более полутора миллиардов долларов. Участники сделок заявили о намерении закупить в общей сложности 163 000 мин или почти 4 месяца мультфильмов [19]. Фестиваль изучает спрос на продукцию отрасли, показывает тенденции развития мировой мультипликации, способствует трансформации и модернизации оригинальной анимационной индустрии Китая и её выходу на мировой рынок, что отвечает китайской программе развития культурных индустрий.

В Китае создаются специальные учебные заведения для художников-аниматоров. В городе Цзилинь (Гирин), центре одноимённой провинции на северо-востоке Китая, в 2000 г. был основан Институт анимации (吉林动画学院) с факультетами анимации и комиксов, компьютерных игр, дизайна, СМИ, рекламы, гото-

вящими специалистов по 15 направлениям. В институте работают 450 китайских и 200 иностранных преподавателей и гостевых профессоров, учатся более 10 000 студентов. Средний уровень занятости выпускников достигает 90 %. Институт придерживается принципа открытости и модели «интеграция изучения, исследования и производства». В институте готовят специалистов с инновационными способностями, с высоким всесторонним художественным мастерством, с международным кругозором. С 2005 г. Цзилиньский Анимационный институт, Чанчуньская компания кино и Цзилиньская издательская компания были утверждены как «государственная база индустрии анимации» [3].

Цзилиньский Институт анимации вложил 390 млн юаней (63,3 млн долларов) в создание Цзилиньского промышленного парка анимации и компьютерных игр, который занимает площадь в 64 000 м². Главной целью парка является исследование, производство, выпуск анимации и компьютерных игр. В него входит анимационный научно-исследовательский институт, музей анимации, выставочный павильон анимации и комикса, кинотеатр, международный центр обмена анимационного образования, общественная технологическая сервисная платформа анимации и компьютерных игр и др. На базе 6 экспериментальных центров (компьютерный центр, экспериментальный центр фотографирования, экспериментальный центр дизайна, экспериментальный центр контроля мультфильма, экспериментальный центр показания и разработки, учебный центр мультимедиа) Институт анимации создал более 60 студий, вложив большинство капиталов в оборудование и пригласив специалистов-иностранцев. За несколько лет здесь было создано более 7000 анимационных произведений (например, мультсериал «Счастливый проспект № 1», 4D-версия фильма «Семя жизни», 4D-версия фильма «Земляки», анимационный фильм «Легенда о ГуаньГун», мультсериал «Дух Чанбай» и «Легенда о Великой китайской стене»); 400 фильмов, созданных в Цзилиньском Анимационном институте, получили премии внутри страны и за рубежом [3].

Помимо фильмов, в Китае издаётся огромное количество книг и медиапродукции по искусству, в том числе по живописи. В многоэтажных книжных магазинах крупных городов книги по искусству занимают целые этажи.

Широко представлены красочные сборники репродукций картин старинных и современных авторов, рассчитанные на разные вкусы и рассортированные по жанрам и тематике (цветы, животные, пейзажи, красавицы). В большом ассортименте имеются учебники для студентов художественных вузов и самоучители для любителей. Нередко к учебнику прилагается диск с обучающим видео.

Пропаганда китайского искусства ведётся и на китайском телевидении. Среди огромного количества его каналов несколько имеют культурно-образовательную тематику, например, телеканал CCTV-3 (Искусство и развлечения), предлагающий художественно-развлекательные программы традиционной для Китая тематики [20]. Передача «Очень красиво», «знакомит телезрителей с разными видами китайского искусства: от театральной сцены до телекиноэкрана, от классики до авангарда. Она даёт зрителям возможность насладиться необыкновенно красочным искусством Китая» [4]. На сайте телекомпании можно посмотреть архив передач, который в апреле 2013 г. насчитывал 200 выпусков. Обилие в Китае телеканалов и жанров передач позволяет китайским телезрителям найти то, что их интересует. Появились телесериалы на историческую и современную тематику, которые не раз уже отмечались на различных телеконкурсах за рубежом и были приобретены для показа в нескольких странах. Их выпускают не только большие телекомпании, вроде Центральной или Шанхайской, но и почти все провинциальные. В ряде городов Китая проводятся крупные национальные ярмарки телепрограмм. В 2000 г. в одной из крупнейших ярмарок – в городе Гуанчжоу – участвовали около 2000 представителей телестанций и других организаций, связанных с телевидением и производством программ [9]. С тех пор цифры возросли многократно.

Благодаря спутниковой связи программы Центрального телевидения передаются не только на всю страну, но и на весь мир. Ведётся вещание на английском языке, предназначенное для распространения по сетям гостиниц для иностранных туристов, а также за пределами страны. ЦТК поддерживает связи с 250 телекомпаниями более 130 стран и регионов мира, а внутри страны тесно сотрудничает с телестанциями всех провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Основная часть программ Центрального теле-

видения финансируется за счёт бюджетных ассигнований. Быстро растут доходы от телевизионной рекламы, превышая аналогичные доходы газет, журналов и радио. Китайские телекомпании – это сложные экономические организации, многие подразделения которых являются чисто коммерческими и созданы для извлечения прибыли [8]. Например, Шанхайская телестанция (ныне часть Шанхайской медиагруппы) [11], успешно конкурирующая с Центральной, в своей структуре имеет приносящие доход гостиницу, рестораны, рекламное и туристическое агентства и другие виды бизнеса. Шанхайская медиагруппа объединяет теле- и радиовещание, новостную и интернет-компанию, в которых работает более 5000 человек. Примечательно, что ШМГ имеет 14 культурно-художественных центров.

В последнее время телевидение начинает уступать популярность компьютерам и Интернету и для сохранения своих позиций интегрируется с ними. С одной стороны, появились новые телевизоры, экраны которых можно использовать как дисплеи мультимедийного компьютера. Они способны принимать и программы телевидения, и информационные данные из компьютерной сети. С другой стороны, многие телевизионные передачи доступны через Интернет.

В Интернете, например на сайте www.youtu-be.com, можно найти материалы, посвящённые китайской живописи: обзоры выставок, рассказы о художниках и мастер-классы. Видеоуроки дают пошаговые инструкции для рисования картин в традиционном стиле – ветвей бамбука, склонившихся под тяжестью снега, или пионов, благоухающих в свете полной луны. Например, на сайте <http://www.blueheronarts.com/> и соответствующем канале на *youtube* выложено 826 таких видеоуроков [24]. Хозяин этого ресурса Генри Ли (HenryLi), получивший образование в Китае и живущий ныне в Америке, сделал гошуа своим бизнесом. Он продаёт диски с видеоуроками, проводит мастер-классы, продаёт необходимые художникам материалы – кисти, бумагу, тушь. Масштабы бизнеса можно оценить по количеству отзывов, оставленных покупателями в его магазине на сайте www.ebay.com, – их на начало мая 2013 г. 3695. Судя по оставленным отзывам, среди покупателей – любители китайского искусства из разных стран, в том числе России и Америки.

В Даляне в городском справочнике можно найти адрес маленькой художественной галереи – мастерской именитого художника. Не каждый таксист знает затерянную в отдалённых жилых кварталах улочку, на которой она расположена. Но галерея работает каждый день, приветливо встречая каждого сюда заглянувшего. Множество ярких картин висят по стенам. Хозяин мастерской следит за работой учеников и параллельно рисует свой шедевр. Здесь продаются не только картины, но и марки, и буклеты, посвящённые творчеству этого художника, который каждый день решает на своём рабочем месте многообразные задачи – художественные, педагогические, предпринимательские и общекультурные.

Продажа картин гошуа сегодня – выгодный вид сувенирного бизнеса в Китае. Упакованные в подарочные футляры свитки картин занимают немного места в багаже, и туристы с удовольствием приобретают такие сувениры. Это приводит к поточному производству картин в традиционном стиле, которые охотно рисуют художники разного уровня подготовки, в том числе начинающие, поэтому предлагаемая продукция сильно отличается по цене. Художники копируют наиболее популярные образцы, копии одних и тех же картин можно встретить в разных городах, например, в Пекине и Даляне. Некоторые гостиницы имеют небольшую картинную галерею, продающую картины. Чтобы привлечь постояльцев гостиницы в галерею, каждому из них обещают подарить образец каллиграфии – классический афоризм, крупно написанный тушью на куске кальки длиной в пару метров.

Художественный бизнес развит вблизи крупных достопримечательностей. Так, в Дворцовом комплексе Гугун в Пекине туристов на выходе приглашают посетить маленькую выставку картин. На английском языке милостивые девушки рассказывают «легенду» об обучении группы молодёжи живописи и просят оценить работы студентов и их преподавателей. Зашедшие на выставку туристы находят там стандартную художественную лавочку с обычным ассортиментом поделок из полудрагоценных камней и картин с типовыми сюжетами. Такие же магазинчики часто встречаются в центре любого большого китайского города, на сувенирных рынках, старинных и стилизованных под старину улицах, привлекающих большое количество туристов из разных стран.

Живопись и другие произведения искусства пользуются в Китае огромным инвестиционным спросом, становятся объектом коллекционирования и инвестиций, обгоняя ювелирные изделия, вина и часы и уступая только дорогим автомобилям и элитной недвижимости. Из 10 крупнейших аукционных домов в мире 7 – китайские. Есть работающие исключительно в Китае – China Guardian и Poly International, с оборотом 680 млн долларов [6]. Более 60 % китайских миллионеров инвестируют свободные средства в произведения искусства, ориентируясь на данные Пекинского Научно-исследовательского института Хогевверфа (Rupert Hoogewerf, Хужунь в китайской транскрипции, 胡润百富, HurunBaifu). НИИ Хужунь уже несколько лет составляет рейтинг 100 наиболее высокооплачиваемых из ныне живущих художников Китая, используя данные о продажах их работ на публичных аукционах за предшествующий год [22]. В докладе 2013 г. отмечается, что 100 самых популярных художников Китая имеют общий оборот 1,2 млрд долларов США. Например, 58-летний живописец Чжоу Чуня выручил на аукционах 75 млн долларов, став самым молодым участником верхней части списка.

Молодые художники находят возможности для творчества в специальных художественных кварталах больших городов. Например, художественный район «Арт-зона 798» («798 ArtZone», 798艺术区) [14] расположен на территории полузаброшенного завода на северо-востоке Пекина. В 1995 г. Пекинская Академия Изыщных Искусств арендовала здесь помещения в качестве мастерских. Сейчас на этой территории площадью около 1 км² располагаются многочисленные студии художников, галереи, выставочные залы, магазины и кафе, проводятся выставки современного китайского и зарубежного искусства, нередко носящие остросоциальную направленность. Администрация обеспечивает также место для проведения деловых мероприятий. «Арт-зону» как одну из достопримечательностей Пекина посещают видные политические деятели. Многие известные западные корпорации, например, Dior, HugoBoss, Nike и другие, имеют в «Арт-зоне 798» свои центры, организуют рекламные мероприятия и пресс-конференции. На территории «Арт-зоны» проводятся конкурсы и фестивали. Построенное немецкими архитекторами здание в стиле Баухауз создаёт осо-

бую художественную атмосферу, своеобразие которой подчёркивают сохранившиеся со времён культурной революции коммунистические лозунги, написанные киноварью на бетонных стенах. Вход на территорию «Арт-зоны» и всех выставочных залов является бесплатным. Посетители могут приобрести выставочные работы или их репродукции [15]. На сайте «Арт-зоны 798» представлено описание проводимых выставок, доступны несколько номеров выпускаемого здесь журнала. Подобные художественные районы есть и в других городах Китая. Например, в Шанхае это «Арт-район М50», названный так по месторасположению (улица Mogashan, 50) [7].

Шедевры китайской живописи имеют в современном Китае многообразное коммерческое применение. Изображения в традиционном стиле печатаются на тканях, футболках, сумках, зонтиках, посуде, этикетках, афишах, плакатах. Популярна бижутерия с такими изображениями на осколках фарфора, вставленных в металлическую оправу. Эстетика гохуа используется в театре и различных

массовых мероприятиях, служит источником вдохновения для модельеров, дизайнеров и архитекторов. Современные китайские художники для обогащения авторского стиля синтезируют традиции западной и китайской живописи. Но традиционный стиль остаётся любимым китайцами и иностранцами как выражение этнического своеобразия, классической эстетики и богатства древней китайской культуры.

Таким образом, в современной культуре Китая традиционная живопись сохраняет свою актуальность во многих сферах жизни социума, выступая объектом инвестиций, источником вдохновения для художественного творчества, этномаркирующим брэндом в культурных индустриях, эвристическим элементом синтетических видов искусства, в том числе базирующихся на современных компьютерных технологиях. Традиционная живопись в современной культуре Китая выступает квинтэссенцией классической эстетики, этнического своеобразия и богатства древней китайской культуры.

Список литературы

1. Кань Тай Кеунг. URL: http://alisan.com.hk/Kan_Tai_Keung.html (дата обращения: 14.04.2013).
2. Китайский музей комиксов и анимации | MVRDV. URL: http://theroom.ru/ru/architects/project/kitajskij_muzej_komiksov_i_animacii_mvrdv_629/ (дата обращения: 14.04.2013).
3. Краткие правила приёма иностранных учащихся в Цзилинский Анимационный институт. URL: <http://new.jldh.com.cn/link/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=27&id=54> (дата обращения: 14.04.2013).
4. Очень красиво. URL: http://cctv.cntv.cn/lm/arts_russian/01/index.shtml (дата обращения: 14.04.2013).
5. Постановление Главной канцелярии Госсовета КНР «О графике праздничных дней в 2013 году». URL: <http://visitdalian.ru/novosti-daljanja/593-Postanovlenie-Glavnoiy-kancelyarii-Gossoveta-KNR-O-grafike-prazdnichnyh-dneiy-v-2013-godu> (дата обращения: 14.04.2013).
6. Самые дорогие художники Китая, или Как продать картину за \$65 млн. URL: <http://sadrpanda.cn/archives/18349> (дата обращения: 14.04.2013).
7. Сайт художественного района М50 в Шанхае. URL: <http://www.m50.cn/> (дата обращения: 14.04.2013).
8. Сунь Синьшэн. Становление и развитие телевидения Китая. URL: <http://www.ipk.ru/index.php?id=1675> (дата обращения: 14.04.2013).
9. Телевидение КНР: сорок славных лет. URL: http://asiapacific.narod.ru/countries/china/tv_china.htm (дата обращения: 14.04.2013).
10. Чжан Цзэ-дуань. URL: http://www.synologia.ru/a/Чжан_Цзэ-дуань (дата обращения: 14.04.2013).
11. Шанхайскаямедиагруппа, Шанхайское телевидение. URL: <http://www.stv.sh.cn/> (дата обращения: 14.04.2013).
12. Benjamin March, «A note on perspective in Chinese painting», The China Journal. Vol. VII. № 2 (August, 1927). P. 69–72.
13. King, Douglas. Digital fine art: the past, present, and future represented in the largest digital tapestry. «Computer Graphics World» Magazine. Vol. 34. № 7. 2011 Oct-Nov. P. 46–48.
14. 798 ArtZone. URL: <http://www.798art.org/> (дата обращения: 14.04.2013).

15. 798 ArtZone, введение. URL: <http://www.798art.org/organization706.html> (дата обращения: 14.04.2013).
16. GoldenMonkeyKingAward. URL: http://www.cicaf.com/global/contest/content/201301/08/content_4553767.htm (дата обращения: 14.04.2013).
17. The 2013 9th China International Cartoon & Animation Festival Industry Exhibition. URL: http://www.cicaf.com/global/exhibition/content/201301/08/content_4553812.htm (дата обращения: 14.04.2013).
18. About CICAFA. URL: <http://www.cicaf.com/global/index.htm> (дата обращения: 14.04.2013).
19. Animation industry trade fair opening cartoon online transactions more convenient. URL: http://www.cicaf.com/xwzx/content/201304/26/content_4713474.htm (дата обращения: 14.04.2013).
20. CNTV Россия. URL: <http://www.cntv.ru/culture/art/index.shtml> (дата обращения: 14.04.2013).
21. Crystal CG. URL: <http://www.crystalcg.com/en/> (дата обращения: 14.04.2013).
22. The Hurun Research Institute today released the Hurun Art List 2013. URL: <http://www.hurun.net/usen/NewsShow.aspx?nid=447> (дата обращения: 14.04.2013).
23. Familiar pattern: How tradition has influenced artist Kan Tai-keung. URL: <http://www.scmp.com/lifestyle/fashion-watches/article/1075322/familiar-pattern-how-tradition-has-influenced-artist-kan> (дата обращения: 14.04.2013).
24. Blueheronarts. URL: <http://www.youtube.com/user/blueheronarts/> (дата обращения: 14.04.2013).

References

1. Kan' Taj Keung. URL: http://alisan.com.hk/Kan_Tai_Keung.html (дата обращения: 14.04.2013).
2. Kitajskij muzej komiksov i animacii | MVRDV. URL: http://theroom.ru/ru/architects/project/kitajskij_muzej_komiksov_i_animacii_mvrdv_629/ (дата обращения: 14.04.2013).
3. Kratkie pravila prijoma inostrannyh uchashhihsja v Czilin'skij Animacionnyj institut. URL: <http://new.jldh.com.cn/link/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=27&id=54> (дата обращения: 14.04.2013).
4. Ochen' krasivo. URL: http://cctv.cntv.cn/lm/arts_russian/01/index.shtml (дата обращения: 14.04.2013).
5. Postanovlenie Glavnoj kanceljarii Gossoveta KNR «O grafike prazdnichnyh dnej v 2013 godu». URL: <http://visitdalian.ru/novosti-daljanja/593-Postanovlenie-Glavnoiy-kanceljarii-Gossoveta-KNR-O-grafike-prazdnichnyh-dnej-v-2013-godu> (дата обращения: 14.04.2013).
6. Samye dorigie hudozhniki Kitaja, ili Kak prodal' kartinu za \$65 mln. URL: <http://sadpanda.cn/archives/18349> (дата обращения: 14.04.2013).
7. Sajt hudozhestvennogo rajona M50 v Shanhae. URL: <http://www.m50.cn/> (дата обращения: 14.04.2013).
8. Sun' Sin'shjen. Stanovlenie i razvitie televidenija Kitaja. URL: <http://www.ipk.ru/index.php?id=1675> (дата обращения: 14.04.2013).
9. Televidenie KNR: sorok slavnyh let. URL: http://asiapacific.narod.ru/countries/china/tv_china.htm (дата обращения: 14.04.2013).
10. Chzhan Czje-duan'. URL: http://www.synologia.ru/a/Chzhan_Czje-duan' (дата обращения: 14.04.2013).
11. Shanhajskajamediagrappa, Shanhajskoe televidenie. URL: <http://www.stv.sh.cn/> (дата обращения: 14.04.2013).
12. Benjamin March, «A note on perspective in Chinese painting», The China Journal. Vol. VII. № 2 (August, 1927). P. 69–72.
13. King, Douglas. Digital fine art: the past, present, and future represented in the largest digital tapestry. «Computer Graphics World» Magazine. Vol. 34. № 7. 2011 Oct-Nov. P. 46–48.
14. 798 ArtZone. URL: <http://www.798art.org/> (дата обращения: 14.04.2013).
15. 798 ArtZone, введение. URL: <http://www.798art.org/organization706.html> (дата обращения: 14.04.2013).
16. GoldenMonkeyKingAward. URL: http://www.cicaf.com/global/contest/content/201301/08/content_4553767.htm (дата обращения: 14.04.2013).

17. The 2013 9th Shina International Cartoon & Animation Festival Industry Exhibition. URL: http://www.cicaf.com/global/exhibition/content/201301/08/content_4553812.htm (data obrashhenija: 14.04.2013).
18. About CICAf. URL: <http://www.cicaf.com/global/index.htm> (data obrashhenija: 14.04.2013).
19. Animation industry trade fair opening cartoon online transactions more convenient. URL: http://www.cicaf.com/xwzx/content/201304/26/content_4713474.htm (data obrashhenija: 14.04.2013).
20. CNTV Rossija. URL: <http://www.cntv.ru/culture/art/index.shtml> (data obrashhenija: 14.04.2013).
21. Crystal CG. URL: <http://www.crystalcg.com/en/> (data obrashhenija: 14.04.2013).
22. The Hurun Research Institute today released the Hurun Art List 2013. URL: <http://www.hurun.net/usen/NewsShow.aspx?nid=447> (data obrashhenija: 14.04.2013).
23. Familiar pattern: How tradition has influenced artist Kan Tai-keung. URL: <http://www.scmp.com/lifestyle/fashion-watches/article/1075322/familiar-pattern-how-tradition-has-influenced-artist-kan> (data obrashhenija: 14.04.2013).
24. Blueheronarts. URL: <http://www.youtube.com/user/blueheronarts/> (data obrashhenija: 14.04.2013).

Екатерина Сергеевна Ляшенко

ассистент,

*Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: kreativfho@mail.ru*

Соотношение глобального и национального в российском веб-дизайне¹

В статье описаны особенности веб-сайтов российского Интернета в контексте соотношения глобального и национального. Исследование креолизованных текстов Рунета подтвердило идею о том, что современный дизайн российских сайтов характеризуется заимствованием западных способов формообразования. Автор подчёркивает, что одним из основных механизмов, способствующих развитию отечественного веб-дизайна и интеграции российского сегмента интернет-культуры в глобальную, является участие России в интернациональных проектах. Исследованы электронные образы, характерные для интернет-культуры, проявившиеся в Рунете. Электронные образы российского Интернета имеют специфику, соответствующую трансформирующемуся этапу культуры. Доказано, что контент-сайты различных видов перемещаются в соответствующий сегмент. Графические символы веб-дизайна рассмотрены как особые веб-феномены. Исследованы некоторые особенности электронного фольклора. В рамках исследования сайтов проведён анализ плакатов-демотиваторов. Для проведения исследования использованы семантический, аксиологический, феноменологический методы; сравнительно-сопоставительный и иконологический анализ произведения искусства.

Ключевые слова: интернет-культура, Интернет, веб-дизайн, Рунет, сайт, глобализация, информационная культура.

Ekaterina Sergeevna Lyashenko

Assistant,

*Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: kreativfho@mail.ru*

Ratio of Global and National Characteristics in Russian Web Design

The article is devoted to website features of the Russian Internet in the context of a ratio of global and national characteristics. Research of Runet creolized texts confirmed the idea that modern design of the Russian sites is characterized by adoption of the western ways of morphogenesis. The author emphasizes that one of the main mechanisms promoting development of domestic web design and integration of the Russian segment of the Internet culture into global one is Russia's participation in international projects. On an example of Runet, electronic images typical for the Internet culture were investigated. Electronic images of the Russian Internet have the specifics corresponding to the changing stage of culture. It was proved that different types of content websites move to the corresponding segment. Graphic symbols of web design are considered as special web phenomena. Some features of electronic folklore were investigated. Within the scope of websites research, the analysis of demotivator posters was made. Semantic, axiological, phenomenological methods, as well as comparative and iconological analysis of a work of art were used for our research.

Keywords: Internet culture, the Internet, web design, Runet, website, globalization, information culture.

Глобальная телекоммуникационная сеть информационных и вычислительных ресурсов приобретает свойства технически доступного и социально-массового явления, затрагивающего все сферы человеческой деятельности, что является важным показателем, обуславливающим значимость исследования культуры Ин-

тернета. Формообразующим фактором интернет-культуры является веб-дизайн, который с помощью системы символов, знаков, метафор, встроенных текстов отражает особенности развития современного общества. В семантике веб-дизайна российских сайтов отразились черты, характерные для интернационального дизайна

¹Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, № 6.3676.2011..

веб-ресурсов, а также связанные с культурными традициями и ценностями современной России. В связи с этим является актуальным анализ культурных механизмов развития и функционирования отечественного веб-дизайна.

В данной статье приводятся некоторые результаты исследования семантики сайтов российского Интернета. Для проведения исследования было выбрано 120 наиболее популярных среди российских пользователей сайтов на момент мая 2012 г. Анализ эмпирической базы проводился в течение второй половины 2012 г. Для выявления этих адресов были использованы данные мирового центра статистики «Alexa. The Web Information Company» [12] и отечественного проекта «LiveInternet», в котором разработана система статистики Рунета, обновляющаяся в режиме online и выдающая повременной рейтинг сайтов по темам [10]. Составленный список представляет собой комбинацию наиболее используемых адресов двух статистических источников.

Среди сайтов, чаще посещаемых российскими пользователями, отмечены и зарубежные ресурсы, что свидетельствует о некоторой размытости границ российского Интернета, а также открытости культуры Рунета. В результате исследования были выявлены характеристики семантики современных веб-сайтов на примере российского сегмента Интернета. Среди этих характеристик присутствуют общие с глобальной интернет-культурой и некоторые особенные черты Рунета.

В результате исследования были выявлены характеристики российского веб-дизайна в контексте современных культурных трансформаций (становление информационной культуры, влияние глобализационных процессов на сегменты Глобальной сети). Количество функций реального мира, выполняемых с помощью Интернета, постоянно увеличивается. Расширение функциональности сайтов – один из шагов к построению информационного общества. Задача дизайна при этом – достижение в человеко-компьютерном взаимодействии максимального удобства, ясности, чёткости и надёжности. Глобализационные процессы заметно отразились в веб-дизайне, определённые группы сайтов разных государств имеют сходство в графическом оформлении, следует отметить, что изначально Интернет был явлением западной культуры. Сегодня национальная принадлежность сайта в дизайне может быть выражена отдельными изображениями. Национальная символика в сайтах

встречается достаточно редко, как и отражение различных типов культур (этнических, региональных, национальных).

В глобальных масштабах развитие информационной культуры напрямую связано с использованием информационных технологий, а также с высокопроизводительным коллективом, взаимодействующим на основе информационно-коммуникационных технологий [8].

О становлении информационной культуры в России свидетельствует появление и развитие проектов, связанных с новейшими видами деятельности: привлечение целевых посетителей, фрилансеров, формирование почтовых рассылок, агрегаторов партнёрских программ, создание оффер, появление сайтов регионального уровня, в том числе небольших городов и районных центров. В настоящее время возникают и становятся особо востребованными сайтостроительные и блогостроительные проекты. Особенно много таких проектов начинает создаваться после 2003–2005 гг. Появляются сайты определённой тематики, свидетельствующие о становлении современной разветвлённой инфраструктуры интернет-культуры.

Исследование креолизованных текстов Рунета подтвердило идею о том, что современный дизайн российских сайтов характеризуется заимствованием западных способов формообразования. На русский язык переводится теоретическая и практическая литература по веб-дизайну: работы Дж. Зельдмана, Я. Нильсена и др. Развитию отечественного веб-дизайна способствует участие России в интернациональных проектах (из исследуемой группы их оказалось 13). Например, русскоязычный «Google» перенял следующие черты дизайна одноимённого международного проекта, являясь его частью: систему фильтрации, безопасный поиск с доступными пояснениями, отсутствие зашумления рекламой, доступность с многих новейших устройств, поиск по изображениям, приближение к принципам семантической сети. Пример заимствования целого сайта – портал «ВКонтакте», который официально существует с 10 октября 2006 г. (калька с «Facebook» 2004 г.), причём, «Facebook» также содержит русскоязычный сегмент.

Другой формой, перенятой у западной культуры, являются коллективно наполняемые энциклопедии. Свободная энциклопедия, которую может редактировать каждый, – пример высокой электронной культуры. Отсутствие

рекламы в таких проектах воспринимается как черта высокого уровня развития культуры информационных порталов, а дизайн указанного типа сайтов, как правило, гармоничен, лаконичен, удобен.

В Рунете также существуют проекты, успешно распространяющиеся среди зарубежных пользователей (например, AVITO и др.).

На примере Рунета проанализированы традиции и инновации в интернет-культуре. Это соотношение проявляется в следующем.

– отмечено расширение сфер взаимодействия с внесистемой, в том числе вторичный уровень взаимодействия внутри системы интернет-культуры;

– контент-сайты стали занимать свою определённую нишу;

– появляются новые способы удобного структурирования информации (например, связанные с мультиплатформенностью);

– в стандартных схемах композиции начинают выделяться классические приёмы формообразования;

– региональные сегменты общероссийских проектов могут приобретать вид симулякров.

Эпоха электронных образов породила новые визуальные знаки, характерные веб-феномены. Различные электронные образы могут входить в состав приёмов веб-дизайна. Отметим, что пользователь интернет-культуры теперь не только способен целостно охватить информацию, но и сам участвовать в её формировании, взаимодействовать с ней.

В данном контексте выделено характерное явление эпохи электронных образов – тиражированность. Количество тиражей размещённой на различных ресурсах фотографии может зависеть от количества просмотров и настроек приватности, поскольку изображения распространяются на многочисленных мониторах пользователей. Стало привычным явлением размещение в Интернете личных образов-фотографий, в том числе детских. (Отметим, что в некоторых архаичных культурах ребёнка в возрасте до одного года не называли своим именем). Интересен в данном отношении лозунг: «Живой Журнал – это возможность выразить себя, поделиться своей жизнью и связаться с друзьями в сети» [4].

Кроме отражения глобальных черт, Рунет имеет свои особенные характеристики, выражаемые в большем или меньшем распространении определённых явлений интернет-культуры.

В современном российском Интернете происходит массовое распространение симулякров. Это сенсационные новости, в которых заголовки-ссылки, построенные по принципу гиперболизации, ведут к более реальным описаниям события или к раскрывающимся спискам, не имеющим отношения к фактическому означаемому; ссылки, которые могут сопровождаться эффектной фотографией. Описываемое явление широко распространено в Рунете. Различные по целям сайты могут стать полем для размещения симулякров, создаваемых рекламой. С данной точки зрения можно рассматривать некоторые фотографии как вид симулякров. Множество характерных электронных образов создаётся в социальных сетях. Такой акт самосознания, как выделение собственной личности, с помощью симулякра, является проявлением пользования собственными именами. Образ складывается из никнейма, изображения, заполнения личных данных, дизайна собственной страницы, сайта. Принадлежность группе требует от участников быть собой и представителем этого объединения. За явлением «быть собой» предполагается широкий разброс сущностей: от маски создаваемого образа до театральности создаваемого поведения. Биография также может быть симулякром. Изображения-симулякры «друзей», «друзей друзей», «общих друзей», «людей» на страницах участников социальных сетей, как правило, выстраиваются в колонки в зависимости от настроек. Часть зарегистрировавшихся «друзей» уже не посещает страницу, определённые друзья, обменявшись несколькими сообщениями, и в реальной жизни являясь далёкими знакомыми, перестают общаться. «Друзьями» могут быть малознакомые люди, однофамильцы. В таких сообществах одним из основных способов самовыражения является размещение значительного количества фотографий, которые могут быть только электронными образами, созданными графическим редактором на основе реальных черт, или случайно выбранными изображениями. В новостных лентах создаётся мозаичность и незавершённость от добавляющейся в больших количествах информации о выделенных и отмеченных статусах, фотографиях, начатых играх. Система различными способами предлагает варианты добавления «друзей» в «подборку».

Отмечается появление сайтов по созданию новых типов симулякров (проведению оффер, продвижению сайтов). Веб-дизайн представляет собой оформление изделия, но иногда из-за

отсутствующего содержания или контента остаётся только одна форма, имеющая вид симулякра, как например, когда при нажатии на ссылки открываются пустые страницы или информация на сайте не заполнена по всем разделам.

Среди исследованных 120 современных примеров – 58 сайтов охарактеризованы как информативные ресурсы, содержание которых полностью соответствует заявленным заголовкам и ссылкам, на 22 сайтах встречаются включения симулякров в баннерной рекламе, отмечены сайты с высоким количеством симулякров (16 примеров). В некоторых случаях определение знаков без означаемого представляется затруднительным. Современное развитие веб-среды ставит под вопрос критерии определения симулякров. Сегодня распространены сайты по производству новых видов симулякров (деятельность организаций, занимающихся продвижением сайтов в поисковых системах).

Рунет содержит многочисленные контент-сайты с высокими показателями посещений, дизайн которых может быть случаен. Это доказывает, что значительную часть российского сегмента Интернета можно отнести к проявлениям массовой культуры. Тем не менее, нельзя согласиться с распространённым утверждением, что массовые тенденции полностью характеризуют российский Интернет: об этом свидетельствует деятельность распространяющихся веб-студий. Все масштабные проекты предполагают различные более или менее совершенные системы фильтрации (цензуры) информации, настройки отображения которой в большинстве из них можно изменять; наличие таких настроек обусловлено большим количеством текстов антикультуры.

Российский Интернет, в отличие от западного, имеет ярко выраженную префигуративную направленность. Для выполнения ряда действий в Интернете родители зачастую обращаются с вопросами к своим детям, российских пользователей пенсионного возраста на момент начала 2000-х гг., по данным социологических исследований, немного [3].

Изучение образцов веб-дизайна Рунета привело к выводам, что они несколько размылись, маргинализировались. Сегодня Рунет можно охарактеризовать следующей идеей Ю. М. Лотмана: «В пространстве, лежащем за пределами нормы (на норме основанном и норму нарушающем), мы сталкиваемся с целой гаммой возможностей: от уродства (разрушение нормы) до расположенной сверх нормы полноты положительных ка-

честв» [7, с. 73]. Идеалы и образцы Рунета существенно стали зависеть от возможностей Сети и распространения симулякров в ней.

До 2005 г. в сайтах Рунета достаточно редко встречались композиции, рассчитанные на полное отсутствие зашумления дизайном, с использованием больших «зон молчания». Современные сайты представляют более чёткое разделение по целям и зашумление дизайном теперь может присутствовать в некоторых контент-сайтах и существенно детерминированных рекламой ресурсах. Появляются новые графические приёмы (из эмпирической базы исследования 12 примеров авторских находок), в том числе приёмы, направленные на мультиплатформенность, отмечаются сайты, имеющие высокую художественную ценность, новые динамичные интерактивные приёмы. При этом выделяются тенденции, ставшие классическими: стиль «юзабилити», стандартные неизменяемые приёмы формообразования.

Электронные образы могут приобретать уродливые монструозные формы, которые на данный момент (2011–2012 гг.) присутствуют в Рунете. Изображения различных существ, которых позволили сделать новые графические редакторы и воображение, в больших количествах встречаются на некоторых контент-сайтах. Д. Голышко-Вольфсон отмечает, что монстр – это объект культуры, полученный в результате декомпозиции традиционных высоких смыслов [2]. Такие культурные деформации свидетельствуют о трансформирующемся характере культуры Рунета. Про безобразное в кризисную эпоху пишет А. А. Осанов: «Оказываясь наедине с собой и своими проблемами, ощущая себя покинутым и одиноким в чуждом ему мире, человек неизбежно приходит к мысли об относительности и шаткости любых ценностей, об отсутствии смысла жизни и несовершенстве мироздания. Само мировосприятие человека ... оказывается пронизанным пессимистическими идеями о дисгармоничности и хаотичности мира ... Именно подобное мироощущение рождает обострённый интерес ко всему уродливому, ужасному и злему, что окружает человека, подстерегая на каждом шагу и постоянно вторгаясь в его жизнь» [9, с. 3].

При этом среди наиболее популярных российских сайтов выделены ресурсы, отвечающие высоким эстетическим требованиям (более 50 примеров), что также подтверждает тенденцию разделения сайтов по целям и наличие качественных трансформаций в культуре Рунета.

Среди специфичных веб-феноменов Интернета в Рунете отмечены следующие.

– дизайн способствует переводу текстов в разные системы, в сферу «on-line» успешно переходят знаки из «off-line»;

– появляются успешные имитации явлений реального мира, формируемые веб-дизайном: веб-галереи, сферические визуализации, электронные системы объявлений, снабжённых большим количеством фотографий, логотипизация событий. Формируется собственное направление в графике: веб-графика;

– интерактивность достигает высокого уровня, создаются интерактивные игры веб-дизайна с пользователем;

– гиперреализм встречается редко, в виде исключения и как художественный приём;

– ряды новостных лент отличаются ризомностью, открытостью и незавершённостью. Создаются удобные структурированные архивы с теоретической возможностью доступа к информации различных дат публикации и различных типов;

– появляются свои характерные графические символы, например, стилизованный шар-глобус, конверт, дом и т. д.

Веб-дизайн способен определять сценарий поведения пользователей, это наиболее ярко выражено в офферах, рекламе. В системе дизайна сайта предусматривается реклама в открытом виде или в динамичном пошаговом посещении соответствующих ссылок и форм, при котором создаётся эффект выбора информации. Веб-дизайн управляет вниманием посетителя с помощью следующих механизмов: динамично сменяющихся изображений, расставления акцентов, пауз в визуальной композиции, анимационных эффектов сложных контрастных сочетаний фирменного стиля. Ускорение в поиске информации приводит к манипулированию пользователем, создаются новейшие системы фильтрации, используются некоторые принципы семантической сети.

В рамках анализа сайтов проведено исследование характерных креолизованных текстов – веб-плакатов демотиваторов. В целом было изучено более 2 тысяч плакатов на нескольких сайтах. Демотиваторы – плакаты на чёрном фоне определённого формата, получившие широкое распространение в Интернете. Они динамически наполняются пользователями, выстраиваются согласно формируемому рейтингу и, следовательно, являются выражением настрое-

ния пользователей, их идеалов. О популярности этих плакатов свидетельствует их повсеместное цитирование в Интернете: в социальных сетях, дневниках, блогах и других проектах. Было сделано несколько описаний тематического содержания демотиваторов (в феврале 2011 г. и в мае 2012 г.). В демотиваторах ярко проявилась особенность современного фольклора: целостный охват события, креолизация изображения, словесного текста и оформления, быстрое реагирование на происходящие события. Для демотиваторов характерно явление мемов, как графических, так и фразеологических.

Данный тип современного фольклора в некоторой степени пришёл на смену анекдотам, имея преимущество в веб-пространстве с преобладающим визуальным восприятием информации и специфичным дизайном. В нём отразилось мастерство фотографии и рисования средствами графических редакторов. Таким образом, демотиваторы – это синтез фольклора, дизайна и изображения. Возможно, такой синтетический фольклор является наиболее ёмким и вариативным (где, например, к одной цитате подбираются разные изображения). По способам оформления встречаются также текстовые демотиваторы, когда в качестве изображения выступает сканированный, фотографированный, набранный текст, схематичные, рисованные комиксы. Авторы демотиваторов могут вступать в своеобразный диалог, размещая комбинированные демотиваторы, содержащие графический ответ на обозначенную в другом демотиваторе проблему.

Демотиваторы в отличие от мотиваторов (также распространённых в Рунете, но не так массово, как демотиваторы) имеют более заострённую тематику. Мотиваторы являются более оптимистичными веб-плакатами, могут содержать высокохудожественный фотомонтаж и афоризм, отражать темы взаимоотношений в семье. Как правило, мотиваторы создаются пользователями-женщинами, а демотиваторы – мужчинами.

Выявленные характеристики могут быть связаны с происходящими трансформациями в российском обществе. А. Н. Шеремет в исследовании «Интернет как средство массовой коммуникации: социологический анализ» даёт следующее описание культуры российского интернета: «...сформировавшаяся субкультура современного российского интернет-сообщества является основой для формирования новой информационно-культурной культуры социума и включает

в себя соответствующие нормы и ценности, а именно: уважение свободы слова и плюрализма мнений, наличие устойчивого собственного мнения, сформированного на базе информации из множества разнообразных источников, высокая скорость массовых коммуникаций, высокая избирательность и активность участников массово-коммуникационного процесса, диалоговые формы массовой коммуникации, рациональность, независимость, оптимизм» [11, с. 11]. Однако таким образом Интернет был охарактеризован в 2003 г. Сегодня культура Рунета продолжает трансформироваться, но мы отмечаем тенденции, прямо противоположные вышеописанным.

Продолжая идею М. Кастельса о возможности благополучного развития России, зависящего от способности освоить новейшие технологии, развить модель информационного общества, где Интернет – информационная технология и социальная форма, которая воплощает в себе также информационную эпоху [6], приходим к выводу о важнейшей роли интернет-культуры в современных культурных трансформациях в России. Культура Рунета – это и комплекс условий для формирования информационной культуры общества.

М. Кастельс разделяет культуру Интернета на культуру производителей-пользователей и потребителей-пользователей. «Для культуры Интернета характерна четырёхслойная структура: техномеритократическая культура, культура хакеров, культура виртуальной общины и предпринимательская культура» [6, с. 52]. Проанализируем, как эти четыре слоя выражены в России. Техномеритократическая культура, представленная техноэлитой, в России продолжает развиваться. В культуру хакеров (понимаемую М. Кастельсом в широком смысле, где хакеры – сторонники открытого кода) активно включаются отечественные программисты, участвуя в международных проектах. Культура виртуальной общины представлена в Рунете многочисленными сообществами, как внутри западных порталов, так и при создании своих. Наконец, предпринимательская культура в данном направлении также начинает развиваться.

Современному российскому обществу важно суметь оценить пространство интернет-культуры в качестве мощного интегратора национальной культуры в глобальное пространство, транслятора новейших мировых ценностей информационной культуры, не заполнять её антикультурными текстами, чтобы затем приписывать технологиям и средствам коммуникации

черты контркультуры. Важно в текстах интернет-культуры видеть не только форму передачи информации, но и средство формирования культурных ценностей, приобщения к ним. Необходимо перенимать у запада технологии, осваивать их, повышать информационную грамотность, а не копировать готовые тексты с готовым дизайном, необходимо суметь привлечь активных и творческих людей к профессиональному изучению тенденций формообразования в интернет-культуре. Интернет-культура содержит мощный потенциал для развития национальных культур в условиях модернизации и ускорения происходящих перемен. «Сеть имеет огромный инновационный потенциал. Глобальный рынок сбыта, минимальные транзакционные издержки, ключевая роль знания в структуре современного производства и низкие первоначальные издержки делают Интернет идеальным местом для стартапов. Сеть полна идеями, она – креативная питательная среда, в которой рождается будущее, формируется социальная гармония нового типа» [5, с. 211–219].

Соотношение глобального и национального в веб-дизайне – актуальный и многоаспектный вопрос. А. В. Буланичев высказывает мнение о том, что современные глобализационные процессы следует рассматривать не как унификацию, а как культурную интеграцию [1]. Примеры с усвоением тенденций формообразования в веб-дизайне могут подтвердить эту идею. Сегодня сформирован феномен поисковых систем – наиболее часто используемых сайтов и распространённых среди пользователей всего мира.

Из 120 исследованных нами сайтов национальная символика присутствовала в 6 ресурсах, как правило, атрибутивно и в некоторых случаях в виде случайного набора символов. Наднациональные проекты собирают сообщества пользователей со всего мира по определённым интересам. С помощью новейших устройств усиливается унификация и глобализация. Западная схема визуальной композиции сайта становится стандартной.

Итак, поскольку в текстах культуры может быть прочитана информация о самой культуре, проведено исследование креолизованных текстов, т. е. сайтов Рунета. Для составления списка эмпирической базы исследования использованы статистические отечественные и зарубежные проекты. Культурологическая интерпретация текстов интернет-культуры привела к изучению культурных трансформаций,

в контексте которых находится современный российский веб-дизайн (становление информационной культуры, влияние глобализационных процессов на сегменты Глобальной сети). Развитие информационной культуры в России характеризует появление и распространение современных интернет-проектов. Изучение прототипов в дизайне российских сайтов привело к пониманию того факта, что отечественный веб-дизайн заимствовался по западному образцу, причём, зачастую перенималась только внешняя часть, появлялись неработающие кнопки, нефункционирующие формы. В последние годы указанные неработающие формы встречаются достаточно редко в Рунете. Однако следует отметить, что благодаря участию в интернациональных проектах, Рунет перенимает и культурные традиции Интернета. Сегодня успешно развиваются и выходят на международный уровень и российские проекты.

Эпоха электронных образов породила новые визуальные знаки, характерные веб-феномены, присущие всеобщей Глобальной сети, среди них тиражированность образов, распространение электронного фольклора, симулякров.

Отмеченное явление низкой культуры российских пользователей, характерное для

периода начала 2000-х гг., уменьшается. Рунет содержит значительное количество текстов антикультуры, но сегодня отмечается разделение значительной части сайтов Рунета по целям. Идеалы и образцы веб-дизайна Рунета зависят от возможностей Сети и наличия большого количества симулякров в ней. Сегодня сайты продолжают разграничиваться по целям, и зашумление дизайном встречается в некоторых контент-сайтах и рекламно-детерминированных сайтах. При этом отметим, что некоторая часть сайтов указанной категории (например сайты самых крупных поисковых систем) тем не менее отвечает современным требованиям в дизайне. Создаются сайты, соответствующие новым тенденциям мультиплатформенности. Специфические веб-феномены, характерные для Интернета, отразились и в Рунете: веб-галереи, сферические визуализации и др. Современный российский веб-дизайн способен определять сценарий поведения пользователей. Анализ соотношения глобальных и национальных черт российского веб-дизайна привёл к выводу о преобладании глобального. Интернет для России – это важнейшие и необходимые условия развития информационной культуры и формирования информационного общества.

Список литературы

1. Буланичев А. В. Диалектика глобально-всеобщего и национально-особенного в масово-коммуникационных процессах современной русской культуры: дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2004. 141 с.
2. Голышко-Вольфсон Д. Демократия и чудовище. Несколько тезисов о визуальной монстрологии // Художественный журнал. 2011. № 77/78. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/77-78/democracy-and-monster/> (дата обращения: 13.07. 2012).
3. Гуманитарные исследования в Интернете: сб. ст. / под ред. А. Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. 432 с.
4. Живой Журнал. URL: <http://www.livejournal.com/> (дата обращения: 26.05. 2012).
5. Иванова О. В., Иванова Ю. В. Социальная гармония в современном сетевом обществе // Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2012. № 4(45). С. 211–217.
6. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб., 2000. 704 с.
8. Лукина Н. П. Информационное общество: состояние и перспективы социально-философского исследования // Гуманитарная информатика. 2012. Вып. 1. URL: <http://huminf.tsu.ru/e-journal/magazine/1/lukina.htm> (дата обращения: 21.04. 2012).
9. Осанов А. А. Образ и Без-образное: феноменология виртуальных свойств // Феноменологические исследования: обзор философских идей и тенденций. Российско-американский ежегодник. 1998. № 2. URL: http://osa.sitcity.ru/ltext_1911012048.phtml?p_ident=ltext_1911012048.p_3011014515 (дата обращения: 22.07. 2012).
10. Рейтинг сайтов // LiveInternet. URL: <http://www.liveinternet.ru/rating/> (дата обращения: 27.05.12 17:55).

11. Шеремет А. Н. Интернет как средство массовой коммуникации: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2003. 164 с.
12. Top Sites in Russia // Alexa. The Web Information Company. URL: <http://www.alexa.com/topsites/countries/RU> (дата обращения: 23.05. 2012).

References

1. Bulanichev A. V. Dialektika global'no-vseobshhego i nacional'no-osobennogo v massovo-kommunikacionnyh processah sovremennoj russkoj kul'tury: dis. ... kand. filos. nauk. Barnaul, 2004. 141 s.
2. Golynko-Vol'fson D. Demokratija i chudovishhe. Neskol'ko tezisov o vizual'noj monstrologii // Hudozhestvennyj zhurnal. 2011. № 77/78. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/77-78/democracy-and-monster/> (дата обращения: 13.07. 2012).
3. Gumanitarnye issledovanija v Internetе: sb. st. / pod red. A. E. Vojskenskogo. M.: Mozhajsk-Terra, 2000. 432 s.
4. Zhivoj Zhurnal. URL: <http://www.livejournal.com/> (дата обращения: 26.05. 2012).
5. Ivanova O. V., Ivanova Ju. V. Social'naja garmonija v sovremennom setevom obshhestve // Uchjonye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo. 2012. № 4(45). S. 211–217.
6. Kastel's M. Galaktika Internet: Razmyshlenija ob Internetе, biznese i obshhestve / per. s angl. A. Matveeva; pod red. V. Haritonova. Ekaterinburg: U-Faktorija (pri uchastii izd-va Gumanitarnogo un-ta), 2004. 328 s.
7. Lotman Ju. M. Semiosfera: Kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashih mirov. SPb., 2000. 704 s.
8. Lukina N. P. Informacionnoe obshhestvo: sostojanie i perspektivy social'no-filosofskogo issledovanija // Gumanitarnaja informatika. 2012. Vyp. 1. URL: <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/1/lukina.htm> (дата обращения: 21.04. 2012).
9. Osanov A. A. Obraz i Bez-obraznoe: fenomenologija virtual'nyh svojstv // Fenomenologicheskie issledovanija: obzor filosofskih idej i tendencij. Rossijsko-amerikanskij ezhegodnik. 1998. № 2. URL: http://osa.sitcity.ru/ltext_1911012048.phtml?p_ident=ltext_1911012048.p_3011014515 (дата обращения: 22.07. 2012).
10. Rejting sajtov // LiveInternet. URL: <http://www.liveinternet.ru/rating/> (дата обращения: 27.05.12 17:55).
11. Sheremet A. N. Internet kak sredstvo massovoj kommunikacii: sociologicheskij analiz: dis. ... kand. sociol. nauk. Ekaterinburg, 2003. 164 s.
12. Top Sites in Russia // Alexa. The Web Information Company. URL: <http://www.alexa.com/topsites/countries/RU> (дата обращения: 23.05. 2012).

Статья поступила в редакцию 14 апреля 2013 г.

Дмитрий Валентинович Сергеев
кандидат культурологии, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Россия, Чита), e-mail: dvsergeev@inbox.ru

**Социокультурный контекст исследований социальной безопасности современной России:
дискурс-анализ работ современных российских исследователей¹**

Целью статьи является анализ социокультурного контекста проводимых российскими учёными исследований по общим вопросам социальной безопасности России. В работе применён дискурс-анализ размещённых в свободном доступе в Национальной электронной библиотеке e-library статей. Россия в течение почти ста лет является транзитивным обществом. Затяжная трансформация традиционного общества в индустриальное, отягощённая политическими, экономическими, социальными и культурными катаклизмами, обусловила становление особого типа сознания, характерного для субъектов культуры незаконченной модернизации. В статье анализируются теории ученых, исследовавших и объяснявших природу данного типа сознания. Результаты исследования позволяют констатировать, что многие исследователи являются носителями этого сознания, характеристики которого проявляются в противоречивости отстаиваемых аргументов и предлагаемых мер по обеспечению социальной безопасности в России.

Ключевые слова: культурный текст, дискурс-анализ, социальная безопасность, социокультурная ситуация в России, культурные ценности.

Dmitriy Valentinovich Sergeev
Candidate of Culturology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: dvsergeev@inbox.ru

**Sociocultural Context of Researches of Social Safety in Modern Russia:
Discourse Analysis of Modern Russian Researchers' Works**

The purpose of this paper is the analysis of social and cultural context of researches realized by Russian scientists in the field of general problems of social security in Russia. The author uses discourse analysis of the articles freely available at the National Digital Library (e-library). The author's theoretical position is that Russia has been a transitive society for nearly a hundred years. A lengthy transformation of traditional society into an industrial one burdened with political, economic, social and cultural disasters determines a special form of consciousness that is typical for subjects of culture with unfinished modernization. The paper analyzes the theories of scholars who studied and explained the nature of this form of consciousness. The results of the study lead to the conclusion that many researchers are agents of consciousness which is characterized by inconsistency of arguments and measures proposed to ensure social security in Russia.

Keywords: cultural text, discourse analysis, social security, social and cultural situation in Russia, cultural values.

Актуальность проблемы социальной безопасности определяется происходящими в социуме трансформациями. На современном этапе развития перед обществом возникают проблемы, которые не возникали перед ним на предыдущих этапах. Изменились контекст функционирования социокультурной системы и злободневность проблем, угрожающих основам социокультурного бытия человека.

Современное общество – результат кардинальных изменений, произошедших с человеком и его социумом за последние столетия. Изменения подобного рода привели к сильнейшим сдвигам в системе ценностей, области морали и повседневной культуре. Они затронули все сферы бытия человека. Модернизация социальных и культурных отношений – процесс глубокого преобразования традиционного об-

¹Работа выполнена в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы» по теме «Качество жизни как основа обеспечения социальной безопасности России в XXI веке».

щества в индустриальное. Один из результатов модернизации – появление автономной личности. «Автономность заключалась в том, что в европейское Новое время формировался индивид, обходившийся без сакральных, соборных санкций, вечных и непогрешимых образцов, близких к Абсолюту» [10, с. 60–61]. Процесс становления автономной личности происходил «на пробеге XV–XVIII вв.» [2, с. 219].

Другим результатом социокультурных изменений является распад единой картины мира. Взамен человек получает возможность самостоятельно формировать представления о том мире, в котором он живёт [16, с. 174–176]. Индивид больше не имеет внешней опоры, каковыми являлись религия, культурные традиции, нерушимые моральные предписания. Поведение человека отныне определяется его собственным выбором, который он принимает по собственной воле. Это обуславливает мучительность принимаемых решений, не опирающихся более на внешние идеологические установки и предписания.

Социокультурной формой существования индустриального общества является национальное государство. Его функционирование потребовало становления новой культурной инфраструктуры. В частности, возникает потребность в продуцировании качественно новых культурных текстов, отвечающих всем необходимым запросам национального государства, прежде всего, национального самосознания. «Национальное сознание в форме искусственно созданной самобытности – это целиком и полностью современное образование. Образ национальной истории создаётся благодаря учёным-историкам и фольклористам, юристам, языковедам и литературоведам; через школу и семью он проникает в воспитательный процесс, транслируется средствами массовой коммуникации и посредством мобилизации военнообязанных укореняется в образе мыслей поколений, воодушевляемых войной» [15, с. 71].

Становление национального государства выступило важнейшим фактором унификации процессов коммуникации. Эти процессы потребовали выработки единого национального языка в письменном и устном вариантах, стандартизации форм и моделей языкового общения, что во многом способствовало унификации общества, устранению социальных барьеров между его различными сегментами. «Стандартизация языка необходима в таком обществе, прежде всего из-за того, что прева-

лирующий в нём семантический тип деятельности совсем не похож на физический труд, а заключается главным образом в передаче и получении сообщений. Этот обмен совершается между анонимными гражданами массового общества, которые чаще всего незнакомы со своими собеседниками и не могут понимать их диалекта» [5, с. 125].

Становление целостного государства с очерченными границами, граждане которого обладают идеологически обоснованной идентичностью и национальным самосознанием, потребовало формирования системы обеспечения его безопасности. Именно в этот момент истории данная проблема могла стать темой теоретического осмысления. Таким образом, вопросы безопасности по своей природе являются порождением культуры индустриального общества.

Но общество – не застывшее явление, оно продолжает развиваться. Вслед за ним меняется и система обеспечения безопасности, в том числе социальной. Следовательно, когда речь идёт о современной ситуации в области социальной безопасности, то необходимо предполагать изменение контекста обсуждения, обусловленного общей социокультурной трансформацией.

Однако случай России, как это обычно бывает, является особым.

Россия по общему признанию является транзитивным обществом, которое долгое время находится в состоянии перехода. Причём есть все основания относить начало этого перехода не к событиям конца XX в., а к началу XX в. (возможно, даже к концу XIX в.), когда Россия вступила на путь капиталистического развития. На современном этапе развития российского общества произошло наложение глобальной проблемы обеспечения социальной безопасности в условиях интенсивных социальных трансформаций на собственно российские исторически нерешённые проблемы [8, с. 118–119; 19; 12, с. 553–554; 14, с. 62, 63].

Сложность ситуации перехода обусловила поиск особых средств обеспечения социальной безопасности в российском обществе. Двойственность ситуации отразилась в мерах, которые иногда представляются противоречивыми. Их амбивалентность заключается в необходимости решения старых вопросов (формирование гражданского общества, социума с индустриальным типом развития культуры, поиск общенациональной идентичности и её идеологическое обоснование и т. д.) и ответа на

новые вызовы современности (проникновение фрагментов постиндустриальной культуры, ужесточение международной социокультурной конкуренции, глобализация и т. д.). В итоге исследовательская позиция отечественных авторов, которая в идеале должна быть объективной и «хладнокровной», оказывается фрустрированной, поскольку учёные выступают субъектами накопившей обозначенные противоречия культуры. Фрустрация исследовательского сознания определяет особенность восприятия проблемы, накладывает отпечаток на логику предлагаемых решений. Может показаться, что эта логика противоречит зачастую здравому смыслу. Предлагаемые учёными меры обеспечения социальной безопасности обосновываются противоречащими друг другу тезисами. В данной статье мы проанализировали тексты статей, находящиеся в Научной электронной библиотеке e-library. В поле нашего анализа попали работы за последние несколько лет, посвящённые самым общим вопросам обеспечения социальной безопасности.

Исследователи понимают, что обеспечение социальной безопасности в России осложнено её переходным положением [13]. Затяжной переходный период порождает неприязнь перемен. Некоторые учёные впадают в крайность, рассматривая любую переменную в обществе как вызов национальной безопасности: «Под угрозами социальной безопасности понимаются явления и процессы, вследствие возникновения и развития которых происходят резкие, возможно, не только количественные, но и качественные изменения в жизни общества, влекущие за собой тяжёлые социальные последствия для личности, общества и государства» [11, с. 17]. В таком случае возникает вопрос: как общество должно развиваться, если его развитие определяется неизбежной необходимостью периодически выходить из состояния равновесия, что, безусловно, сопровождается кризисами в разных сферах общественного бытия.

В научном дискурсе высказывается идея о важности применения «неклассических» постмодерных средств достижения социальной безопасности [17]. Однако в целом предлагаемые меры обеспечения социальной безопасности опираются на средства и механизмы, характерные для эпохи формирования национальных государств. Таким образом, возникает противоречие между новыми современными вызовами и применением старых мер. В част-

ности речь идёт о таких мерах, как идеология [18, с. 68], формирование универсальных ценностей [13, с. 324] и т. д., которые неадекватны и неэффективны для решения заявляемых проблем в условиях постмодернистской культуры, глобализационных процессов и интенсификации развития техносферы.

В логике и терминах науки эпохи модерна ведётся риторика о социальной безопасности, которая связывается, например, непосредственно с общественной целостностью или угрозами национальной идентичности [18]. Идеальное общество, защищённое от каких-либо угроз извне, – это монолитное целое, в духе строительства единых национальных государств, без каких-либо дифференциаций внутри, обеспеченное в культурном плане единым социальным творчеством: «Основой социальной безопасности должна быть защита общества от утраты его целостности...» [13, с. 324]. Здесь зачастую происходит недифференциация двух разных явлений – территориальная целостность государства и внутренняя гомогенность общества.

Сама безопасность связывается с преодолением отчуждённости от другого, необходимости вернуть человеку «чувство связанности с другими, избавиться от ощущения ничтожности и незащищённости перед окружающим миром» [7], что соответствует страхам человека в период трансформации традиционного общества в индустриальное в контексте распада единой мировоззренческой картины мира и утраты устойчивых идеологических опор. Не все российские исследователи готовы осознать, что ситуация постоянных и мгновенных изменений характерна для постмодерной культуры и интенсифицирующегося индустриального развития. Состояние постоянного перехода рассматривается как угроза и вызов социальной безопасности: «Перед современным российским обществом и государством стоит уникальная задача выйти из транзитивного состояния и стать уважающим себя государством и народом» [11, с. 3].

Другим противоречием, характерным для современного отечественного дискурса о социальной безопасности, является конфликт между осознанием необходимости привлечения, кроме ресурсов государственной политики, средств со стороны культуры, обращения к внутренним ресурсам человека и частыми призывами к большему вмешательству со стороны государства [4]. В отечественных текстах слыш-

ком часто отстаивается патерналистский подход, где субъекты рассматриваются в качестве пассивных объектов, не проявляющих должной степени социальной активности. Например, исследователь предлагает меру по обеспечению социальной безопасности в духе сталинских репрессий: «Активные действия руководства страны по переселению соотечественников, проживающих как в дальнем зарубежье, так и в странах СНГ» [18, с. 68]. Становление эффективной системы социальной безопасности связывается с оживлением законодотворческой деятельности государства и принятием указов, концепций и законов, когда государство берёт на себя обязательство по созданию условий, обеспечению стандартов и пр. [9, с. 26, 29].

Приведённые рассуждения исследователей порождают ещё одно противоречие между необходимостью построения рыночной экономики, основанной на принципах конкуренции и соперничества, и социально ориентированным устройством общества, основанным на «справедливости в распределении собственности и доходов» [6, с. 158]. С одной стороны, признаётся, что «рынок как продуктивный механизм для достижения общественного богатства» находится на стадии своего становления, а с другой – условия жизни должны защищаться от стихии рынка [3, с. 180, 182]. Безопасность мыслится как отсутствие соревнования социальных групп [13].

Попытка свести вместе практически не сводимые друг к другу тезисы приводит к путанице в определении субъектов социальной безопасности: вначале индивид признаётся субъектом социальной безопасности [3, с. 183], а далее автор утверждает, что субъектом выступает государство [3, с. 185].

Однако присутствуют в текстах мнения о важности привлечения социокультурного потенциала личности, о необходимости ориентироваться на устойчивое, самоподдерживающее, безопасное развитие, «когда берёт верх система естественного человека, где человек есть мера и цель, а его безграничные внутренние силы и возможности – средство решения самых сложных проблем общественной жизни» [17, с. 105]. Собственно речь идёт о подлинном субъекте гражданского общества, способного к самоорганизации в любых – даже сложных и чрезвычайных условиях.

В этом случае личность становится подлинным субъектом социальной безопасности. Но речь идёт о транзитивности современного

российского общества, что определяет наличие ряда рисков, связанных с личностью как носителем неустойчивой культуры. В частности в науке предложены теории, объясняющие опасность сложившейся ситуации.

Одна из моделей развития общества представляет его как эволюционно нелинейный процесс. Трансформация социума и культуры характеризуется ренессансами, возвратами и рецидивами. Ю. Хабермас, применяя понятие «когнитивные диссонансы», уверен, что они являются реакцией субъектов «домодерной» эпохи на «давнишнюю потерю ясной эпистемической ситуации некоей всеохватывающей перспективы мира» [15, с. 16]. Мыслитель называет таких исчезающих субъектов истории «уносимых ветром» и уточняет, что их реакция – «желание защититься от страха перед насильственным искоренением традиционных жизненных форм» [15, с. 17]. Он сопоставляет два примера подобной реакции: охота на ведьм во времена раннего Нового времени и фундаментализм в форме современного терроризма.

И. Г. Яковенко доказывает, что человек может выступать носителем одновременно нескольких эволюционно разных культур. Они сосуществуют в структуре личности, но определяются разной степенью осознанности. Периодически нерефлексируемые элементы традиционной культуры (бессознательное) могут вторгаться в другую историко-культурную систему, образуя поверхностный уровень личности (сознание). Поведение такого человека в критических социальных ситуациях подвержено спонтанности, когда рационально поверхностные детерминанты перестают действовать, а субъект опирается на традиционные, дорефлективные импульсы поведения. Это связано, по мнению отечественного исследователя, с тем, что «человек, принадлежащий двум культурам одновременно, слабо интегрирован личностно» [19, с. 25]. Носителя такого сознания И. Г. Яковенко называет архаиком или традиционалистом. По мнению исследователя, указанные сложности оборачиваются возрастанием репрессивности культуры, которая увеличивается во много раз по сравнению с уровнем репрессии в традиционной культуре. Автор считает ситуацию, когда в отдельном сознании сосуществуют ценности двух эволюционно разных культур, неприемлемой и даже опасной. Это связано с тем, что учёный назвал «рисками архаизации» [19, с. 28].

На опасность застревания в состоянии транзитивности указал В. Г. Бабаков. Это ведёт к консервированию процесса перехода от традиционного общества к индустриальному, к маргинализации ряда социальных групп. «Обычаи и этнические традиции для маргиналов уже не выступают регулятором их поведения. При этом разрушаются традиционные этнические ценности, внедряются новые поведенческие коды, не свойственные как этнической этике традиционных народов, так и позитивным ценностям современной цивилизации» [1, с. 224]. В. Г. Бабаков утверждает, что в условиях быстрых изменений общество не успевает приспособиться. Н. Н. Козлова назвала субъектов такого общества «кентаврами» и транзитивами, не просто помнящих традиционную культуру, «но которая занозой сидит в их подсознании» [8, с. 114].

Таким образом, можно констатировать, что отечественный научный дискурс отразил всю противоречивость ситуации, сложившейся относительно системы обеспечения социальной безопасности. Российские учёные занимают не только научную объективную позицию по отношению к данной проблеме, но и, будучи инсайдерами социокультурной ситуации, являются выразителями страхов и опасностей процессов трансформации российского общества. Они понимают сложность актуальной ситуации, что отражается в противоречивости предлагаемых ими мер. Некоторые авторы указывают на необходимость внедрения новых форм социальной безопасности, в частности, личность рассматривается как потенциальный агент данного процесса. Однако транзитивность ситуации обуславливает наличие больших рисков, связанных с неустойчивостью ценностной системы и российского общества в целом.

Список литературы

1. Бабаков В.Г. Кризисные этносы. М.: ИФ РАН, 1993. 183 с.
2. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. 272 с.
3. Бондарев В. Г. Социальная политика как инструмент формирования социальной безопасности // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 6. «Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения». 2009. № 3. С. 180–189.
4. Бороноева Н.А., Горбунова Л.И. Безопасность как социальная проблема // Машиностроение и безопасность жизнедеятельности. 2012. № 1. С. 4 – 10.
5. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Московская школа полит. исследований, 2004. 240 с.
6. Дембицкий С. Г. К вопросу о сущности и содержании понятия «безопасность общества в социальной сфере» // Вестн. ТГПУ. 2004. Вып. 6 (43). С. 153–159.
7. Кисляков П. А. Социальная безопасность личности: функциональные компоненты и направления формирования // Современные исследования социальных проблем (электронный науч. журн.). 2012. № 58. (13). URL: <http://www.sisp.nkras.ru> (дата обращения: 13.05.2013).
8. Козлова Н. Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 112–124.
9. Макаров В. Е. Социальная безопасность в условиях нового политического курса // Обозреватель – Observer. 2009. Т. 230. № 3. С. 26–30.
10. Микешина Л. А., Опенков М. Ю. Новые образы познания и реальность. М., 1997. 240 с.
11. Плотников В. С. Социальная безопасность в транзитивном обществе: содержание и механизм обеспечения: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Новосибирск, 2004. 28 с.
12. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М.: Аграф, 2001. 608 с.
13. Ручин В. А. Социальная безопасность российского общества в контексте социальной политики государства // Вестн. СГТУ. 2011. № 4 (60). Вып. 2. С. 322–326.
14. Семенов Е. В. Антиномия антропо- и социоцентризма в социальном познании // Философия и культура: сб. к 60-летию В. А. Конева. Самара: Самарский ун-т, 1997. С. 47–63.
15. Хабермас Ю. Раскол Запада. М.: Весь Мир, 2008. 192 с.
16. Хьюбнер Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчёты, просчёты и сведение счётов. Минск: Экономпресс, 2006. 384 с.
17. Шимко А. К. Социальная безопасность в ракурсе трансформационных изменений в России // Теория и практика общественного развития. 2005. № 2. С. 98–110.
18. Юнусов А. М. Социальная безопасность в социологическом дискурсе // Вестн. Моск. гос. обл. гум. ин-та. 2012. № 1. С. 67–71.
19. Яковенко И. Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М.: Прогресс – Традиция, 2006. 176 с.

References

1. Babakov V.G. Krizisnye jetnosy. M.: IF RAN, 1993. 183 s.
2. Batkin L. M. Ital'janskoe Vozrozhdenie v poiskah individual'nosti. M., 1989. 272 s.
3. Bondarev V. G. Social'naja politika kak instrument formirovanija social'noj bezopasnosti // Vestn. Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. 6. «Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Pravo. Mezhdunarodnye otnoshenija». 2009. № 3. S. 180–189.
4. Boronoeva N.A., Gorbunova L.I. Bezopasnost' kak social'naja problema // Mashinostroenie i bezopasnost' zhiznedejatel'nosti. 2012. № 1. S. 4 – 10.
5. Gellner Je. Uslovija svobody. Grazhdanskoe obshhestvo i ego istoricheskie soperniki. M.: Moskovskaja shkola polit. issledovanij, 2004. 240 s.
6. Dembickij S. G. K voprosu o sushhnosti i sodержanii ponjatija «bezopasnost' obshhestva v social'noj sfere» // Vestn. TGPU. 2004. Vyp. 6 (43). S. 153–159.
7. Kisljakov P. A. Social'naja bezopasnost' lichnosti: funkcional'nye komponenty i napravlenija formirovanija // Sovremennye issledovanija social'nyh problem (jelektronnyj nauch. zhurn.). 2012. № 58. (13). URL: <http://www.sisp.nkras.ru> (data obrashhenija: 13.05.2013).
8. Kozlova N. N. Krest'janskij syn: opyt issledovanija biografii // Sociologicheskie issledovanija. 1994. № 6. S. 112–124.
9. Makarov V. E. Social'naja bezopasnost' v uslovijah novogo politicheskogo kursa // Obozrevatel' – Observer. 2009. T. 230. № 3. S. 26–30.
10. Mikeshina L. A., Openkov M. Ju. Novye obrazy poznaniya i real'nost'. M., 1997. 240 s.
11. Plotnikov V. S. Social'naja bezopasnost' v tranzitivnom obshhestve: sodержanie i mehanizm obespechenija: avtoref. dis. ... kand. soc. nauk. Novosibirsk, 2004. 28 s.
12. Rudnev V. P. Jenciklopedicheskij slovar' kul'tury XX veka. M.: Agraf, 2001. 608 s.
13. Ruchin V. A. Social'naja bezopasnost' rossijskogo obshhestva v kontekste social'noj politiki gosudarstva // Vestn. SGTU. 2011. № 4 (60). Vyp. 2. S. 322–326.
14. Semenov E. V. Antinomija antro- i sociocentrizma v social'nom poznanii // Filosofija i kul'tura: sb. k 60-letiju V. A. Koneva. Samara: Samarskij un-t, 1997. S. 47–63.
15. Habermas Ju. Raskol Zapada. M.: Ves' Mir, 2008. 192 s.
16. Hjubner B. Smysl v bes-SMYSLENNOE vremja: metafizicheskie raschjoty, proschjoty i svedenie schjotov. Minsk: Jekonopress, 2006. 384 s.
17. Shimko A. K. Social'naja bezopasnost' v rakurse transformacionnyh izmenenij v Rossii // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2005. № 2. S. 98–110.
18. Junusov A. M. Social'naja bezopasnost' v sociologicheskom diskurse // Vestn. Mosk. gos. obl. gum. in-ta. 2012. № 1. S. 67–71.
19. Jakovenko I. G. Riski social'noj transformacii rossijskogo obshhestva: kul'turologicheskij aspekt. M.: Progress – Tradicija, 2006. 176 s.

Статья поступила в редакцию 15 мая 2013 г.

Юлия Динаровна Багаув

*аспирант, Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: juliabagauv86@mail.ru*

Аксинья Викторовна Бекишева

*ассистент, Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: a_bekisheva@mail.ru*

Марина Юрьевна Кузьмина

*ассистент, Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: marinabaksh1@rambler.ru*

Екатерина Сергеевна Ляшенко

*младший научный сотрудник,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: kreativfho@mail.ru*

Современная художественная культура России: новизна визуализации

Статья посвящена исследованию тенденций развития современной художественной культуры России, для которой характерен новый язык визуализации смыслов. Актуальность исследования обусловлена асимметричностью развития новейших технологий визуализации и недостаточной содержательностью передаваемых национальных образов. Основой появления новых форм визуализации, таких как электронный фольклор, инсталляции, перформансы, электронные образы, компьютерный монтаж в кинематографе, анимации, визуально-изобразительных практиках и др., является совершенствование технологических приемов, средств коммуникации, способствующих массовому потреблению, распространению, ускорению передачи информации, в том числе в области визуальной культуры. Авторы предлагают проект, который вносит вклад в исследование, классификацию и выявление закономерностей, принципов и основных тенденций новых форм языка современной художественной культуры, освоение новых возможностей визуального языка. Анализируются способы теоретического осмысления новых визуальных образов и проектирования теоретических моделей, направленных на оценку тенденций развития языка визуализации современной художественной культуры России. Основным подходом исследования является культурно-семиотический анализ форм проявления визуализации современной художественной культуры, семиотический подход способствует всестороннему раскрытию проблемы семантики современных форм визуализации.

Ключевые слова: визуализация, язык культуры, художественная культура России, электронный образ, культурный смысл, визуальное сообщение.

Yuliya Dinarovna Bagauv

*Postgraduate Student, Transbaikal State University
(Chita, Russian Federation), e-mail: juliabagauv86@mail.ru*

Aksiniya Viktorovna Bekisheva

*Assistant, Transbaikal State University
(Chita, Russian Federation), e-mail: a_bekisheva@mail.ru*

Marina Yur'evna Kuz'mina

*Assistant, Transbaikal State University
(Chita, Russian Federation), e-mail: marinabaksh1@rambler.ru*

Ekaterina Sergeevna Lyashenko

*Junior Researcher, Transbaikal State University
(Chita, Russian Federation), e-mail: kreativfho@mail.ru*

Modern Russian art Culture: Novelty of Visualization

The paper is devoted to research of tendencies of modern art culture development in Russia, that is characterized by a new language of visualization of meanings. Topicality of the research is determined by asymmetry of development of new visual technologies and insufficient content of

national images. The basis of appearance of new forms of visualization such as electronic folklore, installations, performances, electronic images, computer cinema installation in cinema, animations, visual-graphic practices, etc. is perfection of techniques which contribute to mass consumption, distribution, acceleration of transmission of information in visual culture. The authors propose a project which contributes to the research, classification and detection of regularities, principles and fundamental tendencies of the new forms of language in modern art culture, assimilation of new possibilities in the visual language. Ways of theoretical comprehension of new visual images and design of theoretical models directed to estimate the tendencies of development in the visual language in modern Russian art culture are analyzed. The main approach of research is cultural and semiotic analysis of forms of visualization appearance in modern art culture, a semiotic method contributes to a comprehensive study of semantics problem in modern forms of visualization.

Keywords: visualization, the language of culture, Russian art culture, electronic image, cultural meaning, visual message.

Для современной художественной культуры России характерен новый язык визуализации смыслов. Актуальность исследования обусловлена асимметричностью развития новейших технологий визуализации и недостаточной содержательностью передаваемых национальных образов. Основой появления новых форм визуализации, таких как электронный фольклор, инсталляции, перформансы, электронные образы, компьютерный монтаж в кинематографе, анимации, визуально-изобразительных практиках и др., является совершенствование технологических приёмов, средств коммуникации, способствующих массовому потреблению, распространению, ускорению передачи информации, в том числе в области визуальной культуры. Это приводит к динамичности образов, усовершенствованию систем самоописания, увеличению их количества, умножению числа сообщений, во многих случаях сокращенных или замененных символами, частое и быстрое перемещение текстов и явлений от одного полюса к другому, перенасыщенность, быстрое реагирование на происходящие события. Размываются границы отдельного вида искусства, становится неоднозначной содержательная нагрузка произведений, превалирует синтез используемых средств и приёмов конструирования образа. Такие явления, как интерактивность, гипертекстуальность, мультимедийность, вариативность, становятся доминирующими. Другой стороной процесса технологического заимствования является заимствование и диффузия традиционного аутентичного содержания, ценностей культуры. Отмечается десакрализация традиционных смыслов русской культуры, некоторые тиражированные образы русской культуры трансформируются, приобретают черты неоднозначности, банальности, непривлекательности,

часто противоречат национальной идентичности. Характерными чертами становятся многоадресность, смещение функциональности от репрезентативности к созданию полей для коммуникаций, тиражированность, массовое распространение симулякров всех видов, уровней и форм, целостный охват события.

В российской художественной культуре в сложившихся условиях противоречия между технологически совершенной заимствованной формой и недостаточно выраженным национально ориентированным содержанием визуальных текстов возникает необходимость поиска способов сохранения национальной идентичности.

Осуществление проекта вносит вклад в осмысление проблем обеспечения национальной идентичности, историко-культурной преемственности и трансляции традиционных ценностей в условиях технологического прорыва, а также в исследование новых форм языка современной художественной культуры, освоение новых языков визуализации современной художественной реальности. Данная проблема актуальна для философии, теории культуры, философской антропологии. Техническое исполнение современных образов визуализации является предметом многих научных специальностей, тем не менее философско-культурологическое осмысление механизмов выражения культурного смысла новых образов является малоизученными. Именно с помощью системы символов, знаков, метафор, встроенных текстов в современных, в том числе электронных, образах осуществляется трансляция культурных смыслов. Всё это актуализирует значимость исследований новых языков визуализации как способа трансляции ценностей новой культуры, формирования нового мировоззрения человека, создания современных коммуникативных пространств.

Современное состояние исследований по данной проблеме.

Исследованием феномена современной визуальной культуры, методологией анализа визуального образа применительно к различным типам визуальных текстов занимались представители лаборатории визуальных и культурных исследований Европейского гуманитарного университета (г. Минск) А. Р. Усманова, А. А. Горных, В. А. Константюк, А. Д. Криволап и др. [3].

Неклассическую форму представления и фиксации информации (от фотографии, кинематографа до современных медиа) изучали В. Беньямин [2]; Р. Барт [1]; Ю. М. Лотман [6]; Н. Б. Маньковская [8]; Е. В. Петровская [9]; В. А. Подорога [10]; В. Ф. Познин [11] и др.

Исследования по визуальной коммуникации в специфических художественных сферах принадлежат Е. В. Черневич [15], И. Н. Стор (язык дизайна) [14] и др.

Особенности культуры электронных образов информационного общества изучены в трудах Е. Н. Губановой [4]; В. М. Диановой [5]; Б. В. Маркова [7] и др.

Проблему эстетического восприятия образа рассматривали Ж.-П. Сартр [12], С. М. Эйзенштейн [16] и др.

Во второй половине XX в. появляется понятие «машинное зрение», обозначающее новый способ восприятия визуальной информации в производстве. Распространяются различные его авторские вариации.

Монтаж как новый способ видения XX в. рассматривали М. Тей-тельбаум [17], Н. Б. Маньковская [8], А. А. Горных [3] и др.

В работах современных авторов также освещаются различные аспекты семиотического анализа форм проявления визуализации культурных смыслов (Д. В. Сергеев [13] и др.).

Методы и подходы.

Основным подходом является культурно-семиотический анализ форм проявления визуализации современной художественной культуры. Использование системного подхода позволит изучить семиотические системы, где значительное место занимают креолизованные тексты. Семиотический подход способствует всестороннему раскрытию проблемы семантики современных форм визуализации. Интегративный подход даст возможность исследовать в новых формах визуализации проектирующий и проектируемый язык, соединивший в себе

информационную и эстетическую функции. Для решения поставленных задач могут быть использованы семантический, аксиологический, феноменологический, функциональный, интертекстуальный методы, метод визуального мониторинга; сравнительно-сопоставительный и иконологический анализ произведения искусства.

В проведении исследования коллектив авторов опирается на ранее полученные результаты по следующим направлениям.

1. Проведено исследование семантики веб-дизайна интернет-культуры на примере российского Интернета. Установлено, что эвристический потенциал семиотического подхода заключается в использовании его категориального аппарата при описании веб-дизайна как языка интернет-культуры и семиосферы, который включает инвариантные элементы (тексты), относительно устойчивые принципы формирования знаков, вариативные схемы интернет-коммуникации.

На основе разработанной структурно-семантической схемы анализа веб-сайтов, включающей три уровня, на которых выявляются особенности веб-цветов и элементов страницы, характеристики визуальной структуры сайта, культурные смыслы электронных образов, проведено исследование семантических характеристик 120 российских веб-сайтов.

Описаны характеристики интернет-культуры как семиотической системы, включающей принципы (динамичность, интерактивность, вариативность), формы образования текстов (креолизация, симулякр) и способы их взаимодействия (перевод текстов из одной системы в другую, ризома). В контексте формирующей роли веб-дизайна исследованы схемы современной культурной коммуникации Интернета. Эта роль обеспечивается композицией веб-сайтов, транслирующей культурные ценности и определяющей особенности веб-дизайна как языка интернет-культуры.

Установлено, что глобализационные тенденции развития Интернета, проявившиеся в распространении стандартной схемы визуальной композиции, интернациональных проектов, характерных образов электронной культуры, детерминировали становление и развитие семантики российского веб-дизайна и, в частности, его содержание, функции и формы представления. На примере креолизованных текстов Рунета выявлены и описаны основные

особенности взаимодействия в веб-сайте знаковых систем (изобразительного, естественных языков, фотографии, анимации, видео), детерминированные интеграцией сегментов Интернета в мировую интернет-культуру, распространением её взаимодействия с вне-системой (усложнение технологий человеко-компьютерного взаимодействия, перевод областей деятельности в Интернет).

2. Получены некоторые научные результаты по исследованию традиционных образов в художественной культуре России. Благодаря социально-философскому и культурологическому анализу образа русского богатыря, а также современного «супергероя» было выявлено, что существует некоторая универсальная модель, которая, несмотря на изменения в культуре, мировоззрении народа, позволяет выразить его надежды и желания. Соответственно данной модели выстраивается и определённый образ героя, исполняющего эти желания. Во времена Киевской Руси – это мечты о мире и единении, о могучем заступнике от несправедливости князя, набегов кочевников. В современном обществе – стремление иметь защитника в борьбе с преступностью, стихийными бедствиями, терроризмом, произволом властей и т. д. Кроме того, данные героические сюжеты являются своеобразным индикатором состояния этноса, что подчеркивает особую значимость героических образов в становлении и развитии народа и его культуры.

Системно-ценностный и историко-типологический подходы позволили выявить роль и функции монтажных средств в формировании образа русского богатыря в культуре России. В каждый исторический период визуального проявления образа был использован какой-либо тип монтажа. В народном искусстве – это внутрикадровый монтаж, в XIX–XX вв. добавляется параллельный, в XX–XXI вв. помимо двух первых используется также вертикальный монтаж, подразумевающий одновременное присутствие в сознании зрителя в данном случае образов из разных эпох и реальностей. Основные функции монтажа, проявляемые в данные периоды, – метафорическая, символическая.

Сравнительно-сопоставительный анализ примеров анимационных фильмов, посвященных образу русского богатыря, позволил выявить ряд отличий, характеризующихся технологическими, изобразительными особен-

ностями, профессиональным уровнем исполнения работы, сложностью и оригинальностью сюжета, художественного языка. В данных критериях работы имеют заметные различия. Структурно-функциональный анализ анимационных фильмов показал, что структура рассмотренных картин в целом представляет собой знаковое ядро, содержащее некоторые ключевые характеристики образа богатыря в былинном эпосе с наложением на него более упрощенной, лаконичной изобразительной формы, представленной в сжатом стилизованном образе. Верхний коннотативный пласт, несмотря на менее глубокое содержание, представляет собой яркое, выразительное произведение, решающее совсем иные задачи, нежели оригинальный текст. Здесь выполняются не столько информативная, трансляционная, ценностная функции, сколько релаксирующая, игровая, знаковая. В результате измененный традиционный образ выражается на новом языке, не соответствующем исконному содержанию образа.

3. Результаты по исследованию визуализации готической литературы в кинематографе заключаются в следующем. Термин «готика» стал широко использоваться в описании тенденций развития современной культуры. В первую очередь это связано с появлением большого количества литературных и кинематографических произведений в этом жанре, а также заметны проявления готических элементов в музыке, моде, дизайне, компьютерных играх, молодёжной субкультуре. В результате исследования обозначена неоготическая картина мира, описаны её характеристики, изучены концепции и теории, обуславливающие её существование наряду с другими картинами мира. Концептуализация этого явления требует изучения неоготики в историческом, философском, культурологическом и социальном аспектах. Проанализированы конкретные проявления готических сюжетов и выявлена специфика, характерная для современной культуры на примере литературных произведений, кино, музыки и молодёжной субкультуры.

4. Выявлены характеристики (дискретность, плотность, гетерогенность формы, нелинейность фиксации мысли, алогизм представления пространства и времени, концентрация логики и пластики и др.), а также функциональные особенности монтажа. Являясь техническим приемом конструирования визуальных образов, в современной культуре монтаж стал

рассматриваться в качестве принципа переработки и реструктурирования визуальных образов ради получения иного целевого материала. В качестве способа организации пространственно-временных пластов композиции произведений монтаж получил принципиальное теоретическое осознание в художественной культуре XX в. не только как творческий и технический приём создания образа, но и как особая форма художественного мышления, интерпретации получаемого путём отбора материала, соединения отдельных элементов в единое целое (по тематическому, сюжетному или иному принципу).

Рассмотрены механизмы и закономерности развития монтажа как приёма в искусстве. Выявлен ряд закономерностей его проявления в культуре.

Усиление монтажности происходит в периоды нестабильности в политической и социальных сферах общества и, как следствие, изменений в общественном сознании (революции 1910–20-х гг., антибуржуазные движения, молодёжные бунты 1960-х, российская перестройка 1990-х гг.). Неоднородность общественного сознания находит отражение в гетерогенности художественных произведений, что выявлено с помощью диахронического метода и метода моделирования. Рассмотрены монтажные по структуре произведения XX в. Время их создания совпадает с обозначенными выше нестабильными историческими периодами. Ещё одним аргументом в пользу проявления монтажа в нестабильные периоды является наличие в монтаже признаков кризисности, когда искусство начинает обращаться к заимствованиям из прошлого, цитатам, приходит к объективации архетипа и т. п.

Как универсальная категория монтаж проявляется во всех сферах культурной жизни начала XX в. – время появления и утверждения кинематографической эстетики. С помощью синхронического метода обобщено явление монтажности в живописи, литературе, театральном искусстве, музыке.

Монтаж получает распространение под воздействием усиления роли визуального компонента культуры в контексте информатизации, технизации, развития городской среды. Подтверждением может служить тот факт, что развитие монтажа шло параллельно с развитием средств зрительной агитации, книжной графики и рекламы. В ранних же формах своего

существования (клейма икон, лубок, и позже комикс) монтаж посредством зрительных впечатлений формировал целостный образ, передавал важную для понимания информацию.

Как эстетическая категория монтаж складывается под воздействием изменившихся представлений о пространстве и времени вследствие увеличения скорости информационных процессов. В век цифровых технологий быстрая передача информации побуждает к созданию, с одной стороны, более сложных, а с другой – более универсальных предметов – например, в телефоне одновременно может присутствовать фотоаппарат, плеер, навигатор, калькулятор, будильник, диктофон, календарь и т. д. Аналогичным образом формируется универсальный язык монтажа в искусстве.

Развитие технического производства наложило отпечаток на процессы композиционного мышления. Механистическая техника монтажа – это тоже своего рода машинная сборка, конвейерный принцип составления целого из фрагментов.

Монтаж стал закономерным художественным воплощением изменившейся в XX в. картины мира, а также открытий, сдвинувших её в сторону нелинейности, образности, главенства подсознания, вымысла (кино, психоанализ и теория относительности). Новая художественная картина мира формируется в результате отказа от классических научных представлений о рациональности, перехода к неклассическому эстетическому сознанию. Как следствие, в культурном поле распространяются антиэстетические для классической эстетики категории хаоса, деструктивности, ризомы и пр. В конструировании визуальных сообщений проявляются механистические принципы (сборка, деконструкция, коллаж, монтаж, цитатность).

Монтажное композиционное мышление второй половины XX века подкрепляется общекультурными явлениями цитатности, интертекстуальности, полисенсорности и соответствующими философскими и культурологическими концепциями.

Выявлены характерные особенности визуальности конца XX века, среди которых суверенность, динамичность, всеохватность, синтетичность, скорость, абсолютность. Сопутствующими ей являются такие рецептивные свойства, отвечающие также монтажному видению, как неоднородность, смысловое объединение, полисенсорность, алгоритмичность,

информативность. Перечисленное относится к ключевым элементам механизма кодирования и представления информации посредством гетерогенной структуры произведений визуально-изобразительного творчества конца XX – начала XXI века.

Кроме этого, монтаж рассмотрен как концептуальный, коммуникативный, образный базис композиционной деятельности.

В итоге проведения предлагаемого исследования планируются следующие результаты.

1. Технические возможности языка визуализации, их обусловленность современными компьютерными технологиями. Характеристика общих закономерностей функционирования изобразительного графического языка и языка компьютерной графики (например, сходство элементарных графем, базовых законов построения композиции) на примере российской информационной среды.

Семиотические классификации единиц языка компьютерной графики по уровням (от минимально возможного элемента до сверхсистемы): точки растра, простые знаки, составные знаки, герои, персонажи, интерфейсы, среды, графические оболочки, системы, комплексы.

Проектирование основных культурно-семантических принципов функционирования, закономерностей и тенденций современного языка компьютерной графики на основе анализа выявленных в графической практике способов рефлексии графического языка (комбинаторные свойства, группы и оппозиции, композиционные схемы, вариации графемической оболочки, сходство и различия и т. д.) и их изменений в результате использования новых форм визуализации.

2. Классификация трансформационных процессов, происходящих с образом русского богатыря в современной художественной культуре России. Закономерности визуализации образа русского богатыря в анимации, изобразительном искусстве, рекламе современной России.

3. Характеристика неоготической картины мира как результат проявлений готических литературных сюжетов в кинематографе. Классификация ряда визуальных образов современных кинематографических произведений, актуализирующих готические сюжеты, исследование тенденций визуализации персонажей и пространственно-временной доминанты в современном российском кинематографе неоготического жанра.

4. Разработка алгоритма культурно-семиотической интерпретации содержания монтажно построенных визуальных рядов современного изобразительного искусства. Модель монтажного механизма конструирования визуального образа в современной художественной культуре России (коммуникативный, формо- и смыслообразующий аспекты). Характеристика монтажа как визуального языка (вторичной моделирующей системы) искусства живописи, графики, плаката, рекламы и пр.; синтаксической, семиотической, прагматической сущности монтажа в визуальной культуре. Проектирование модели образно-мотивированного монтажного визуального послания, обладающего потенциалом закрепления и трансляции историко-культурных коннотаций (монтаж знаков национальной культуры: стереотипов, эталонов, символов, мифологем, прототипов и пр.).

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Беньямин В. Краткая история фотографии // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996. 240 с.
3. Горных А. А., Усманова А. Р. Эстетика интернета и визуальное потребление: к вопросу о сущности и специфике Рунета // Control + Shift: публичное и личное в русском Интернете: сб. ст. / под ред.: Н. А. Конрадовой, Э. Шмидт, К. Тойбинер. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 261–284.
4. Губанова Е. Н. Семантика пространства в постмодернистском художественном тексте: дис. ... канд. филос. наук. М., 2009. 159 с.
5. Дианова В. М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб.: Петрополис, 1999. 240 с.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

7. Марков Б. В. Человек и язык // Семиотика XXI века: человек в мире знаков: материалы виртуального коллоквиума. URL: <http://www.culturalnet.ru/f/viewtopic.php?id=1559> (дата обращения: 20.02. 2011).
8. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.
9. Петровская Е. В. Антифотография. М.: Три квадрата, 2003. 112 с.
10. Подорога В. Непредъявленная фотография. Заметки по поводу «Светлой комнаты» Р. Барта // Автобиография. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. № 1. М.: Логос, 2001, с. 195–240.
11. Познин В.Ф. Выразительные средства экранных искусств. Эстетический и технологический аспекты. 17.00.09: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. СПб.: 2009. 40 с.
12. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: Республика, 2000. 639 с.
13. Сергеев Д. В. Структура культурного смысла и законы его функционирования // Личность. Культура. Общество. 2008. № 3–4. С. 257–267.
14. Стор И. Н. Смыслообразование в графическом дизайне. Метаморфозы зрительных образов. М.: МГТУ им. А.Н. Косыгина, 2003. 296 с.
15. Черневич Е. В. Исследование языка графического дизайнера: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.06. М.: РГБ, 2002.
16. Эйзенштейн С. Монтаж. М.: Музей кино, 2000. 592 с.
17. Teitelbaum M. Montage and Modern Life: 1919–1942. The Institute of Contemporary Art, Boston. 1992. 208 p.

References

1. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika. M.: Progress, 1989. 616 s.
2. Ben`jamin V. Kratkaja istorija fotografii // Proizvedenie iskusstva v jepohu ego tehnicheckoj vosproizvodimosti. M.: Medium, 1996. 240 s.
3. Gornyh A. A., Usmanova A. R. Jestetika interneta i vizual'noe potreblenie: k voprosu o sushhnosti i specifike Runeta // Control + Shift: publichnoe i lichnoe v russkom Internete: sb. st. / pod red.: N. A. Konradovoj, Je. Shmidt, K. Tojbiner. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. S. 261–284.
4. Gubanova E. N. Semantika prostranstva v postmodernistskom hudozhestvennom tekste: dis. ... kand. filos. nauk. M., 2009. 159 s.
5. Dianova V. M. Postmodernistskaja filosofija iskusstva: istoki i sovremennost'. SPb.: Petropolis, 1999. 240 s.
6. Lotman Ju. M. Semiosfera: Kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashhijh mirov. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2000. 704 s.
7. Markov B. V. Chelovek i jazyk // Semiotika XXI veka: chelovek v mire znakov: materialy virtual'nogo kollokviuma. URL: <http://www.culturalnet.ru/f/viewtopic.php?id=1559> (data obrashhenija: 20.02. 2011).
8. Man'kovskaja N. B. Jestetika postmodernizma. SPb.: Aletejja, 2000. 347 s.
9. Petrovskaja E. V. Antifotografija. M.: Tri kvadrata, 2003. 112 s.
10. Podoroga V. Nepred#javlennaja fotografija. Zаметki po povodu «Svetloj komnaty» R. Barta // Avtobiografija. K voprosu o metode. Tetradi po analiticheskoj antropologii. № 1. M.: Logos, 2001, s. 195–240.
11. Poznin V.F. Vyzritel'nye sredstva jekrannyh iskusstv. Jesteticheskij i tehnologicheskij aspekty. 17.00.09: avtoref. dis. ... d-ra iskusstvovedenija. SPb.: 2009. 40 s.
12. Sartr Zh.-P. Bytie i nichto. M.: Respublika, 2000. 639 s.
13. Sergeev D. V. Struktura kul'turnogo smysla i zakony ego funkcionirovanija // Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo. 2008. № 3–4. S. 257–267.
14. Stor I. N. Smysloobrazovanie v graficheskom dizajne. Metamorfozy zritel'nyh obrazov. M.: MGTU im. A.N. Kosygina, 2003. 296 s.
15. Chernevich E. V. Issledovanie jazyka graficheskogo dizajna: dis. ... kand. iskusstvovedenija: 17.00.06. M.: RGB, 2002.
16. Jeizenshtejn S. Montazh. M.: Muzej kino, 2000. 592 s.
17. Teitelbaum M. Montage and Modern Life: 1919–1942. The Institute of Contemporary Art, Boston. 1992. 208 r.

Статья поступила в редакцию 20.05.2013.

УДК 911.3
ББК 63.5

Александр Николаевич Новиков
кандидат географических наук, доцент,
научный сотрудник,
Институт природных ресурсов экологии и креологии СО РАН,
старший научный сотрудник,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

Дина Борисовна Сундуева
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

Татьяна Владимировна Бернюкевич
доктор философских наук,
старший научный сотрудник,
Институт природных ресурсов экологии и креологии СО РАН,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

Маргарита Ивановна Гомбоева
доктор культурологии, профессор,
старший научный сотрудник,
Институт природных ресурсов экологии и креологии СО РАН,
зав. кафедрой теории и истории культуры, искусства и дизайна,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

Ассимиляционные процессы и стратегии позиционирования культурной идентичности субэтнических групп Байкальского региона в условиях трансграничья¹

Статья посвящена выделению и описанию двух стратегий определения идентичности субэтнотами Байкальского региона и их позиционирования в культурно-географическом пространстве трансграничья. Описаны стратегии: диффузии идентичности и сохранения этнической идентичности на основе мобилизации этнической, коллективной идентичности и наличия фактора внешнего патернализма. В работе определены культурно-географические особенности и специфика анализа формирования и стратегии позиционирования этнической идентичности с использованием возможностей социолингвистического подхода к исследованию феноменологии самоидентификации локальных субэтнических групп (шилкинские хамниганы и русское старожильческое население Монголии).

Ключевые слова: культурная идентичность, Байкальский регион, шилкинские хамниганы, ассимиляционные процессы, ассимилирующиеся этносы, трансгранижье, диффузия идентичности.

¹Статья выполнена в рамках Государственного задания вузу на выполнение НИР № 6.3777.2011 по теме «Культурное наследие и идентичность в условиях трансграничья»

Aleksandr Nikolaevich Novikov

*Candidate of Geography, Associate Professor,
Researcher, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com*

Dina Borisovna Sundueva

*Candidate of Philology,
Senior Researcher,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com*

Tat'yana Vladimirovna Bernyukevich

*Doctor of Philosophy,
Senior Researcher,
Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com*

Margarita Ivanovna Gomboeva

*Doctor of Culturology, Professor,
Senior Researcher
Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com*

Assimilation Processes and Positioning Strategies of Cultural Identity of Subethnic Groups of the Baikal Region in Transborderland Conditions

The article is devoted to selection and description of two strategies of identity determined by subethnoses of the Baikal region and their positioning in cultural and geographical space of transborderland. The described strategies are: diffusions of identity and preservation of ethnic identity on the basis of mobilization of ethnic, collective identity and the existence of an external paternalism factor. Cultural and geographical features and specific character of the formation analysis and positioning strategy of ethnic identity with the use of opportunities of sociolinguistic approach to the research of self-identification phenomenology of local subethnic groups (Shilka khamnigans and the Russian old-timers' population of Mongolia) are defined in the work.

Keywords: cultural identity, the Baikal region, Shilka khamnigans, assimilation processes, assimilating ethnoses, transborderland, identity diffusion.

Актуальность темы. Трансграничное культурное пространство обладает диалектическим континуально-дискретным свойством, проявляющимся на двух уровнях: межэтническом и внутриэтническом. Межэтническое диалектическое континуально-дискретное свойство проявляется: с одной стороны – в целостности (континуальности) культурного пространства, обеспечивающегося культурной диффузией этносов, сопровождающейся ассимиляцией; с другой – в дискретности (прерывистости) культурного пространства, как

поиска культурной идентичности этноса, своеобразной реакцией на ассимиляцию. Внутриэтнический уровень континуально-дискретной диалектики трансграничного культурного пространства обеспечивается разделением единого этноса на различные субэтнические группы, которые, имея единую этнонациональную историю формирования своего населения, идентифицируют себя с различными этническими или культурными группами.

Поиски культурной идентичности этноса-ми в условиях глобализации и трансграничной

интеграции в современной географической науке называют регионализацией. Она рассматривается как реакция на культурную унификацию, вызванную интеграцией и глобализацией. Поиск и изменение позиции этноса в культурном пространстве трансграничья можно определить как трансграничное позиционирование культурной идентичности этноса. Этнокультурная идентичность – явление историческое и динамическое, изменяющееся во времени и, в том числе, благодаря миграции этносов в пространстве региона.

Формы проявления содержания понятия идентичности в культурно-географическом смысле включают: специфическое позиционирование этносов в культурно-географическом пространстве Байкальского региона (чувство пространство); представление места как совокупности признаков, отбор важнейших признаков места (доминантный подход), индивидуальность характеристик уникальности места, основанность на реальности, созданной как природой (наблюдаемые объекты), так и людьми (пространственные стереотипы).

Проблемы формирования и репрезентации культурной и этнической идентичности достаточно полно изучались многими научными дисциплинами. Динамичность процессов межкультурного взаимодействия в условиях трансграничья репрезентирует актуальность культурно-географической постановки проблемы, особенно в контексте усиления когнитивного диссонанса субъектов трансграничного взаимодействия.

Исследование актуального проявления культурно-географического позиционирования этнической идентичности вследствие ассимиляционных процессов может служить в качестве фундамента для прогнозирования технологий адаптации и интеграции культур в трансграничном пространстве и разработки эффективных стратегий её элиминирования в процессах межкультурной коммуникации [8, с. 147]. В этом состоит практическая ценность исследования.

Анализ исследовательской литературы, многолетние полевые исследования репрезентации этнической идентичности представителями ассимилированных субэтнических групп в различных социокультурных средах показал необходимость изучения выбора и позиционирования стратегии идентичности в культурно-географическом смысле и перспективность исследования следующих задач и направлений:

– на основании социолингвистических исследований процессов самоидентификации определённых субэтнических групп Байкальского региона описать классификации адаптационных стратегий этносов относительно культурной, языковой, этнической идентичности;

– выявить влияние трансграничного культурно-географического положения на формирование практик позиционирования культурной идентичности этносов Байкальского региона;

– выявить содержание и механизмы трансграничного позиционирования культурной идентичности этносов Байкальского региона;

– рассмотреть роль диффузии идентичности в ассимиляционных процессах на территории Байкальского региона и наоборот;

– определить основные интенции (стратегии) диффузии идентичности этносов Байкальского региона и их культурно-географические детерминанты;

– описать классификацию зависимости качественной определённости ассимиляционных процессов с некоторыми видами стратегий этносов относительно направления диффузии, от обретения культурной идентичности до диффузии идентичности.

Исходным понятием исследования является термин «диффузия культурной идентичности». Диффузия идентичности – термин, разработанный Э. Эриксоном, означающий неопределённость, спутанность представлений человека о самом себе, своей профессиональной пригодности и прочее [42] (Эриксон). В психологии это явление рассматривается как явление возрастное, присущее юношескому возрасту. Основной содержательной характеристикой диффузии идентичности является то, что выбор либо не определён длительное время (как признак инфантильности), либо переходит от одной определённости к другой. Это можно назвать двойной, тройной и т. д. идентичностью, а можно характеризовать как диффузию этнической идентичности как таковой. В процессах межкультурной коммуникации содержание понятия культурной диффузии хорошо изучено филологами, этнографами, антропологами на примере исчезающих культур и языков [3; 6; 7] и культурологами на основе лакуарности межкультурного общения [6, с. 145]. С точки зрения исследования культурной географии, данное проявление диффузии может быть присуще отдельным индивидам и целым группам и связано как с необходимостью адап-

тации к определённым природно-географическим условиям (путём выработки адекватного образа жизни), так и с процессами культурной ассимиляции, связанными с приспособлением к изменяющейся культурной среде, локализованными в рамках определённого историко-культурного и культурно-географического пространства. Примером такой диффузии является идентичность ассимилированных и ассимилирующихся этносов Байкальского региона, который можно определить как триединый трансграничный регион [27, с. 173].

Культурная диффузия обеспечивает континуальность культурного пространства, то есть культурное триединство приграничных территорий восточного стыка границ России, Монголии и Китая. Культурная трансграничная континуальность находится в диалектическом противостоянии с политической дискретностью, которая препятствует обмену культурными ценностями между этносами, локализованными по разные стороны границы. Трансграничное культурно-географическое положение этносов приграничных территорий изменяется в зависимости от соотношения контактности и барьерности границы, наличия титульного этноса и системы отношений с ним. Реализация трансграничного положения проявляется в культурной диффузии, разнообразии процессов идентификации и ассимиляции. В условиях трансграничья этнос стремится актуализировать идентичность, выделиться на фоне других, подчёркивая свою культурную идентичность. Идентичность – категория историческая, черты её трансформируются во времени за счёт культурного обмена с другими этносами. Развивающийся в культурном смысле этнос постоянно переоценивает черты своей идентичности и свою позицию в культурно-географических отношениях с соседними этносами, формируя при этом стратегию изменения своей позиции – позиционирование идентичности в трансграничном культурно-географическом пространстве.

Трансграничное культурно-географическое положение народов Байкальского региона проявляется не только в наличии государственных границ с Китаем и Монголией, но и положении на стыке трёх цивилизаций: христианской, конфуцианской и буддийской [4]. Трансграничное положение на стыке лесной и степной зоны, обусловившей наличие лесостепных ландшафтов с чередованием степных и лесных видов традиционного природопользования этносов.

Методология исследования. Изучение культурно-географического позиционирования современных потомков коренных народов и старожильческого населения региона эффективно осуществить с помощью исследования локальных особенностей этнической самоидентификации, наиболее продуктивным в этом случае является социолингвистический подход. Именно данный подход позволяет выявить характер формирования, функционирования и позиционирования этнической идентичности и самоидентификации определённой субэтнической группы на исследуемой территории. Поскольку язык, как один из важнейших маркеров культурной идентичности, даёт возможность человеку идентифицировать себя в качестве члена той или иной этнической группы и одновременно позволяет идентифицировать другого как чужого, как не принадлежащего к его собственной группе, изменения в языковом сознании обладают характеристиками методологической переменной, позволяющей изучить конкретное состояние локальной группы в контексте его самопозиционирования.

В ситуации утраты языковой идентичности наличествует явление смешения языковых кодов конструирования этнической самоидентификации, которое и стало предметом социолингвистического анализа [25, с. 212].

Существующий задел по данной теме у авторов статьи показал валидность предварительных результатов исследования, полученных с помощью социолингвистического анализа языковой ситуации у коренных народов Забайкалья и у русского старожильческого населения современной Монголии. У данных групп исследовалась структура самоидентификационных признаков Социолингвистический подход к исследованию феноменологии самоидентификации локальной субэтнической группы выявил у потомков коренного народа Забайкалья – тунгусов две из нескольких адаптационных стратегий, которая характерна для локальной субэтнической группы находящейся в условиях двойной ассимиляционной диффузии. При сильных ассимиляционных процессах, которые сопровождаются утратой языка, утратой определенности этнической идентичности, наблюдается явление актуализации этнической самоидентификации как поиска этнической, культурной идентичности. Этот процесс мы назвали диффузией идентичности. Примером проявления диффузии

идентичности является проблема трудности самоидентификации этнической и культурной идентичности представителей данной группы. Основная коллизия проблемы изучения феномена самоидентификации потомков тунгусов – шилкинских хамниган заключается в том, что они идентифицируют себя в качестве тунгусов, однако по процессам внешней идентификации в справочной литературе, в монголоведческих исследованиях их называют хамниганами. При этом, согласно официальной переписи населения России, они зафиксированы как эвенки.

Изучение связи диффузии этнической идентичности и ассимиляционных процессов приобретает особую остроту на фоне наличия двойной и множественной ассимиляционной диффузии, определяющейся не столько отдельными факторами, сколько факторным набором. Ассимиляционный фактор, сочетаясь с некоторыми иными факторами, может оказывать различное воздействие на диффузию, в зависимости от сочетания с этими иными факторами. К сопутствующим факторам, усугубляющим характер самоидентификации исследуемой группы, следует отнести роль социальных кризисов, социально обусловленных кризисов идентичности (девальвация идентичности советского народа), официальных этнических идентификаций, лингвистических классификаций на естественные классификации.

Экспликация изучаемого явления построена на выявлении особенностей самоидентификации шилкинских хамниган, обнаруживающих состояние и тенденции развития этнической самоидентификации локальных субэтнических групп, проживающих в Байкальском регионе в условиях транграничья.

В настоящее время шилкинские хамниганы компактно проживают в с. Зугалай Агинского Бурятского округа Забайкальского края, куда они переселились из сёл Нарин-Талача Карымского района, с. Делюн Шилкинского района в 60-е гг. XX в. Уникальность этой локальной субэтнической группы отражена в произведениях художественно-документального характера. В известной книге С. Зарубина «Трубка снайпера», посвящённой ратному подвигу героя Великой Отечественной войны Семёна Даниловича Номоконова, представителя шилкинских хамниган, в художественной форме даётся яркое описание образа жизни этой группы: «Номоконов – тунгус из рода хамниганов. Его маленький народ живёт в разных местах: в Де-

лоне, Средней и Нижней Талачах, в селах близ Вершино-Дарасуна. Так считалось раньше, так пишется и сейчас. Его народ живёт многими обычаями эвенков, но не умеет разводить оленей. Его народ хорошо понимает и бурятский язык, но овец пасти не умеет, не приучен к хлебопашеству. Степные буряты, живущие рядом, считают хамниганов своим народом. Эвенки – тоже своим. Раньше его маленькое, очень древнее племя кормилось только охотой. Когда русские построили железную дорогу, жить стало труднее: паровозы пугали зверей. Тогда люди перекочевали всем родом в верховья реки Нерчи и стали охотиться там [19, с. 25].

Социолингвистический подход позволяет дать описание стратегий поиска представителями субэтнической группы собственной идентичности. При описании совокупности форм существования одного или нескольких языков в их социальном и функциональном взаимодействии традиционно принято использовать три метода изучения (историко-статистический, метод качественных исследований и метод экспертных оценок), основанные на трёх рядах признаков: количественные, качественные и оценочные [5, с. 47]. О количественных признаках языковой ситуации в диахронии в среде шилкинских хамниган свидетельствуют документальные источники XVIII–XX вв. По материалам языка и представлениям населения прошлых лет можно проследить изменение этнического самосознания этой локальной субэтнической группы [37, с. 124.]. По данным С. К. Патканова, в начале XX века численность населения Урульгинской степной думы, говорящего на русском языке, составляла 69,2 %; по-бурятски – 7 %; по-монгольски – 15 %; по-эвенкийски – 8 % [37, с. 127]. Длительное проживание среди русского старожильческого населения Забайкалья на протяжении нескольких столетий оставило след в духовной культуре шилкинских хамниган, определило уклад жизни, его антропонимикон. Родной язык этой локальной субэтнической группы уже к середине XIX века, как отмечает М. А. Кастрен, «несколько обурятился» [37, с. 127].

Ко времени переселения в Агинский округ в середине XX в. шилкинские хамниганы были уже сильно ассимилированы в русскую культуру. При этом данный этап был очередным этапом очередной ассимиляции. В этногенезе тунгусских племен можно вычлени тунгусо-манчжурский, монгольский, русский, бурятский ассимиляционные периоды, которые

нашли отражение в этноисторической памяти интервьюируемых.

Мы там, в Дэлуне жили, по-русски говорили. Сюда приехали бурятами стали. Куда Бог пошлёт нас, туда и ехали. Разговаривали между собой по-русски больше. Стары-то по-своему.

Своеобразие этой группы в отличие от представителей других групп – ононских, кыринских, акшинских и др., составляет и то, что они являются православными по своему вероисповеданию.

Я вот крещёна. *Торгын участок-то* (пер.: на Торгоконском участке) попы крестили. Моё крещёно-то имя Марфа. Я была Марфа. А назвали-то меня по-бурятски. И дали мне имя Намжилма. Видимо, это бабушка назвала, которая принимала меня... Кузьма приезжает когда, громко зовёт: Намдже! Намдже! Это по-хамнигански. Когда жили среди русских, Пасху отмечали. Это как жили в русских деревнях, отмечали. *Чи ярида*. (пер.: ты говори) А чего, куда не знам.

В настоящее время в с. Зугалай проживает 1522 чел., из них 0,3 % составляют представители исследуемой группы [44, с. 416]. В отличие от тех, кто остался жить на прежних местах и впоследствии ассимилировал среди русского населения региона, хамниганы Зугалай сумели сохранить частично свой родной говор, фольклор.

Марфа его мать жила до ся времени. Прожила очень долго. Они знали. А муно (пер.: сейчас...) Они очень знали обычаи. Нас называли эвенками они. А мы-то нет. Эвенки это уже другое. Это на севере эвенки. Мы-то хамниганы просто. А хто мы та-ки, а что мы наделали? Не знам. Вроде нас хамнанами пишут. Нас пишут это хамнига-ны. Старуки песню всё пели. Общедэлунская это песня. *Нютагаа кун дулаадаг бэйшэу?* Пели бабушки. Напьются самогонку бедны, поют. Поют и плачут. Поют и плачут. Они плачут, и мы плачем. А чо они плачут. А чо мы плачем. Не знай. *Дэлюн, Дэлюн! – гэлсэгшэмнай. Дэмыш холохон бэйшэл байнадаа.* (пер.: Дэлюн, Дэлюн, мы поем. Не так уж ты и далека, моя родина!) Это чисто хамниганска песня. Бабушки бедны. *Нютагаа кун дулаадаг бэйга*. Значит и нам плакать надо. Это детство наше. Оне не тосковали, они жили тут, детьми приехали. Оне своих, которы на фронте погибли, они их вспоминали, плакали.

Родной язык (говор шилкинских хамниган, диалект монгольского языка) в настоящее время функционирует в семейно-бытовой сфере в среде представителей старшего поколения. Основным языком общения внутри группы является русский язык.

В детстве мы вообще не разговаривали на своем. Дети, они только понимают по-хамнигански,

но и по-бурятки знают. Уже свой язык они забыли. Все по-русски. Кузьма-то *бабушкатэй бэйхан* (пер.: с бабушкой жил). Бабушка Степанида недавно наша умерла. Он должен был, Кузьма, говорить. Тоже никого, ни бум-бум. Никто не воздвигал нас... Такого не было. Когда сюды приехали, сначала так было: У-у, *хамнигадуд* (пер.: хамниганы) У-у, *бурядуд гэдлэ* (пер.: буряты) говорили. *Бэе-бэе...* (пер.: друг друга). Но все равно не те отношения поначалу были//Но конечно не все // *А муно* (пер.: сейчас) ж не разбирамя. Теперь сваты стали все...// *Хамнигадуд гэдлэ ябадагбди* (пер.: хамниганами называемся).

Проживание среди родственного в языковом отношении бурятского народа способствовало сохранению говора хамниган, хотя в целом ощущается значительное влияние со стороны бурятского языка. Это проявляется в переключении и смешении языковых кодов. При постоянном использовании двух языков одновременно, выражающемся в перманентном переключении кодов, носители перестают различать используемые коды [6; 7].

В силу историко-культурных причин они не могут знать и, соответственно, дать точного названия статуса употребляемого языка.

Мы хто пишемся-то? Русски? – спрашивает мужа. Пишемся мы на паспорте эвенки. Торгоконский сельсовет был в то время. Когда паспорта начали выдавать, сельсовет нас записал эвенками. Эвенки... Каки мы эвенки! Вообще ни одного слова не знам! Всяко нас называют... Тунгусы, хамниганы. Мы же ни русски, ни буряты. Так и отошли. Там жили по-русски говорили. Сюды приехали бурятами стали. «Хамни-ган!» – кто кликнет. Ладно. «Бурят!» – кто кликнет. Ладно. Мы щас кто? *Хамнигадуд* (пер.: хамниганы) называемся? Но мы ни туда и ни сюда. Таких людей навалом. *Бурядаар?* (пер.: по-бурятски?) Они по-своему говорят. А если мы скажем? У нас уже не то, не то. А я по-своему говорю. Все равно понимают буряты. Так и выросли, что понять не можем. Обычаи мы не знам. *Хамнигадуд* (пер.: хамниганы) они против бурят разны обычаи. Кузьма-то при матери рос. Можя знат чо. Мать-то имя всё время наказывала по-своему /А у меня нету родных. *Хамниганайл ухибуун юмбидаа*// (пер.: наверное, и я дочь хамнигана)/

Другие примеры экспликации диффузии идентичности:

Кто не понимал нас раньше, те и называли нас так. *Хамнигадуд* (пер.: хамниганы), тунгусы *гэдлэ* (пер.: называли). Щас уже некоторые не считают хамниганами себя. Го-воят тунгусЫ мы. Недавно слышала по телевизору. Чисто говорят, как мы. Я ещё по-думала: Вай, *ямар манадуд чинде* (пер.: как мы разговаривают). *Бидэ хамнигадуд* (пер.: мы хамниганы), есть щас кыринские хамниганы, борзински, ононски *гэдлэ* (пер.: называются) навалом

всяких. Мы-то вообще разные. В Пасху верим. Вербеники отмечаем. В Нерчинск ездили. Там церква была. Так-то старинный город. *Эндэ дасан* (пер.: здесь дацан). В Агинском церква есть. А шас в дацан ходим. Лишь Бог понял нас.

Мы-то уже не крещёны, родители наши крещёны. Меня Мироном зовут. Обычай? А мы кого! Мы уже русски. Ичиги раньше были. Шептупы назывались. Ремнями завязаны. Северны народы носили. Я первый раз в Шилку поехал *подвязкатэ* (пер.: с подвязками) Гутул завяжем. Ой, русски дразнили нас. В Талаче есть хамниганы. Есть. Но они уже русски.

В интервьюировании представителей группы наблюдается устойчивость доминанты территориальной и культурной дифференциации своей группы от другой, иной.

Они вот други уже хамниганы. Мы-то шилкински. Кырински-то хамниганы, они как бы сонголы, а мы, шилкински, больше говорим когда, на «ч» отдаётся больше. Мы другие были. А так ничего другого не было. *Тоорихэн галуунуд шэнги* (пер.: как затерявшиеся гуси). Хамниган тоже *тижэ кэлэкэ* (пер.: так скажет) *бурядаар* (пер.: по-бурятски) не принимали, *хамниганаар* не знам путём. А будто бы всё также, а речь идёт другая. А всё равно други мы. *Хамниган муноо буряад болоно*, (пер.: хамниганы буря-тами становятся), *буряадхамниган болно* (пер.: бурят хамниганом становится) *тигээдлэ ябналдида* (пер.: так и живём).

«Местечковая», сублокальная дифференция проявляется в следующих текстах:

Дэлюн деревня была сАма хамниганска, раньше колхоз «Шэнэ байдал» по-хамнигански назывался. И потом соединение колхозов началось. Соединили сначала одну деревню. Перва Ульяновка *гэджэ* (пер.: называется) хохлы там жили. Друга деревня – кацапы, третья – мордва. Одна деревня была, Хи́ла называлась. Гураны там жили. Русски так их называли их. Не-е-е, не нас. *Нэгэл бичикин деревня* (пер.: одна ма-ленькая деревня). Пошто-то их так называли. Дэлюнских хамниган-то там мало было. Потом стали колхозы появляться, хамниганы с Талачи, с Торгокона приехали. Так в Дэлюне все хамниганы собрались. Одно время деревни соединяли. Соединят, вот и возись. *Тоорихэн галуунуд шэнги, хамниган тоже тижэд кэлэкэ* (пер.: «как затерявшиеся гуси», хамниганы тоже так говорят).

Ещё одной характеристикой культурной диффузии являются примеры переключения или смешения языковых кодов: русского, бурятского языков и говора шилкинских хамниган. В приведённом примере при переключении кодов используются русский, бурятский языки, отдельные лексемы говора шилкинских хамниган. В известной работе (Tabouret-Keller, 1985, с. 202) в отношении языка вводятся понятия «сфокусированности» и «диффузности». В

отношении данной группы можно говорить о «диффузности» языкового сознания.

Важнейшим признаком этнической идентификации, характеризующим состояние диффузии идентичности, является амбивалентность и неопределённость системы родства, незначительная степень сохранности элементов традиционной системы родства шилкинских хамниган.

Семён Данилович нашего дедушку *нагацо* (пер.: брат матери) звал. Это же больша родня. Чисто по крови идёт. Семён Данилыч... Как с войны пришёл, помню... Он сразу к нам приехал. Дедушка ещё живой был. Но потом меня увидел. – Это кто приехал? Это Семён, говорит, приехал! Выскочил. Обнимаются. Цалуются. Меня увидел когда, говорит: Эй ты, Кузьма! Вот тебе коня говорит. На, говорит, ухаживай! Ой, я обрадовался. Ой, сяду на него! Ой, пацаны за мной бегают. Японский конь рыжий, высоко-о-о-кий. В Делюн он приехал с войны. Жил-то в Нижнем Стане. Ой, неделю гуляли в Дэлюне. Потом поехал домой, туды, в Нижний Стан. Председатель пять-шесть мешков овса нагрузил коню-то, уехал. Ой, я смотрю, ордена! Ордена-то не видал. Но и потом рядом сяду, держу их. Они тяжёлы же, руками потрогаю. Када он спать лег, о, я одел их, погоны его. Семен Данылыч всё песню пел. Напьётся, всё время эту песню пел: «*Ундэр хадын дабаанда, хандагэй бугонь увро тавья*» (пер.: на высокой горе лось развесил свои ветвистые рога) – вот так вот пел и плакал сильно. И чо-то запомнилось мне это... .

В вышеприведённом тексте приводится пример использования термина родства, воспоминания об известном снайпере, герое Великой Отечественной войны С. Д. Номоконове, дяди информанта по материнской линии. Используемые наименования родственной ветки, термин родства – приняты у монголоязычных народов; названия родов – хамниганские. И, тем не менее, доминантной тенденцией является стремление членов данной локальной субэтнической группы к сохранению своей этнической самоидентификации на основе родоплеменной идентификации. Они пытаются сконструировать названия собственных родов по аналогии с родами ононских хамниган или хоринских бурят.

Мой-то *омог* (пер.: род). *Бидэ кын бишбди?* (пер.: Мы кто? Какого рода?) Сара-дул? Кэн? (пер.: кто?) А мой-то род? *Посогот?* Вообще, *тэрэ боо бэйхан*. (пер.: это был шаман). Его имя это было. *Омог болгоод* (пер.: название роду дали по его имени). Его имя брали. Шаманка так сказала нам, *угэче* (пер.: сестра) его, это сестренница. *Эгшиэ* это по-бурятски. Отцовский *абгай* (пер.: брат отца)

по-хамнигански. *Нагацо гэхэдэ кэни гэнэб? Нагацо-мамын акэй* (пер.: брат матери), материн брат.

В целом, реликты родного языка функционируют в семейно-бытовой сфере и в среде представителей старшего поколения. Основным языком общения внутри группы является русский язык.

В детстве мы вообще не разговаривали на своём. Дети. Они только понимают по-хамнигански. И по-бурятски знают. Уже свой язык они забыли. Всё по-русски. Кузьма-то *бабушкатай бэйһан* (пер.: жил с бабушкой). Бабушка Степанида недавно наша умерла. Он должен был, Кузьма говорить. Тоже никого ни бум-бум.

Проживание среди родственного в языковом отношении бурятского народа способствовало сохранению говора хамниган, который испытывает влияние со стороны бурятского языка. В качественном отношении говор шилкинских хамниган испытывает влияние русской и бурятской культуры, что проявляется в переключении и смешении кодов. При постоянном и одновременном использовании двух языков наблюдается перманентное переключение кодов, носители перестают различать используемые коды [7].

Как выше сказано, основная коллизия проблемы изучения феномена самоидентификации шилкинских хамниган заключается в том, что они идентифицируют себя в качестве тунгусов, однако по признакам внешней идентификации в справочной литературе, в монголоведческих исследованиях их называют хамниганами [10]. При этом, согласно официальной переписи населения России, они фиксируются как эвенки [перепись по округу]. В силу обозначенных причин они не могут знать и, соответственно, дать точного названия для своего идиома. Автор статьи считает, что есть насущная потребность в разведении процессов идентификации и в доверии к этой группе, к их результатам самоидентификации. Осознание человеком культурных норм, образцов поведения, языка, в понимании своего «я» с позиций общепринятых культурных характеристик, в самоотождествлении себя с культурными образцами определённого этноса составляет суть культурной идентичности.

Можно отметить у членов данной локальной субэтнической группы при сильной диффузии идентичности стремление обратиться к ценностям материнской идентичности, в данном случае – тунгусской, и попытки акцентуации поисков и важности этнической самоидентификации. Специфика амбивалентности

и поиска этнокультурной идентичности в процессах самоидентификации группы находится в языковом сознании. Связь диффузии и ассимиляционных процессов приобретает особую остроту на фоне наличия факта поведенческих предпочтений в мультикультурных обществах трансграничья: от политического влияния до индивидуального поиска духовных ценностей коллективного и изменения идентичности в пост-советских мультикультурных обществах с попытками построения метисной, региональной идентичности (гураны, казаки и т. д.).

Наличие диффузии этнокультурной идентичности в обществах с сильным ассимиляционным влиянием детерминировано не столько отдельными факторами, сколько факторным набором. Ассимиляционный фактор, сочетаясь с некоторыми иными факторами, может оказывать углубляющее воздействие на диффузию, в зависимости от сочетания с этими иными факторами. К факторам, повлиявшим на характер самоидентификации исследуемой группы, следует отнести роль государственной статистики и переписи населения, экономические факторы предпочтений этнической идентичности (представители эвенкийской национальности раньше уходят на пенсию, имеются и другие преференции).

При наличии внутригрупповой мобилизации на основе наличия коллективной идентичности старорусского населения Монголии формируются стратегии на сохранение этнической, языковой, культурной идентичности. Данную поведенческую стратегию адаптации сублокальной группы к ассимиляционным процессам мы опишем на примере поведения русского старожильческого населения современной Монголии.

В современной Монголии на постоянной основе проживают около пяти тысяч русских. В целом, имеются две категории русских Монголии: русские старожилы («местнорусские») и «специалисты», появившиеся в разные периоды российско-монгольских экономических отношений. В настоящее время на фоне увеличивающегося количества россиян, проживающих в Монголии, первые составляют своеобразное ядро русской диаспоры, выполняющее функции культурного медиатора. По данным 2008 г., численность русской диаспоры составляла 965 чел., студентов – 693, командированных специалистов – 1793 [38]. Соотечественники, постоянно проживающие в Монголии, объеди-

нены там одним словом – орос, что в переводе с монгольского языка обозначает «русский, российский». Это потомки забайкальских казаков, старообрядцев, крестьян, исконно проживавших на приграничных территориях России и Монголии. Сложившаяся практика именования данной группы как «местнорусские» выделяет русских старожилов Монголии от остальных представителей русской диаспоры, в определённой степени отражая их исконность. В Монголии данная группа называется местны орос, нутгийн орос, т. е. отечественные русские. Кроме того, в советский период с подачи социалистической идеологии русские старожилы назывались «семёновцами», монголами цагантанууд, т. е. белые или белоэмигранты. Основной проблемой данной группы на протяжении всей её истории в условиях инокультурного окружения является постоянная угроза утраты русского старожильчества.

Представителей русской общины Монголии в основном составляют потомки трёх миграционных волн из приграничного с Монголией территории Забайкалья. Первая переселенческая волна связана с поражением Белого движения в Забайкалье в 1920–22 гг. и уходом в монгольские лесостепи части иркутских и забайкальских казаков, обживавших Северную и Восточную Монголию ещё с конца XIX века. Как известно, большинство из казаков 1-го и 2-го Верхнеудинских полков Забайкальского казачьего войска в 1912–1915 гг. проходило действительную службу в Западной и Центральной Монголии, в Урге, Кобдо, Улясутае, Маймачене. Согласно монгольским источникам, около четырёх тысяч человек из пятитысячного анклава русских колоний, уцелевших в годы гражданской войны в 1920–1921 гг., после установления народно-революционной власти в Монголии выехало в начале 20-х гг. в Маньчжурию, США, часть его вернулась в Россию. Вторая волна переселенцев связана с деятельностью советско-монгольских золотодобывающих концессий, развернувшихся в бассейне реки Еро. Известно, что около четверти всех приисковых наёмных рабочих составляли жители приграничной полосы.

Сегодня потомки русских старожилов Монголии являются в большинстве своём гражданами России, определяют себя как россияне и признают Россию своей исторической родиной. Представители данной группы не только

адаптировались к новой культурной среде, но и сумели успешно интегрировать в современное монгольское общество. Так, среди потомков русских старожилов много образованных успешных людей, получивших признание в Монголии и за её пределами (В. И. Маслов, А. М. Матвеев, И. А. Брилев, В. А. Дунаев и др.).

В статье мы попытались выявить факторы обеспечения устойчивости этноидентификации и условия сохранения определённой группой устойчивости этнической идентичности.

Длительное пребывание этнической общности людей за пределами их происхождения в иноэтническом окружении акцентирует определённые инструменты культурной и этнической мобилизации, одним из основных признаков которой является культурная пропаганда ценностей русской культуры. Одновременно с этим происходит накопление опыта межкультурной коммуникации, осуществляющейся при наличии языкового многообразия как воплощения неповторимости каждого индивида, группы. Другим не менее важным признаком этнической мобилизации на основе культурной идентичности является формирование образа русского мира, образа русского жизнеустройства. Особенно репрезентативен данный тезис в отношении культуры русского старожильского населения. Поскольку культура как система, погружённая во внешний для неё мир, втягивает этот мир в себя и выбрасывает его переработанным по структуре своего языка (Ю. Лотман), то основным культурным медиатором культурной идентичности выступает состояние языка.

Языковой признак является ключевым для идентификации и определения её специфики. Полагаем, что другие признаки, в частности национальная и культурная идентичность, при всей своей важности должны быть рассмотрены в связи с этим фундаментальным признаком. Именно язык задаёт определённые рамки «Русского мира», в рамках которого происходит кристаллизация диаспоры. Доминирующий монгольский язык, являясь языком основного населения Монголии, отчасти определяет ментальные модели языкового сообщества, основанные на определённых социальных репрезентациях, имеющие субъективный характер и автоматически отражающиеся в языке, в создании и восприятии всех речевых продуктов. Зачастую эти социальные репрезентации носят стереотипный характер. Как известно, в языке задействованы стратегии и интенции, стереотипы, установки

и этнические ролевые ожидания. Именно состояние русского языка, задействованного в активный оборот речи русских старожилов, отражает процессы этнической идентификации в направлении обретения устойчивости внутри сообщества. В русле сказанного акцентируется исследовательский интерес к особенностям функционирования русского языка в Монголии.

Основная специфика русской речи в среде потомков русских старожилов заключается «в отсутствии какой-либо специфики», если рассматривать случаи переключения кодов естественным явлением в данной языковой ситуации. Более того, по мнению самих представителей данной группы, их русская речь «более чистая», чем речь «специалистов»: «меньше слов-паразитов», жаргонной лексики. Общение с приезжими специалистами приносят в него некоторые черты современного просторечия. Как показывают исследования в различных уголках земного шара, наблюдается «достаточно единообразная картина особенностей речевого поведения в ситуации доминирования другого языка» [30, с. 34]. В речь активно включаются слова из языка страны проживания, независимо от степени владения этим языком. Например, *пойду в гуанзушку*. Возможно использование иноязычной лексики в целях языковой игры: *пойду-ка выброшу хок*. Или: *Бабы, пошли цыврлить!* В предложении: *Ну, опять пошёл по алям! лексема «айл»* в переводе с монгольского языка обозначает «чья-то семья» употребляется с шутливой неодобрительной коннотацией. С подобной коннотацией зафиксировано употребление лексемы «*хаматан-сатан*» в значении «понаехали родственники». К числу наиболее характерных черт русской речи информантов являются примеры переключения кодов. Например, *майханы взяли?* Естественное переключение кодов также наблюдается в речи юных представителей исследуемого языкового сообщества: *Монгольский я хорошо понимаю/только иногда затрудняюсь/ когда общаюсь с ребятами с худона //А так всё понимаю, что они говорят//* (Сундуева, 2012).

Иноязычное слово употребляется как полноправный элемент русского текста, без перевода его на русский язык. Подвергаются влиянию, прежде всего, те явления русского языка, которые можно считать наиболее удалёнными от центра системы, наиболее пе-

риферийными. В целом можно отметить, что явления, присущие русской речи соотечественников, не стали причиной для утраты литературного узуса благодаря языковой политике Монголии. Изучение русского языка в качестве обязательной дисциплины в учебных заведениях Монголии в социалистический период не только стало основой широкого его распространения в Монголии, но и во многом способствовало его сохранению в среде русских эмигрантов. Сужение функций русского языка в условиях инокультурного окружения не сводилось до уровня семейно-бытового общения. По данным русистов Монголии, русский язык выполнял в монгольском обществе различные функции: языка научно-технической литературы, языка межнационального общения, а также образовательную функцию [41, с. 6]. Таким образом, политика монгольского государства по отношению к русскому языку благоприятствовала сохранению русского языка. Старожилы, постоянно проживающие в Монголии, несмотря на длительное проживание в инокультурном окружении, сумели сохранить свой Русский мир. Сохранению русского языка благоприятствует любовь к России, живой интерес к её истории, к истории своей семьи. Как видим, потеря отдельных функций языка, что неизбежно в сложившихся условиях, не привела к потере духовной самобытности и национальной культуры. Напротив, устойчивость диаспоры к ассимиляции как ещё одна её непреложная отличительная черта достигалась существованием некоего стержня, которым и послужил русский язык.

Известно, что язык, наряду с национальной идеей, исторической памятью, религией, сохраняет, сплавивает этническую общность и не позволяет ей раствориться в иноэтнической среде.

Таким образом, культурно-географический анализ позиционирования локальных субэтнических групп в условиях трансграничья Байкальского региона, выполненный на основе социолингвистического подхода, выявил наличие двух стратегий определения идентичности этносов и локализации в культурно-географическом пространстве трансграничья. Данными стратегиями являются диффузия идентичности и сохранение этнической идентичности в условиях инокультурного влияния на основе этнической мобилизации и внешнего патернализма.

Список литературы

1. Алексеев Д. А. Диалекты бурят-монгольского языка // Учёные записки ЛГУ. 1949. С. 199.
2. Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с.
3. Аргудяева Ю. В. Русские казаки в Трехречье // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: Исторический ракурс и современные оценки: материалы междунар. науч. конф. 22–27 нояб. 2012 / отв. ред. М.В. Константинов. Чита: ЗабГГПУ, 2012. С. 125–135.
4. Бернюкевич Т. В. Место буддийского образования в воспроизводстве буддийского типа личности // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. 2012. № 5. С. 15–22.
5. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка. СПб., 2004. 334 с.
6. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., Швайцер П. Русские старожилы в Сибири. М., 2004.
7. Головкин Е. В. Языковые изменения и конструирование групповой идентичности // Вестник молодых учёных. 2001. Т. 4. Филологические науки. № 1. С. 3–10.
8. Гомбоева М. И., Дашидоржиева Б. В. Лакуна в условиях трансграничного взаимодействия // Гуманитарный вектор. 2012. № 3-3. С. 145–151.
9. Грунтов И. А. Очерк грамматики хамниганского языка // Языки Российской Федерации и соседних государств: энциклопедия.
10. Дамдинов Д. Г. Аборигены Восточного Забайкалья. Улан-Удэ, 2005. 116 с.
11. Дамдинов Д. Г. Западно-монгольские черты в говоре ононских хамниган // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. 1975. С. 150–161; О, прародина монголов. Улан-Удэ, 2005. С. 57–67.
12. Дамдинов Д. Г. К вопросу о происхождении ононских хамниган // Из истории народов Бурятии. Улан-Удэ, 1962. С. 169–178; О, прародина монголов. Улан-Удэ, 2005. С. 5–16.
13. Дамдинов Д. Г. О диалектной основе старописьменного монгольского языка // О, прародина монголов! Улан-Удэ, 2005. С. 160.
14. Дамдинов Д. Г. О конных тунгусах Восточного Забайкалья // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 138–139; О, прародина монголов. Улан-Удэ, 2005. С. 28–30.
15. Дамдинов Д. Г. Предварительные данные о языке хамниган Чи-тинской области // Краткие сообщения БКНИИ. Вып. 4. Улан-Удэ, 1962. С. 128–137; О, прародина монголов. Улан-Удэ, 2005. С. 16–28.
16. Дамдинов Д. Г. О предках рода Гантимуровых. Чита, 2005. 93 с.
17. Дамдинов Д. Г. Ононские хамниганы (историко-этнографический очерк). Улан-Удэ, 1993. С. 9–22.
18. Дамдинов Д. Г. Улигеры ононских хамниган / сост. Д. Г. Дамдинов; под ред. Л. Д. Шагдарова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд. 1982. 272 с.
19. Зарубин С. М. Трубка снайпера. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980.
20. Идеи в культурологии XX века: сб. обзоров // РАН ИНИОН. М., 2000. 180 с.
21. Кириллов И. И. Сквозь мглу тысячелетий и веков. Рассказы археолога о забайкальских древностях // Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2011. 140 с.
22. Константинов А. В. История Забайкалья: с древнейших времен до 1917 года / А. В. Константинов, Н.Н. Константинова; ЗабГГПУ. Чита, 2002. 248 с.
23. Крылов М. П. Категория «идентичность» в контексте проблемы приграничья // Мир психологии. 2012. № 1. С. 137–151.
24. Лиштованный Е.И. От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. Иркутск, 2007.
25. Любимова Л. М. Этнические аспекты языковой политики // Материалы международной научной конференции «Прошлое и настоящее Северной Азии». Южная Корея. Gyeongsang National University. 2008. С. 210–217.
26. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-традиция, 2006. 408 с.
27. Новиков А. Н. Трехединые трансграничные регионы: симметрия территориальной организации населения и хозяйства // Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2013. Т. 1. № 48. С. 171–178.
28. Платонов Ю. П. Народы мира в зеркале геополитики (структура, динамика, поведение). СПб.: СПбГУ, 2000. 402 с.

29. Позиционирование территорий Байкальского региона в условиях трансграничья. Новосибирск: Наука, 2012. 426 с.
30. Рогова А. С. Особенности языкового поведения русскоязычных иммигрантов в русско-норвежском приграничье // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 27–35.
31. Сосорбарамын Эрдэнэмаам. Функционирование русского языка в Монголии: автореф. дис. М., 1995. 22 с.
32. Социоллингвистика и социология языка: хрестоматия / отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 588 с.
33. Сундуева Д. Б. Русская языковая личность в культурном пространстве Монголии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 11. С. 117–121.
34. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии // Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. 544 с.
35. Тогтохбаярын Цэцэгма. История образования русской общины в Монголии // Россия – Монголия: история и современность, перспективы сотрудничества: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. 2009. С. 92–99.
36. Тогтохбаярын Цэцэгма. Социоллингвистическое исследование русско-монгольского двуязычия русской диаспоры г. Улаанбаатара: автореф. дис. Улаанбаатар, 2004. 22 с.
37. Уварова Т. Б. Нерчинские эвенки в XVII–XX веках. М.: ИНИ-ОН РАН, 2004. 164 с.
38. Ургинские ведомости. 2008. № 10–11. С. 3.
39. Шмелёв А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
40. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980. 471 с.
41. Эрдэнэмаам Сосорбарамын. Функционирование русского языка в Монголии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 23 с.
42. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996.
43. Tabouret-Keller. Acts of Identity: Creole-based Approaches to Ethnicity and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

References

1. Alekseev D. A. Dialekty burjat-mongol'skogo jazyka // Uchjonye zapiski LGU. 1949. S. 199.
2. Anisimova A. A., Echevskaja O. G. Sibirskaja identichnost': predposylki formirovanija, konteksty aktualizacii. Novosibirsk: NGU, 2012. 176 s.
3. Argudjaeva Ju. V. Russkie kazaki v Trehrech'e // Prigranichnoe sotrudnichestvo i vneshnejekonomicheskaja dejatel'nost': Istoricheskij rakurs i sovremennye ocenki: materialy mezhdunar. nauch. konf. 22–27 nojab. 2012 / отв. ред. M. V. Konstantinov. Chita: ZabGGPU, 2012. S. 125–135.
4. Bernjuevich T. V. Mesto buddijskogo obrazovanija v vosproizvodstve buddijskogo tipa lichnosti // European Social Science Journal = Evropejskij zhurnal social'nyh nauk. 2012. № 5. S. 15–22.
5. Vahtin N. B., Golovko E. V. Sociolingvistika i sociologija jazyka. SPb., 2004. 334 s.
6. Vahtin N. B., Golovko E. V., Shvajcer P. Russkie starozhily v Sibiri. M., 2004.
7. Golovko E. V. Jazykovye izmenenija i konstruirovanie gruppovoj identichnosti // Vestnik molodyh uchjonyh. 2001. T. 4. Filologicheskie nauki. № 1. S. 3–10.
8. Gomboeva M. I., Dashidorzhieva B. V. Lakuna v uslovijah transgranichnogo vzaimodejstvija // Gumanitarnyj vektor. 2012. № 3-3. S. 145–151.
9. Gruntov I. A. Oчерк grammatiki hamniganskogo jazyka // Jazyki Rossijskoj Federacii i sosednih gosudarstv: jenciklopedija.
10. Damdinov D. G. Aborigeny Vostochnogo Zabajkal'ja. Ulan-Udje, 2005. 116 s.
11. Damdinov D. G. Zapadno-mongol'skie cherty v govore ononskih hamnigan // Problemy altaistiki i mongolovedenija. Vyp. 2. 1975. S. 150–161; O, prarodina mongolov. Ulan-Udje, 2005. S. 57–67.
12. Damdinov D. G. K voprosu o proishozhdenii ononskih hamnigan // Iz istorii narodov Burjatii. Ulan-Udje, 1962. S. 169–178; O, prarodina mongolov. Ulan-Udje, 2005. S. 5–16.
13. Damdinov D. G. O dialektnoj osnove staropis'mennogo mongol'skogo jazyka // O, prarodina mongolov! Ulan-Udje, 2005. S. 160.
14. Damdinov D. G. O konnyh tungusah Vostochnogo Zabajkal'ja // Problemy jetnogeneza narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Novosibirsk, 1973. S. 138–139; O, prarodina mongolov. Ulan-Udje, 2005. S. 28–30.

15. Damdinov D. G. Predvaritel'nye dannye o jazyke hamnigan Chi-tinskoj oblasti // Kratkie soobshhenija BKNII. Vyp. 4. Ulan-Udje, 1962. S. 128–137; O, prarodina mongolov. Ulan-Udje, 2005. S. 16–28.
16. Damdinov D. G. O predkah roda Gantimurovyh. Chita, 2005. 93 s.
17. Damdinov D. G. Ononskie hamnigany (istoriko-jetnograficheskiy ocherk). Ulan-Udje, 1993. S. 9–22.
18. Damdinov D. G. Uligery ononskih hamnigan / sost. D. G. Damdinov; pod red. L. D. Shagdarova. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd. 1982. 272 s.
19. Zarubin S. M. Trubka snajpera. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1980.
20. Idei v kul'turologii XX veka: sb. obzorov // RAN INION. M., 2000. 180 s.
21. Kirillov I. I. Skvoz' mglu tysjacheletij i vekov. Rasskazy arheologa o zabajkal'skih drevnostjah // Zabajkal. gos. gum.-ped. un-t. Chita, 2011. 140 s.
22. Konstantinov A. V. Istorija Zabajkal'ja: s drevnejshih vremen do 1917 goda / A. V. Konstantinov, N.N. Konstantinova; ZabGGPU. Chita, 2002. 248 s.
23. Krylov M. P. Kategorija «identichnost'» v kontekste problemy prigranich'ja // Mir psihologii. 2012. № 1. S. 137–151.
24. Lishtovannyj E.I. Ot velikoj imperii k demokratii: ocherki politicheskoy istorii Mongolii. Irkutsk, 2007.
25. Ljubimova L. M. Jetnicheskie aspekty jazykovoj politiki // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Proshloe i nastojashhee Severnoj Azii». Juzhnaja Koreja. Gyeongsang National University. 2008. S. 210–217.
26. Mezhuev V. M. Ideja kul'tury. Ocherki po filosofii kul'tury. M.: Progress-tradicija, 2006. 408 s.
27. Novikov A. N. Triedinye transgranichnye regiony: simmetrija territorial'noj organizacii naselenija i hozjajstva // Uchjonye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo. 2013. T. 1. № 48. S. 171–178.
28. Platonov Ju. P. Narody mira v zerkale geopolitiki (struktura, dinamika, povedenie). SPb.: SPbGU, 2000. 402 s.
29. Pozicionirovanie territorij Bajkal'skogo regiona v uslovijah transgranich'ja. Novosibirsk: Nauka, 2012. 426 s.
30. Rogova A. S. Osobennosti jazykovogo povedenija russkojazychnyh immigrantov v russko-norvezhskom prigranich'e // Voprosy jazykoznanija. 2010. № 4. S. 27–35.
31. Sosorbaramyn Jerdjenjemaam. Funkcionirovanie russkogo jazyka v Mongolii: avtoref. dis. M., 1995. 22 s.
32. Sociolingvistika i sociologija jazyka: hrestomatija / otv. red. N. B. Vahtin. SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2012. 588 s.
33. Sundueva D. B. Russkaja jazykovaja lichnost' v kul'turnom prostranstve Mongolii // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 11. S. 117–121.
34. Tishkov V. A. Rekvem po jetnosu: issledovanija po social'no-kul'turnoj antropologii // In-t jetnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaja. M.: Nauka, 2003. 544 s.
35. Togtohbajaryn Cjecjegma. Istorija obrazovanija russkoj obshhiny v Mongolii // Rossija – Mongolija: istorija i sovremennost', perspektivy sotrudnichestva: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2009. S. 92–99.
36. Togtohbajaryn Cjecjegma. Sociolingvisticheskoe issledovanie russko-mongol'skogo dvujazychija russkoj diaspory g. Ulaanbaatara: avtoref. dis. Ulaanbaatar, 2004. 22 s.
37. Uvarova T. B. Nerchinskie jevenki v XVII–XX vekah. M.: INI-ON RAN, 2004. 164 s.
38. Urginskie vedomosti. 2008. № 10–11. S. 3.
39. Shmeljov A. D. Russkij jazyk i vnejazikovaja dejstvitel'nost'. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 496 s.
40. Jeliasov L. E. Slovar' russkih govorov Zabajkal'ja. M.: Nauka, 1980. 471 s.
41. Jerdjenjemaam Sosorbaramyn. Funkcionirovanie russkogo jazyka v Mongolii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1995. 23 s.
42. Jerikson Je. Identichnost': junost' i krizis / per. s angl.; obshh. red. i predisl. A. V. Tolstyh. M.: Progress, 1996.
43. Tabouret-Keller. Acts of Identity: Creole-based Approaches to Ethnicity and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Статья поступила в редакцию 05.05.2013 г.

**Требования к статьям,
публикуемым в научном журнале
«Учёные записки ЗабГУ»**

Редакция принимает не опубликованные ранее материалы объёмом до 1 п.л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в жанрах:

Жанр	Минимальный объём
Статья (<i>теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором</i>)	0, 5 п.л. (<i>20 000 знаков</i>)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п.л. (<i>12 000 знаков</i>)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п.л. (<i>8 000 знаков</i>)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Печатный и электронный вариант статьи на CD и других носителях. В имени файла и на электронном носителе указывается фамилия автора и название статьи. Печатный вариант статьи обязателен (белая бумага, формат А 4). Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.

2. Договор на оказание услуг – в 2 экземплярах.

3. Рецензия на статью – внешний отзыв, заверенный печатью.

4. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, если автор статьи – аспирант, соискатель учёной степени кандидата наук.

5. Личная карточка автора – сведения об авторе /авторах.

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки (рубрика журнала)

Код: УДК и ББК

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языке. Количество соавторов в статье может быть не более 4.

Город

Страна

Название статьи приводится на русском и английском языке строчными буквами (не заглавными).

Аннотация (объём 100–250 слов) на русском и английском языке. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языке.

Основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники.

Список литературы даётся в алфавитном порядке, со сквозной нумерацией. Если в список входит литература на иностранных языках, она следует за литературой на русском языке.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Общие требования: формат А 4, ориентация книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2; левое и правое – 2,5. Шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный. Отступ первой строки 1,25. Текст без переносов, выравнивание по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи представить их в редакцию.

Статья должна быть со сквозной нумерацией. *На последней странице указывается*, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и подпись.

Рабочие языки: русский и английский.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р. 7.0.5 – 2008. Для каждого источника обязательно указывается место и год издания, общее количество страниц или номера страниц интересующего материала источника.

В тексте **ссылки** приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Комментарии и пояснения даются в виде концевых сносок (в конце текста). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация сплошная.

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения:

Слова на латинице набираются курсивом.

Единицы измерения отбиваются от символов и цифр, к которым они относятся.

Делать чёткое различие О (буквы) и 0 (ноль), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и») и т. д. Необходимо различать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

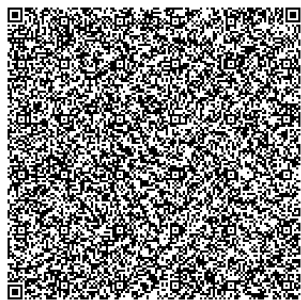
Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Чёрно-белые рисунки (графики, диаграммы – формат Excell, схемы, карты, фотографии) со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо (например: рис. 1). Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора / авторов и названия статьи. Размер рисунка 170x240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисовочные подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Материалы публикуются в авторской редакции. За точность содержания цитат и ссылок ответственность несут авторы.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, **отсылается по адресу:**

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129.

Забайкальский государственный университет для «Объединённой редакционной коллегии научных журналов ЗабГУ».

Редактор О. Ю. Гапченко
Вёрстка И. Н. Аргуновой
Дизайн обложки М. Р. Коптеловой
Редактор перевода В. М. Ерёмина

Подписано в печать 13.09.2013.
Формат 60×84¹/₈.
Гарнитура «Times New Roman».
Способ печати оперативный.
Усл. печ. л. 17,1. Уч. изд. л. 34,3.
Заказ № 09413. Тираж 1000 экз.

Забайкальский государственный университет
672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129

Managing editor O. Yu. Gapchenko
Make-up I. N. Argunova
Cover design M. R. Koptelova
Editor of the English Translation V. M. Eremina

Signed to print 13.09.2013.
Format 60×84¹/₈.
Headset «Times New Roman»
Operative printing
Conv. quires 17,1. Ed.-print quires 34,3.
Order № 09413. Circulation 1000 copies.

Transbaikal State University
672007, Chita, 129 Babushkin St.